

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ВЫСШАЯ ШКОЛА
ЭКОНОМИКИ

Аполлон Давидсон, Ирина Филатова

РОССИЯ И ЮЖНАЯ АФРИКА

три века связей

Издательский дом

Государственного университета — Высшей школы экономики

Москва, 2010

УДК 94(6)

ББК 63.5

P76

Рукопись подготовлена при поддержке
Научного фонда Государственного университета -
Высшей школы экономики,
индивидуальный исследовательский проект
№ 09-01-0033

Рецензент:
профессор *А. С. Балезин*

ISBN 978-5-7598-0720-9

© Давидсон А.Б., Филатова И.И.,
2010
© Оформление.
Издательский дом
Государственного
университета — Высшей
школы экономики, 2010

Содержание

Эта книга — зачем она?	7
До конца XVIII столетия	12
Ранние сведения	12
Сын «русского из Москвы» — губернатор Капской колонии.....	13
В «Космографиях» и «Географиях».....	13
Поразительные документы	16
Африканцы — генералы российской армии.....	17
Директор Ост-Индской компании — друг Петра.....	18
Замысел Петра	21
План Екатерины II.....	27
Первые россияне на мысе Доброй Надежды.....	30
Кронштадтец о Капстаде	32
Впечатления музыканта Герасима Лебедева.....	34
Знания русских о Южной Африке к исходу XVIII века.....	36
XIX столетие	44
Первое подробное русское описание Юга Африки	45
Гавань на полпути между Петербургом и Камчаткой.....	54
Обломов на Юге Африки.....	57
«Русские» — надежда народа коса.....	64
Очерки пером и карандашом	67
Кейптаун встречает сына русского царя	74
Эхо войн англичан с зулусами и бурами.....	77
Вождь народа пондо пишет русскому царю.....	81
Конец XIX и начало XX столетия	85
Могла ли Россия не заметить «схватки за Африку»?	85
Новая роль Южной Африки	89
Зулус — герой казахского эпоса.....	94
В Трансвааль — за опытом.....	96
Установление дипломатических отношений с Трансваалем.....	100
Россия и первая война XX века.....	104
<i>Англо-бурская война и правительство Николая II...</i>	114
<i>Англо-бурская война и российская общественность...</i>	119
<i>Эхо в нашей стране.....</i>	119

<i>Изучение</i>	133
<i>Эхо на Юге Африки</i>	141
Етазами африканерского поэта	154
Иммиграция из России.....	156
Южноафриканская писательница в России.....	170
Отклики на свержение царизма.....	190
СССР и Южная Африка	195
«Мы — южноафриканские большевики».....	195
Южноафриканцы в Гражданской войне в России.....	202
Коминтерн и Южная Африка.....	210
Во Второй мировой войне.....	236
<i>Накануне</i>	236
<i>Создание советского генконсульства</i>	248
<i>О военном сотрудничестве</i>	253
<i>Сталинград и Тобрук</i>	255
<i>Архангельск и Мурманск</i>	257
<i>Лучшему другу</i>	259
<i>Южноафриканская общественность</i>	263
<i>Южноафриканская кровь для советских раненых</i>	266
Судьба советского консульства.....	268
Южноафриканская литература в России.....	277
Русская литература в Южной Африке.....	284
Завершая повествование.....	292
Библиография.....	294
Именной указатель.....	321

*Памяти наших учителей —
тех, кто помогли нам искать путь к знаниям о дальних краях,
но сами так и не смогли побывать там.
Такие были времена...*

Памяти друзей на Юге Африки — они помогли нам понять их родину

Эта книга – зачем она?

Для этой книги мы собирали сведения о том, как нарастали связи и менялись взаимные представления у стран, расположенных в разных концах света.

Сегодняшний мир похож на большую коммунальную квартиру, и судьба каждой страны зависит от соседей - не только ближних, но и дальних.

С каждым годом жизнь человечества настолько усложняется, что трудно поспевать за переменами, осмысливать их. Безусловно одно: человечество сможет избежать гибельных катастроф, только если народы и государства научатся лучше знать и понимать друг друга: избавятся от стереотипов и предрассудков. Строить будущее можно не на горьких воспоминаниях о взаимных обидах и распрях, не на том, что разъединяет, а на том, что помогает объединению. Пол Крюгер, президент Трансвааля, больше ста лет назад сказал: «Ищите в прошлом доброе, прекрасное, – на этом и стройте будущее».

Мы не пытаемся делать какие-либо категорические выводы, тем более навязывать их читателю. Наша цель - дать пищу для раздумий о сложных и противоречивых путях, на которых складываются взаимные представления народов.

Пусть и на материале только двух стран.

* * *

«Южную Африку и Россию должно объединять будущее, - их не должны разъединять ни географическая отдаленность, ни прошлые заблуждения, ни политические мифы». Это слова из речи президента Южно-Африканской Республики Нельсона Манделы на открытии Центра российских исследований Кейптаунского университета 17 августа 1994 г.¹ Он посвятил речь взаимоотношениям России и ЮАР, сказал, что настало время «наводить мосты» между нашими странами, «развеивать мифы и объяснять людям прошлое». И

¹ Speech by President Nelson Mandela at the opening of the Centre for Russian Studies at the University of Cape Town // Russia in the Contemporary World. Proceedings of the First Symposium in South Africa at the Centre for Russian Studies, University of Cape Town. 17-19 August 1994. – Cape Town: Phoenix Publishers, 1995. – P. 5-6.

делать это должны как россияне, так и южноафриканцы.

Не всех государственных деятелей хочется цитировать. Но Манделу уважают во всем мире. Мало кто из политиков заслужил такой моральный авторитет. Просидев в лагерях и тюрьмах 27 лет и став президентом великого африканского государства, он призвал своих сограждан, черных и белых, забыть накопившиеся столетиями взаимные обиды, и строить будущее страны вместе. И всей своей жизнью подкреплял этот призыв. Пришел к прокурору, который приговорил его к пожизненному заключению, и просто сказал: надо строить будущее вместе.

Мы видели Манделу много раз. И то, что мы от него слышали, всегда вызывало уважение.

А в той речи он вспомнил и о первом российском корабле, оказавшемся на мысе Доброй Надежды еще в 1808 году. И о слухах среди африканских повстанцев в 1850-х: что с севера на помощь им придут “русские” (тоже бывшие с англичанами, в Крымской войне). Напомнил о российских добровольцах, помогавших Трансваалю в англо-бурской войне. И о поддержке Москвой борьбы против расизма на Юге Африки уже в XX столетии...

По-доброму отозвался и о нас, российских ученых: «...Профессор Аполлон Давидсон и его коллеги обладают прекрасными знаниями для того, чтобы определить реальную значимость и характер связей между двумя странами. У них есть личный опыт установления длительных связей нашего народа с Москвой. Многие политические замыслы, которые помогут развитию Южной Африки в грядущие десятилетия, были разработаны в советских университетах».

«Наведение мостов» стало возможно из-за крутых перемен в России и ЮАР на рубеже 1980-х – 1990-х. В те годы возникла, наконец, возможность глубже осознать те огромные перемены, что происходили во всем мире, но затушевывались мышлением холодной войны.

У Россия и ЮАР много общего, но многое их и разъединяет. Если эти две страны, отстоящие друг от друга на десять-двенадцать тысяч километров, смогут, на основе общего в прошлом, строить мосты для будущего, это ли не пример для всего сегодняшнего раздираемого противоречиями мира?

* * *

Мы оказались в ЮАР первыми из российских ученых. В течение нескольких десятилетий между нашими странами не было культурных и научных связей. В 1929-м два русских геолога побывали в Претории на Международном геологическом конгрессе. А затем приехали мы - в 1989-м. Через шестьдесят лет. И за три года до того, как Россия и ЮАР обменялись посольствами.

Потом мы провели в Южной Африке много лет. В Кейптауне, в Дурбане, в городах Трансвааля, в Грейамстауне.... Ирина Ивановна Филатова заведовала кафедрой всеобщей истории в провинции Наталь, в Университете Дурбан-Уэствил. Аполлон Борисович Давидсон был директором Центра российских исследований Кейптаунского университета.

Собирать документы и материалы для книги мы начали за много лет до поездки в ЮАР. В архивах и библиотеках Москвы и Санкт-Петербурга. В отечественной прессе. В частных архивах наших учителей и коллег. Беседовали с отечественными дипломатами в советском генконсульстве в Претории в 1940-х-1950-х. Южноафриканцы, общественно-политические деятели, политэмигранты, учащиеся советских вузов, делились с нами своими знаниями и идеями. А. Давидсон познакомился с первой большой группой южноафриканцев, приехавших в Москву еще в 1957 г. - на Всемирном фестивале молодежи и студентов. Встречались с политиками и деятелями культуры ЮАР, приезжавшими в СССР.

В ЮАР собирали документы во всех основных архивных хранилищах: Национальном архиве Южной Африки, Центре Майибуйе, в архивах Кейптаунского и Витватерсрандского университетов, Университета Южной Африки в Претории. Нам разрешили использовать многие частные архивы. Коллекции журналов, газет, брошюр, писем, листовок... Ну и, разумеется, устная традиция и личные впечатления, встречи. Говоря о них, мы иногда переходим на повествование от первого лица.

Чтобы опубликовать все собранные нами сведения, не может быть и речи. Их очень много. Мы отобрали важнейшие: от самых первых упоминаний о "Московии" на мысе Доброй Надежды и первых сведений о Мысе Доброй Надежды в русских рукописных "Космографиях". И то и другое относится к

середине XVII в.

А завершаем событиями середины XX в. Это время распада колониальной системы на Африканском континенте. В конце 1950-х провозгласили независимость первые колонии в Черной Африке. А 1960 г. вошел в историю как Год Африки - тринадцать африканских стран стали новыми государствами. Это привело к резкому обострению ситуации в Южно-Африканском Союзе (ЮАС), который в 1910-1960 гг. был доминионом Британской империи, а затем британского Содружества. В 1950 г. под давлением ужесточавшегося режима апартхеида самораспустилась компартия, а в 1960-м был запрещен Африканский Национальный Конгресс. Расстрел массовых демонстраций близ Йоханнесбурга и Кейптауна 21 марта 1960 г. вызвал такой резонанс во всем мире, что ООН объявила этот день Днем борьбы против расизма. ЮАС, опасаясь изгнания из Содружества, провозгласил себя суверенным государством – Южно-Африканской Республикой.

Все это отразилось на советско-южноафриканских отношениях. В 1956 г. власти ЮАС закрыли советское генконсульство, созданное в 1942 г. Дипломатические отношения России с ЮАР были восстановлены лишь в 1992 г.

В этой книге мы рассматриваем историю взаимных представлений и связей нашей страны со странами, которые одна за другой, оказались в составе ЮАС, а затем и с самим этим государством. Подводим к тому повороту, который произошел в середине XX в., когда наступил новый период в истории отношений нашей страны со странами Африки. Завершающие главы книги (“Русская литература в Южной Африке” и “Южноафриканская литература в России” выходят за эти временные рамки - разрывать их хронологически не только трудно, но и неправильно.

* * *

Географические и этнические названия, собственные имена и прочие термины, связанные с Югом Африки, не раз менялись и в зарубежной, и в отечественной литературе. Голландцы когда-то назвали главный город на южной оконечности Африки Капстадом. Так он именуется и сейчас на африкаанс - языке, вышедшем из голландского. Англичане, установив свое господство, стали именовать этот город Кейптауном. В русской же литературе его в разное время называли Капштадт-Капстад-Кейптаун. То же и с другой важной океанской гаванью у мыса

Доброй Надежды, Саймонстауном: его звали и Симонстадом, и Симанштадтом. В последние годы южноафриканские провинции и многие города были переименованы заново. Трансвааль стал Гаутенгом, Претория называется теперь Чване.

Что уж говорить о названиях африканских народов – колонисты и миссионеры называли их по своему усмотрению, сами они называли себя иначе, и современные ученые в попытках найти верные термины, до сих пор предлагают все новые и новые названия. Мы не даем подробных объяснений этих терминов и не унифицируем их, полагая, что из контекста и кратких расшифровок достаточно ясно, о чем или о ком идет речь. Объяснения ряда других понятий и терминов мы постарались дать в соответствующих разделах текста.

До конца XVIII столетия

... Достигши мыса Доброй Надежды,
возложить ему на себя орден
Святого Владимира 3 класса
Именной указ Екатерины II
17 апреля 1787 г.

Ранние сведения

Наша страна впервые упомянута в Южной Африке раньше, чем Южная Африка в России. Это не удивительно. Служащие Голландской Ост-Индской компании, оказавшиеся на мысе Доброй Надежды еще в 1652 г, должны были, конечно, хоть что-то знать или слышать о России.

Ост-Индская компания создала тогда станцию для заправки кораблей, плававших из Голландии к ее владениям в Азии – к Батавии (теперь - Джакарта), центру Голландской Индии, то есть Индонезии. Первым начальником этой станции директорат Компании назначил человека по имени Йохан (Ян) ван Рибек (1618-1677). Через несколько лет он стал первым губернатором Капской колонии (Колонии на мысе), как называли станцию.

Ван Рибек прибыл на мыс Доброй Надежды 6 апреля 1652 г. Этот день и считается датой рождения Капской колонии, которая, постоянно разрастаясь, дала начало нынешней Южно-Африканской Республике. А на месте, где была эта, как говорили тогда, “морская таверна” - на стыке океанов, Атлантического и Индийского - возник потом Капстад (Кейптаун).

Всего через пять месяцев, 13 сентября того же 1652 г., ван Рибек упомянул в своем дневнике слово «Московия».² В какой связи? Он писал, что ее жители охотятся на тюленей и используют их жир в самых разных практических целях.

Вероятно, он имел ввиду поморов и тюленевый промысел северных районов

² Journals of Jan van Riebeeck. Vol. I. 1651-1655. – Cape Town, Amsterdam: A.A. Balken, 1952. – P. 58.

нашей страны. Тюленей в южноафриканских водах было много, и ван Рибек предлагал использовать их жир.

Сын “Русского из Москвы” - губернатор Капской колонии

В 1737 г. губернатором Капской колонии стал Хендрик Свелленгребель. Он был первым губернатором, родившимся в самой колонии, а не присланным из Амстердама. Его отец, Йоханнес Свелленгребель, родился в Москве, в 1671 г., и прожил в России большую часть жизни. Даже в Южноафриканском словаре национальных биографий его называют “Русским из Москвы”. А дед переселился в Москву из Амстердама в 1643 г., занимался торговлей. В Москве и умер (в 1699 г.), прожив тут больше пятидесяти лет.³

Мы не нашли конкретных сведений о том, какие рассказы о Московии слышало кейптаунское общество от семьи Свелленгребелей. Но рассказы, несомненно, были: слишком уж тесно связана с Россией история этой семьи.

В “Космографиях” и “Географиях”

В “Московии” о Южной Африке упоминалось в западных “Космографиях”, которые переводились на русский язык в XVII в. и распространялись в рукописных списках.

Самым ранним был перевод в 1637 г. труда фламандца Герарда Меркатора “Книга, глаголемая Космография, сиречь всего света описание”. Это перевод обширных пояснений к общегеографическому Атласу Меркатора, изданному в Германии в 1590-1606 годах. Переводчик – Богдан Лыков «с товарищем», Иваном Дорном. Самые типичные русские списки: “Книга, глаголемая Космография, сиречь описание всего света земель и государств великих”. Или просто “Космография 1670 года”, “Космография в 76 глав” (хотя в разных списках разное число глав). Это свод, энциклопедия тогдашней географии, связанное изложение наиболее важных сведений из византийских, польских и западноевропейских источников.

³ South African Dictionary of National Biography / Ed. by E. Rosenthal. - London: F. Warne, 1966. - P. 369; Dictionary of South African Biography. Vol. II. - Cape Town: Tafelberg, 1972. - P. 726.

“Космография в 76 глав” была рукописным учебником для учеников московской Славяно-греко-латинской академии. Географические сведения в ней время от времени дополнялись. Ее читали даже при Петре I. Тогда она была уже иллюстрирована.

Глава об Африке называлась: “О третьей части земли, жребия Хамова, иже именуется Африка”. Далее читатель узнавал о восемнадцати странах и землях в Африке. «Страна вторая Ефиопия полуденная, и пространна, и велика. Цари разные, мало ж благочестивых христиан, нравы и веры разных вер. Под тою же землею и мурина земля». «Царство магдайское, стоит на едином острове на мори полуденном... Вера ж у них, служат солнцу и огню, прилежат звездочтению и волхвованию... Бе же остров человекоядцы нарицаемая на Фарсийском море. Человеческую и всяких зверей и скот плоти вкушают и кровь пьют. Диви ж и злонравны...». Это, по-видимому, о Мадагаскаре.

Южная часть Африки не выделялась как особая область “Черного континента”. Не выделялись она и в первой русской печатной географии: “География или краткое земного круга описание. Напечатано повелением царского величества в типографии московской. Лета господня 1710-го в месяце марте”. Об Африке там сказано весьма лаконично: «Земли и страны, обретающиеся в части сей сии, суть: Варвария, Египет, Биледун, Герид, Сарадуни, Ефиопия, Абиссини и Мономотата». Большинство этих названий не сохранилось, а те, что сохранились, не соответствуют нынешним. «Ефиопия» и «Абиссини», например, располагались там в разных частях Африки.⁴

Первая карта Африки была издана в России в 1713 г. «Всея Африки тщательнейшая таблица, нами исправно рассмотренная, многими местами умноженная, на части тако большие яко меньшие раздробленная». Африка испещрена здесь множеством коротеньких рек, впадающих в океаны, и хребтами бесконечных гор, изображенных коническими, одинаковой величины знаками.

⁴ Характеристика тогдашних европейских представлений об Африке и воспроизведение карт дано в главе “История исследования Африки” русского перевода фундаментального немецкого труда Ф. Гана “Африка”. - СПб., [1905] и в разделе “Географическое изучение Африки в России” (авторы – М.Б. Горнунг и И.Н. Олейников) коллективной работы “Изучение Африки в России (дореволюционный период)”. – М.: Наука, 1977.

Севернее Мадагаскара - «океан Восточный». Посередине «Екватор, или линия Равнонощная», южнее него Атлантический океан, названный «Ефиопским». По Ефиопскому и Восточному океанам плывут из Европы трехмачтовые, вырисованные до флагов и пушечных амбразур, корабли. Направляются они к «Капо Бона Есперанца», оттуда, огибая Мадагаскар, в Индию, потом в Новую Голландию, в Батавию.

В основу была положена карта, изданная в Амстердаме четырьмя десятилетиями раньше, около 1671 г. Составил ее Фредерик де Витт (1618-1698), основатель известной семьи голландских картографов. Как бы много ни было там ошибок (например, к востоку от острова Св. Елены помещен еще один - «новый остров Св. Елены»), все же это была одна из лучших карт Африки того времени.

Первые сведения о Южной Африке русские читатели получили из перевода немецкого учебника Иоганна Хюбнера (1668-1731):⁵

“Земноводного круга краткое описание из старья и новья географии по вопросам и ответам чрез Ягана Гибнера собранное и на немецком диалекте в Лейпцике напечатано. А ныне повелением великого государя царя великого князя Петра Первого всероссийского императора при наследственном благороднейшем государе царевиче Петре Петровиче на российском напечатано в Москве. Лета господня 1719, в апреле месяце”. Книга подробная, в русском переводе - 426 страниц.

Учебник Хюбнера был выбран не случайно. В Европе он был одним из самых общепризнанных пособий для изучения географии. В XVIII в. выдержал 36 изданий, общим тиражом по тем временам неслыханным: около 100 тыс экземпляров. Эта книга стала важным источником информации и для многих русских учебников географии XVIII в. Конечно, в духе времени, тогдашних представлений и предрассудков. Под рисунком, символизирующим Европу, стояло: «Сия трех частей [света] в мурости царица». А Африке предпослано: «Аще и под солнцем, но черна есть телом, паче же грубым и гнусным своим делом».

Южной Африке в этой книге посвящена глава: “Берег кафернской”. Вот ее

⁵ *Hubner Johann. Kurze Fragen aus der Alten und Neuen Geographie. - Leipzig, 1693.* Русский перевод - с издания, вышедшего в Лейпциге после 1711 г. (в тексте упомянуто венгерское восстание 1711 г.). Редактор - Я.В. Брюс.

полный текст:

«Земля кафернская, лат. Кафрерия, простирается по обеим сторонам носа, именуемого глава доброй надежды.

Люди, которые к западу при эфиопском море живут, оных городов не имеют и никакого короля не знают, но токмо скитаются везде в оной земле, и не многим лутче зверей, а наипаче что оных человеческое мясо жрут. В земле своей называются оныя готтентотен, а говорят языком подобно как у нас куры кричат.

А которые на другой стороне к востоку живут, оныя разделяются в несколько королевств, хотя и сие не гораздо лутче прежних.

Зофала королевство, под обороною португалскою. Протчие земли и королевства неудобопамятны суть.

А глава доброй надежды лежит весма в низу, и обычаино чрез то разумеется весь нос, или мыз в низу африки. В протчем тамо есть важная крепость под ведением голанским, и которая по правде за двери к восточной индии почтена быть может, когда прежде двух сот лет португалцы искали путя к восточной индии, пришли оные последи ко стране сеи. А понеже оныя принуждены были до прибытия к месту сему много бедств претерпеть, того ради с перва назвали они мыз или нос сеи капо торментозо, сиречь гора трудная или бедственная. Но как потом шасливо им там удалось, пременили они то имя, и назвали гора доброй надежды. Ибо тогда можно добрую надежду иметь ко прибытию в восточную индию, когда токмо до сего места кто достигнет».

В этом тексте отражены тогдашние европейские представления. В XVII веке Африка была для Запальной Европы мифической страной, а для России - тем более.

Сколько труда и таланта, сколько жизней ушло на создание моделей мира, которые кажутся теперь такими наивными. Нам трудно бывает понять, как это могли наши предки верить в очевидную для нас несуразицу. Будут недоумевать и наши потомки, рассуждая о нас. Но поддайся они соблазну отделить быль от небыли в нашем сознании, смогут ли тогда что-нибудь понять? Можно ли разубить надвое, на верное и неверное, узел человеческих представлений?

От каждой эпохи какие-то представления остаются, доходят до потомков. Другие исчезают, отжив свой срок, проваливаются в небытие. А не узнав их,

просто невозможно понять прошлое.

Поразительные документы

В Архиве внешней политики России есть фонд под названием: «Сношения России с Мадагаскаром, 1723 г.» (опись 65/2). И в нем такие дела:

«Отправление вице-адмирала Вилстера с несколькими офицерами Мясным и Кошелевым 1. к королю мадагаскарскому для склонения его быть в российском покровительстве и 2. в Ост-Индию к Моголу для убеждения его производить с Россией коммерцию».

«Грамота государя императора к королю мадагаскарскому о благосклонном принятии отправленного к нему адмирала Вилстера и о доверии к предложениям его».

«Полномочная и удостоверительная грамота государя императора Петра I, данная вице-адмиралу Вилстеру, капитану Мясному и капитан-порутчику Кошелеву о принятии в его государево покровительство мадагаскарского короля, позволяя ему жить в России и обещая всевозможным образом его защищать».

И письмо к «королю Мадагаскарскому»: «Божиею милостию мы, Петр Первый, император и самодержец всероссийский и проч., и проч., и проч., высокопочтенному королю и владетелю славного острова Мадагаскарского наше поздравление.

Понеже мы заблагорассудили для некоторых дел отправить к Вам нашего вице-адмирала Вилстера с несколькими офицерами: того ради Вас просим, дабы оных склонно к себе допустить, свободное пребывание дать, и в том, что они именем нашим Вам предлагать будут полную и совершенную веру дать, и с таким склонным ответом их к нам паки отпустить ж изволили, какого мы от Вас уповаем, и пребываем Вам приятель.

Дано в С.-Петербурге. Ноября 9 1723 года».

Мадагаскар – это не Южная Африка, но попасть туда можно было, только обогнув Мыс Доброй Надежды. Так что и к Южной Африке эти документы имеют прямое отношение.

Африканцы-генералы российской армии

Путешествия к берегам Африки были в XVIII в. привычными для европейцев, и Петр это знал. Об Африке Петру ему повседневно напоминала и внешность его любимца – Абрама Ганнибала, прозванного “Арапом Петра Великого”.

Жизнь Ганнибала неплохо известна. А вот тот факт, что в XVIII столетии в российской армии служили три генерала-африканца, помнят немногие. В отечественной литературе этому уделено не очень много внимания. Все три – из семейства Ганнибалов, и упоминаются чаще всего как родственники Пушкина.

А этот факт ведь поразителен! Такого не было ни в одной европейской армии. Двое из них, Абрам Петрович и его старший сын Иван Абрамович, достигли высшего генеральского чина – стали генерал-аншефами. Третий, Петр Абрамович, - генерал-майором. Не будем пересказывать споры о происхождении старшего из Ганнибалов. Гипотез тут слишком много. Автор одной из них, Дьёдонне Гнамманку, западноафриканец, выпускник Университета дружбы народов, уверенно настаивает, например, что Ганнибал родился не в Эфиопии, а близ озера Чад.⁶

К Южной Африке Ганнибалы отношения не имели, и мы упоминаем здесь о них лишь потому, что своим африканским происхождением они, должно быть, подтолкнули интерес российского общества к Африканскому континенту.

Зарождение идеи Петра о плавании российских кораблей вокруг Африки надо скорее искать в тех знаниях и впечатлениях, которые он вынес из своих поездок в Голландию в 1697 и в 1716-1717 гг.

Общеизвестна история о том, как Петр инкогнито появился в Амстердаме и как он и его спутники работали там на верфях, попробовав себя в разных работах, начиная с плотницкой. Но ведь было и другое: встречи и разговоры. О чем говорили? Какие рассказы возбуждали их воображение?

Верфи принадлежали Голландской Ост-Индской компании. А портовый люд, что там сновал – моряки. Куда они плавали? Да в Голландскую Индию, вокруг Африки, огибая ее. А значит, разговоры неизбежно касались мыса Доброй

⁶ *Гнамманку Д.* Абрам Ганнибал, Черный предок Пушкина. - М.: Молодая гвардия, 1999.

Надежды, тамошних земель и морей.

Директор Ост-Индской компании – друг Петра

Больше всего сведений об этом крае света Петр, безусловно, получил от Николааса Витсена (1641-1717), бургомистра Амстердама. Витсен стал в Голландии самым близким другом Петра. Это он дал Петру и его спутникам разрешение работать в доках Ост-Индской компании, он сопровождал Петра на встречи с Вильгельмом Оранским, правителем Голландии и королем Англии. Когда была завершена постройка одного из голландских кораблей, Витсен подарил его Петру от имени Амстердама. Растроганный Петр обнял Витсена, назвал корабль “Амстердам” и отправил его в Архангельск, нагрузив множеством покупок, сделанных в Голландии.

Витсен хорошо знал Россию и это особенно сблизило Петра с ним. В 1664-1665 гг., еще до рождения Петра, Витсен жил в Москве – его отец был в составе голландского посольства, посланного к царю Алексею Михайловичу. Двадцатитрехлетний Николаас Витсен ездил по Московскому царству, вел подробный дневник, делал зарисовки. Более двухсот лет дневник считался утерянным, а когда его обнаружили, то сразу издали. В 1996 г. перевели на русский.⁷

Затем Витсен посвятил много лет жизни подготовке подробного описания Центральной Азии, Северной Персии, Кавказа, Крыма. Коснулся даже Китая. Но в центре повествования было Московское царство. Первое издание вышло в Амстердаме в 1692 г. Второе, которому Витсен отдал еще более десяти лет жизни, в 1705-м. Это было по тому времени лучшее в Европе описание Московии и Сибири, мало известной тогда в Западной Европе

Название своему труду, очень длинное и подробное,⁸ Витсен, очевидно, дал

⁷ *Витсен Н.* Путешествие в Московию. 1664-1665. Дневник. - СПб.: Symposium, 1996.

⁸ [*Witsen Nicolaes*]. Noord en Oost Tartarye, ofte Bondih Ontwerp Van eenige dier Landen en Volken, Welke oormael bekend zijn geweest. Beneffens verscheide tot noch toe onbekende, en meest hooif voorheen beschreve Tartersche en Nabuurige Gewesten, Landstreeken, Steden, Rivieren, en Plaetzen, in die Noorder en Oosterlykste Gedeelten van Asia en Europa, Zoo buiten en binnen de Rivieren Tanais en Oby, als omtrent de Kaspische, Indische-Ooster, en Zwarte Zee gelegen; gelijk de Landschappen Ninche, Dauria, Yesso, Moegalia, Kalmakia, Tanght, Usbek, en

еще в самом начале многолетней работы. В 1705 г., первые слова заголовка: «Северная и Восточная Тартария» - выглядели уже устаревшими, но автор их все-таки оставил.

Для подготовки этого труда у Витсена была неплохая база. Он изучал в Амстердаме математику, астрологию и философию, окончил университет в Лейдене, очень много путешествовал.⁹ Четыре с половиной месяца пребывания Петра и его свиты в Голландии были для Витсена буквально подарком небес. Он мог получить из первых рук сведения, необходимые ему для книги, над которой работал всю жизнь. В предисловии ко второму, значительно расширенному изданию, Витсен написал, что получал информацию «от русского двора», а весь труд посвятил «Царю и Великому князю Петру Алексеевичу».

Для молодого, двадцатипятилетнего Петра и его спутников знакомство с Витсеном оказалось не меньшим подарком. Витсен был не только человеком многоопытным, и не только бургомистром Амстердама. Он был и директором Голландской Ост-Индской компании. Так что морские дела, Капская колония, Голландская Индия – все это находилось в его ведении. В «Энциклопедии Южной Африки» сказано: «В 1693 году он стал директором Ост-Индской компании и оказал влияние на историю Южной Африки». В его честь один из южноафриканских горных хребтов назван «Витсенберг»». Его имя было запечатлено и в названии известного южноафриканского вина.¹⁰

Он многое мог рассказать Петру и о Южной Африке, и о плаваниях к ее берегам. И если Петр смог пригласить на русскую службу около девяти сот голландских моряков, от вице-адмирала до корабельного кока, то немалую роль в

Noorder Persie, Turkestan, Georgia, Mengrelia, Cirkassia, Crim, Astakkia, Altin, Tingoesia, Siberia, Samojedia, en andere aen hunne Tzaersche Majesteiten koon gehoorende Heerschappyen: Verdeeld in twee stukken, Met der Zelfer Land-Kaerten: mitsgarders, onderscheidene Afbeeldingen van Steden. Droohten, enz. Zederet naeuwkenrig onderzoek van veels Jahren, en eigen ondervindinge ontworpen beschreven, deteekent, en in 't licht gegeven, door Nicolaas Witsen, t' Amsterdam, by Francois Halma, Boekverkooper of de Nieuwen-dyk. 1705.

⁹ *Verster De Balbian J.F.L.* Burgomeesters van Amsterdam in de 17e en 18e Eeuw. Zutphen, W.J. Thieme en Cie, 1932, s. 99-105; *Boeseken A.*, Cairns M. The Secluded Valley. Tulbagh: 't Land van waveren 1700-1804. - Cape Town and Johannesburg: Perskor, 1989. - P. 20; *Gebhard J.F.* Het Leven van Mr. Nicolaas Cornelisz Witsen (1641-1717). - Utrecht, 1882.

¹⁰ Standard Encyclopaedia of Southern Africa. - Cape Town: Nasou Limited, 1976. - V. 12. - P. 471.

этом, конечно, сыграл Витсен.

Во время своего второго визита в Западную Европу, в 1616-1617 гг., Петр снова посетил полюбившийся ему Амстердам. Витсен тогда умирал, и Петр сожалел, что теряет одного из лучших друзей.

С.М. Соловьев в своей “Истории” (том 14, глава 3) приводит письма, в которых Петр говорит о Витсене. И добавляет: «В Амстердаме знакомее всех других имен Петру было имя бургомистра Николая Витзена. Еще при царе Алексее Михайловиче Витзен был в России, проехал и до Каспийского моря, был известен как автор знаменитого сочинения “Татария восточная и южная”, как издатель Избрандидесова путешествия в Китай. Витзен сохранял постоянную связь с Россией; его издания были посвящены царям, он исполнял поручения русского правительства по заказу судов Голландии, находился в переписке с Лефортом. К Витзену обратился Петр с просьбой доставить ему возможность заняться кораблестроением в амстердамских верфях, и Витзен поместил его на верфи Ост-Индской компании, где нарочно для него заложен был фрегат. Получив об этом известие, Петр ночью поехал в Сардам, забрал там свои плотничьи инструменты и к утру возвратился в Амстердам, чтоб немедленно же приняться за работу... Но не одним кораблестроением занимался Петр в Голландии: он ездил с Витзеном и Лефортом в Утрехт для свидания со знаменитым штатгалтером голландским и королем английским Вильгельмом Оранским. Витзен должен был водить его всюду, все показывать - китовый флот, госпитали, воспитательные дома, фабрики, мастерские; особенно понравилось ему в анатомическом кабинете профессора Рюйша; он познакомился с профессором, слушал его лекции, ходил с ним в госпиталь».

Именно голландский опыт, то, что узнал и услышал он там, в Амстердаме, и должно было навести Петра на мысль добраться до Индии морским путем, вокруг Африки, когда его попытка проникнуть туда через Центральную Азию не увенчалась успехом.

Замысел Петра

Но что же стоит за архивными документами “Сношения России с

Мадагаскаром”?

3 ноября 1723 года начальнику Ревельской эскадры контр-адмиралу Фан-Гофту был дан «изустный» приказ Петра I оснастить для дальнего плавания и вооружить два фрегата, причем Фан-Гофту очевидно не было объявлено, куда и зачем их намечено отправить. Фрегаты – “Амстердам-Галлей” и “Декронделивде”. Оба построены на верфях Амстердама. Оба - новые. Один спущен на воду в 1719 году, второй – в 1720-м. Построены добротны, плавательная способность – отличная.

«Словесные указы государя», «изустные повеления» часты в архивных материалах эпохи Петра. «1723 года. Ноября 3. Е. н. в., будучи в доме генерала-адмирала графа Апраксина, изволил указать: из ревельской эскадры вооружить два фрегата голландских для вояжа, и те фрегаты удовольствовать лучшими людьми... и чтоб оные [фрегаты] всеконечно вооружены были не более как в 10 дней... А провианта морского на означенные фрегаты положить на 8 месяцев».

На этот словесный указ императора Фан-Гофт откликается из Ревеля донесением 9 ноября Апраксину и 14 ноября донесением в Адмиралтейств-коллегию, графу Апраксину: «По оному е. и. в. именному указу назначены быть для вояжа фрегаты “Амстердам-Галей” и “Декронделивде” и вооружать оные сего ноября 8-го дня начали, а служителями удовольствуем лучшими».

Ноября 14-го донесение Фан-Гофта из Ревеля в Адмиралтейств-коллегию: «Фрегаты “Амстердам-Галей” и “Декронделивде”, которые назначены быть для вояжа, вооружены и морской провиант, також и прочие корабельные припасы, принимают, и надеюсь, что оные чрез 3 или 4 дня будут совсем в готовности...».

Указания Фан-Гофту теперь дает только Апраксин. 1723 года декабря 2: «По получении сего извольте на нововооруженные фрегаты положить пороху на каждый фрегат по 80 выстрелов, и положи, оные фрегаты тотчас немедленно извольте отправить в Рогервик и тамо велите им ожидать указа».¹¹

Пятнадцатого декабря фрегаты прибыли в Рогервик. Здесь-то «всякие досады и трудности учинились». Надо было спешить, а «угодные все погоды по отплытию миновались».

¹¹ Материалы для истории русского флота. Часть II. – Спб., 1865. - С. 690-692.

В Рогервик проследовал вице-адмирал Даниель Вильстер, назначенный флагманом экспедиции. Он переоделся, снял знаки морского отличия. Прокурор Адмиралтейской коллегии Козлов поместил замаскированного адмирала в квартире полковника Емельяна Маврина. Маврин был «определен при строении Рогорвицкой гавани». Он мог и не знать о назначении экспедиции, хотя руководил последними приготовлениями ее.

Вильстер получил две инструкции, мадагаскарскую и индийскую. Обе помечены 5 декабря 1723 года.

В первой инструкции в одиннадцати пунктах даны путевые указания до Мадагаскара. Идти не Английским каналом, на виду «противной» Англии, а править свой курс «кругом Шкоции [Шотландии] и Ирландии». «Будучи в вояже от всех церемоний (как в здешнем море, так и в большем) удаляться под видом торговых кораблей... в гавани не входить».

Пункты мадагаскарского трактата, подписанного Петром:

«5. Когда в назначенное вам место с помощью божиею прибудете, тогда имея свой флаг, объявите о себе владеющему королю, что вы имеете от нас к нему комиссию посольства и верующую нашу грамоту при сем приложенную ему подайте.

6. А потом всяким образом тщитесь, чтобы оного короля склонить к езде в Россию...».

Пункты 7-10 - о денежной казне («послано три тысячи червонных золотых») и о провианте (послано «на восемь месяцев»).

«11. Ежели объявленный король по склонности своей пожелает персоною своею ехать в Россию с некоторыми кондициями, то вам надлежит в наши порты пристать, ежели зимой, то в Колу,¹² понеже там никогда не мерзнет, а ежели летом, то в Архангелогородской порт; и буде без него, но только посланные от него будут, то вам возвратиться чрез Зунд...

В Санктпетербурге в 5 день декабря 1723 года».

К индийской инструкции Петр указывает «действия у Великого Могола»:

«4. Когда с помощью божиею в показанное место в Ост-Индию прибудете,

¹² Кола – гавань на реке Коле близ нынешнего Мурманска.

тогда явитесь там Великомочному Моголу и всякими мерами старайтесь его склонить, чтоб с Россиею позволил производить коммерцию, и иметь с ним договор, которые товары потребны в Россию, также и какие в его областях товары из России надобны суть, и как можно трудитесь, чтоб между обеих сторон произвести к пользе благополучную коммерцию.

1. Ежели там будет с довольством пакгоуту,¹³ то старайтесь как можно достать таких дерев, каких здесь у нас мало находится, а именно, чтоб в диаметре были от 26 и до 30 дюймов, и купить по настоящей цене столько, сколько можно в порученные вам фрегаты вместо балласта уместить.

2. Впрочем во всем, что к лучшему нашему интересу по тамошнему состоянию от вас за благо изобретено будет, отдаем ваше суждение, как честному и искусному человеку.

3. 5 декабря сего году».

4. Апраксин подчеркивал исключительную секретность миссии. Вот его «Указ капитану Мясному и капитану порутчику Кошелеву»¹⁴ (наиболее доверенным офицерам экспедиции).

5. «Прилагается при сем за печатью нашею копия с инструкции, какова дана вице-адмиралу Вилстеру, которую вам иметь у себя не распечатывая до нижепоказанного термина, а именно: когда возьмете свое следствие из Рогорвика и пройдете Зунт и будете в Нордзее, тогда оную распечатав прочтите, токмо вы двое, а вице-адмиралу Вилстеру и другим офицерам (кто с вами будет обретаться) отнюдь не объявлять, но содержать в таком крепком секрете, чтоб кроме вас никто про оную не знал, и потом требовать от помянутого вице-адмирала оригинальной его инструкции и что повелено исполнять, усматривая к лучшему его императорского величества интересу с добрым и прилежным рачением, как надлежит честным

¹³ Пакгоут - сорт древесины, особенно пригодной для токарных работ.

¹⁴ *Туманский Фед.* Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого. Ч. 9. – Спб., 1788. – С. 213-214.

офицерам.

Генерал-адмирал граф Апраксин
Послано декабря в 5 день 1723 года».

Почему столь поразительная засекреченность?

Конечно, не Мадагаскар манил Петра, а Индия. Но как добраться, не вызвав настороженности у западноевропейских государств?

Мадагаскар - только удобная, готовая станция на пути Индии.

Мыс Доброй Надежды не мог быть, вероятно, такой станцией. Эта морская таверна на полпути к Индии была очень уж на виду у всех европейских держав, и замысел Петра обнаружился бы сразу же. А это грозило множеством политических осложнений, могло пагубно повлиять на дипломатические отношения и тем самым на торговлю с Европой.

А как возникла идея о стоянке на Мадагаскаре? История эта достойна пера Александра Дюма.

В XVII столетии была республика – или даже республики – пиратов в Вест Индии. Широкую известность этому дал роман Рафаеля Сабатини “Приключения капитана Блада”. Фильмы по этому роману обошли весь мир.

Меньшую известность получил тот факт, что последние десятилетия XVII в. флибустьеры, боясь военных кораблей западноевропейских морских держав, перебрались на Мадагаскар. Там у них тоже, как считали в Европе, возникла своя республика. С легкой руки Даниеля Дефо распространилась даже легенда о республике Либерталия, в которой ее глава, капитан Миссон старался, якобы, утвердить принципы тогдашнего западноевропейского утопического социализма. Были ли какие-то реальные основания для этого утверждения, сказать трудно, хотя писали о Либерталии довольно много.¹⁵

Но тогдашние западноевропейские государства вряд ли интересовались взаимоотношениями внутри пиратской общины. Им было важно другое. Если прежде, в Вест-Индии, флибустьеры мешали судоходству между Старым и Новым

¹⁵ См., например: *Deschamps H. Les Pirates à Madagascar aux XVIIe et XVIIIe siècles.* - Paris: Éditions Berger-Levrault, 1949.

Светом, то теперь – связям Европы с Востоком. Так что за ними охотились, и им приходилось туго. Тогда-то и пришла им мысль отказаться от привычного промысла, сменить образ жизни и переселиться в Европу. Но как? Они уже успели навлечь на себя гнев всех государств, чьи корабли плавали из Европы на Восток. И вдруг прослышали о шведском короле Карле XII – его имя гремело, вести о его войнах и походах донеслись и до Мадагаскара. И флибустьеры отправили к нему гонцов. Предложили отдать ему свои корабли (якобы пятьдесят судов), и награбленные богатства, если он разрешит им переселиться в Швецию. Карла это обрадовало, он согласился. Но в очередном бою его убили. А шведский адмирал Даниель Вильстер, посвященный в те тайные переговоры, перешел на русскую службу, и передал Петру этот «крепкий секрет».

Петр загорелся. Возможность получить для своих кораблей стоянку на пути в Индию! А флибустьеры и главный из них (в письме Петра – «король Мадагаскарский»), - что ж, пусть переселяются на просторы российского севера

* * *

Замысел экспедиции поражает не только засекреченностью, но и грандиозностью. Ведь русские корабли еще не выходили за пределы Балтики.

Правда, необходима оговорка. В состав экипажей включили и курляндцев. Курляндцы (латыши) задолго до Петра плавали в Африку и хорошо знали путь если не кругом всего Черного материка, то, во всяком случае, к его западным берегам, мимо которых пролегал маршрут петровских фрегатов.

Герцог Курляндский Якоб (1642-1682), создав свой морской флот, решил основать курляндскую колонию в Африке и действительно основал ее в 1651 году на западноафриканском побережье - в устье реки Гамбии. Мало того, он приобрел у Англии вест-индский остров Тобаго. Суда торгового флота герцога Якоба с 1640-х годов бороздили Атлантический океан вплоть до Вест-Индии. Еще в 1652 году побывали в Бразилии.

Так что среди моряков петровских фрегатов были люди, для которых дальние океанские пути были ведомы.

Но в целом плавание готовилось в страшной спешке. Штурмовщина, увы, типична не только для нашего времени.

Двадцать первого декабря 1723 года, в субботу, ранним утром зимнего непогожего дня, два фрегата выступили в дальнее плавание. Во исполнение государева указа они вышли из порта, что находился в 47 верстах к западу от Ревеля, в единственной тогда для российского флота бухте, редко замерзающей в зимнее время. Порт назывался Рогервик, но потом, меняя названия, стал Балтийским портом, а в наши дни - портом Палдиски. Ревель, впрочем, тоже сменил название и именуется нынче Таллинном.

В первую же сильную бурю, еще не выйдя из Балтики, флагман “Амстердам-Галлей” дал течь. Пришлось возвращаться. Ремонт. А там – и Петра I не стало.

Но замысел его не умер.

План Екатерины II

22 декабря 1786 г., ровно через 63 года после того, как корабли Петра I пустились в плавание вокруг Африки, и с ними приключилась беда, Екатерина II повелела Адмиралтейству отправить на Камчатку военные корабли с пушками и другим военным снаряжением. В Адмиралтействе решили послать пять кораблей. Два из них: “Соловки” и “Холмогоры”, были того же типа, что и корабли Джеймса Кука. Два других: “Сокол” и “Турухтан” - поменьше, а пятым - транспортное судно “Смелый”.¹⁶

Казалось бы, уместно было послать фрегат “Африка” – был и такой в русском флоте. Но он тогда уже слишком устарел для столь дальнего пути. А новый фрегат с таким же названием спустили на воду лишь в 1811 г.

Большинство офицеров, боцманов, матросов и артиллеристов были взяты с кораблей, которые уже побывали в плаваниях в Средиземном море и в морских боях с турками. Начальником экспедиции был выбран, после обсуждения нескольких кандидатур, капитан Григорий Иванович Муловский. Ему было тогда всего 29 лет, но он уже - капитан 1-го ранга.

Муловский действительно был одним из лучших мореходов России. В 1771

¹⁶ Предприятие императрицы Екатерины для путешествия вокруг света в 1786 году, на пяти судах. - Спб., 1840.

г., еще гардемаринном, по доброй воле и «на собственный счет отправился в Англию» перенимать лучшее из ее опыта. Из его послужного списка читаем: «Избранием начальником первого кругосветного плавания Муловский обязан своей деятельной службе, доставившей ему репутацию лучшего морского офицера, и своему разностороннему образованию. Между прочим, он знал языки французский, немецкий, английский и итальянский».¹⁷

Приняты были меры для надежного плавания через три океана. Днища кораблей обшиты медью для защиты от «червей-древоточцов», как их называли моряки, - моллюсков южных морей. Заготовлены противочинготные средства для экипажей.

Обстоятельные, подробные наставления по организации плавания содержит «Именной указ, данный вице-президенту Адмиралтейской коллегии графу Чернышеву. - Об отправлении морских судов из Балтийского моря в Восточный океан». Подписан Екатериной 17 апреля 1787 г.¹⁸ В нем говорилось о различных денежных издержках, о награждении и денежном довольствии офицеров и экипажей судов. О подарках и меновой торговле в далеких землях: «Сверх запаса судов некоторыми вещами для подарков диким, взять также на опыт для заведения торгу как с ними, равно и с японцами и китайцами, часть хотя небольшую товаров, таких наипаче, к коим обитатели тамошни, по описанию прежних мореплавателей, почитаются склонными...».

О медалях и других знаках в ознаменование ожидаемых географических открытий: «Потребные гербы или медали для ознаменования открытия островов нашими мореплавателями, отлить чугунные на Александровском олонецком заводе... По примеру Географической северо-восточной экспедиции, снабдить и отражаемую ныне толиким же числом золотых, серебряных и медных медалей, прибавя сверх оных еще чугунных пятьсот».

Составители указа, да и сама Екатерина, должно быть, понимали, как сложна задача экспедиции. Об этом говорит специально предусмотренный в указе порядок награждения капитана Муловского: «...когда пройдет он Канарские

¹⁷ Общий морской список. Ч. IV. - Спб., 1888. - С. 408.

¹⁸ Полное собрание законов Российской Империи 1649-1825. Т. XXII. – Спб., 1830. - С. 836-837.

острова, да объявит себе чин бригадира; достигши мыса Доброй Надежды, возложить ему на себя орден Святого Владимира 3 класса; когда дойдет до Японии, то и получит уже чин генерал-майора».

Для научных наблюдений были приглашены известный немецкий просветитель профессор Георг Форстер «в звании натуралиста», астроном Бейли, а для зарисовок - четыре художника. И Форстер и Бейли были участниками плавания Кука.

Наметили маршрут экспедиции и конечную цель - Дальний Восток. «Плавание предполагалось совершить следующим образом: из Англии отправиться в конце декабря [1787 г.] или в начале января [1788 г.] и следовать к мысу Доброй Надежды...». Там намечалось отдохнуть и запастись водой и провизией, а кроме того «взять несколько пар молодой, способной к разведению, дворовой скотины; также разных семян - хлебных, конопляных, льняных, разных дерев и огородных овощей, особливо земляных яблоков для разведения на Курильских островах и других местах, назначенных для заселения».¹⁹

Главная цель экспедиции - укрепление позиций России на Дальнем Востоке. «Для утверждения российского права на все, до ныне учиненные российскими мореплавателями, или вновь учиненными быть могущие открытия» изготовлены гербы: «гербы сии укрепить на больших столбах; или по утесам, выдолбив гнездо». Гербов чугунных 200, половина без надписей и без обозначения годов. А также медали: золотые с ушками - 100 штук, без ушков - 10; кроме того, медали серебряные, медные и чугунные. Всего медалей - 1700. «Обойти и описать все малые и большие острова... причислить формально ко владению Российского государства, поставя или укрепя гербы, и зарыв медали в пристойном месте».²⁰

Все предусмотрели. Но когда к плаванию было готово если не все, то многое, экспедицию отменили. Две войны, одна за другой. В 1787 г., по возвращении Екатерины из Крыма, началась война с Турцией, в следующем, 1788 г. - со Швецией. И вот высочайший указ Адмиралтейств-коллегии 1787 г. октября 28: «Приготовленную в дальнее путешествие под команду флота капитана

¹⁹ Приготовление кругосветной экспедиции 1787 года // Записки Гидрографического департамента Морского министерства. Ч. VI. – СПб., 1848. - С. 166, 168-169.

²⁰ Там же. - С. 166.

Муловского экспедицию по настоящим обстоятельствам повелеваем отменить, и как офицеров, матросов и прочих людей для сей экспедиции назначенных, так суда и разные припасы для нее заготовленные обратить в число той части флота нашего, которая, по указу нашему от 20 сего месяца Адмиралтейской коллегии данному, в Средиземное море отправлена быть долженствует».²¹

Не получилась экспедиция Екатерины II, как и Петра I. Не повидали 600 или 650 русских моряков ни мыса Доброй Надежды, ни Камчатки. Капитан Муловский погиб в июле 1789-го в битве со шведами у острова Эланда.²²

Первые россияне на мысе Доброй Надежды

Так кто же были первые наши соотечественники, ступившие на ту далекую землю еще до начала XIX столетия? С полной уверенностью сказать трудно. Лихая судьба могла не только забросить безвестных людей за тридевять земель, но и замести все их следы. Так что судить можно лишь о тех, о ком сохранились сведения.

Таких людей оказалось не так уж мало. Были они очень разными, как и их пути: кто-то по “казенной надобности”, в официальном качестве. Екатерина II посылала моряков на выучку к “владычице морей” в Англию.

В одном лишь 1763 г. шестеро моряков плавали в Индию на английских кораблях: двое, Тимофей Козлянинов (позже стал вице-адмиралом) и Никифор Полубояринов (позже - капитан 1-го ранга), в составе экипажа корабля Британской Ост-Индской компании “Спикер”; Прохор Алисов и Иван Салманов - на корабле “Король Британии”, также Ост-Индской компании; Николай Толубеев и Федор Дубасов - на английских военных судах.

Эти и многие другие моряки по пути в Индию останавливались на мысе Доброй Надежды. Воспоминаний своих не оставили - во всяком случае мы таковых не обнаружили.

В апреле 1772 г. на мысе Доброй Надежды побывали одновременно около семидесяти россиян. Их появление в южных морях государственной властью

²¹ Материалы для истории русского флота. Ч. XIII. – Спб., 1890. - С. 197.

²² *Муловский Г.И.* Военная энциклопедия / Под редакцией Леера. Т. IV. - Спб., 1891.

отнюдь не планировалось. Это были беглецы-ссылные и присоединившиеся к ним жители Камчатки. Сведения о них содержатся в Центральном государственном архиве древних актов.²³ Общее название: “Дело о происшедшем в Камчатке в Большерецком остроге от сосланных злодеев бунте. Начато в 1769 г. Кончено в 1774 г. ”.

В апреле 1771 г. ссылные Большерецкого острога на Камчатке подняли восстание. Самым активным зачинщиком был тридцатилетний Август Беньёвский - барон Мориц Анадор де Бенев, как он себя сам называл; на титульном листе его мемуаров значится: “граф Беньёвский”.²⁴ Он родился в Словакии, входившей тогда в венгерские пределы, служил в австрийской армии, затем отправился в Польшу, стал полковником Барской конфедерации, сражался против русских войск, был взят в плен, отпущен “на пароль” (под честное слово) и снова взят в бою, после чего отправлен в Казань. Снова бежал, опять был схвачен и теперь уже сослан на Камчатку.

В остроге с ним был близок гвардейский поручик Петр Хрущов, «с которым они составили план своего спасения».²⁵ Хрущов провел в ссылке девять лет. Еще один участник бунта - гвардии поручик Василий Панов. Заодно с ними был и Ипполит Семенович Степанов, отставной ротмистр, помещик Московской губернии, депутат в Комиссии о сочинении проекта Уложения от дворянства Верейского уезда. Его сослали в Большерецк за сопротивление “Наказу” Екатерины II в 1767 г. и за “столкновение” с графом Григорием Орловым.

Среди бунтарей оказались и капрал Михаил Перевалов, солдат Дементий Коростелев; казаки Герасим Березнин, Григорий Волынкин, Петр Сафронов, Василий Потолов, разжалованный шельмованный казак канцелярист Иван Рюмин. Из присыльных арестантов матросы Андреянов, Ляпин, Василий Семяченков.

Были и “промышленники”: Иван Лапин, Логинов, Шабаев, великоустюжский купец Федор Костромин. Олнодворец Иван Попов, посадский из

²³ Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА). Ф. 6, ед. хр. 409.

²⁴ [Benyowsky M.A.]. Voyages et mémoires de Maurice-Auguste comte de Benyowsky. Magnat des Royaumes d'Hongrie et de Pologne, etc. etc. T. I-II. - Paris: Buisson, 1791.

²⁵ Побег графа Беньевского из Камчатки во Францию // Сын Отечества. Ч. 71. - Спб., 1904. - С. 10-11.

Соликамска Иван Кудрин. Секретарь коменданта Большерецка Спиридон Судейкин. Штурман Максим Чурин. Штурманские ученики Герасим Измайлов, Дмитрий Бочаров, Филипп Зябликов. Коряк Брехов, алеут Захар Попов, камчадалы Сидор Красильников, Ефрем Иванов и Паранчин. И семь женщин: две работницы штурмана Максима Чурина и его жена; жена Дмитрия Бочарова, жена Алексея Андреевича, жена Рюмина и жена Паранчина.

Перед отплытием в море Ипполит Степанов и Беньёвский составили “Объявление” для сената о бедствиях российского народа и несправедливости распределения общественных благ, о гнете самодержавия и бюрократического строя, мешающего даже развитию ремесел и торговли. Написано оно от лица всех участников бунта - и от “подлого люда”: казаков, солдат, рабочих порта. Все подписали “Объявление”. За неграмотных расписывались грамотные. Значит, все знали его текст, хотя бы на слух.

“Объявление” было во многом сходно с манифестом Пугачева, провозглашенным через три года и звучало более грозно, чем манифесты, составленные декабристами спустя полстолетия.

Вызов, брошенный императрице из безвестного острога богом забытой Камчатки, как это ни поразительно, был услышан. Даже сто лет спустя известный историк Иван Гаврилович Прыжов, сам побывавший и на каторге, и на поселении в Сибири, ссылался на “Объявление” в лучшей из своих книг - “Истории кабаков в России в связи с историей русского народа”.

Восставшие убили коменданта острога и захватили корабль “Святой Петр”. Это был галиот (или гальот) - небольшой парусник со сферической кормой, тип голландских кораблей XVII столетия, небыстроходный, водоизмещением в 200-300 тонн.

Освободив кувалдами и ломами вмерзшее в лед судно, набились вповалку на «посудину», куда и сорок человек едва вмещалось. И бесстрашно отправились искать счастья в далеких краях. На судне, назначенном больше для каботажного, прибрежного плавания, вышли в океан - на авось, презирая превратности судьбы. Пустились в плавание на юг, кругом Азии и Африки, чтобы потом добраться до Европы. На случай неожиданных встреч заготовлены были разные флаги. В Макао

продали корабль и дальше плыли до Франции на французских судах “Ле Дофин” и “Ле Ляверди”.

Вот так большая группа россиян впервые пересекла экватор. В марте 1772 г. они провели восемь дней на острове Маврикий, потом семь дней на Мадагаскаре.

Затем – мыс Доброй Надежды.

Об этом плавании сохранились воспоминания Беньёвского и краткие записки канцеляриста Ивана Рюмина,²⁶ но ни тот, ни другой не рассказали о Капстаде. Это легко понять: слишком много впечатлений нахлынуло на них в этом плавании, а пребывание на мысе было, вероятно, спокойным, без приключений и драм.

Кронштадтец – о Капстаде

Те два капитана, которые, уже в начале XIX столетия, возглавили первое русское кругосветное плавание: Юрий Федорович Лисянский и Иван Федорович (Иоганн-Антон) Крузенштерн, проходя стажировку в английском флоте, бывали на мысе Доброй Надежды.

Крузенштерн пробыл на мысе Доброй Надежды несколько недель, Лисянский – намного дольше. В московском Центральном государственном архиве литературы и искусства хранится «Журнал лейтенанта Юрия Федоровича Лисянского, веденный им во время службы его волонтером на судах английского флота с 1798 по 1800 год».²⁷ Там и его письма в Россию. В частности, о желании изучить лоцию Капа, научиться водить суда на самом опасном участке пути к странам Востока.

«Приехавши вчерась в Портсмут, я с Крузенштерном и Баскаковым явились к капитану Боельсу, на корабле которого “Резонабле” должны идти к мысу Доброй Надежды... Мое намерение есть остаться у мыса Доброй Надежды на четыре или пять месяцев, дабы познакомиться несколько с Африкой, а особливо с окончательностью оной, которая весьма нужна для плавания к востоку оной» (письмо, отправленное еще из Англии, 18 марта 1797 г.).

²⁶ Записки канцеляриста Рюмина о приключениях его с Бениювским. - Спб., 1822. То же // Северный Архив. - Спб., 1822, март, № 5, 6, апрель, № 7.

²⁷ ЦГАЛИ. Ф. 1337, оп. 1, ед. хран. 135. Все даты Лисянский давал по новому стилю.

«14-го [марта 1797 года] я с господином Крузенштерном и Баскаковым получил повеление ехать в Портсмут и явиться на корабль, дабы при первом благополучном ветре идти к мысу Доброй Надежды». Третьего июня 1797 г. «увидели... берег Столовой бухты, тогда сделавши сигнал... поставили все паруса и к вечеру за маловетрием стали на якорь в Фальшивой бухте».²⁸

Так в середине 1797 г. на Юге Африки оказались одновременно три русских офицера. Судить об их пребывании можно лишь по дневникам и письмам Лисянского. Если Крузенштерн и Баскаков и вели какие-то записи во время стоянки на Капе, но нам их пока обнаружить не удалось.

Лисянский пробыл в Капской колонии дольше, чем четыре–пять месяцев, на которые рассчитывал. Ходил по южноафриканской земле около года.

Капстад в его описании выглядит так: «Город Мыс лежит на подошве гор Столовой, Львиной головы и Львиного зада... Строение его все каменное и расположено по довольно широким прямым улицам, из коих четыре длинные и одиннадцать поперечных пересекаются под прямыми углами. Оный весьма хорошо укреплен, а особливо с морской стороны и имеет теперь до 5000 человек английского войска для своей защиты».

Лисянскому удалось повидать не только Саймонстаун и Кейптаун. Он вволю поездил по Капской колонии, ночевал на фермах, разговаривал с фермерами голландского и французского происхождения. Осуждал их жестокость к африканцам. «Один... между разговорами показал мне рану на руке, которую он получил, сказать словами его, на охоте против бушманов или диких готтентотов, он без всякого стыда продолжал свою мерзкую историю, прибавивши к тому, что здешние обыватели нередко собираются и узнавши жилище бедных дикарей, оные окружают ночью; когда от испуга ружейных выстрелов сии несчастные бросаются из шалашей своих, то тогда, убивая взрослых, берут в плен молодых, которые остаются навек их невольниками».

Лисянский вообще вынес нелестное мнение о белых поселенцах Капской колонии, хотя личных оснований для недовольства у него не было: он был хорошо принят местным обществом. «Бывши здесь более полугода, я не встретился ни с

²⁸ Фолс-бей – большая бухта у мыса Доброй Надежды.

одним мысовским жителем, которого можно бы назвать человеком просвещенным... Это точная правда, что ежели мысовский житель не приобретает денег, так он, верно, спит. Господин Валиант²⁹ мало ошибся, когда в путешествии своем сказал: Я никогда не встретился со столь великим числом глупцов, живущих в одном месте в весьма хороших обстоятельствах, как в мысе Доброй Надежды».

Лисянскому не пришло в голову сопоставить то, что он видел на Юге Африки, с крепостничеством в России, со зверствами Салтычихи. Что до невежества, его ли не видела наша страна? Уже и “Недоросль” Фонвизина был опубликован. Но к своему привыкаешь...

Впечатления музыканта Герасима Лебедева

Лисянский, Крузенштерн и Баскаков оказались на мысе Доброй Надежды по пути в Индию, а виолончелист Герасим Лебедев – по возвращении. Он провел в Индии двенадцать лет. Его дневник хранится в Пушкинском доме в Ленинграде. “Африканские дневники, записи и письма из Африки Герасима Степановича Лебедева”. Начат на Капе 12 февраля 1798 года, окончен 14 февраля 1800-го, по прибытии Лебедева в Лондон.

Записи иногда не вполне ясны. За двенадцать лет в Индии Лебедев редко говорил по-русски. Да и в России, вероятно, не успел научиться писать по-настоящему грамотно. Но все равно дневник - ценное свидетельство времени. Особенно о том, как чувствовал себя россиянин в далеких южных краях.

Большинство записей Лебедева - о жалобах в суд, о хлопотах. Несмотря на свои злключения, Он был полон энергии и инициативы. Оставался прежде всего артистом, музыкантом. Был человеком впечатлительным, немного фантазером, а потому, может, и немного мнительным.

Жалобы в суд, которыми полон дневник, вызваны тем, что по пути из Индии у Лебедева произошли какие-то столкновения с командой корабля, и ему никак не отдавали часть его багажа. Другая тема в дневнике – те концерты, которые он давал в Капстаде. Они, действительно, заслуживали подробных упоминаний. Уже потому, что это были первые выступления русского музыканта на юге Африки. Эти

²⁹ Речь идет о французе Ф. Вайяне, авторе книг о Южной Африке.

концерты привлекли к себе большое внимание. Приходил цвет капстадского высшего общества, прежде всего, английские чиновники и офицеры, во главе с самим губернатором Капской колонии лордом Макартни (в конце XVIII столетия Капская колония перешла от Голландии к Британии).

В дневнике Лебедева сохранен даже образец билета на его концерт в Капстаде. Были концерты «подписные» и не подписные. Сколько концертов он дал на Капе, неясно. Вот его записи.

«В мысе Доброй Надежды (Cape of Good Hope) 30-го числа марта 1798-го году в доме вдовы Льонтен (но теперь мадам Блесер) мною дан был концерт с позволением губернатора лорда Макартней и с помощью капского купца г. Михаила Ки; его брата и французского офицера г. Сантаньон, иначе Сантион, великих любителей музыки. Лорд Макартней сделал мне честь посещением его, в собрании больше двухсот персон: каждая заплатила 3 рейхс талера (двенадцать английских шиллингов) за вход».

На листе 35, на английском языке, приглашение на этот концерт, написанное уверенной рукой музыканта, дававшего успешные концерты в столицах Европы и в городах Индии.

«Концерт. Мистер Лебедев приносит свою благодарность леди и джентльменам, подписавшимся на его концерт, и сообщает им, что концерт состоится в беседке мистера Луинтена, Нуланд стрит... 30-го числа... Деньги у дверей не принимаются, и никто не будет впущен без билета. Мистер Лебедев просит подписчиков любезно прислать за билетами в день, предшествующий концерту. Капштадт. 26 марта 1798».

«28-го числа апреля, в субботу, в доме Данила де Вал, в улице Странд дан был мною второй концерт с позволением лорда Макартней. Из Мадраса лорд Гоберт и другие многие пассажиры; также из Калькоты, были в концерте».

«В городе Капе четвертый, публичный концерт был мною дан 15-го числа октября 1798, в понедельник и следующие дни было уведомление». «Концерт. Мистер Лебедев почтительно извещает подписчиков на его концерты, что первый концерт состоится в доме мистера Уолла, Готтентот сквер, сегодня вечером, 15-го числа этого месяца, и начнется точно в 7 часов... Капштадт. 15 октября 1798».

Сколько бы мог Лебедев написать о тогдашнем Капе! Момент в истории колонии был переломный: кончалось голландское господство, начиналось английское. Лебедев многое повидал. Бывал не только в Капстаде – он упоминает и Симанскую бухту, и крупнейшую винодельческую ферму Констанция, пишет и о белых, и об африканцах, и о рабах-малайцах. Но политика его не интересовала.

Знания русских о Южной Африке к исходу XVIII века

Дневники таких бывальцев, как Лисянский и Лебедев, увидели свет лишь более полутора десятилетия спустя. Были, конечно, и устные рассказы – но многие ли могли их слышать?

Так что основой сколько-то распространенных сведений о далеких странах – хотя бы в учебных заведениях – оставалась в России переводная литература и компиляции из нее. Прежде всего, учебники. Но переводилась зачастую не самая свежая литература, а то и не самая достоверная, даже для своего времени. Да и трудно было переводить: неизвестные географические названия, незнакомые термины, описания событий, о которых переводчики слыхом не слыхивали.

Вот “География”, которую «сочинить изволил приказать ясновельможный гетман и Академии Наук господин президент его сиятельство граф Кирилла Григорьевич Разумовский». Издана при Елизавете Петровне, в 1753 г. Автор - архивариус Академии наук Иван Стафенгаген.

«...Вся Африка наполнена слонами, львами, барсами, верблюдами, обезьянами, змиями, драконами, страусами, казуриями и многими другими лютыми и редкими зверьями, которые не токмо проезжим, но и жителям самим наскучили». Да еще «великие жары и суши». «Ежели вообще о всей Африке рассуждать, то она таких как Европа или Азия не имеет преимуществ. Хотя оные золотом, серебром, драгоценными камнями или другими дорогими вещами ее и не превосходят, однако она такие имеет неспособности, что жители по большей части сокровищ своих так употреблять не могут, как то чинится в других землях».

В других книгах не так красочно. Первым послепетровским учебником географии было “Краткое руководство к географии в пользу учащегося при гимназии юношества в Санктпетербурге”, напечатанное в 1742 г. типографией

Академии наук (второе издание - в 1767 г.).

«XV. Ландкарта о Африке... в нежилых тамошних местах находятся многие дикие звери, как например, львы, тигры, верблюды, слоны и другие им подобные... Какие моря около Африки примечать должно? Вверху лежит Средиземное море; к западу Атлантическое море; к югу Ефиопское море; к востоку Черное море...

Как Африка разделяется?... Королевство Абиссинское, которое есть подлинная Ефиопская или Арапская земля... берега Кафферн, жители которых называются готтентоты, где в самом низу находится славный мыс, Ди Буона Сперанца, или Доброй Надежды, который надлежит голландцам».

Чем ближе к концу восемнадцатого века, тем больше выходит “всеобщих землеописаний”, “всеобщий географий”, “введений в географию”.

“Введение в географию, служащее ко изъяснению всех ландкарт земного шара... Печатано при императорском Московском Университете, 1771 года”:

«Африка более и богаче Европы: она обыкновенно разделяется на шесть больших частей... В пятой части Африки или на берегах Каффернских примечания достойно... Капо де Бона Сперанца или мыс Доброй Надежды. Прежде сего назывался он Капе Форментозе... Из кафров, которых имя значит собственно неверные, примечания достойнейшие готтентоты... На мысу Доброй Надежды имеют голландцы изрядную крепость; хорошие сады и все выгоды для починки и принятия кораблей туда приходящих. В самой середине той земли все почти пусто... Народы живут по большей части в ужасном неведении, и притом либо в свирепстве, либо в порочные сластолюбия вдались».

“Новейшая всеобщая география”, Санкт-Петербург, 1793 год. Издавалась три раза. Третье издание - в 1809 г.:

«Южный берег сей земли принадлежит голландцам и называется мыс Доброй Надежды... За особливость сего места почитать должно отменной величины страусов, которые делаются довольно ручными». До расцвета моды на страусовые перья было еще далеко, но они уже ценились.

«На южном конце сего мыса находится многолюдный город, называемый Капской, где и генерал-губернатор Голландский имеет свое пребывание... Обширный город с замком, который называют Капштадтом. При оном имеют

роздых свой корабли, в Индию идущие».

Чем ближе к концу восемнадцатого века, тем описания подробней. «Всеобщее землеописание... для народных училищ, часть II, содержащая Азию, Африку, Америку и Южную Индию. Санкт-Петербург, 1795». Здесь об Африке - 90 страниц.

«Глава VIII. О земле кафров и готтентотов и владениях голландцев на мысе Доброй Надежды... Обитатели сей пространной части Африки суть кафры, готтентоты и голландцы. Кафры вообще нравами дики, питаются более звероловством, а несколько скотоводством и плодами, веру имеют языческую... управляется каждое колено собственным своим князем. Готтентоты суть отличного от негров происхождения, нравами гостеприимны, к несчастным сострадательны, терпеливы в болезнях и особливо стараются наблюдать большую часть правил естественного закона... Они превеликие охотники до табаку и бетелю. Вера у них языческая...

С 1650 года Голландская Ост-Индийская компания купила сперва от готтентотов небольшой округ земли около мыса Доброй Надежды, основала в оном первые свои селения; но с умножением числа поселян увеличилось и число селений так, что ныне и великая часть земли Наталь куплена для сего от природных жителей голландцами.

Округ Кап занимает южнозападную часть страны сей. В нем Капштадт единый и главный во всей стране при Столовом заливе город, красиво и правильно выстроенный. В городе кроме европейцев и африканцев живет еще некоторое число китайцев и малайцев».

В 1780 г. вышла книга «Похождение готтентота, или дикого африканца, писанное им самим; переведено с немецкого в Санктпетербурге».

«Родился я в середине самого дикого и варварского народа, какой только в свете сыскать можно, в середине народа, который от других просвещенных едва в число людей причестся может... народом кафрским, обитающим в южной части Африки, и коего владение на несколько только дней езды от находящихся на мысе Доброй Надежды голландских селений отдалено... Мать моя была одна только дочь у короля... я узнал, что отец мой был белый... зверство сего народа никак не могло терпеть между собой чужестранца». Отца убили, сына белые взяли лакеем, но

«госпожа фон Марвик» решила «испытать, не можно ли сделать готтентота также разумным и ученым, как и лучшего европейца, дабы тем доказать философам нашего отечества, что душа в готтентоте имеет равную способность как и их, если только будет она иметь заблаговременно такое же наставление. Мало-помалу позабыл я совсем мое начало, происхождение, воспитание и рабство и приметил также, что и голландцы живущие на мысе об оном забыли».

И счастливый конец: «готтентот» стал «в роте прапорщиком 4 года», женился на дочери губернатора, и теща купила ему «недалеко от Бурдо весьма прекрасную дачу».

Рецензенту “Санктпетербургского вестника” (апрель 1780 года) книга не понравилась: «Изрядная любовная повесть, из числа тех, коих на чужестранных языках сотнями считать можно. Содержание ее мало соответствует заглавию, в рассуждении которого казалось бы надобно было ожидать другого чего, а не обыкновенных любовных дел. Сей готтентот только что родился между дикими африканцами и от европейского любовного витязя ничем не отличается».

Только вот почему издатели выбрали для перевода именно эту повесть? Расчет был, верно, на интерес читателя к жизни далеких народов. Заголовок привлекал, книгу покупали.

Но были публикации и неизмеримо более интересных произведений. В 1788 г. в Москве вышел перевод поэмы “Луизиада” классика португальской литературы Луиса Камозенса. Перевел ее Александр Иванович Дмитриев (1759-1798), известный поэт и переводчик, друг Карамзина. Поэма вышла отдельной книгой: “Луизиада, ироическая поэма Лудовика Камозенса. Перевод с французского де-ла-Гарпова переводу Александром Дмитриевым”. Поэма действительно информативна: говорилось в ней и о плавании Васко да Гамы, и о том, как у мыса Доброй Надежды перед ним и его спутниками предстал Адамастор, грозный дух этого мыса.

Появлялись и интересные журнальные статьи. Конечно, далеко не все южноафриканские события находили отражение в русской печати. Этому не приходится удивляться. Удивительнее другое.

О том, что Англия захватила Капскую колонию в ходе войны против

революционной Франции, русские читатели получили подробную информацию уже через три месяца - 20-страничную журнальную статью “Описание мыса Доброй Надежды. Драгоценность его. Важность. Завоевание англичанами”. Ею открывался “Политический журнал на 1795 год, перевод с немецкого. Часть IV, книжка 3, месяц декабрь. Москва, в Университетской типографии”.

Смене господства на мысе Доброй Надежды в статье придавалось большое международное значение. «Так Великобритания, 16-го сентября, нашего отличного по достопамятностям своим года, взяла в свое владение мыс... В капитуляции, по которой отдан онный превосходный и важный мыс англичанам, нет ни одного благоприятного пункта для несчастной Голландии... По справедливости завоевание англичанами мыса Доброй Надежды названо в “Ведомостях” важнейшим происшествием во всей нынешней войне... делает совсем новую эпоху европейской торговле в Азию. Этот мыс, как известно, есть обыкновенное и большей частью необходимое место отдохновения для всех едущих в Ост-Индию и Китай европейцев».

Об окончании полуторастолетнего господства Голландской Ост-Индской компании в статье нет никаких сожалений. «Известно также, что на сем мысе есть благоприятные металлы и жилы с рудами. Но Голландская компания, по правилам политики, всевозможно препятствовала открытию таких руд и вообще всякому обработанию той земли. Главная причина была та, что земля сия, при удобном ее удобрении, могла бы сделаться чрезвычайно населенной и сильною и не осталась бы долго под угнетающим господством торговой компании». В статье давалась развернутая характеристика хозяйства Капской колонии, природных условий, истории колонизации, описание самого Капштадта, в котором «считается по крайней мере выше 10000 жителей...».

Понятие “готтентот” еще не отделено от понятия “кафр”, хотя в самой Капской колонии кафрами уже тогда называли только представителей народов банту, с которыми колония еще только начинала знакомиться. Но говорится о готтентотах много. Делаются даже попытки разоблачить некоторые из бытовавших тогда представлений - они названы «баснословными вымыслами».

О мысе Доброй Надежды писал и Ломоносов. Он считал, что надо искать

путь к Индии через Северный Ледовитый океан – уж очень далека и трудна дорога вокруг Африки.

«По изобретении южного ходу около мыса Добрая Надежда в Ост-Индию..., старались разные морские державы сыскать проезд севером в те же стороны для избежания толь далекого по разным морям плаванья и для избытия многообразных в нем случающихся противностей и опасностей...».³⁰

Не обошли Южную Африку и составители четырехтомного «Сравнительного словаря всех языков и наречий по азбучному порядку расположенных» (СПб., 1790-1791), который составлялся по повелению Екатерины II академиком Петром Симоном Палласом, а завершен был Ф.И. Янковичем де Мириево. Один из основателей отечественной африканистики Д.А. Ольдерогге писал впоследствии: «Внимательный просмотр материалов второго издания Сравнительного словаря дает возможность установить, что в него были включены сведения по 33 языкам народов Африки... Шесть языков банту и один готтентотский».³¹

Самое подробное и верное представление о Южной Африке дала россиянам книга «Путешествие г. Вальяна во внутренность Африки, чрез мыс Доброй Надежды в 1780, 1781, 1782, 1783, 1784 и 1785 годах». Два тома, больше девятисот страниц. Вышли в Москве в 1793 г. Автор – французский натуралист Франсуа Ле Вайян (1753-1824). В русских переводах – Вальян. Это было тогда последнее слово западной литературы о Южной Африке. Труд Ле Вайяна был издан в Париже и Лондоне в 1790 г. Так что русский перевод вышел очень быстро.

И еще до издания перевода, в 1791 г., в “Московском журнале” появилась обширная рецензия – 35 страниц – на труд Вайяна перепечатка из “Меркюр де Франс”, со своим комментарием.

Вайян путешествовал по Южной Африке четыре года, с 1781 по 1785-й, уходил далеко за пределы Капской колонии, побывал и в местах, где до него не ступала нога европейца. И описал это очень подробно. Начав с изучения птиц,

³⁰ Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 6. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. - С. 426.

³¹ *Olderogge D.A.* The Study of African Languages in Russia // *Russia and Africa.* - М., 1966. - P. 17-18.

насекомых и бабочек, он перешел к наблюдениям над всем богатым животным миром тех краев. А живя среди готтентотов, приглядывался к ним и рассказывал о них читателям. Писал о них с уважением, любовью, подчас даже с любованием. «Я жил довольно долгое время с ними, жил у них, жил в недрах мирных их пустыней, с сими неустрашимыми человеками предпринимал я путешествия в отдаленные страны... ».

Вайян несомненно находился под влиянием идей Руссо о “благородном дикаре”. Он идеализировал африканцев, резко осуждал образ жизни европейцев в Капской колонии. И то и другое не всегда справедливо.

Рецензент в “Московском журнале” писал: «Можно попрекнуть автора тем, что он слишком любит хвалить диких и осуждать некоторые неудобства, неразлучные со всяким гражданским обществом... Он конечно знает, что просвещенные нации не сердятся, когда бранят их учреждения и общественной порядок. А есть ли бы не терпели они сатир на своих философов, поэтов, ораторов, то бы они еще несовершенно просвещены были».

Но какова бы ни была идеология автора, сведения его уникальны. Российские читатели получили подробное описание Капской колонии и самого Капштадта, какими они были при Голландской Ост-Индской компании, до прихода англичан. Для российских читателей книга Вайяна была открытием нового края на самом дальнем конце Африки. Живые люди, прежде всего африканцы, их труд, ремесла, одежда, домашняя утварь, охота, искусство. Горести и ликования после удачной охоты, бедствия, вызванные захватами их земель. Прочитав книгу, российский читатель узнавал новейшие европейские знания об этом крае ойкумены.

XIX столетие

Жаль было нам уезжать из Капской колонии...
мы пригрелись к этому месту...
Я думал, что уже вовсе неспособен к
Поэзии воспоминаний, а между тем
одно имя “Стелленбош“ расшевелило
во мне так много приятного...

*И.А. Гончаров – из писем Майковому
после его плавания на фрегате
“Паллада”, 1850-е годы*

Начало нового века стало рубежом в отношении России к дальним плаваниям. Это связано прежде всего с деятельностью Российско-Американской компании, которая возникла в самый канун XIX в., в 1799 г., в результате объединения русских промышленных компаний, действовавших на северо-западе Америки. Правительства Павла, а затем Александра I, стремясь укрепиться на Тихом океане, дали компании монополию на все промыслы и разработки природных богатств северо-запада Русской Америки, Алеутских, Курильских и других близлежащих островов сроком на двадцать лет. Компания могла иметь свои вооруженные силы, собственные крепости, торговать с иностранными государствами и, главное, - присоединять к владениям России новые земли.

Естественно, что компания нуждалась в постоянных связях с Петербургом, да и в подвозе настолько тяжелых или громоздких грузов, что доставлять их по суше через всю Россию было просто невозможно. Нужна была и «опись» океанских побережий и бесчисленных островов северной части Тихого океана (и течения, отливы, приливы, весь водный режим).

Верховная власть России не сразу осознала необходимость всего этого. На проект кругосветного плавания, поданный Крузенштерном, Павел I ответил: «Что

за чушь!». У него были основания для скепсиса. После смерти «матушки-императрицы» Павел мог, не кривя душой, написать в указе Адмиралтейской коллегии: «С восшествием нашим на прародительский престол приняли мы флоты в таком ветхом состоянии, что корабли, составляющие оные, большей частью оказались по гнилости своей на службу не способными».

Состояние флота, вряд ли было лучше и в первой половине XIX столетия, особенно в те годы правления Александра I, когда морское министерство возглавлял маркиз де Траверсе. «Во все время министерства маркиза де Траверсе..., - писал историк морского флота Ф. Веселаго, - корабли ежегодно строились, отводились в Кронштадт и нередко гнили, не сделав ни одной кампании».³² Для морской тренировки назначено было мелководье Финского залива у выхода из Невы – “Маркизова лужа”.

И все же в первой половине XIX столетия русские моряки совершили 36 кругосветных и полукругосветных плаваний. Начало этому положили шлюпы “Нева” и “Надежда”, которые первыми пересекли экватор и 14/26 ноября 1803 года показали андреевский флаг в Южном полушарии.

На мыс Доброй Надежды “Нева” и “Надежда” не заходили - лишь обогнули его. Их капитанам, Крузенштерну и Лисянскому, не впервой было приближаться к южной оконечности Африки. Они побывали здесь еще в девяностых годах, когда стажировались, служили “волонтерами” в английском флоте. В совместном плавании “Невы” и “Надежды” корабли потеряли здесь друг друга из-за непогоды и возвращались на родину уже порознь.

Первое подробное русское описание Юга Африки

Появлением этих подробных записок мы обязаны случаю. Задания “сверху” автор не получал, и заход его корабля на мыс Доброй Надежды не планировался.

Это первое подробное описание, сделанное нашим соотечественником, оказалось поразительно интересным. Наблюдательность, цепкость видения, широта взглядов, умение дать верную оценку. Автор записок - Василий Михайлович

³² *Веселаго Ф.* Краткая история русского флота. - М.-Л.: Военно-морское изд-во НКВМФ СССР, 1939. - С. 164, 193, 209.

Головнин, командир шлюпа “Диана”, который, первым из русских кораблей, причалил у мыса Доброй Надежды.

Судно казалось мало пригодным для далекого похода. Это был лесовоз, построенный на Свири; он пришел в Петербург, доверху груженный лесом. Кандидатура командира многим, должно быть, тоже казалась не бесспорной. Он не был еще ни начальником департамента морского министерства, ни членом многих научных обществ, ни членом-корреспондентом Академии наук, не входил в Совет Российско-Американской компании. Его имя еще не было нанесено на карты Курильских островов, Новой Земли, полуострова Ямал.

Подготовка плавания стала для Головнина первым по-настоящему крупным делом. Оказалось оно крайне сложным. Судно пришлось не просто снаряжать, а переоборудовать. Свирский лесовоз был, разумеется, построен для совсем иных целей и, конечно, не обладал необходимой прочностью. «Что же принадлежит до крепости судна, - писал Головнин, - то надобно сказать, что она не соответствовала столь дальнему и трудному плаванию: построено оно из соснового лесу и креплено железными болтами; в строении его были сделаны великие упущения, которые могли только произойти от двух соединенных причин: от незнания и нерадения мастера и от неискусства употребленных к строению мастеровых». Головнин сетовал, что строитель лесовоза «связал члены оною так только, чтобы можно их было в виде судна довести Невой до Петербурга».

Почему же все-таки была выбрана “Диана”? Головнин писал: «В выборе удобного для сего похода судна представилось немалое затруднение, ибо в императорском флоте не было ни одного судна, способного, по образу своего строения, поместить нужное количество провиантов и пресной воды сверх груза, назначенного к отправлению в Охотский порт»

В тот момент, в апреле 1808 г., Головнину шел 33-й год, он был еще только лейтенантом. Но в плаваниях – уже четырнадцать лет. За участие в битве со шведами на корабле “Не тронь меня” получил медаль.

В 1806 г., перед назначением капитаном “Дианы” Головнин только что прибыл из Англии. Стажировался там с 1802 г. Да и прежде служил за границей: в 1793-1794 гг. - в Стокгольме, в 1798-1799 - в Англии. Так что чиновники

петербургского морского ведомства личность его представляли, должно быть, весьма смутно. И назначая командиром сложного похода, доверились похвальным аттестациям английских адмиралов Уильяма Корнуэллиса, Горацио Нельсона и Кодберта Коллингвуда, под началом которых Головнин плавал больше трех лет - в Вест-Индии, в блокаде Кадикса и Тулона. Головнин сам писал в своей "Краткой биографии": командиром "Дианы" он был назначен «в уважение рекомендации английских адмиралов».33

Но выбор был верным - Головнин был не только отличным моряком, но и высокообразованным человеком. Читал не только Кука и других путешественников, но и Руссо, Вольтера, Дидро, Монтескье. Был настоящим патриотом: всматриваясь в жизнь чужих стран, болел за свою, примечал ее недостатки и говорил о них вслух. Не терпел показухи, потемкинских деревень. Возмущался, когда начальник Главного морского штаба накануне «высочайшего» смотра Кронштадской гавани велел выкрасить у кораблей те борта, которые будут обращены к императору. Его любовь к отчизне проявлялась не в чванливости, не в шельмовании других народов, а в стремлении улучшить жизнь своего.

И Капским заметкам Головкина веришь. Критикуя чужих, он не щадил и своих соотечественников. Попав с Юга Африки на Камчатку, сетовал, что «всякий чиновник и всякий солдат имел право с бочонком вина разъезжать по Камчатке и торговать с жителями, спаивая их с ума и употребляя разные обманы, чтобы выменять у них не только пушной товар, но и последний кусок дневной их пищи». И об управлении этим краем: «Когда мы видим часто дерзких смельчаков, которые, не страшась ссылки в Сибирь, употребляют с успехом во зло сделанную им доверенность и обогащаются в самых столицах, грабя казну и ближнего, то чего же должно ожидать от подобных сим людей в странах, отдаленных от высшего правительства на многие тысячи верст, где они управляют народами, не имеющими почти никакого понятия о законах и даже не знающими грамоты?».

Об управлении Сибирью: «Сибирь исстари была земля ябед и доносов... Бывали там чиновники, которых одна честь побуждала служить, так сказать, на сем

³³ [Головнин В. М.]. Путешествие на шлюпе "Диана" из Кронштадта в Камчатку, совершенное под начальством флота лейтенанта Головнина в 1807-1811 годах. - М.: Географгиз, 1961. - С. 29. Все цитаты - по этому изданию.

краю света, но весьма редко; и все такие были притеснены сверху за то, что нечем им было поделиться, а снизу оклеветаны и обруганы потому, что вора́м и грабителям не давали воли».

Критику Головниним действий Российско-Американской компании можно сравнить разве что со словами декабриста Пестеля в его “Русской правде”: «Самые несчастные народы суть те, которые управляются Американскою компаниею. Она их угнетает, грабит и нимало о существовании их не заботится; почему и должны непременно сии народы от нее быть совершенно освобождены».

Конечно, Головнин понимал, что его критика раздражает и чиновников, и обывателей. В своей “Краткой биографии” он писал о себе (в третьем лице): «Весьма любопытное его путешествие в 1810 году из Камчатки в Америку и обратно с подробным описанием колоний Российско-Американской компании по разным причинам не напечатано и, вероятно, не будет напечатано». И пояснил: «Потому что в оном слишком много правды сказано на счет правления компанейского в Америке».

Не увидела света при жизни Головнина и его работа “О состоянии Российского флота в 1824 г.” - его тревога и горечь за судьбу флота. Не прикрыл скромный псевдоним “Мичман Мореходов”. Не спасли реверансы перед новым самодержцем - Николаем I.

Критика Головниним российских порядков важна здесь потому, что именно она, на наш взгляд, давала ему право критиковать чужие народы. Так же рассуждал и историк и писатель Юрий Владимирович Давыдов, добрый друг одного из авторов, увы, давно ушедший. В своей книге “Головнин” он рассказал, как досталось Головнину, когда он, уже адмиралом, осмелился написать об истории кораблекрушений в российском флоте. «... Вот тут-то и началось. Ого, как возопили мундирные люди, виновники различных крушений. Теперь они были в больших чинах и не хотели, не желали, чтобы им кололи глаза прошлым. Как они вознегодовали, как брызнули слюной! Еще бы: Головнин осмелился вынести сор из избы. Как же так, господа? Да у нас в России все распрекрасно. А ежели когда и попутал бес, то зачем же тащить напоказ? А что в европах-то скажут, ась? Разве ж

так поступают благонамеренные сыны отчизны?».³⁴

...Чтобы составить о Южной Африке обоснованное суждение, у Головнина были все возможности: “Диана” стояла там тринадцать месяцев. И опирался Головнин не только на свои впечатления. «На мысе Доброй Надежды я перечитал почти все, что только об нем ни было писано, и сравнивал между собой замечания и мнения о разных предметах мною читанных авторов», писал он.

Столь долгое пребывание в Южной Африке не входило в планы Головнина. Когда “Диана” входила в Саймонстаун, военный порт рядом с Кейптауном, казалось, можно было ждать доброго приема. Встретивший корабль английский капитан Корбет был старым знакомцем Головнина: служба в британском флоте оставила ему немало таких знакомств. Но эта встреча с Корбетом оказалась весьма не приятной. Узнав, что “Диана” - русское судно, он, даже не спросив, откуда и куда “Диана” следует, отправился на британский флагманский корабль. Затем с флагмана прибыл лейтенант, задал обычные вопросы и тоже удалился. После чего Головнину объявили, что ввиду войны между Англией и Россией его судно - военный трофей.

Война с Англией, объявленная Александром I, шла уже полгода. Но “Диана” в течение 93 дней не заходила ни в один порт, а на последней стоянке, в Бразилии, о войне еще не слыхали. Правда, отношения России с Англией были натянутыми еще накануне плавания. В июле 1807 г., когда “Диана” отчалила от кронштадтского пирса, Александр целовался с Наполеоном в Тильзите. Потому-то в Англии Головнин на всякий случай выхлопотал у британских властей «такой паспорт, который обыкновенно дают воюющие державы неприятельским судам, отправляемым, подобно нам, для открытий».

В Капстаде Головнин и предъявил этот документ - охранный свидетельств, в котором говорилось, что “Диану” не надо задерживать, поскольку ее поход не преследует военных целей. В какой-то мере подействовало. Английское командование на Капе, по словам Головнина, решило, что «шлюп должен оставаться здесь не так, как военнопленный, но как задержанный под сомнением по особым обстоятельствам... Команда вообще будет пользоваться свободой,

³⁴ Давыдов Ю. Головнин. - М.: Мол. гвардия, 1968. - С. 184.

принадлежащей в английских портах подданным нейтральных держав».

Головнин даже впоследствии, когда он, казалось бы, мог как угодно очернить задержавших его англичан, не стремился выдавать себя за мученика, а их - за жестоких тюремщиков. «Дружеское и ласковое обхождение с нами англичан и учтивость голландцев делали наше положение очень сносным».

И в мае 1809 г., когда Головнин все же решил поставить паруса и уйти, не дождавшись разрешения британских властей, англичане не сделали ничего, чтобы задержать или преследовать “Диану”.

Этому вынужденному пребыванию Головнина на Юге Африки мы и обязаны появлением его записок.

Капскую колонию только что, в разгар наполеоновских войн, захватили англичане. Наполеон придавал Капу большое значение. «Мы должны взять Египет, если уж не можем выгнать Англию с мыса Доброй Надежды», - говорил он. Ведь и до него французские политики заглядывались на «морскую таверну» - флот и войска Людовика XVI накануне Великой Французской революции захватили ее и удерживали три года. Но после Трафальгарской битвы, где Нельсон уничтожил французский флот, Наполеону оставалось лишь утешаться: «На Эльбе и Одере мы получим нашу Индию, наши испанские колонии и наш мыс Доброй Надежды».

И все же судьба Капской колонии, когда туда пришла “Диана”, еще не была решена. Неясно было, обосновался ли британский флаг здесь надолго, или это лишь временная оккупация, и с концом войны сюда снова вернутся голландцы. Ведь англичане однажды уже ушли отсюда: захватили Кап в 1795 г., а в 1802-м, по Амьенскому миру, оставили. Эта оккупация была второй. Она началась в 1806-м, за два года до прихода “Дианы”. Вместе с англичанами в колонию явилась новая жизнь, куда более бурная. Англичане принесли сюда новый, XIX век.

Это время и запечатлел Головнин. Сравнивая положение колонии при Голландской Ост-Индской компании и при английских властях, он сделал вывод, что под британским правлением колонистам живется лучше, и хозяйство их растет быстрее.

Как моряк, он на первое место ставил сведения, важные для русских кораблей, которые окажутся здесь после него. Поэтому больше всего писал о

течениях, ветрах, погоде, гаванях. Тут его сведения энциклопедичны. Затем - о том, какими припасами здесь можно обзавестись и как избегать обмана купцов и торговых агентов. И тоже подробнейшие инструкции.

Стоит привести названия разделов большой главы “Нынешнее состояние колонии”. Они наглядно говорят о том, что Головнин охватил самые разные стороны жизни колонии.

«Пространство колонии, разделение ее, число жителей, гражданское и военное правление, описание Капштата и Симанштата.

Произведения колонии, нужные мореплавателям; обманы, употребляемые купцами при снабжении судов; средства с выгодой запастись всем нужным, не имея помощи в агентах, и цены съестным припасам и вещам.

О характере, обычае и образе жизни жителей. Их склонности, добродетели, пороки, занятия, расположения к иностранцам и пр.

О внутренней и внешней торговле.

Географическое положение мыса Доброй Надежды относительно к мореплаванию; заливы и рейды; моря, его окружающие; ветры, погоды и течения, и все прочее, принадлежащее к мореплаванию».

Какими же увидел Головнин тогдашних поселенцев? Тех, кто позднее стал известен как буры, а в наши дни называют себя африканерами (по-голландски - африканцами), со своим особым языком — африкаанс. В то время их называли голландцами, они еще не утратили связи со своей прародиной. Правда, многие местные белые были потомками выходцев из Франции, но Ост-Индская компания старалась вытравить употребление французского языка и весьма в этом преуспела.

О колонистах Головнин судил осторожно. Признался, что сельских жителей знает мало, да и горожанам старался не давать резких оценок. Но все-таки европейски образованному Головнину очень бросилась в глаза оторванность колонистов от европейской культуры. «Здесьние голландцы, занимаясь с самой юности только торгами и изыскиванием способов набогатиться, недалеко успели в просвещении, и потому их разговоры всегда бывают скучны и незанимательны. Погода, городские происшествия, торговля, прибытие конвоев и некоторые непосредственно касающиеся до них политические перемены суть главные и,

можно сказать, единственные предметы всех их разговоров. Они или делом занимаются или курят табак, до публичных собраний не охотники и никаких увеселений не терпят. Молодые люди танцевать любят, но у себя в домашних собраниях; в театре, однако ж, бывают, но, кажется, более для обряда: во всю пьесу они беспрестанно разговаривают между собою и, по-видимому, никакая сцена их тронуть не может в трагедии или рассмешить в комедии».

Головнин осуждал капских голландцев за их обращение с рабами. «Главнейший из их пороков есть, по мнению моему, жестокость, с каковою многие из них обходятся со своими невольниками... Невольников содержат в здешней колонии очень дурно... Сказывают, что с тех пор, как англичане ограничили жестокость господ в поступках к своим невольникам и запретили торговлю неграми, их стали лучше содержать и более пегчись о их здоровье. Скупость, а не человеколюбие, без всякого сомнения, была причиною такой перемены: невозможность заменить дешевою покупкою умерших негров заставила господ обходиться лучше со своими невольниками».

О самих невольниках, да и вообще о небелых жителях колонии Головнин писал мало. Близко общаться с африканцами, будь то свободные или рабы, ему, конечно, не пришлось. Иностранцы, бывавшие тогда в России, тоже не часто писали о крепостных – ведь говорить с ними они не могли.

Головнин подметил и зарождение неприязни между голландцами и англичанами – той неприязни, которая определила политическую историю страны в XIX веке. Головнин не винил ни одну из сторон, просто пытался вникнуть в причины.

При Голландской Ост-Индской компании колонистам жилось трудно. Она даже не разрешала им напрямую торговать с проходящими кораблями - только через ее посредство. А о наказаниях того времени Головнин привел свидетельства очевидца - англичанина Джона Бэрроу. Одно из них, порка, измерялось числом трубок - их курил чиновник; он мог курить медленнее или быстрее, продлевая или сокращая пытку.

Все это англичане отменили. «Здешние колонисты... можно сказать, переселились в земной рай с покорением колонии английскому оружию, в

сравнении с варварским, купеческим правлением, под тяготою коего они стонали. Безопасность жизни и имущества, ничего незначущие подати, совершенная свобода говорить и делать все то, что только не противно законам, справедливейшим в свете, и полная воля располагать и пользоваться произведением своих трудов суть главные выгоды, приобретенные жителями по великодушию своих завоевателей». Но это отнюдь не расположило голландских колонистов к британцам. «Несмотря, однако ж, на все сии выгоды, доставленные колонии британским правительством, большая половина жителей обоюбого пола терпеть не могут англичан».

Причина такой неприязни, по мнению Головнина: «Непомерная гордость и беспреостанное тщеславие, коих англичане никогда и ни при каком случае скрыть не умеют, из всего света сделали им явных и тайных неприятелей... Нет ничего справедливее сказанного лордом Честерфильдом в наставлении своему сыну, что тяжкая обида позабывается скорее, нежели колкая насмешка». Современники могли усмотреть, что Головнин пристрастно относился к Великобритании, глубоко уважал английские порядки. Но слепого пристрастия не было. Многие у англичан он критиковал.

Это первое подробное и опубликованное русское описание Капской колонии дало российскому читателю весьма полное представление об этом крае земли. Более всесторонней и четкой характеристики увиденного на Капе не появлялось в России потом за все XIX столетие. Отчасти потому, что после Головнина никто не жил там столь долго. Но главное, должно быть, в другом - в самом авторе, в его кругозоре, наблюдательности.

Южная Африка Головнина куда правдивее того, чем почти через сто лет, в годы англо-бурской войны, пичкали читателя черносотенцы. Для них вся южноафриканская действительность сводилась к тому, что добропорядочные патриархальные буры воюют с «хваленными либералами» англичанами, и чем больше их убьют, тем лучше.

Книга Головнина вышла в России в 1819 г. и с тех пор издавалась не раз. Нашла она отклик и в Южной Африке. Ее даже перевели на английский язык и издали в том самом Кейптауне, по улицам которого он когда-то ходил. Правда,

через полтора столетия - в 1964 г.³⁵ Но это лишь свидетельствует о ее исторической значимости.

В подстрочных примечаниях перевода даны справки об упомянутых Головниным жителях Капа, английских офицерах, чиновниках. Приведены годы их жизни, должности, титулы, чины. Расшифрованы и разъяснены имена и географические названия, упомянутые Головниным вскользь, с сокращениями. Найден даже подлинник приведенного Головниным извещения в капстадтской газете. Его, должно быть, нелегко было найти - Головнин не привел ни названия газеты, ни даты. Ни один факт в книге не опровергнут и не поставлен под сомнение. Наоборот, найденные в Кейптауне материалы даются, как говорится в одной из сносок, «в подтверждение точности сведений, сообщаемых Головниным». Отмечено, что записки Головнина помогли установить, когда и где была построена в Саймонстауне первая обсерватория. Там, где Головнин пишет о Кейптауне и его жителях весьма нелицеприятно, его записи приведены полностью, а мнения не оспорены.

Пребыванию “Дианы” на мысе Доброй Надежды посвящена и глава в книге об истории кейптаунской гавани. Она вышла в Кейптауне в 1985 г. Отношения между СССР и тогдашним правительством ЮАР были враждебными, и это, казалось бы, могло отразиться на публикации. Но – нет. О Головнине написано с большим уважением, хотя он и нарушил данное властям слово не покидать гавань. По мнению авторов он вполне имел право его нарушить. Дело в том, что Кейптаун запросил правительство в Лондоне, как поступить с “Дианой”, но ответ не приходил. У Головнина провизия для команды было на исходе. Англичане готовы были платить, если его матросы станут работать в порту, но работать на страну, с которой Россия была в состоянии войны – этого Головнин допустить не мог.

Так что автор книги вполне оправдывает бегство “Дианы”, когда вечером 19 мая 1808 г. Головнин приказать обрезать канаты двух якорей и, подняв паруса, ушел в открытое море. Начальнику Саймонстаунского порта, английскому вице-адмиралу Берти, Головнин оставил письмо с объяснением своего поступка.

³⁵ *Golovnin V.M. Detained in Simon's Bay. The Story of the Detention of the Imperial Russian Sloop "Diana" from April 1808 to May 1809. - Cape Town: Friends of the South African Library, 1964.*

Оставил письма и тем, с кем в Кейптауне и Саймонстауне у него сложились добрые отношения.³⁶

Гавань на полпути между Петербургом и Камчаткой

Вскоре появления андреевского флага у мыса Доброй Надежды стали привычными. Плавания проводились главным образом для перевозки грузов и для описи берегов северной части Тихого океана. Одни суда, подобно “Диане”, заходили на мыс, другие плыли мимо. Водное сообщение Петербурга с Дальним Востоком и Русской Америкой стало постоянным, а пути было только два - кругом Африки или кругом Южной Америки. Лишь с 1869 г. Суэцкий канал принял на себя большинство рейсов.

Недолгий перерыв в кругосветных и полукругосветных плаваниях русских судов наступил после похода “Дианы” и был связан с Отечественной войной 1812 г.

Но уже в 1814 г. южную оконечность Африки обогнул, направляясь в Русскую Америку, корабль “Суворов”. Вел его 28-летний М.П. Лазарев, впоследствии знаменитый адмирал. В 1818 г. в Столовой бухте стоял бриг “Рюрик”. Его вел другой известный мореплаватель, Отто Коцебу, сын писателя Августа Коцебу, автора драмы “Бениовский”. Из Капстада “Рюрик” пошел к Св. Елене, где англичане, охранявшие Наполеона, встретили его огнем береговой батареи. В 1819 г. в южноафриканских водах Головнин оказался снова. В кругосветном путешествии на шлюпе “Камчатка”. Теперь уже подойдя к Южной Африке с востока.

В конце 1819 - начале 1820 г. у мыса Доброй Надежды побывали шлюпы “Открытие” и “Благонамеренный”, а далеко к югу проплыли шлюпы “Восток” и “Мирный” - Беллинсгаузен и Лазарев шли открывать Антарктику.

В 1822 году в южноафриканских водах побывал шлюп “Аполлон”. В 23-м - фрегат “Крейсер” под командой М. П. Лазарева и шлюп “Ладога” а под командой его брата, А. П. Лазарева. В 26-м - шлюп “Предприятие” (командир - Коцебу). В

³⁶ *Tredgold Aderne*. Bay between the Mountains. - Cape Town, Pretoria: Human & Rousseau, 1985. - P. 59-60.

27-м – транспорт “Кроткий” (Ф.П. Врангель). В 29-м - шлюп “Сенявин” (Ф.П. Литке), корабль “Елена” (В.С. Хромченко) и снова “Кроткий”, на этот раз под командой Гагемейстера. Не будем продолжать этот перечень.

Океанский путь между столицей Российской империи и ее восточными окраинами, проложенный в начале столетия, превратился в столбовую дорогу. Движение по ней было регулярным. И Кап стал на этом пути постоянным двором и ремонтной мастерской.

Среди опубликованных тогда записок о Капе наиболее интересны очерки офицеров военного транспорта “Або”. На Капе он стоял с 24 января по 18 февраля 1841 г., исправляя повреждения в такелаже. Очерки о плавании написали два молодых офицера - Г.К. Блок и А.И. Бутаков. Алексей Иванович Бутаков, тогда 24-летний лейтенант, был старшим из трех братьев-моряков (все они стали потом известными адмиралами). Это Бутаков помог Тарасу Шевченко в ссылке: зачислив его в экспедицию рисовальщиком - предоставил ему относительную для ссылки свободу.

Самое интересное в записках Густава Блока - его сведения об африканских народах. О них он пишет куда больше, чем о белых, хотя и о белых не забывает. Сообщает, что в самом Капе насчитывается до 15000 жителей; «Капская колония содержит 40 000 белых и 50 000 невольников и готтентотов». Из своих наблюдений за местными белыми делает вывод, что «антипатия голландцев к британцам едва ли прекратится когда-нибудь».

Но страниц, посвященных африканцам, гораздо больше. И в них больше нового.

Блок объясняет, кто такие кафры. Это слово стало тогда все чаще мелькать в печати. Дело в том, что Капская колония, обосновавшись поначалу на землях готтентотов и бушменов, долгое время мало соприкасалась с народами банту, жившими к востоку и к северу от нее. С началом XIX столетия, расширяя свои границы, колония стала наступать на эти народы, захватывала одну за другой их территории, вела против них нескончаемые войны. С середины тридцатых годов положение особенно обострилось из-за “Великого трека” – переселения буров вглубь материка. Недовольные английским господством, буры стали переселяться

на земли, занятые народами банту: зулусами, коса, пондо, тембу и другими. Европейцы называли их кафрами, причем в ту пору это слово не имело такого презрительного оттенка, как в наши дни.

Самое происхождение слова “кафр” Блок объяснил вполне вразумительно и в общем верно.

«Кафрами называют много племен одного происхождения; язык их один и тот же, хотя различается в наречии. Название кафров произошло от арабского слова “кафир”, означающего вообще неверующего, басурмана. Кафры были найдены португальцами, в конце XV столетия, и после того несколько сот лет оставались совершенно неизвестными для этнографии. Наконец, в начале нынешнего столетия, Барров и Лихтенштейн отыскали их, можно сказать вновь».

Блок не делал вид, будто делится плодами собственных наблюдений над жизнью африканских народов. Он ссылаясь на труды путешественников: Джона Бэрроу, которого не раз цитировал еще Головнин, и берлинского профессора Лихтенштейна.

Густав Блок приложил к своим запискам десять рисунков. Здесь и панорама Кейптауна, и улица, и продавец фруктов, африканцы, готтентотка в европейском костюме и шляпе, как у лермонтовской княжны Мери. Блок словно старался приблизить жителей мыса Доброй Надежды к русскому читателю.³⁷

Бутаков тоже немало писал об африканцах и их участии в Капской колонии.³⁸

Но все же таких очерков было неизмеримо меньше, чем можно было ожидать. И даже лучшие из них не шли в сравнение с записками Головнина по широте охвата материала, по научности подхода и глубине мысли. Сказалось николаевское время. Адмирал Макаров писал позже о моряках николаевской России: «...На ученые работы стали смотреть весьма узко... Ученые труды наших

³⁷ [Блок Г.К.] Два года из жизни русского моряка, описание кругосветного плавания, совершенного в 1840-1842 годах на российском транспорте “Або” [сочинения]. Т. I. - Спб., 1854. - С. 65-66.

³⁸ [Бутаков А.И.]. Записки русского офицера во время путешествия вокруг света в 1840, 1841, 1842 годах // Отечественные записки. Т. XXXIII. - Спб., 1844; Бутаков А.И. Описание плавания военного транспорта “Або” вокруг света // Записки Гидрографического департамента. Ч. II. - Спб., 1844.

моряков почти прекратились».³⁹

Обломов на Юге Африки

Чего искал в дальних странах, зачем поехал туда автор “Обыкновенной истории”, еще не дав читателю ни “Обломова”, ни “Обрыва”?

Сам он отвечал на этот вопрос так: «Если вы спросите меня, зачем же я поехал, то будете совершенно правы. Мне сначала, как школьнику, придется сказать - не знаю, а потом, подумавши, скажу: а зачем бы я остался? Да позвольте еще: полно - уехал ли я?... Разве я не вечный путешественник, как и всякий, у кого нет своего угла, семьи, дома? Уехать может тот, у кого есть или то, или другое. А прочие живут на станциях, как и я в Петербурге, и в Москве».⁴⁰

Так писал И.А. Гончаров в Петербург семейству Майковых еще в начале плавания. Всяко подчеркивал, как мало интересуют его новые впечатления. «...Само море тоже мало действует на меня, может быть от того, что я еще не видал ни безмолвного, ни лазурного моря. Я кроме холода, качки и ветра да соленых брызг ничего не знаю. Приходили, правда, в Немецком море звать меня смотреть на фосфорический блеск, да лень было скинуть халат, я не пошел. Может быть, во всем этом и не море виновато, а старость, холод и проза жизни».

«Просто лень», пишет он в этом письме, а потом это письмо с юмористической торжественностью называет: «Это вступление (даже не предисловие, то еще впереди) к Путешествию вокруг света, в 12 томах, с планами, чертежами, картой японских берегов, с изображением порта Джаксона, костюмов и портретов жителей Океании И. Обломова».

Лень - и кругосветное путешествие, трудное и опасное в те времена. И обещание многотомных путевых записок пером Обломова!

В низенькой каюте фрегата, с авансом, взятым под будущее произведение у издателя “Отечественных записок”, и двумя тысячами рублей, занятых у брата, сидел он, куря сигару. Первый классик русской литературы, отправившийся в

³⁹ Макаров С.О. “Витязь” и Тихий океан. Т. I-II. – СПб.: Тип. имп. Академии Наук, 1894. - С. 231-232.

⁴⁰ Путевые письма И.А. Гончарова из кругосветного плавания. Публикация и комментарии Б. Энгельгардта // Литературное наследство. 22-24. - М., 1935.

кругосветное путешествие, сам себя называвший Обломовым.

Читатели могли многого ожидать от его будущих путевых очерков, от его наблюдательности, кругозора, острого взгляда. Ведь Гончарова знали не только как писателя. Он служил, и не мало лет, в департаменте внешней торговли министерства финансов. Столоначальник департамента, он был в курсе всех вопросов международных экономических связей. Никакой другой из русских классиков, кроме Салтыкова-Щедрина, тоже опытного чиновника, не был так поделовому связан с текущими мировыми событиями.

Капской колонии Гончаров придавал особое значение. Писал издателю “Отечественных записок” А.А. Краевскому: «Мыс Д[оброй] Н[адежды] - это целая книга, с претензиями на исторический взгляд». «Целая книга» и вышла. Гончаров назвал ее: “На мысе Доброй Надежды”. Напечатал в 1856 году, но не отдельным изданием, а в журнале “Морской сборник”. В виде журнального оттиска это действительно «целая книга», 156 страниц. Через два года, когда были завершены и опубликованы целиком очерки «Фрегат “Паллада”», она вошла туда составной частью.

В Саймонстауне фрегат стоял с 10 марта по 12 апреля 1853 г. Его готовили к тем бурям, которых ожидали восточнее мыса. «Весь фрегат, - писал Гончаров, - был снова проконопачен, как снаружи, так и изнутри, гнилые части обшивки были заменены новыми». Проверили и исправили такелаж. Необходимость серьезного ремонта выявилась сразу же по отплытии с Капа. В жестоком шторме этот проживший уже больше двадцати лет парусник, по донесению начальника экспедиции адмирала Е.Я. Путятина, «потек всеми палубами и показал движение в надводных частях корпуса», но все-таки выдержал. Долгие ремонтные работы дали возможность Гончарову познакомиться с жизнью колонии.

Вместе с офицерами “Паллады” он побывал в городках Стелленбош, Паарл, Веллингтон, Вустер. Осмотрел памятные места. Свои наблюдения резюмировал: «...Настоящий момент - самый любопытный в жизни колонии. В эту минуту обрабатываются главные вопросы, обуславливающие ее существование, именно о том, что ожидает колонию, то есть останется ли она только колонию европейцев, как оставалась под владычеством голландцев, ничего не сделавших для черных

племен, и представит в будущем незанимательный уголок европейского народонаселения, или черные, законные дети одного отца, наравне с белыми, будут разделять завещанное и им наследие свободы, религии, цивилизации?».

Буров Гончаров называл то голландцами, то африканцами - голландское слово “африканер” он переводил на русский точно. «Ступив на берег, мы попали в толпу малайцев, негров и африканцев, как называют себя белые, родившиеся в Африке». Или: «Он был африканец, то есть родился в Африке, от голландских родителей».

Судя по словам Гончарова, он думал увидеть что-то похожее на скваттеров Северной Америки - по романам Фенимора Купера, очень популярным тогда в России. «Наконец мы у голландского фермера в гостях, на Капе, в Африке! Сколько описаний читал я о фермерах, о их житье-бытье; как жадно следил за приключениями, за битвами их с дикими, со зверями...». Эта первая ферма была очень богата и вряд ли особенно типична. Гончаров не мог надивиться просторным комнатам и изобилию. А своим гостеприимством и хлебосольством хозяева в описании Гончарова выглядят российскими старосветскими помещиками. «Боже мой! Как я давно не видал такого быта, таких простых и добрых людей, и как рад был бы подольше остаться тут!».

И даже на работников-африканцев фермер сетует, как старосветский помещик на крепостных: «к постоянной работе не склонны, шатаются, пьянствуют».

Другой фермер, местный судья, потомок французских гугенотов, встретил гостей в черном фраке, белом жилете и галстуке. Но Гончаров говорит и о бедных фермах. «Хозяин мызы, по имени Леру, потомок французского протестанта; жилище его смотрело скудно и жалко».

Об отношении буров к британцам: «...Скрытая, застарелая ненависть голландцев к англичанам, как к победителям, к их учреждениям, успехам, торговле, богатству». О том, как глубоко она въелась: «Ненависть эта передается от отца к сыну, вместе с наследством». Хоть и мила ему бурская патриархальность, победителями в соперничестве двух белых народов на юге Африки, Гончаров считал англичан. И считал их успех «успехом цивилизации».

В оценках Гончарова, как и в его настроениях, много противоречий. «Жизнь моя как-то раздвоилась, или как будто мне дали вдруг две жизни, отвели квартиру в двух мирах. В одном я - скромный чиновник, в форменном фраке, робеющий перед начальническим взглядом, боящийся простуды, заключенный в четырех стенах, с несколькими десятками похожих друг на друга лиц, вицмундиров. В другом я - новый аргонавт, в соломенной шляпе, в белой льняной куртке, может быть, с табачной жвачкой во рту, стремящийся по безднам за золотым руном в недоступную Колхиду, меняющий ежемесячно климаты, небеса, моря, государства. Там я редактор докладов, отношений и предписаний; здесь — певец...».

Начав плавание, Гончаров чуть не кончил его еще в Англии. Еле удержался, чтобы не вернуться домой. А оказавшись в долгожданных морях и землях, писал больше не о них, а о родных местах. То и дело: «виноват, плавая в тропиках, я очутился в Чекушах и рисую чухонский пейзаж». Из Кейптауна пишет Майковым: «А тоска-то, тоска-то какая, господи твоя воля, какая! Бог с ней, и с Африкой! А еще надо в Азию ехать, потом заехать в Америку. Я все думаю: зачем это мне? Я и без Америки никуда не гожусь: из всего, что вижу, решительно не хочется делать никакого употребления; душа наконец и впечатлений не принимает».

Но совсем вскоре, когда настало время покинуть «трактир... на распутии мира», стало грустно. «Жаль было нам уезжать из Капской колонии... мы пригрелись к этому месту... Мне уж становилось жаль бросить мой 8-ой номер, Готтентотскую площадь, ботанический сад, вид Столовой горы, наших хозяев, и между прочим еврея-доктора».

В письме Майковым из Кейптауна: «Южный Крест - так себе». А в книге уже: «...С любовью успокаиваетесь от нестерпимого блеска на четырех звездах Южного Креста: они сияют скромно и, кажется, смотрят на вас так пристально и умно. Южный Крест... Случалось ли вам (да как не случилось поэту!) вдруг увидеть женщину, о красоте, грации которой долго жужжали вам в уши, и не найти в ней ничего поражающего? “Что же в ней особенного? - говорите вы, с удивлением всматриваясь в женщину, - она проста, скромна, ничем не отличается...” Всматриваетесь долго, долго и вдруг чувствуете, что любите ее уже страстно! И про Южный Крест, увидя его в первый, второй и третий раз, вы спросите: что в нем

особенного? Долго станете вглядываться и кончите тем, что с наступлением вечера взгляд ваш будет искать его первого, потом, обзрев все появившиеся звезды, вы опять обратитесь к нему и будете почасту и подолгу покоить на нем ваши глаза».

А еще через несколько лет - щемящая тоска при воспоминании о Южной Африке, об «Африканских людях», даже о хозяйке капштадтской гостиницы - о ее смерти написал Гончарову его друг Иван Иванович Лъховский, побывав в тех местах на корвете «Рында».

Гончаров отвечал ему (апрель 1859 г.): «Я думал, что я уж вовсе неспособен к поэзии воспоминаний, а между тем одно имя “Стелленбош” расшевелило во мне так много приятного: я как будто вижу неизмеримую улицу, обсаженную деревьями, упирающуюся в церковь, вижу за ней живописную гору и голландское семейство, приютившее нас, все, все. Точно также известие о смерти Каролины произвело кратковременное чувство тупой и бесплодной тоски... Не знаю, почему, но мне невообразимо приятно знать, что Вы, может быть, увидите еще места, которые видел и я».⁴¹

Очерки Гончарова впоследствии вызвали противоречивые отклики. Резкую отповедь он получил от Герцена в «Колоколе» в 1857 г. «Зачем Г-в плавал в Японию... без сведений, без всякого приготовления, без научного (да и всякого другого, кроме кухонного) интереса». Правда, эта резкость имела подоплеку. Одновременно Герцен саркастически поздравлял Гончарова с высочайшей милостью - назначением в цензурный комитет. И статью назвал: “Необыкновенная история о цензоре Гон-Ча-Ро из Ши-Пан-Ху”.⁴²

А Некрасов в “Современнике” в 1856 г. откликнулся одобрительно. Появились хвалебный отзыв Писарева, благожелательная статья Добролюбова.⁴³ Но критики все же было много, и больше всего досталось южноафриканской части. А через полвека, с началом англо-бурской войны, которая взволновала всю Россию, к очеркам Гончарова обратились, чтобы уяснить первопричины этой схватки.

⁴¹ Гончаров И.А. Письмо Лъховскому 2/14 апреля 1859 // Литературный архив. - М.-Л., 1951.

⁴² Герцен А.И. Необыкновенная история о цензоре Гон-Ча-Ро из Ши-Пан-Ху // Собрание сочинений. Т. 13. - М.: Академия наук СССР, 1958.

⁴³ Добролюбов Н.А. Рецензия на «Фрегат “Палладу”» // Собрание сочинений. Т. 1. - М.: Гос. изд. худ. лит., 1950.

Известный публицист С.Н. Южаков свою первую статью о бурской войне почти целиком построил на цитатах из “Паллады”. Он припомнил, что Гончаров больше любил останавливаться в английских гостиницах, чем на бурских фермах, да и вообще относился к бурам без той пылкой восторженности, которая охватила Россию в годы англо-бурской войны. Народнику Южакову это претило. В бурах он видел крестьян, мужиков, простой люд. Гончаров для него - «любитель английского комфорта», а замечания его в адрес буров он относит «на счет англomании барина, попавшего из комфортабельного купеческого отеля на постоялый двор зажиточного крестьянина. Мужик для барина всегда мужик, существо, от которого всегда хочется посторониться, будь это даже сам чистоплотный голландец». Приводя описание хозяйства бурской фермерши, которую Гончаров назвал «африканской Коробочкой», Южаков язвительно комментирует: «Барину не совсем по вкусу даже богатство мужицкое».⁴⁴

Южаков видел в Гончарове барина-крепостника, противника роста буржуазных отношений в Капской колонии. А еще через полвека, в статье «Фрегат “Паллада”», помещенной в собрании сочинений Гончарова, говорилось прямо противоположное: «Гончаров приехал в Южную Африку, и здесь-то во всей полноте выявились его буржуазные воззрения».

Южаков утверждал, что Гончаров неверно изобразил буров, но за отношение к африканцам его не осуждал. А в этой статье читаем: «Гончаров показал “туземцев” Южной Африки неверно. Говоря в очерке “Капштадт” о туземных обитателях Южной Африки, Гончаров наивно сожалел, что «они упрямо удаляются в свои дикие убежища, чуждаясь цивилизации и оседлой жизни». При этом обходился вопрос о том, что именно несла кафрам, готтентотам и бушменам эта обрекающая их на рабство “цивилизация”. Исторический очерк о “Капской колонии”, написанный Гончаровым по английским и голландским источникам, был полон идеализации европейцев. Гончаров считал, что последние в результате «победы над дикими» вправе получить «вознаграждение за положенные громадные труды и капиталы». У него даже не возникало и мысли о том, что европейские

⁴⁴ Южаков С. Южно-Африканская драма // Русское богатство. – Спб., 1899. - № 7 (10). - С. 139-140.

завоеватели согнали туземцев с их земель и обрекли их на все ужасы рабства».⁴⁵

Эти же обвинения в идеализации колониализма и презрении к страданиям африканцев были брошены Гончарову еще раз в 1952 г. Но всего через три года, в 1955-м, появилась еще одна, совсем иная оценка “Фрегата”: «...Произведение, разоблачающее буржуазную колониальную литературу, развивающее русские литературные традиции разоблачения колониальной системы и защиты народов колониальных стран».⁴⁶

Воистину, в любом тексте каждый видит то, что хочет увидеть. И что бы, правда, Гончарову не догадаться, что через полвека будет бурская война, а еще через полвека – конец колониальных режимов в Африке? Что бы ему из николаевской крепостнической России не разглядеть этого? А ведь Африку тогда не успели еще и захватить, лишь несколько колоний было на всей африканской земле.

Сам Гончаров не вырывал писателей прошлого из контекста их времени. О более ранних путешественниках он писал с уважением, стараясь понять стоявшие перед ними трудности. «Сочинения Содерлендов, Барро, Смитов, Чезов и многих, многих других о Капе образуют целую литературу, исполненную бескорыстнейших и добросовестнейших разысканий...». «Сочинения их - подвиги в своем роде; подвиги потому, что у них не было предшественников, никто не облегчал их трудов ранними труженическими изысканиями». Но ведь и тут его взгляды были потом вывернуты наоборот. «С иронией писал Гончаров о книгах западноевропейских путешественников», говорится в том же ученом произведении.⁴⁷

Но что бы ни приписывали Гончарову, его очерки стали самыми известными из всего, что писали в России о Южной Африке вплоть до последних лет девятнадцатого века.

В Южной Африке Гончарова тоже не забыли. “Кап в описании русского” – под таким заголовком перевод его очерков вышел в Кейптауне в 1960-1961 гг., в

⁴⁵ Гончаров И.А. Собрание сочинений. Т. 6. – М.: Гос. изд. худ. лит., 1952. - С. 387.

⁴⁶ Михельсон В.А. Записки В.М. Головкина и «Фрегат “Паллада”» И.А. Гончарова // Ученые записки Краснодарского государственного педагогического института. Вып. XIII (филология). - Краснодар, 1955.

⁴⁷ Там же.

четырех номерах «Ежеквартального бюллетеня Южноафриканской библиотеки».⁴⁸
Это на четверть века раньше, чем первый перевод всей книги Гончарова в Америке.⁴⁹

“Русские” - надежда народа коса

«Noma Russia – это обычное имя... Жители этих мест - после того, как русские убили сэра Джорджа Кэткарта – стали давать своим любимым дочерям имя “Мать русских”. Кэткарта [...] считали самым ненавистным колониальным губернатором – за то, что он разгромил ама-коса [самоназвание народа коса]...». Так сказано в романе южноафриканского писателя Зейкса Мда, изданном в 2000 г.⁵⁰ Роман исторический. Речь в нем идет об одном из самых трагических событий в истории африканцев Южной Африки.

“Оксфордская история Южной Африки” повествует о нем так: «Слухи о Крымской войне проникли в страну коса в 1854 г., и там стали поговаривать: "Русские такие же черные, как мы, и они придут помочь нам сбросить англичан в море". В марте 1856 г. Мдлаказа, советник вождя коса Сархили, услышал от Нонгкаусе, своей племянницы, что она “видела странных людей со стадом скота”». Когда он попытался в этом удостовериться, “эти незнакомцы приказали ему вернуться домой, в течение трех дней очищать себя, а на четвертый принести в жертву вола и затем снова прийти к ним”». Далее в книге приведены воспоминания Чарлза Броунли, английского колониального чиновника, свидетеля событий. По его словам Мдлаказа, возвратившись от этих незнакомцев, рассказывал, будто он видел множество черных людей, среди которых был и его брат, умерший несколько лет назад. Эти люди сказали ему, что они пришли издалека, перейдя через большую воду; что они – русские, что воюют против англичан и что идут на помощь кафрам; и что они ведут с собой стада скота; а скот,

⁴⁸ A Russian View of the Cape in 1853 / Translated by N. W. Wilson from I. A. Goncharov's “Fregat Pallada”, with Additional Notes by D. H. Varley // Quarterly Bulletin of the South African Library. - Vol. 45, N° 2-4, Vol. 16, N° 1. - Cape Town, 1960 - 1961.

⁴⁹ *Goncharov I.A.* The Frigate Pallada. - New York: St. Martin's Press, 1987.

⁵⁰ *Mda Zakes.* The Heart of Darkness. - Oxford University Press, 2000. - P. 70. Джордж Кэткарт – губернатор Капской колонии в 1852 г. Убит в 1854 г. в Крымской войне, в битве под Инкерманом.

который есть у народа коса, должен быть уничтожен.⁵¹

А сам Броунли писал: «С 1854 г. слухи о Крымской войне и о британских потерях широко распространились среди коса». ⁵²

Южноафриканский историк Джеффри Пейрес так резюмировал свидетельства тех времен: «Весть о гибели в сражении их бывшего губернатора распространилась среди коса с такой скоростью, которую европейцам трудно представить. Коса никогда не слышала о России. Еще меньше они могли понять причины Крымской войны. Они знали лишь, что какие-то таинственные “русские” убили сэра Джорджа Кэткарта и сдержали британскую армию. Кто это русские? Каким оружием они воюют? Какого они цвета? Колониальные власти отвечали, что русские – белые, и что британцы побеждают. Но такие разъяснения встречали вежливое недоверие. Возник слух, что два поселенца, которые бежали на земли коса, спасаясь от кредиторов, на самом деле – беглецы из разгромленной британской армии. Постепенно поверили, что русские – не белые, а черные, и даже, что это духи воинов коса, которые пали в различных войнах против Капской колонии. После вести о гибели Кэткарта коса месяцами следили с высоких холмов, не приближаются ли русские корабли». ⁵³

С «русскими» связывали и предсказание вождя Мланджени, которого многие коса считали пророком. Историк Мквайи, сам коса, писал в 1920-х годах, основываясь, очевидно, на преданиях своего народа, будто Мланджени перед смертью говорил, что перенесется за море – для встречи с Сифуба-сибанзи. Кто такие Сифуба-сибанзи? В источниках того времени связывают это слово с русскими. Вера в то, что они побеждали в Крымской войне, породила бесконечные пророчества еще до предсказания Нонгкаузе. ⁵⁴

О Крымской войне знали не только коса. В «Натальском журнале» в 1857 г. рассказывалось об уроженцах колонии Натал, населенной зулусами. Группу

⁵¹ The Oxford History of South Africa / ed. by Monica Wilson and Leonard Thompson. – Oxford: Clarendon Pr., 1969. - P. 256-257.

⁵² Brownlee C.P. Reminiscences of Kafir life and history, and other papers. - Lovedale: Lovedale Mission Press, 1896. - P. 135.

⁵³ Peires J.B. The Dead will arise. Nongqawuse and the great Xhosa Cattle killing of 1856-7. - Johannesburg: Ravan press, 1989. - P. 72-73.

⁵⁴ Ibid. - P. 137.

зулусов в том году возили в Англию, на выставку, посвященную жизни африканских народов, и по возвращении спросили о впечатлениях. Они ответили: «Англичане воевали против Ами Руси. Мы видели солдат, которые садились на корабли, уходящие на войну».55

Да и Теводрос, император Эфиопии, повелев в 1860-х годах отлить гигантскую пушку, назвал ее “Севастополь” - в честь города в Крыму, оказавшего отчаянное сопротивление англичанам. И весом в 70 тонн, и названием она должна была, как считали эфиопы, устроить враждебную Англию.

В России об этих поверьях знали моряки, бывавшие на мысе Доброй Надежды. В «Морском сборнике» печатались, например, письма лейтенанта В. Линдена. «Для возбуждения народа хитрый Крали употребил колдуна, пророка Умлакази; замечательно, что в своих красноречивых пророчествах он не забыл о нас, русских. Между прочим он говорил народу, что имеет во сне сообщения с духами прежних предводителей кафров; что все они готовы воскреснуть и приведут с собой русских; что последние не белые, как полагают, а черные и все были храбрыми кафрскими воинами; что Лин, пророк 1819 года, и Гайка быют уже англичан за морем... Даже назначил 18 февраля 1857 года днем исполнения своих чудес. Но увы... предки и русские не явились. Англичане приготовились к отпору, и восстание, кроме отдельных небольших стычек, совершенно рушилось».56

Не удивительно, что измученные неуклонным наступлением Капской колонии на их земли, непрерывными набегами колонистов, люди уверовали в чудо. Особенно рьяно выполняли волю духов в области к западу от реки Кей - на тогдашних картах она обозначалась как Кафрария, потом именовалась Сискей. Эта область ощутила британское господство куда сильнее, чем племена коса, жившие восточнее реки Кей, в районе, названном потом Транскеем. Считается, что в одном лишь Сискее было уничтожено 200 тысяч голов скота (веря предсказанию, люди сами убивали свой скот).

Голод охватил эти земли, населенные десятками тысяч людей. Погибло больше 25 тысяч человек, а остальных страх перед голодной смертью погнал от

⁵⁵ The South African Saturday Book / Ed. by E. Rosenthal. – London: Hutchinson, [n.d.]. - P. 157.

⁵⁶ Капская колония (из писем лейт. Линдена с корвета “Боярин”) // Морской сборник. – Спб., 1870. - № 10.

родных мест. Население Сискея с января по июль 1857 г. резко сократилось.

Очерки пером и карандашом

Среди русских очерков о Капской колонии, которые появились вскоре после «Фрегата “Паллада”», наиболее интересны те, что принадлежат перу Алексея Владимировича Вышеславцова (1831-1888). Его книга (600 страниц) «Очерки пером и карандашом из кругосветного плавания в 1857, 1858, 1859 и 1860 годах» вышла в 1862 году в Петербурге, отпечатана в типографии Морского министерства. В книге и 27 гравюр - зарисовок Вышеславцова. А через пять лет она вышла вторым изданием.

Вышеславцов был человек разносторонний. Искусствовед, художник, писатель. По образованию врач. Участвовал в Крымской кампании, на легендарном Малаховом кургане и вскоре опубликовал свои военные очерки. Известен и как автор книг об итальянских художниках эпохи Возрождения, а в последние годы жизни - и как видный земский деятель.

Кругом света он плывал в 1857-1860 годах на военных кораблях “Пластун” и “Новик”, в эскадре, отправленной для «акклиматизации нашего флота в японских и китайских пристанях». Это были уже паровые суда, не в пример гончаровской “Палладе”.

Записки и зарисовки Вышеславцова документальны. Он восхищается, а то и возмущается тем, что у него перед глазами. Мгновенность зарисовок пером и карандашом не дает ему возможности отвлекаться от природы, уходить от действительности к отвлеченным умозаключениям.

Мыс Доброй Надежды, Капскую колонию никто из русских путешественников не мог так подробно осмотреть - во всяком случае, после капитана Головнина.

У Вышеславцова было к тому больше возможностей, чем у Гончарова. Пробыл он на мысе в два с половиной раза дольше - почти три месяца. Побывал во многих местах. «Знакомство мое с капскими колониями ограничилось не одною поездкою в Капштадт и его окрестности», писал он. «Время у меня было, и я успел несколько раз побывать во внутренних землях колонии; был в Стелленбоше, в

Дракенстеене, в Паарле и Веллингтоне; проехал по знаменитой дороге Бена, чрез ущелье... Ради изучения края был я в гостях у многих фермеров, видел их жизнь... осматривал их хозяйство... Я познакомился со всеми докторами и даже миссионерами тех местечек...».

Книга Вышеславцова имеет в наших глазах еще одно достоинство. Он ездил по колонии уже вооруженный гончаровскими записями. Мог сопоставлять. Они побывали на Юге Африки в одно и то же время года: Гончаров - с 10 марта по 12 апреля, Вышеславцов - с 3 марта по 25 мая (по старому стилю). А промежуток между их посещениями настолько невелик - ровно пять лет, с 1853 по 1858 год, - что Вышеславцов видел те же места, когда они еще не успели сильно измениться. Бывал на тех же фермах, встречался с теми же людьми. Вышеславцов спрашивает читателя: «А помните ли вы в рассказе г. Гончарова двенадцатилетнюю девочку, дочь хозяина гостиницы в Паарле?». И продолжает: «Она вышла замуж за аптекаря в Веллингтоне; сделалась отличною хозяйкой, что, впрочем, неудивительно, но сделалась и премилою дамою».

Самого Вышеславцова сходство наблюдений даже смущало, и именно этим он объясняет краткость своих описаний. «...Я не хочу употреблять во зло ваше внимание, и притом почти все эти места вы знаете уже по превосходным описаниям г. Гончарова, которые, кроме своего литературного достоинства, отличаются удивительною верностью».

Но для нас важно как раз это подтверждение гончаровских наблюдений. Да и то новое, чего не было у Гончарова. При всей своей скромности Вышеславцов признает: «...Я, как турист, был счастливее его».

А рисунки Вышеславцова - это первые картины южноафриканской жизни, деланные русским художником. Во всяком случае, первые опубликованные. Моряки, бывавшие на Капе раньше, тоже делали зарисовки, но обнаружить их пока не удалось. Да и из картин Вышеславцова, конечно, воспроизведены в его книге далеко не все. Второе издание, в 1867 году, вышло вообще без гравюр. А в первом Капской колонии посвящены три. Подпись под всеми одна и та же - «Мыс Доброй Надежды», без каких-либо уточнений.

Одна из картин особенно интересна. На ней крупным планом показаны

характерные типы жителей. Это африканцы, главным образом готтентоты. Местные малайцы, потомки рабов, привезенных сюда двумя столетиями раньше. Индийцы, тоже привезенные для выполнения различных тяжелых работ. Цветные - так в Южной Африке называли, да и сейчас называют, метисов.

Одним словом, Вышеславцев запечатлел тех, кого в Южной Африке именуют небелыми. Во всем их тогдашнем обличе. Рыбак, матрос, торговец рыбой. Готтентотка с ребенком, привязанным за спиной. Все в европейской одежде, хотя кое-кто и в рваной, да и ноги босы. Все они - жители городских поселков или "белых" ферм. Вышеславцова, как и Гончарова, и других русских путешественников, возили по наиболее обжитым белыми людьми частям колонии. В селениях африканцев ему побывать не удалось.

Но тем ценнее, что он на своей картине изобразил не дворец губернатора, не гостиницу для приезжих из Европы и не благоденствующую бурскую или английскую ферму, а этих людей, на которых никакие гиды и сопровождающие отнюдь не стремились обратить его внимание.

Да и на второй картине Вышеславцова - двое африканцев, скорее всего готтентотов. Один тащит мешок, второй, уже немощный, опирается на посох. Бредут по дороге в город. На третьей - океанский берег.

Вот рассказ самого Вышеславцова о том, как он делал свои этюды.

«Переходя из улицы в улицу, с пристани на рынок, попали мы с Ч. на двор пакгауза, где толпа индусов хлопотала около больших весов, вешая огромные тюки и складывая их потом в целые горы. Почти все индийцы были голые; небольшие белые передники, красные фески да ожерелье составляли весь костюм их. На некоторых были белые плащи, набросанные с таким вкусом и умением, что можно было засмотреться на складки этой живописной одежды, облегающей коричневое тело. Толпою распоряжался небольшой худенький человек, кровный индус, в чалме из тонкой белой шали и в белой рубашке, или тунике, красиво драпировавшейся на его грациозном, породистом стане. Собою он был тоже очень хорош; взгляд орла, тонкий, прямой нос с прекрасно очерченными ноздрями, рот почти женский; небольшие усы темнели даже на темном фоне кожи; маленькие сухие руки, с тонкими длинными пальцами, могли бы возбудить зависть самого

лорда Байрона, который красоту рук своих ставил, кажется, выше своей поэтической славы и которого аристократическое происхождение Али-паша признал по рукам и ушам».

Пожалуй, к чести Вышеславцова стоит вспомнить, что тогда, как и в наше время, писать так об индийце мог только человек, не зараженный расизмом.

Вышеславцов стал рисовать его. Однако завершить этюд оказалось трудно. «Но господин, который нанял индийцев для работы, вовсе не разделял нашего восторга; сначала он, ворча как бульдог, ходил кругом нас, но наконец без церемонии разогнал живую картину».

Видя эти зарисовки и читая о том, как они делались, разве можно не добавить: как же много надо запаса доброты к человеку вовсе другому, под иным небом живущему, чтобы так сердечно передать карандашом его улыбку.

Больше всего Вышеславцов писал о людях, о том смешении рас и народов, которое он увидел в Капской колонии. «Кажется, будто все народы мира прислали в Каптаун по образчику своей национальности; на улицах пестрота удивительная; то краснеются малайские тюрбаны, то стоит толпа кафров, людей сильно сложенных, с лицами темно-медного цвета, то Мозамбик, то негр pur-sang, то индус в своем живописном белом плаще, легко и грациозно драпированном. Прибавьте англичан во всевозможных шляпах, как например, в виде серой войлочной каски с каким-то вентилятором, чем-то в роде белого стеганого самовара; то в соломенной шляпе с вуалью. Между кафрами, неграми, англичанами и малайцами изредка являются шкипера и каптены с купеческих судов, и солдаты в красном мундире, наконец и мы, жители Орла, Тамбова, Твери...».

Свидетельства Вышеславцова о жителях Капской колонии особенно интересны потому, что он подробнее, чем кто-либо другой из русских, описал африканское население. Не только готтентотов, живших в Капской колонии, но и народ коса.

Причина внимания Вышеславцова к коса крылась, вероятно, не в каких-то особых его взглядах и не в особой его наблюдательности. Ведь непосредственно перед тем, как он ступил на капскую землю, всего за несколько месяцев, происходили жаркие схватки между коса и колонистами. И слух о “русских”, и

ужасное предсказание, будто если народ уничтожит свой скот, англичане сами уйдут с их земель.

Это привлекло внимание Вышеславцева. Он собирал сведения о различных племенах коса, об их истории, о правителях и вождях - даже ездил в кейптаунскую тюрьму, чтобы посмотреть на одного из них, захваченного в плен. Рассказывал о традициях и образе жизни коса, о том, что они едят, как строят жилища, об их одеяниях и оружии, о взаимоотношениях между племенами. Вот одна из общих характеристик: «Про них говорят, что они мудры в совете и храбры в бою, остроумны и великодушны, благодарны за малейшее одолжение и патриоты в самом обширном значении слова. Рост их достигает обыкновенно 6,7 фут; малорослых и тщедушных между ними нет. В движениях и приемах кафра столько благородства и изящества, что один английский путешественник назвал их народом джентльменов. Кафры большие дипломаты, их понятия о предметах, для них совершенно новых, иногда удивительно верны. О Европе и ее государствах знают они довольно верно и много, а политические известия Европы, бог знает каким путем, доходят до них так же скоро, как и до колонистов; известный факт, что кафры знали о последней французской революции и низложении Людовика-Филиппа раньше, нежели колонисты. Один раз каптаунский губернатор вздумал погрозить им, что через три дня явятся к ним из Англии военный пароход; «неправда, - отвечал кафр, - два раза переменится луна, прежде нежели придет к вам приказание от вашей королевы».

Вождей коса Вышеславцов характеризует как по своим личным впечатлениям, так и по собранным сведениям. «Кафрским Шамилем» он назвал Сандили, одного из крупнейших вождей и военачальников коса.

«Военный талант его признают сами англичане; он постоянно разнообразил свои маневры, сбивая с толку европейскую тактику: то стремительно нападал сильною сомкнутою колонною, то разделял ее на малочисленные отряды, отправлял их на разные точки и потом, в быстром отступлении, снова соединял их; то, наконец, рассыпал войско в застрельщики, смотря по местности, и вдруг, собравшись быстро в массу, ударял опять сомкнутым фронтом. Преследуя кафров, колонисты и английские войска истомлялись трудными переходами, в

продолжении которых, иногда по несколько дней, не видели неприятеля; между тем, кафры, выждав удобную минуту, быстро и неожиданно напали, скрывались так же быстро и снова появлялись в таком месте, где их всего меньше могли ожидать. Лучше нельзя было действовать в их положении».

О другом вожде: «Известный Макомо стар, дряхл и хил... В лице его видно выражение независимости, и в глазах ум, во всем лице — смелость и решительность». О Сандили и Макоме писал и Гончаров.

Трудно сказать, кого именно имел в виду Вышеславцов, рассказывая: «поехали мы в тюрьму смотреть заключенного там кафрского предводителя». В описании Вышеславцова выглядел он так:

«...Редко можно встретить лицо такое характеристическое.

Ему казалось лет пятьдесят пять, редкая седая борода ясно обрисовывалась на темно-бронзовом лице; в широких губах было выражение сильной воли... Обращаясь на кафрском языке к кому-то из своих товарищей заключенных, он чему-то смеялся, вероятно, острил и, как мне показалось, над самим собою. В его позе и в выражении лица видно было желание казаться веселым и веселить других, как будто роль шута ему очень нравилась. Или это была маска, желание показаться твердым в несчастье?

Много разных чувств являлось в душе, когда я смотрел на этого вождя, на этого владетеля. Когда-то горячие патриотические чувства воспаляли это бронзовое лицо; огонь блистал в этих глазах, теперь гноящихся и слезливых».

Вышеславцов стремился понять причины враждебности между племенами коса и Капской колонией, чтобы объяснить читателям, кто же, по его мнению, прав, а кто виновен. И пришел к заключению: история взаимоотношений не к чести колонии. «Колониальное правительство, под предлогом восстановления прав готтентотов на эти земли, вытеснило оттуда кафров (в 1811 и 12 годах); но не отдало готтентотам ни одной десятины... С тех пор начинается постоянная война кафров с колонистами».

Вывод автора вряд ли привычен читателям той поры: «Нельзя не пожелать, чтобы восторжествовала правая сторона, хотя, к стыду европейцев, она принадлежит дикарям».

Вышеславцов привел интереснейший документ - "Речь кафрского уполномоченного, после беспрерывных стычек посланного (в 1818 г.) к английскому главнокомандующему".

«Английский вождь! Эта война - несправедливая война; вы хотите покорить народ, который сами же заставили взяться за оружие. Когда наши отцы и белые встретились в первый раз в Цуурвельде (Альбани), они стали жить в мире, их стада паслись вместе по холмам и долинам; а хозяева их курили из одной трубки; они были как братья. Колонисты стали жадны, и когда им нельзя было выменять всего нашего скота на свои старые пуговицы и бисер, они захотели отнять наш скот силою. Наши отцы были мужи; они любили свой скот, их жены и дети питались его молоком; они стали оборонять собственность, и началась война. Отцы наши вытеснили буров из Цуурвельда и поселились там, потому что они честно завоевали эту землю; там мы были обрезаны, там мы брали себе жен, там родились наши дети. Буры ненавидели нас, но покорить не могли. Но вы (англичане) пришли сюда и подружились с нашими врагами. Вы назвали коварного Каику братом и захотели завладеть Цуурвельдом; вы налетели на нас как саранча. Мы уступили...

Но вы хотите войны, вы твердо желаете уничтожить всех нас, до последнего».

Текст этой речи Вышеславцов нашел в одной из книг англичанина, писателя Томаса Прингла. Это был первый в Капской колонии борец за свободу печати. Он выступал против властей настолько активно, что ему пришлось покинуть колонию. Обращение к книге Прингла характеризует самого Вышеславцова. В официальных кругах колонии имя Прингла связывалось с крамолой.

Довольно верно Вышеславцов объясняет и события, о которых говорится в речи: и о том, как капские власти разжигали междоусобицы среди коса, и о Макане, человеке, оторого этот народ по сей день считает своим героем, и о вожде Нкике (Гайке, Каике) (о нем писал и Гончаров). «Капское правительство, вмешавшись в ссору Каики с соседними племенами, послало сильное войско за Рыбную реку и угнало до 23 000 голов скота. Приведенные в отчаяние и вынужденные нуждою и голодом, враги Каики соединились и, побуждаемые своим проповедником Манканною, ворвались в числе десяти тысяч в колонию и захватили Грамстоун

(Grahamstown), где была главная квартира английской армии. Скоро, однако, они должны были отступить; их преследовали, жгли их крали (деревни), запасы и убивали всех, и мужчин и женщин... Доведенные до крайности, кафры отправили к англичанам послов с приведенным предложением. Манканна был взят в плен и приведен в Капштадт, откуда его отправили на остров Роббен (Robben), находящийся в Столовой бухте. Он бежал оттуда и второпях утонул».

Писал Вышеславцов и о зулусах, и о других южноафриканских народах банту, но меньше. Они жили дальше от колонии, и европейцы знали их хуже.

О готтентотах: «Готтентотский тип исчезает, и скоро, может быть, не найдется ни одного представителя чистого готтентотского типа, с крупными чертами лица, с улыбкою, выказывающею белые зубы... Готтентоты - первоначальные обитатели мыса, и, может быть, поэтому число их быстро уменьшается, и тип их, так оригинальный, исчезает. Такова судьба всех дикарей, в соседстве которых поселяются европейцы».

Может ли удивлять тут слово «дикарь»? Тогда так писали. Если забыть об этом, то вряд ли удастся хоть сколько-нибудь ясно восстановить характер бытовавших представлений.

Кейптаун встречает сына русского царя

Но из всех посещений русскими Южной Африки в 1870-х годах самое большое внимание и в России, и в Кейптауне привлек визит 22-летнего великого князя Алексея Александровича. Не столько тем, что он был сыном царя Александра II, сколько его романтической историей. Он то ли вступил, то ли собирался вступить в морганатический брак с девушкой, которая считалась ему совсем не парой – Сашей Жуковской. Она была дочерью поэта Жуковского и фрейлиной императрицы Марии Николаевны, жены Александра II. Александр II отправил сына в кругосветное плавание на два-три года, чтобы дать ему время одуматься. Разговоры об этом сопровождали его всюду, но на Капе еще подогревались слухами: якобы незадолго до визита великого князя в колонию якобы появилась таинственная русская принцесса, богатая, но много лет уже в

опале. Она якобы посетила и алмазные копи.⁵⁷

Алексей прибыл в Кейптаун 3 июня 1872 г. В газете “Кейп Аргус” (как и в других кейптаунских газетах) об этом сообщалось весьма торжественно: «Давно ожидавшаяся русская имперская эскадра с великим князем Алексеем на борту прибыла в Столовую бухту».⁵⁸ Командовал эскадрой вице-адмирал Посьет. Двадцатью годами раньше Посьет побывал на Капе на фрегате “Паллада” вместе с Гончаровым, ездил с ним вглубь страны и, как и Гончаров, повидал тюрьмы и познакомился с их обитателями.

Великому князю была устроена пышная встреча: капский парламент принял приветственную резолюцию и даже выделил средства для его приема.⁵⁹ Все три недели, что князь пробыл в колонии, капские газеты сообщали о его развлечениях: об официальном приеме в Доме правительства, об успехе бала в его честь. О его поездках по колонии, о банкете на фрегате “Светлана”. О том, как он покупал самые дорогие страусовые перья. О том, что он вручил жене капского генерал-губернатора, леди Беркли, «великолепный подарок» от русской императрицы, а одной из кейптаунских именитых дам малахитовое ожерелье - от себя.⁶⁰

Великий князь привлек внимание капской публики снова два года спустя, когда возвращался с Востока, из своего путешествия, уже командуя фрегатом “Светлана”.⁶¹ К этому времени его сестра, великая княгиня Мария, вышла замуж за принца Альфреда, второго сына королевы Виктории, и стала принцессой Эдинбургской. Естественно, это стало важной темой светской болтовни, а кто мог лучше рассказать о новой принцессе, чем ее родной брат?

Оба визита привлекли внимание кейптаунской публики к России, но главным впечатлением, которое она вынесла, была роскошь и пышность жизни царской семьи.

А что же князь? Излечился от любви? О неравных, “морганатических”,

⁵⁷ Standard and Mail. - Cape Town, 28 March 1872.

⁵⁸ Cape Argus. - Cape Town, 4 July 1872.

⁵⁹ Cape Argus. - Cape Town, 6 July 1872.

⁶⁰ Cape Argus. - Cape Town, 6, 9, 11, 13, 16, 18, 20, 23, 25 July 1872; Standard and Mail. - Cape Town, 4, 6, 9, 11, 18, 20, 23, 26 July 1872; National Archives of South Africa (далее NASA). KAV. GH, vol. 1/348, Ref. 77, Part 1.

⁶¹ Cape Argus. - Cape Town, 22 Jan., 21 and 25 Apr., 18 July 1874.

браках царской семьи в те годы открыто не говорили. Да и позже, уже после его смерти, достоверных сведений об этом романе было немного. Генерал Александр Мосолов, начальник канцелярии министерства императорского двора, писал в своих воспоминаниях: «Алексей Александрович еще совсем молодым человеком увлекся фрейлиной Жуковской и, как тогда говорили, вступил с ней в тайный брак и имел от нее сына, получившего фамилию графа Белевского. Впрочем, по более поздним справкам у членов императорской фамилии, слухи о браке великого князя Алексея Александровича неверны. Брак с фрейлиной Жуковской заключен не был. Сама она прожила недолго».⁶² По другим сведениям - Жуковская умерла не так уж рано, в 1893 г., успев выйти замуж за доктора фон Вермана.⁶³

Великий князь был в своей относительной опале недолго. В январе 1881 г. он был назначен членом Государственного совета. А Александр III, взойдя на трон в марте 1881 г., после убийства Александра II, простил своего любимого брата. В июле того же года Алексей Александрович был назначен главным начальником флота и морского ведомства, а в январе 1882 г. кейптаунским властям была передана его благодарность за гостеприимство, оказанное русскому военному кораблю «Крейсер». Благодарность он подписал уже как верховный адмирал российского флота.⁶⁴ Ему только что исполнился тогда 31 год.

Эту высокую должность Алексей Александрович сохранял в годы царствований и своего брата Александра III, и своего племянника, Николая II. Взлету его морской карьеры помог не только титул, но и то кругосветное путешествие. Никаких талантов в морском деле князь не проявил ни тогда, ни позже. С.Ю. Витте дал ему такую характеристику: «человек, который своих собственных государственных идей и вообще серьезных идей не имел. Он был скорее склонен к личной удобной приятной жизни, нежели к жизни государственной». К тому же он «всегда находился под влиянием той дамы, с которой он в данное время жил».⁶⁵

⁶² Мосолов А.А. При дворе последнего российского императора. - М.: Анкор, 1993. -С. 72-73.

⁶³ Там же. - С. 260.

⁶⁴ NASA. KAV. GH. Vol. 1/416. Ref. 13.

⁶⁵ Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 3. – Ленинград: Государственное издательство, 1924. - С. 253

Много лет спустя, уже после назначения Алексея Александровича морским министром, во время англо-бурской войны, газеты “Новое время” писал: «Морской министр живет в Петергофе со своей любовницей и ничего не делает. Пока генерал-адмирал – великий князь, никакого у нас флота не будет. Великие князья ничего не делают, а министры все: «как бы не обеспокоить великих князей. Воровство колоссальное». Конечно, написать такое в своей газете никто не посмел бы, так что запись эта осталась только в дневнике издателя. Тогда же, в 1900 г. этот издатель предвидел уничтожение русского флота японцами. «Император ненавидит японцев...», писал он. «Флот наш плох... У японцев флот прекрасный, и они могут уничтожить нас живо».⁶⁶ Что и произошло через несколько лет во время русско-японской войны.

О визитах Алексея Александровича в Кейптауне должны были вспомнить еще раз в 1904 г., когда громадная русская армада проплывала мимо берегов Южной Африки на Дальний Восток, на войну с японцами. Ведь он был одним из тех, кто послал тысячи русских моряков на верную гибель. После разгрома российского флота он удалился от дел и, как многие русские аристократы, оставив свой роскошный дворец в пасмурном Санкт-Петербурге, отправился доживать свой век в веселый Париж. Но звание генерал-адмирала сохранялось за ним до его кончины.

Через пятнадцать лет после Алексея Александровича в Кейптауне побывал еще один великий князь – Александр Михайлович. Женившись на Ксении Александровне, сестре Николая II, он был влиятелен в правительстве России, особенно в морских делах. В 1900 г. был назначен председателем совета по делам торгового мореплавания, в 1909-м произведен в вице-адмиралы. А опыт морского дела он, как и его старший родственник, приобрел в кругосветном плавании, которое совершил еще молодым офицером корвета “Рында”. Во время этого путешествия, в 1887 г., побывал он и на мысе Доброй Надежды. Через много лет, уже в старости, вспоминал, сколь тяжел был труд на бурских фермах, сколь высокомерны были англичане и сколь роскошны клубы британских офицеров. Припомнил и часто повторявшиеся тогда слова Сесиля Родса о необходимости

⁶⁶ Дневник А.С. Суворина. – Москва-Петроград: Изд-во Л.Д. Френкель, 1923. – С. 244.

Эхо войн англичан с зулусами и бурами

Если в Южной Африке хорошо знали о Крымской войне, то в России не прошли незамеченными войны, которые вели англичане против зулусов и буров на рубеже семидесятых и восьмидесятых годов девятнадцатого века. Первая - в 1879–м, вторая – в 1880–1881–м. Обе начались с поражений англичан. Зулусы в январе 1879 г. в битве возле холма Изандлвана уничтожили одну из английских колонн, вступивших в их страну. Буры в 1880-м разгромили английский отряд близ холма Майюба.

Для Великобритании оба поражения оказались таким шоком, что в результате пало правительство Дизраэли. Да и в Европе они вызвали немалый резонанс. Французы тоже были шокированы, правда не столько поражениями англичан, сколько смертью сына Наполеона III от руки зулусов. Его называли «имперским принцем», и бонапартисты мечтали увидеть его на троне. Он отправился в Южную Африку за военной славой, вступив в один из английских отрядов. Его благословила на это и его мать, императрица Евгения, вдова Наполеона III, и королева Виктория. Но зулусский асsegай положил конец наполеоновской династии.

Русское посольство в Лондоне внимательно следило за событиями. Посол граф Шувалов доносил канцлеру Горчакову 22 января/3 февраля 1879 г.: «Вот уже три года как английское правительство испытывает серьезные затруднения в Южной Африке. Аннексия Трансвааля в начале 1877 г. не улучшила положение». О только что начавшейся англо–зулусской войне Шувалов писал: «Исход борьбы не оставляет сомнений. Зулусы будут побеждены, но победа потребует крови и денег... По истечении кампании завоеванные земли будут аннексированы и немедленно переданы под английский надзор».

Узнав о битве при Изандлване, посол, в донесении от 31 января/12 февраля 1879 г. рассказал о реакции общества и правительства Великобритании и резюмировал: «неудачи, понесенные британскими войсками, вызвали глубокое

⁶⁷ Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. – Paris: Lev, 1933. - С. 98.

замешательство».

Если в дипломатической переписке речь шла в основном об Англии, о ее реакции на эту войну, и ее резко подскочивших военных расходах, то внимание общественности привлекала и другая сторона – зулусы. После битвы при Изандлване в нескольких русских журналах и газетах появились описания жизни и быта зулусов, прежде всего их военной организации и военного искусства.

К тому времени русский читатель уже знал о зулусах. Так, еще в 1828 г. в московском журнале “Вестник Европы”, основанном Карамзиным, появилась заметка: «С Мыса Доброй Надежды уведомляют от 3-го августа (н.с.), что армия короля Чаки, между Умталю⁶⁸ и рекою Баши, идет на владения каффров.⁶⁹ Полковник Сомерсет выступил к реке Кази (Кайзикамма)⁷⁰ для прикрытия границы и для содействия каффрам». В 1873 г. в Санкт-Петербурге был издан сборник сказок зулусов и готтентотов.

После 1879 г. однако появились подробные публикации о зулусах. Большой очерк “Король зулусов Сетевайо и его владения” был напечатан в самом крупном русском журнале “Нива” сразу же после Изандлваны. В русский язык Кетчвайо, один из преемников Чаки, вошел как “Сетевайо”. В статье о нем сказано: «Как умный и прозорливый правитель, он всегда осторожен с соседом, могущество которого хорошо понимает». Сосед – это Англия, которой к тому времени принадлежала не только Капская колония, но и Натал, находившийся прямо посреди территории зулусов. О войне с Англией в статье говорилось, что Кетчвайо повода к ней не давал, что начали ее англичане. Была и фотография с подписью: «Победитель англичан Сетевайо, король зулусов».

А через несколько месяцев в том же журнале говорилось: «отважный вождь

⁶⁸ Подразумевается, вероятно, река Умтата.

⁶⁹ Речь здесь шла о походах войска могущественного зулусского правителя Чаки, подчинившего и объединившего немало южноафриканских народов. В 1828 г. он был убит своими родственниками и подчиненными. Яркое описание его жизни содержится в основанной на устной традиции зулусов книге Э. Риттера “Зулус Чака” (М.: Наука. ГРВЛ, 1989 – это уже третье русское издание).

⁷⁰ Позже это название транскрибировали в России, как Кицикамма; сейчас ее называют Цицикаммой. Правильно – Кейсикамма. Выдвижение Сомерсета к этой реке никак не могло «содействовать» коса в борьбе против зулусов: она расположена далеко к западу от предполагаемой территории нападения.

Сетевайо, столько раз доблестно отражавший нападения англичан, взят в плен... Теперь остается его привезти в Европу как зверя и мелким газетам начать глумиться над его привычками и странностями...».

И еще через три недели: «Царство зулусов разрушено, как мы уже говорили, и война окончена. Но – много ли она прибавила славы оружию Британии и политике Биконсфильда? Едва ли. В среде самих британцев уже давно, с самого начала войны в Южной Африке, раздавались громкие голоса, порицавшие несправедливое вторжение в пределы владений Сетевайо».

Примерно такие же сведения и оценки давались и в газете “Голос” и в некоторых других русских журналах и газетах.

А о победе буров при Майюбе и о последовавших англо-трансваальских переговорах русское представительство в Лондоне доносило в Санкт-Петербург (18 февраля/2марта и 14/16 марта 1881 г.): «аннексия Трансвааля была беззаконием и следствием мошенничества», что требования буров были «справедливы». В правящих кругах России еще не остыла ярость против Англии из-за ее резко антирусской позиции во время русско-турецкой войны 1877-78 гг., но все же посольство в своем донесении отметило: «пойдя на широкие уступки бурам, м-р Гладстон совершил мудрый и справедливый поступок».

Конечно, внимание российских властей и печати к тем событиям, как и их оценки, были вызваны недоброжелательством и подозрительностью к Британии. Двум крупнейшим империям, Российской и Британской, не удавалось жить в мире, особенно после Крымской войны. Так что сложности, с которыми столкнулась Англия в Южной Африке, русские англофобы встречали с радостью, если не со злорадством. Потому и писали о них много, невольно знакомя Россию с далекими противниками своего главного врага. Картина была, разумеется, искажена политической конъюнктурой, но реалии Южной Африки она все же отражала, и информацию о событиях, разворачивавшихся там, давала.

Должно быть, к вестям о поражениях Англии в Южной Африке петербургские власти относились с удовлетворением. Те годы – семидесятые-восьмидесятые – разгар соперничества двух империй. И хотя острее всего борьба шла в Центральной Азии, отзвуки – по всему миру.

Вот хотя бы такой документ – из Архива военно-морского флота (тогда назывался - Архив Морского министерства). Дата – 26 ноября 1884 г. (ст. стиля). Подписано начальником Главного морского штаба вице-адмиралом Чихачевым. Гриф: «конфиденциально». Адресовано командиру корвета “Скобелев”, который после плавания по Тихому океану возвращался в Кронштадт. Задание: «по пути с мыса Доброй Надежды в Россию пройти вдоль южной части Западного берега Африки для осмотра германских колоний на этом берегу... При осмотре колоний следует руководствоваться соображением, чтобы составить их описание по таким частям, на которые должно быть обращено внимание командира крейсера во время войны».⁷¹ Речь идет о стране, которую тогда называли Германской Юго-Западной Африкой (ныне – Намибия).

В рапорте командира “Скобелева” от 10 февраля 1885 г. сказано, что корвет прошел вдоль всего побережья Юго-Западной Африки и заходил во все бухты. Дано подробное их описание.

Но рапорт этим не ограничивается. Говорится и о бурских республиках и об их отношениях с Англией. «При дальнейшем развитии этой колонии вглубь, немцы имеют ввиду возможность торговых сношений с республиками боэров, которые теперь отрезаны от моря и находятся, в отношении ввоза и вывоза продуктов и необходимейших предметов, в полной зависимости от англичан, так как единственные порта, через которые боэры могут иметь сообщение с остальным миром, Капштадт, порт Elisabeth и Port Natal. Принадлежат Англии».⁷²

Еще примечательней, что 27 марта 1885 г. командиру корвета «Скобелев» была послана шифрованная телеграмма, подписанная Чихачевым: «Будьте осторожны при встречах с англичанами. Спешите в Европу, не заходя в английские порты».⁷³ 30 марта ему же была послана телеграмма Чихачева: «Возможен разрыв с Англией. Спешите в Кронштадт».⁷⁴ Так даже близ берегов Южной Африки отзывалось англо-русское соперничество. В те месяцы обострилась борьба из-за

⁷¹ Архив Морского министерства. Ф. 283 (Морское министерство. Главный морской штаб). Оп. 3, д. 6257. Л. 2.

⁷² Там же. – Л. 38-39.

⁷³ Там же. – Л. 53.

⁷⁴ Там же. – Л. 56.

Центральной Азии.

Вождь народа пондо пишет русскому царю⁷⁵

*Lo msebenzi undogamele, ndicela izandla
ke ngoko ezihlobeni ukuba zindincedise.*

*(В одиночку мне не справиться с этой работой,
так что мне нужно попросить помощи у друзей).*

Поговорка народа коса

Это написанное по-английски послание мы нашли в Москве, в Государственном архиве Российской Федерации. Написано от руки – почерк трудный, и грамматика непривычная. Адресовано оно «царю» (коим в то время был Александр III) и отправлено в Санкт-Петербург из Южной Африки, а точнее из поселка Эзихлоньяне в Пондоленде, 10 ноября 1886 года. Должно быть, это один из самых необычных документов в истории российских международных отношений. Приводим его полностью, по возможности сохраняя особенности грамматики и правописания оригинала. Все географические названия и имена приведены в транскрипции с оригинала, а не в их нынешней форме.

Царю

Эзихлоньяне

Санкт Петербург

Пондоленд

Россия

10 нояб. 1886

Сэр,

Я опять пишу, вам, Я хочу объяснить вам наше нынешнее положение Как Нации. Мы независимая Нация не подчиняющаяся никакой другой державе до сих

⁷⁵ Пондо (AmaPondo) – один из народов Южной Африки, говорящих на языке коса. Договором 1844 г. англичане признали, что территория пондо простирается от Драконовых гор до побережья Индийского океана между реками Умтатой и Умзимкулу. После смерти в 1867 г. Факу, самого известного и сильного вождя пондо, среди них произошел раскол, и территория к западу от р. Мзимвубу оказалась под властью «узурпатора» Ндамасе, а территория к востоку от этой реки – под властью законного наследника Факу, Мгикелы, от имени которого и написано приводимое ниже письмо. (Подробнее о тех событиях см. *Davenport T.R.H. South Africa: a modern history. – London: Macmillan Academic and Professional LTD., 1991. - P. 126-128).*

пор Само Независимая. Нация пондо сейчас просит защиты у вас. Английское Правительство хочет отнять нашу Страну. Они недавно насильственно отторгли часть нашей страны, населенной АмаКсебис и Аннексировали ее с тех пор, как мы писали вам 25-го (октября? – *Авт.*). Наша Страна отнята у нас без справедливой Причины. И мы не воевали против Колониального Пр-ва. Нам совершенно неизвестно, в чем наше преступление перед Английским Пр-вом. То, что у нас было отторгнуто насильственно это 1-е Страна населенная Ксебис.

2-е устье реки Порт Ст. Джонс они отняли его, говоря что они купят его за Деньги. Так они сказали. Они предложили купить у нас страну, занятую Ксебис, за Наличные. Как я сказал, они сделали предложение за два порта, они заняли эти два порта, и все еще предлагают купить их за Наличные. Мы отказываемся принять их предложение. После письма, которое мы послали вам мы слышим, что Страна, занятая АмаКсебиси, была Аннексирована 25 Окт прошлого года они отняли нашу землю хотя мы с ними не воевали и без какой бы то ни было оправданной причины Есть только их обман по отношению к нам. Мы не сильны. Как они, Пондо не Вооружены Как Подданные Колониального Пр-ва. Размер нашей страны 300 миль в ширину и 380 миль в длину. Рассчитываю, что вы отнесетесь к этому письму с Серьезным Вниманием.

Имею честь быть

Сэр

Вашим Покорнейшим Слугой

Умхлангасо Дж. С. Факу⁷⁶

За Верховного Вождя Умгикелу⁷⁷

Главный Канцлер и Премьер Министр В⁷⁸

⁷⁶ Мхлангасо (Умхлангасо) Дж. С. Факу – секретарь Мгикелы, верховный советник и премьер-министр Пондоленда, очевидно, довольно хорошо образованный и дальновидный политик. Идея взимания дани с транзитных караванов Капской колонии и строительства гавани Порт Гросвенор принадлежала ему, так же как, очевидно, и инициатива писем русскому царю.

⁷⁷ Мгикела (1867-1888).

P.S. не слушайте Английское Пр-во, что они могут сказать. Они могут сказать может быть что Страна Пондо принадлежит им. Они могут сказать это, чтобы ввести вас в заблуждение, поскольку вы не знаете фактов, это ложь. Граница Страны Пондо начинается от устья реки Умтаты и [идет – *Авт.*] вверх вдоль реки Умтаты и через Гунгулулу к Миссионерской Станции Шобери, и идет вниз к Нгксароли и через Ишунгвану и к Реке Умзимвубу, и Идет вдоль Потока до соединения с ручьем Имвеньяне и вдоль Горы Интсузва и к Горам Селинтсунгу до Гор Нолангени через Горы Энгеле. Еще одно они вооружили своих подданных чтобы те пришли и воевали против нас. Поскольку у нас нет друзей которые бы помогали нам мы не хотим быть под протекторатом Английского Правительства. Мы будем ждать вашей ценной помощи. Английское Пр-во относится к нам самым постыдным образом. Население Нации Пондо около 200 000. Наша страна очень богата Медью, Золотом, Углем и т. д. и всеми видами Мениралов. Именно по этой причине они хотят отнять нашу Страну силой против нашего Согласия. Если вы великодушно согласитесь защитить нас. Мы Разрешим вам Открыть все Рудники в Стране.

Имею честь быть

Сэр

Вашим Покорнейшим Слугой

Умхлангасо Дж. С. Факу

За Верховного Вождя Умгикелу

Главный Канцлер и Премьер Министр»

Откуда появилась у Факу идея послать письмо русскому царю? И даже не первое. Что он знал о России? Из письма ясно, что он не знал даже имени царя – и тем не менее обратился к нему за помощью.

Скорее всего, поводом к письму послужили не только дошедшие до африканцев сведения о визите сына царя, но и отголоски слухов о России, распространившихся среди **коса**, западных соседей пондо, после Крымской войны.

⁷⁸ В тексте только эта буква.

Но Факу писал в конце 1886 г. – через три десятилетия после этих событий. В это время сведения о России он мог почерпнуть и из других источников. Среди пондо, как и среди коса, уже появились люди, которые окончили миссионерские школы, читали миссионерские журналы, и даже сами писали статьи. Знание английского языка распространялось все шире, а с ним – и знание о событиях, происходящих в мире. Многие пондо вслед за коса уходили на заработки на фермы и рудники Капской колонии и Натала. Чего только ни повидали они там. Могли встретить и реальных, не выдуманных русских – моряков, которые бывали в Кейптауне и Саймонстауне. А такой образованный человек, как Факу, мог побывать и в кейптаунском музее редкостей и естественной истории, где выставлялось русское оружие и обмундирование, русские монеты и даже такой непонятный в Южной Африке предмет, как чугунные печные дверцы. Мог Факу получить сведения о России и от живших в Пондоленде европейских торговцев.

Но каковы бы ни были источники его сведений, все они могли лишь подтвердить и усилить впечатление от слухов тридцатилетней давности: русские – враги англичан, воюют против них, и иногда даже успешно. Значит, именно к ним и надо идти за помощью.

Легко представить изумление петербургских чиновников, когда они получили письмо. Вряд ли кто-нибудь из них прежде слышал о пондо. Скорее всего, они не знали, где Пондоленд находится, и каковы его отношения с англичанами и бурами.

Во всяком случае, каких бы то ни было следов реакции на это письмо в архивах пока нашлось, как и на упомянутое в нем предыдущее - его вообще обнаружить не удалось.

Конец XIX и начало XX столетий

... Я всецело поглощен войною

Англии с Трансваалем

Письмо Николая II сестре Ксении

3 ноября (21 октября) 1899 г.

Трансвааль, Трансвааль, страна моя,

Ты вся горишь в огне

Русская народная песня

Могла ли Россия не заметить “схватки за Африку”?

Последняя четверть XIX столетия вошла в историю международных отношений как колониальный раздел Африки. Если в начале 1870-х лишь несколько процентов территории этого континента были захвачены европейцами, то к началу XX в. карта Африки уже почти целиком состояла из колоний и протекторатов.

Россия не принимала участия в этом колониальном разделе – она была занята соперничеством с Британией в Центральной Азии и на Среднем Востоке.

Но все же нашлись и россияне, которым захотелось вмешаться в “схватку за Африку”.

С конца 1860-х, после открытия Суэцкого канала, Красное море стало кратчайшим, а потому и важнейшим путем между Европой и Востоком. Уже не надо было огибать Африку. А страны, примыкающие к Красному морю, обрели небывалое стратегическое значение.

И вот в 1888-1889 годах терской казак Николай Иванович Ашинов, возглавив отряд в полтораста человек, основал к северу от мест, где теперь находится город Джибути, казачье поселение. Назвал его “Московская станица” или “Новая Москва”. Ашинова поддерживал и сопровождал архимандрит Паисий. Он исходил из того, что поблизости, в Абиссинии (как тогда называли – Эфиопии), население исповедует веру, близкую к православию, и это дает

возможность укреплять религиозные, да и государственные связи.

Однако, французы, претендовавшие на эту область, встревожились. В появлении казаков они усмотрели типичную колониальную авантюру. Решили, что если казаки сумеют здесь обосноваться, то, в конечном счете, русский царь объявит свое покровительство над этим поселением, и тогда у французов возникнет могущественный соперник в важном стратегическом пункте - у узкой горловины на выходе из Красного моря в Индийский океан.

Что греха таить, кое у кого из русских чиновников, купцов и церковных деятелей такой соблазн был. Нижегородский генерал-губернатор Баранов 20 сентября 1888 года направил Александру III большую записку с идеей создания в тех местах русской колонии. Добиваясь поддержки царя, он писал: «Заселение русскими выходцами африканского побережья только тогда принесет России всю массу возможной пользы, когда правительство твердо будет руководить устройством колонии и ее сношениями с соседями, а главное с Абиссиниею. Только при этом условии колония получит подобающее ей государственное значение».

Баранов предлагал: «В случае Высочайшего соизволения я с особенною радостью взял бы на себя съездить под видом отпуска в казачью колонию» и «при некотором содействии правительства образовать Российско-Африканскую компанию».

Государь послал этот документ министру иностранных дел Николаю Карловичу Гирсу с пометкой: «Я переговорю с Вами об этом». И написал: «Я желал бы знать мнение И. А. Шестакова, который, кажется, сочувствовал Ашинову». Морской министр адмирал Шестаков, наверное, поддерживал Ашинова, но не знаю, успел ли доложить свое мнение императору - адмирал вскоре умер.

Ашинов был представлен Александру III. Победоносцев сравнивал основателя «Московской станицы» с Христофором Колумбом...

Но с французского военного корабля в феврале 1889 года обстреляли казачий лагерь. Убитые, раненые... Казакам пришлось покинуть те места и вернуться на родину. Эти события ярко показаны в повести Юрия Давыдова

“Судьба Усольцева”.⁷⁹

А о скандале, который разыгрался в Петербурге после краха авантюры, можно судить по дневнику товарища министра иностранных дел Владимира Николаевича Ламздорфа.

«Государь очень раздражен против Ашинова и почти жалеет, что последнего там же хорошенько не побили; капитан Пташинский с “Нижнего-Новгорода”, встретивший эту банду в Порт-Саиде, доносит в морское министерство: “Ашинов играет в рулетку и сорит золотом, большинство его товарищей шатаются оборванные, пьяные по улицам и кабакам”. Его Величество повелел напечатать это донесение в “Кронштадтском вестнике”».

Кто знает, как бы отнеслись к Ашинову и Паисию в случае их успеха?

Но из-за неуспеха постарались откреститься. В министерство иностранных дел принесли прокурорский рапорт трехлетней давности, «в котором констатируется совершение пресловутым Ашиновым ряда разбойничьих действий. В газетах тоже начинают проскальзывать сообщения о прошлом этого авантюриста, которого пытались сравнивать с Ермаком, Колумбом и т. п., и которого хотели возвести в роль пионера “русского дела”».

О Паисии стали говорить, что он неграмотен и в архимандриты был посвящен только как пылкий сторонник создания колонии и лишь по настоянию Победоносцева. А сам Победоносцев теперь ездил к государю доказывать свою непричастность к этой истории. Но стрелы в него метал даже не менее реакционный князь Мещерский. Передовая «Гражданина» была прямо направлена против Святейшего Синода. «Боже праведный, если в столице русского царства и у кормила православной ее церкви мыслимы такие случайности, которые ставят Россию в возможность столкновения с другими государствами. Вина, которую на себя приняли таинственные отправители по выбору полузверя Ашинова, безграмотного монаха Паисия» и т. д. и т. п.

Одним словом, пусть неудачник плачет.

«Таинственные отправители» названы так и не были. Да их имена никто и

⁷⁹ См. также: *Хренков А.В.* Россия и Эфиопия: развитие двусторонних связей (от первых контактов до 1917 года). – М.: РАН. Ин-т Африки, 1992.

не собирався публично объявлять. Одесский губернатор на запрос, почему он снабдил Ашинова оружием и военными припасами, ответил: «Я думал, что правительство сочувствовало этим предприятиям; что же касается вооружения и снабжения, то оно было доставлено из Николаева морским ведомством».

Излагая все эти факты, Ламздорф сделал вывод: «Между собою мы должны признать, что это печальное происшествие явилось очень кстати, чтобы открыть Государю глаза и проучить наших псевдопатриотов, столько раз вводивших Его Величество в заблуждение».

Над замыслами, подобными Ашиновской, всласть поиздевался Салтыков-Щедрин. В его “Современной идиллии” странствующему полководцу Полкану Самсонычу Редее «в Африке посчастливилось». Он поступал на службу то к эфиопскому царю, то к египетскому хедиву, то к зулусскому правителю. Всех африканских владык, которым Редее служил, взяли в плен, но зато он сам «везде получил прогоны и суточные по расчету из Петербурга». Сражений Редее не выигрывал. Но московские купцы и «петербургские патриоты-концессионеры» были от него без ума. «В особенности пленял Редее купеческие сердца тем, что задачу России на Востоке отождествлял с теми блестящими перспективами, которые при ее осуществлении должны открыться для плисов и миткалей первейших российских фирм».

Щедрин писал это еще в начале восьмидесятых. Но у него есть уже и Редее и черноокий Лампопо, и, главное, он углядел тех торговцев миткалями, которые снабжали деньгами авантюристов.

Создание поселения в Джибути сорвалось, но в середине 1890-х началось быстрое сближение России с Абиссинией, правда, без создания поселений колониального типа. Абиссинии угрожало тогда итальянское вторжение. У итальянцев был удобный плацдарм: Эритрею они уже захватили. Абиссиния оказалась заинтересованной в связях с Россией. А отправленный в Аддис-Абебу с «духовной миссией» архимандрит Ефрем в своей книге “Поездка в Абиссинию” писал: «Рядом с сближением на почве религиозной для нас представилась бы возможность воспользоваться дружбой и в политических интересах. Наше отечество могло бы приобрести сильную позицию на красноморском побережье, у

впадения Черного моря в Индийский океан. И тогда мы оказались бы в силах в случае надобности задержать Англию на границах Индии и обеспечить нашему флоту свободное прохождение в воды Дальнего Востока».

А через три месяца в Петербург приехала абиссинская дипломатическая миссия.

В конце того же года двадцатитысячная итальянская армия вторглась в Абиссинию. Абиссинскому негусу (императору) Менелику, которого за его реформаторскую деятельность сравнили с Петром I, удалось организовать отпор и разгромить итальянцев.

Однако этим не кончились опасности, нависшие над страной. Тогда, в разгар колониального раздела Африки, не только Италия, но и Великобритания не прочь были поделить Абиссинию на сферы влияния.

В марте 1896 года Российское общество Красного Креста решило отправить в Абиссинию санитарный отряд и ассигновать для этого 100000 рублей.

Выпустили даже необычный нагрудный знак: «Православным братьям Абиссинии. Красный Крест России. 1896».

Был укомплектован отряд во главе с генерал-майором Н. К. Шведовым. Врачи, лекарские помощники, фельдшера, санитары и медицинские сестры. И несколько офицеров. Сестер пришлось вернуть с дороги, из Египта, после того как итальянцы отказались пропустить отряд через Эритрею и ему предстояло идти более трудным путем.

С конца мая, когда отряд достиг Харэра, там был открыт амбулаторный прием. И с июля в Аддис-Абебе стал действовать русский госпиталь.

В феврале 1898 года в Аддис-Абебу прибыла российская императорская миссия. Ее приезд фактически означал установление постоянных дипломатических отношений. Во главе миссии был поставлен П.М. Власов. Он имел не только высокий ранг действительного статского советника, но и большой опыт дипломатической работы на Востоке - в Персии и в Иерусалиме.

Миссию сопровождал конвой - двадцать казаков под начальством подъесаула лейб-гвардии Атаманского полка П.Н. Краснова. Да, того самого Краснова. В гражданскую войну он, уже генералом, был одним из вождей Белого

движения. Потом стал писателем, хотя и не отошел от политической деятельности. Пожалуй, наибольшую известность получил его роман “От двуглавого орла к красному знамени”. Но первый его литературный опыт - книга “Казаки в Абиссинии”, изданная еще в 1899 году.

Это было первое дипломатическое представительство России в Черной Африке.

Новая роль Южной Африки

Казалось бы, с 17 ноября 1869 г., когда Суэцкий канал открыли для судоходства, жизнь южной оконечности Африки обрекалась на забвение.

Караваны океанских кораблей уже не должны были огибать мыс Доброй Надежды и заходить в южноафриканские порты. Уходила в прошлое роль Капстада-Кейптауна как “морской таверны” на полпути между Европой и странами Азии. С его улиц должен был исчезнуть тот разноязыкий матросский сброд, который прежде, пестрыми потоками растекаясь повсюду, приводил в движение всю городскую жизнь, заставлял ее бурлить.

Уже Иван Александрович Гончаров предрекал это, когда писал о путешествии на Фрегате “Паллада”. Он восхищался природой, климатом Южной Африки, но к ее экономическим перспективам отнесся скептически. «Здесь нет золота, и толпа не хлынет сюда, как в Калифорнию и в Австралию».⁸⁰

Что ж, Гончаров писал это, когда намечалось строительство Суэцкого канала, а с южной оконечности Африки уходили на север караваны бурских переселенцев – они уходили от английского владычества и основывали за рекой Вааль свою республику Трансвааль, а возле реки Оранжевая – Свободное Оранжевое Государство (в просторечии – Оранжевая Республика).

Ничто не предвещало всемирного бурного интереса к этой дальней части.

Но получилось так, что именно с этого времени, с конца 1860-х и начала 1870-х годов, о Южной Африке заговорили так много, как никогда раньше. На протяжении полутора десятилетий, с 1869 по 1886 гг., здесь, и к тому же на отдалении друг от друга всего в несколько сотен километров, были обнаружены

⁸⁰ Гончаров И.А. Собр. Соч., т. 5, М., 1952, с. 188.

крупнейшие в мире месторождения алмазов и золота. Этот феномен природы так ошеломил тогдашний мир, что был назван «вторым открытием» Южной Африки. Алмазы были найдены в конце 60-х близ слияния рек Вааль и Оранжевой, в области, названной Западным Гриквалендом. Одновременно обнаружили и золото в междуречье Замбези-Лимпопо, но в этот глубинный район Южной Африки европейцы в те времена могли добраться лишь с большим трудом, через безводные пустыни и почти неизведанные земли. Поэтому золотая горячка началась лишь полтора десятилетия спустя после алмазной, в середине 80-х годов, когда громадные месторождения золота были обнаружены в другой части Южной Африки, на уже освоенных европейцами трансваальских землях. Оказалось, что желтым металлом богата горная область в центре Трансвааля - Витватерсранд (“Горный хребет белой воды”), или сокращенно Ранд.

Как только алмазы были найдены, Оранжевая республика заявила, что месторождение находится в пределах ее территории и является ее неотъемлемой собственностью. Но события развивались по той методе взаимоотношений великих держав с малыми, которую наглядно показал Марк Твен в одном из его рассказов: «...между Великобританией и Сиамом возникли недоразумения по поводу пограничной линии, и, как сразу же выяснилось, Сиам был не прав».⁸¹

Англия аннексировала Западный Грикваленд в 1871 г. и присоединила его к Капской колонии, а Оранжевой республике выплатили компенсацию в 90 тыс. ф. ст. - сумма ничтожная по сравнению со стоимостью алмазов, добытых здесь старателями уже в самые первые месяцы. О настоящих хозяевах земли, местном африканском населении, никто не вспомнил.

Слухи об алмазах молниеносно распространились по всему свету, и уже в 1870-1871 гг. начался наплыв искателей наживы и приключений из разных стран, прежде всего англосаксонских. Стихийно возник поселок старателей, быстро превратившийся в город, названный Кимберли, по имени английского министра колоний, так стремительно захватившего район месторождений. На полтора или два десятилетия юг Африканского материка стал новым Эльдорадо для авантюристов всех мастей и калибров.

⁸¹ *Марк Твен. Собр. соч. - М.: ГИХЛ, 1961. - Т. X. - С. 430.*

Южноафриканская алмазная и начавшаяся пятнадцатью годами позже золотая лихорадка в первые моменты напоминала то, что немного раньше, в 1848-1849 гг., пережила Калифорния, - всеобщее помешательство, которое образно описано в одной из наиболее известных книг по истории Америки: «Ремесленники побросали свои орудия труда, фермеры оставили урожай гнить на полях, а скот - околевать от голода, учителя забыли свои учебники, адвокаты покинули клиентов, служители церкви сбросили облачения, матросы дезертировали с кораблей - и все устремились в едином порыве к району золотых приисков. Деловая жизнь в городах замерла, покинутые дома и магазины ветшали и приходили в упадок. Золотоискатели шли как саранча... с кирками, лопатами и ковшами для промывки золота».82

Люди приезжали на юг Африки, надеясь разбогатеть и уехать. По словам Киплинга, страна оказалась неласкова к его героям, была «не добра и не верна». Богатство пришло к немногим, большинство лишь потратили привезенные с собой деньги. Но и те и другие зачастую оставались тут на всю жизнь: одни, чтобы не бросать прибыльное дело, другие - потому что не имели средств на обратную дорогу. Эти последние, уже простыми рабочими, заполнили потом южноафриканские города, фермы, рудники. Они же, как торговцы и охотники, проникали далеко в глубь материка и были проводниками колониальных войск или сами составляли отряды волонтеров для могущественных «строителей империи».

В значительной степени именно на южноафриканском материке возникла легенда о том, что Британскую империю создала не сознательная и целенаправленная деятельность ее правящих классов, а романтика искателей приключений, возведенных этой легендой в ранг национальных героев. Это - кипплинговский «беззаконный сброд», «легион, не внесенный в списки... пролагающий путь для других». Такую идею повторяли не только литераторы. Генерал Гордон, завоеватель Судана, убитый махдистами в Хартуме, говорил, что Англию сделали великой не политики, что величие Англии создано искателями

⁸² *Beard L. and M. The Rise of American Civilization. - Vol. I. - New York: The Macmillan Company, 1930. - P. 610.*

приключений.

Британская колониальная империя на юге Африки была создана, конечно, не усилиями рядовых старателей. Однако нельзя недооценивать и того влияния, которое оказал приток иммигрантов.

Раньше Южная Африка оставалась вне столбовой дороги европейской иммиграции, а с начала 70-х годов численность белого населения стала здесь очень быстро увеличиваться. В городе Кимберли, возникшем в 1870 г. на пустом месте, буквально через год оказалось уже 50 тыс. человек. Он стал вторым по численности населения во всей Африке к югу от Сахары. Вскоре его далеко обогнал “Золотой город”, Йоханнесбург - сначала это был поселок золотоискателей: лачуги, наспех сколоченные из ящиков и рифленого железа. А в XX столетии его стали называть “маленькой Америкой” из-за небоскребов, первых на Африканском материке. Сейчас это крупнейший промышленный центр в Африке.

Южноафриканские миллионеры стали тесно связаны с лондонским Сити и международным капиталом. Приток капиталов в Южную Африку, особенно из Великобритании, оказался очень бурным. Особенно быстро увеличивались капиталовложения в золотодобывающую промышленность. Только в 1889 г. (год наиболее бурного южноафриканского бума) в нее было вложено 12 млн. ф. ст., а в 1890 г. общая сумма капиталовложений в рудники Ранда достигла почти 23 млн. ф. ст.⁸³

На лондонской бирже с конца 80-х годов южноафриканские акции (их называли “кафрскими”) стали предметом самых бешеных спекуляций. «Никогда прежде не случалось ничего подобного биржевым спекуляциям, имевшим место в связи с Рандом», - писал известный американский историк У. Лэнджер.⁸⁴

Южноафриканское золото получило в мировой экономике намного большее значение, чем алмазы. К тому же открытие золота произошло в те годы, когда мировая добыча находилась на низшей точке за всю вторую половину XIX века.

⁸³ *Frankel S. H. Capital Investment in Africa. – London: Oxford University Press, 1938. - P. 95.*

⁸⁴ *Langer W. The Diplomacy of Imperialism. Vol. I. - New York: Knopf, 1951. - P. 227.*

В период алмазно-золотого бума предпринимательство прошло в Южной Африке цикл развития от мелких старателей до монополистического объединения, одного из первых в истории мирового капиталистического хозяйства.

* * *

Южноафриканские события доходили до остального мира в ореоле фантастической романтики. Бриллианты, золото, нашумевший на весь мир алмаз “Звезда Южной Африки” - все это на необыкновенно экзотическом фоне. Кейптаун с его скопищем моряков со всех концов света, а вокруг космополитического портового города бурлит настоящая «черная» Африка - трудно придумать более яркое обрамление для приключенческой романтики. В этом увидели неповторимую прелесть многие писатели и поэты, как талантливые, так и бездарные. И посылали в Африку своих героев - на каравеллах и бригантинах, пароходах, а затем и аэропланах, - заставляли их спасаться из кейптаунских притонов и истреблять бесчисленное множество львов и слонов на просторах к северу от мыса Доброй Надежды.

Оттачивая свое мастерство, Майн Рид обращался не только к американскому “Дальнему Западу”, но и к южной оконечности Африки, развернул там сюжеты трех своих книг. Луи Буссенар нашел там своих “похитителей бриллиантов”. Жюль Верн не только отправлял туда многих своих героев, но даже написал роман под таким несколько неожиданным заголовком: “Приключения трех русских и трех англичан в Южной Африке”. Райдер Хаггард, проведя на юге Африки молодые годы и найдя там прообраз своего героя - охотника Алана Куотермейна, именно там стал писателем и посвятил этим местам свои наиболее известные романы, начиная с “Копей царя Соломона” (1885 г.). Конан Дойл связал с Южной Африкой свой первый роман - “Торговый дом Гердлстон” и впоследствии написал еще две “южноафриканские” книги. В его собственной жизни Южная Африка заняла важное место. Он не раз бывал там: в 1900 г., во время бурской войны, работал в английском госпитале в Блумфонтейне, а за год до смерти, снова объехал Южную Африку. Киплинг воспевал «волны у мыса Бурь». Для него Южная Африка - «женщина прекрасней

всех, всех боготворимей», и «краса ее влекла джентльменов без числа дьявольской стихией».

В России эта литература выходила огромными тиражами. Ею зачитывались не только в Петербурге, Москве, всех сколько-то крупных городах, но и в “глубинке” и на далеких окраинах Российской империи.

Зулус - герой казахского эпоса

В октябре 1979 г. Аполлон Давидсон получил письмо из Алма-Аты от профессора А. Дербисалина, специалиста по истории казахской литературы. Он писал, что в конце XIX века казахский народный сказитель Акылбай Кунанбаев создал сказание-поэму “Зулус”. Дербисалин спрашивал, что могло быть ее источником.

Само появление такой поэмы поразительно. Девятнадцатый век, далекая окраина Российской империи за Каспийским морем, казахский язык – и устная поэма о зулусе!

Профессор Дербисалин предполагал, что сюжет поэмы был взят из каких-то книг на русском языке – своей письменной литературы у казахов тогда не было. Но ведь и в русской литературе девятнадцатого века сведения о зулусах не богаты. Правда, в 1873 и 1874 годах в Петербурге вышли переводы зулусского фольклора,⁸⁵ а в связи с англо-зулусской войной 1879 г. о зулусах довольно часто упоминали в прессе. Но как это могло попасть в Казахстан, тем более – к сказителю Акылбаю?

Может ли быть, что кто-то из зулусов попал в Россию? Или даже в Казахстан? Как ни странно, полностью исключить вероятность этого нельзя. Свидетельство тому – история зулуса по имени Мгнока, конечно, если она имела под собой реальное основание. Если верить Л.Д. Тернеру, опубликовавшему ее в “Журнале негритянской истории”,⁸⁶ группа зулусов отправилась из Южной

⁸⁵ Детские сказки и предания зулусов. В книге “Басни и сказки диких народов” // Знание. – Спб., 1873. В 1874 г. книга переиздана: Басни и сказки диких народов. – Спб.: Тип. Деманова, 1874.

⁸⁶ *Turner L.D. The Odyssey of a Zulu Warrior // Journal of Negro History. – Washington, 1955. – Vol. XL, № 4.*

Африки в Судан, чтобы помочь махдистам бороться с англичанами. В этом они не преуспели, но все же пересекли весь континент и дошли до Египта. После этого Мгнока якобы оказался в Германии, потом переехал в Америку, переменил много профессий, изучил несколько языков и даже публиковал статьи в американских журналах. Но никаких сведений о зулусах ни в Казахстане, ни в России в то время пока не обнаружено.

Мы попросили А. Дербисалина прислать нам текст поэмы. Она была записана по памяти слышавших ее людей и опубликована в 1924 г. в казахском журнале “Сана”, давно уже ставшем библиографической редкостью. Из текста поэмы стало ясно, что было ее источником. Это пересказ части романа Райдера Хаггарда “Копи царя Соломона”, впервые опубликованного в 1885 г. и вскоре переведенного на русский язык. Отличие сюжета поэмы от романа в том, что казахский сказитель поставил зулуса в центр поэмы, и дал ей соответствующее название.

Чем был вызван интерес Акылбая Кунанбаева к сюжету романа? Автора не спросишь, он умер в 1904 г. (так что поэма создана им, очевидно, еще в конце XIX века). Мы можем лишь гадать. Как знать, быть может, он увидел в судьбе зулусов и казахов то, что их объединяло - колониальное завоевание и протест против него.

Пондо и коса слышали о России. А казахи – о зулусах, на этот раз из романа “Копи царя Соломона”. Это, пожалуй, самое поразительное в истории ранних контактов между Россией и Южной Африкой и представлений россиян и южноафриканцев друг о друге.

В Трансвааль – за опытом

В Санкт-Петербурге в Центральном историческом архиве хранится документ:

«С Высочайшего соизволения, последовавшего во 2-ой день ноября 1890 года, Горный Инженер Коллежский Советник Китаев был командирован в Южную Африку, сроком на 8 месяцев, с целью изучения механических и химических способов разработки золотоносных месторождений, а также для собрания сведений о действующих в Южно-Африканской республике

узакононениях, регламентах и инструкциях, касающихся горного дела, с выдачею единовременно на путевые издержки 1500 руб. и с назначением в заграничное содержание, сверх получаемого им внутреннего содержания по должности Управляющего Уральским горным училищем по 500 руб. в месяц».⁸⁷

30 сентября 1897 года горный инженер Вячеслав Степанович Реутовский, исполнявший тогда обязанности помощника начальника Томского горного управления, послал в Санкт-Петербург в Горный департамент Министерства земледелия и государственных имуществ Российской империи свои соображения, главным из которых было: «Геологическое строение Кельбесской системы Томского горного округа не только таково, что оно напоминает Трансвааль, но этой системе свойственны, по-видимому, те же конгломераты, которые по пробам, произведенным в Томской золотосплавочной лаборатории, оказались и золотосодержащими».

А раз так, то Россия должна изучать геологию Южной Африки. Реутовский писал: «целью путешествий русских инженеров в Африку и Австралию до сих пор было ознакомление преимущественно с техникой золотоносных стран. Поэтому и результат этих путешествий выразился, главным образом, в описании различного рода технических приспособлений, устройств, орудий и машин, применяемых в золоторудном деле». Но, как он считал, «собственно интересам практической геологии в указанных трудах мало уделялось места».

Доводы Реутовского были признаны убедительными. В результате появился документ: «О командировании горного инженера статского советника Реутовского в Африку и Австралию для изучения золотопромышленного дела».

«Командировать в Африку и Австралию, сроком на восемь месяцев, чиновника особых поручений Томского горного управления, горного инженера статского советника Реутовского, с целью изучения условий тамошней золотопромышленности как в геологическом, так и техническом отношении, с выдачей двух тысяч рублей на путевые издержки и с назначением по пяти сот рублей в месяц в заграничное содержание, сверх получаемого им по должности».

⁸⁷ Центральный Государственный Исторический Архив (далее – ЦГИА). - Ф. 37, оп. 44, д. 841, л. 10.

И сверху: «На подлинном рукою министра земледелия и государственных имуществ написано: “Высочайшее соизволение последовало в Царском Селе 27 октября 1897 г.”».

Министр, Алексей Ермолов, подписал предложение о командировании Реутовского 27 октября 1897 г. “Высочайшее соизволение” последовало в тот же день.

Почему нужны были эти командировки? Реутовский дал убедительный ответ:

«Наблюдаемое за последнее время уменьшение добычи золота на Урале и в Сибири находится, между прочим, в зависимости от того, что наши золотопромышленники до сих пор мало пользовались геологическими данными при разведках и разработке золотоносных месторождений. Поэтому в настоящее время, когда практика золотопромышленности начинает повсюду опираться на эти данные, представляется своевременным дать русским горным инженерам возможность изучить весьма интересные месторождения золота в кварцевых конгломератах в Трансваале, в Африке, и в кварцевых жилах в Виктории, в Австралии. Инженеры эти могли бы затем ознакомлять лиц, занимающихся у нас золотопромышленностью, с практическими указаниями, в целях правильной и экономичной разведки и разработки рудных месторождений золота. Изучение инженерами месторождений золота в Африке является тем более желательным, что геологическое строение некоторых частей Томского горного округа представляет, судя по литературным данным, некоторое сходство с строением золотоносных местностей в Трансваале».⁸⁸

Но были ли результаты?

Были. Прежде всего, оказалось, что южноафриканский опыт, если и не полностью, то частично, можно было применить на горных разработках в Сибири и на Урале. В отчете, отправленном Реутовским из Кейптауна 29 января/10 февраля 1898 г., говорилось:

«Считаю первую половину своей задачи исполненной: виденное мною в Трансваале не только интересно само по себе, но интересно и в том отношении,

⁸⁸ ЦГИА. - Ф. 37, оп. 57, д. 956, лл. 7-8.

что кое-что из виденного может быть применено с большой пользой и у нас. Процесс обработки золотых руд цианистым калием в таком виде, в каком он применяется теперь в Южной Африке, - один из новых. Вместе с процессом “Сименс и Гальске” он составляет такой прием, которым легко обрабатывать наши отвалы, образующие горы на золотых приисках, не говоря уже о том, что эти способы делают почти излишним применение дорогостоящей обработки хлоринацией».

Реутовский ознакомился с добычей не только золота в Трансваале, но и алмазов в Капской колонии, в Кимберли, на крупнейших в мире разработках этого металла. «По пути осмотрены мною знаменитые месторождения алмазов в Кимберлее, – писал он. – Это не только оригинальные, но и единственные месторождения этого драгоценного камня в коренной породе: все до сих пор известные месторождения (Индии, Бразилии, Борнео, Австралии и Урала) есть месторождения наносные. Оригинальность алмазоносной породы проявляется в том, что она прорезает пласты в виде колонны или трубы, напоминающей собою цилиндр вращения, стоящий совершенно вертикально...

Способы добычи алмазов и их получение из пород не менее характерно: здесь впервые пришлось увидеть “алмазные поля” - это громадные, в несколько верст длиною, пространства, на которых расставляется порода для разрыхления, что совершается в продолжении 6-8 и даже 12 месяцев. Твердые сорта породы при обработке подвергаются дроблению, не боясь раздробить алмазов, так как пользуются в этом отношении свойствами пород дробиться по плоскостям не алмазов, а других более мягких элементов».

Заметки Реутовского по поводу политики англичан по отношению к местному населению, очевидно, правдивы, но на его оценки и сравнения наложила, должно быть, отпечаток и господствовавшая тогда враждебность в российско-британских отношениях:

«...Англичане из свободной страны здесь хозяйничают, как варвары: и если где еще сохранилось рабство, то это здесь, в отношениях, какие установлены во всех отраслях промышленности между “белыми” и “черными”. Удивительно, как вместе с этим уживаются здесь порядки свободного обращения металла.

Алмазная, впрочем, промышленность здесь подчинена такой же регламентации, как у нас золотопромышленность, и, несмотря на это, воровство алмазов развито несравненно сильнее, чем воровство золота. А между тем это воровство - прямой результат того ненормального порядка, когда рабочий из черных, при страшной дороговизне здешней жизни - может заработать 3 шиллинга (93 к.). Обыкновенно же здесь практикуется плата 1,1 и 2 шиллинга. Рабочие из белых считают, что дороговизна здешней жизни такова, что она в четыре раза выше английской, и процентов на 25-30 выше американской».⁸⁹

По возвращении Реутовского в Россию его подробный “Отчет о командировке в Африку и Австралию” печатался по указанию министра земледелия и государственных имуществ в нескольких номерах “Вестника золотопромышленности”, а затем вышел отдельным изданием. А сам Реутовский был назначен управляющим Томской золотосплавочной лабораторией.⁹⁰

Правительство Российской империи не ограничилось командированием русских инженеров в Южную Африку. Оно несколько раз приглашало в Россию Джона Хэммонда. Хэммонд был американцем, но приобрел известность работой в основных горнорудных компаниях Южной Африки.

В 1898 г. Хэммонд провел несколько месяцев в России. Он был приглашен, чтобы проанализировать горнорудный потенциал России и возможности его использования. Приглашал его Сергей Юльевич Витте, министр финансов, а впоследствии премьер-министр, известный своими попытками модернизировать экономическую жизнь Российской империи.

Хэммонд проехал по Сибири, был на Алтае, на Енисее. Впечатления о тогдашней России и о возможностях развития ее горного дела занимают немало места в его воспоминаниях. Он был наблюдательным человеком. Главный его вывод актуален и сегодня. Природные ресурсы России, заключил он, «поразительно привлекательны для инвестиций». Но привлечению иностранного

⁸⁹ Отчет помощника начальника Томского горного управления горного инженера В. Реутовского директору Горного департамента министерства земледелия и государственных имуществ Н.А. Денисову о командировке в Южную Африку, 1898 // ЦГИА, ф. 37, оп. 57, д. 956, лл. 39-41.

⁹⁰ Там же. - Листы 35-35 и оборот.

капитала препятствуют две помехи: «русское законодательство неблагоприятно для инвестиций» и «русская бюрократия контролирует все стороны русской экономической жизни».⁹¹

Установление дипломатических отношений с Трансваалем

В середине 1890-х в Петербурге обсуждался вопрос о назначении консула в Йоханнесбург. Речь шла о почетном консуле, таком же, как в Кейптауне, где русский почетный консул уже несколько десятилетий занимался делами моряков российских кораблей, заходивших в Кейптаунский порт. По запросу из Петербурга кейптаунский консул прислал в июле 1895 г. сведения об экономической ситуации в Трансваале и о россиянах, обосновавшихся там. По сведениям Российского МИДа, их было тогда четыре тысячи. Министерство иностранных дел 10 августа 1895 г. препроводило этот отчет министру торговли и мануфактур.⁹² В октябре и ноябре оба министерства рассматривали вопрос о консульстве в Трансваале и решили, что обстоятельства для этого еще не созрели.

Но через четыре месяца – попытка захвата Трансвааля капскими англичанами (“рейд Джеймсона”), воинственно антибританская телеграмма кайзера Вильгельма II трансваальским бурам, и вообще обострение ситуации, как сказали бы теперь, “вокруг” Трансвааля.

Перед лицом усилившейся угрозы со стороны Англии трансваальское правительство оказалось крайне заинтересовано в связях с другими европейскими государствами и, в частности, с Россией. В апреле 1897 г. Трансвааль обратился в министерство иностранных дел Франции с официальной просьбой о содействии в установлении отношений с Россией.⁹³

Министр иностранных дел М.Н. Муравьев немедленно откликнулся. В том же апреле (28 марта по ст. ст.) он направил письмо министру финансов С.Ю.

⁹¹ *Hammond J. H. The Autobiography.* - New York: Farrar and Rinehart, 1935. – Vol. 2. - P. 461.

⁹² ГАРФ. - Фонд 7, опись 7, дело 143, л. 117.

⁹³ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). - Фонд II департамента, опись 929, дело 2, 1895, л. 32.

Витте.

«Постоянно возрастающее значение для народов Европы африканского материка и важные политические вопросы, сопряженные с колонизациею этой части света, побудили Государя Императора Высочайше повелеть мне приступить к устройству нашего дипломатического и консульского представительства в Марокко и Южно-Африканской Республике... К вопросу о нашем представительстве в Южно-Африканской Республике, носившей до 1881 г. название Государства Трансвааль, имею честь объяснить, что со времени открытия богатейших золотых приисков в этой стране и вызванного этим быстрого развития благосостояния означенной республики, в нее стали стекаться выходцы из всех стран света, и в том числе и из России. Из собранных М.И.Д. по этому предмету сведений видно, что в городах Претории, Йоганнесбурге, Крюгерсдорпе и др. проживают в настоящее время до 7.000, или по другим данным даже до 8.000 чел. наших подданных. Эти эмигранты занимаются различными ремеслами, но главным образом - торговлею. Большинство их живет безбедно, а некоторые даже богаты, что доказывается тем обстоятельством, что состояние русских, живущих в Йоганнесбурге, где они составляет десятую часть народонаселения, оценивается в 500.000 ф. ст. Вопрос о желательности учреждения консульского представительства в одном из городов Южно-Африканской Республики возбуждался неоднократно в МИД по ходатайствам лиц, непосредственно заинтересованных в установлении торговых отношений с этою странюю, но Министерство не считало тогда своевременным начать переговоры по этому предмету. Ныне события последнего времени, однако, вполне выяснили ту важную политическую роль, которую может играть означенное государство в Южной Африке и значение его, как для наций, прямо заинтересованных в судьбах этой части света, так и для нас, и поэтому наше правительство нашло нужным в целом противодействовать стремлению англичан приобрести преобладающее влияние на юге Африки, принять предложение, сделанное, чрез посредство французского министерства иностранных дел, посланником Южно-Африканской Республики в Париже об установлении постоянных международных сношений между Россией и Трансваалем».

Далее шло конкретное предложение о назначении в Трансвааль российского генерального консула с таким же окладом, как у генерального консула в Будапеште.

Из письма следовало, что и Николай II уже высказал пожелание об установлении официальных отношений, и что правительство Трансвааля уже обратилось к России с соответствующим предложением. Но Витте с ответом не торопился. Ответил только через месяц, 29 апреля (ст.ст.). И к самому предложению отнесся без восторга.

«Не решаясь входить в обсуждение вопроса о политическом и дипломатическом значении, которое могли бы иметь предлагаемые Вами к учреждению представительства в названных странах, я тем не менее не могу не обратить внимание на то обстоятельство, что с упомянутыми странами наше отечество не ведет никаких торговых отношений, вследствие чего торгово-промышленное значение предположенных к учреждению консульств вовсе не может быть принимаемо во внимание», - написал он. И предложил переработать проект и сократить расходы.

Муравьев ответил на письмо министра финансов 5 мая (ст. ст.): «В виду проводимых Вами в оном доводов финансового характера я предпочитаю испросить Высочайшее Его Императорского Величества соизволение отложить учреждение нашего генерального консула в Южно-Африканской Республике до более благоприятного времени».

Витте с этим предложением согласился,⁹⁴ но Муравьев все же запросил Е.Е. Стааля, посла России в Лондоне, выяснить вопрос о юридической

возможности установления отношений.⁹⁵ Препятствием была Лондонская конвенция 1884 г., навязанная Трансваалю после его первой войны с Британией. По этой конвенции, Трансвааль мог устанавливать дипломатические отношения с другими государствами только с согласия Великобритании. Великобритания же стремилась ограничить суверенитет Трансвааля, как только возможно. Она

⁹⁴ ЦГИА. - Ф. 565 (департамент государственного казначейства), оп. 8 (1897), д. 29362 (об учреждении представительства в Южно-Африканской Республике и в Марокко), лл.1, 3-6, 9.

⁹⁵ ГАРФ. - Фонд 565, опись 8 (1897), дело 29362, лист 26.

отказывала ему даже в праве на его официальное название. Страна называла себя: “Южно-Африканская Республика”, но стараниями англичан за ней повсюду закрепилось ее старое название: “Трансвааль”.

Вот почему Муравьев и поручил Стаалю выяснить вопрос о юридической возможности установления отношений с Трансваалем. Дипломаты пришли к выводу, что на консульские отношения это давнее ограничение не распространяется. К тому же Франция и Германия уже установили отношения с Трансваалем, и даже на более высоком уровне.

В августе 1898 г. Россия провела переговоры с представителем Трансвааля в Европе уже напрямую, без французских дипломатов. Переговоры вел князь Урусов, посол России во Франции. Тут уже события развивались стремительно. 16 сентября Френсис Вильям Рейтц, государственный секретарь Трансвааля, запросил согласие Петербурга на назначение д-ра Виллема Лейдса послом Трансвааля в России. Николай II согласился, и 28 сентября товарищ министра иностранных дел России В.Н. Ламздорф информировал об этом Рейтца. 24 декабря 1898 г. министерство иностранных дел направило в Экспедицию церемониальных дел письмо с пометкой “спешное”:

«Канцелярия Министерства Иностранных дел имеет честь уведомить Экспедицию, что при Высочайшем дворе учреждено новое дипломатическое представительство Южно-Африканской Республики.

Чрезвычайным посланником и полномочным министром назначен д-р Вильгельм Иоанн Лейдс (D-r Willem Johannes Leyds), представивший уже свои верительные грамоты».96

В том году Виллем Лейдс уже был назначен чрезвычайным и полномочным послом Трансвааля при правительствах Франции, Германии, Нидерландов, Бельгии и Португалии. Его штаб-квартира располагалась сначала в Гааге, но вскоре была перенесена в Брюссель. Голландец, родившийся на Яве, Лейдс стал видным государственным деятелем Трансвааля и энергично защищал в Европе его интересы. Президент Трансвааля Пол Крюгер относился к Лейдсу с большим

⁹⁶ ЦГИА. - Ф. 473, оп. (1898 г.), д. 664, л. 1

доверием.

Но в Россию Лейдс приехать не успел.⁹⁷ И российское посольство так и не открылось в Трансваале. Помешала начавшаяся в октябре 1899 г. англо-бурская война.

Россия и первая война двадцатого века

В октябре 1899 г. Николай II путешествовал по Дании и Германии. В своем дневнике 14/27 октября он записал:

«Читал с интересом английские газеты о войне в Южной Африке».⁹⁸ Своей сестре Ксении он писал 21 октября/3 ноября более определенно: не только о том, что каждое утро начинал с чтения сводок с южноафриканских фронтов, но и о том, что предпримет реальные действия. Окажет давление на Англию, подведя войска к границам Афганистана и Индии.

«Как и ты и Сандро,⁹⁸ я всецело поглощен войною Англии с Трансваалем; я ежедневно перечитываю все подробности в английских газетах от первой до последней строки и затем делюсь с другими за столом своими впечатлениями. Я рад, что Аликс⁹⁹ во всем думает, как мы; разумеется, она в ужасе от потерь англичан офицерами, но что же делать - у них в их войнах всегда так бывало!

Не могу не выразить моей радости по поводу только что подтвердившегося известия, полученного уже вчера, о том, что во время вылазки генерала White целых два английских батальона и горная батарея взяты бурами в плен!

Вот что называется влопались и полезли в воду, не зная броду! Этим способом буры сразу уменьшили гарнизон Лэдисмита в 10 тысяч человек на одну пятую, забрав около 2000 в плен.

Недаром старик Крюгер, кажется, в своем ультиматуме к Англии, сказал,

⁹⁷ В весьма подробной биографии Лейдса в пятитомном "Словаре южноафриканских биографий" не упомянуто, что наряду с другими европейскими государствами Россия также была страной, где он был аккредитован. Говорится лишь: «он также посетил Россию (август 1900 г.)». Действительно, Лейдс приехал в Россию, в первый и последний раз, только в августе 1900 г., в разгар англо-бурской войны. Верительные грамоты в 1898 г. он переслал дипломатической почтой, и Николаю II их вручил министр иностранных дел Муравьев: *Leyds W. J. // Dictionary of South African Biography. Vol. III. - Pretoria: Tafelberg-Uitgewers, 1977. - P. 518.*

⁹⁸ Сандро – муж Ксении, великий князь Александр Михайлович.

⁹⁹ Императрица Александра Федоровна.

что, прежде чем погибнет Трансвааль, буры удивят весь мир своей удалью и стойкостью. Его слова положительно уже начинают сказываться. Я уверен, что мы еще не то увидим, даже после высадки всех английских войск. А если поднимется восстание остальных буров, живущих в английских южно-африканских колониях? Что тогда будут делать англичане со своими 50 тысячами; этого количества будет далеко недостаточно, война может затянуться, а откуда Англия возьмет свои подкрепления - не из Индии же?

Ты знаешь, милая моя, что я не горд, но мне приятно сознание, что только в моих руках¹⁰⁰ находится средство вконец изменить ход войны в Африке. Средство это очень простое - отдать приказ по телеграфу всем туркестанским войскам мобилизоваться и подойти к границе. Вот и все! Никакие самые сильные флоты в мире не могут помешать нам расправиться с Англией именно там, в наиболее уязвимом для нее месте».

«Расправиться с Англией» – это Николай назвал своей «излюбленной мечтой». Правда, понимал, что время для ее осуществления пока не настало: «...мы недостаточно готовы к серьезным действиям, главным образом потому, что Туркестан не соединен пока сплошной железной дорогой с внутренней Россией».

Но все же решил действовать – начать с Вильгельма II: «Я намерен всячески натравливать императора на англичан, напоминая ему о его известной телеграмме Крюгеру!».¹⁰¹

Внимание царя и его окружения к англо-бурской войне было непритворным. В своем дневнике, отнюдь не предназначавшемся для публикации, Николай записал 14/27 января 1900 г.: «Сандро, как и все мы впрочем, совсем помешался на войне англичан с бурами».102

Англо-бурская война стояла в центре внимания, как тогда говорили, “цивилизованного мира”, когда этот мир встречал 1900 г.¹⁰³ На заре Двадцатого

¹⁰⁰ Подчеркнуто Николаем II.

¹⁰¹ Николай Романов об англо-бурской войне // Красный архив. – М., 1934. - № 63. - С. 125-126.

¹⁰² Дневник Николая II // ГАРФ, фонд 601, опись 1, д. 240, тетрадь I. XII.1899-27.VII.1900, л. 35.

¹⁰³ Не стоит пускаться в малопродуктивные споры о том, началось ли столетие с 1900 или с 1901 г. Ученые вряд ли придут к согласию на этот счет, а в народе, конечно, началом

столетия в этой войне видели крупнейшее международное событие. Многие из тогдашних прогнозов, тогдашних надежд и мечтаний, разочарований и скептицизма было так или иначе связано с той войной.

Война, в которой Великобритания завязла на два с половиной года, поражения, которые она терпела от двух маленьких бурских¹⁰⁴ республик – это нанесло удар по престижу Британской империи и повлияло на межгосударственные отношения в Европе.

Война вызвала бурную антибританскую реакцию общественности европейских и многих других стран. Англофобия была широко распространена. Одни не любили Британию за то, что она захватывала все новые территории по всему миру, другие – за то, что товары Бирмингема, Шеффилда и Манчестера издавна были сильными конкурентами промышленности других государств. Третьи – за “хитрую” внешнюю политику. Четвертые, сторонники самодержавных методов правления, за ее “гнилой либерализм”. Как тут было не злорадствовать по поводу ее трудностей и не посочувствовать ее противнику, тем более, что противник заслуживал сочувствия. Борьбу двух республик, которые и на карте мира-то нелегко было разыскать, против крупнейшей империи в истории человечества сравнивали с библейской схваткой Давида и Голиафа. Во многих странах создавались общественные комитеты помощи бурам. Несколько тысяч добровольцев из Европы и Соединенных Штатов воевали на стороне буров.

Эта война сыграла огромную роль в развитии военного искусства.

Тридцать лет до этого в Западной Европе не было войн – после франко-прусской. За эти годы накопились бесчисленные новшества в военной технике, в стратегии и тактике, но проверить их на практике не было случая: “колониальные войны” в этих нововведениях не нуждались. Так что Южная Африка стала первым полигоном.

В этой войне впервые в широком масштабе были применены пулеметы.

столетия считался 1900 г.

¹⁰⁴ Потомки выходцев из Голландии, переселившиеся на Юг Африки с середины XVII в., с начала XX в. предпочитают называть себя “африканерами” (т.е. “африканцами” по-голландски) и говорят сейчас на языке африкаанс, трансформировавшемся голландском. Но поскольку большинство из них поначалу были фермерами, в XVIII в. за ними закрепилось и слово “буры” (фермеры, крестьяне).

Впервые – шрапнель и бездымный порох. Сомкнутые колонны войск уступили место рассыпному строю. Нам может казаться, что окопы и траншеи – давние спутники войн, но появились они именно тогда, и впервые были применены бурами. Тогда же появилась и форма цвета хаки – защитного. В такие формы потом оделись все армии мира. А началось с того, что англичане заплатили дорогую цену за свои красные мундиры – буры оказались прекрасными стрелками. С той поры у курящих пошла фраза: «Третий не прикуривает». Считалось, что когда в распоряжении англичан зажигалась спичка, бур хватался за винтовку, когда прикуривал второй – целился, а когда третий – стрелял.

Генеральные штабы многих стран (даже Норвегии) послали на поля сражений англо-бурской войны своих наблюдателей – как официальных, так и секретных, - чтобы не пропустить чего-нибудь важного в новациях военного искусства.

Англо-бурская война стала частью биографий многих известнейших людей XX столетия. Уинстона Черчилля, “Махатмы” Ганди, фельдмаршалов Робертса, Китченера и Сметса. Конан Дойла и Киплинга. И Александра Ивановича Гучкова.

Этой войной завершился колониальный раздел Африканского континента, продолжавшийся последнюю четверть XIX в.

В результате этой войны возник британский доминион Южно-Африканский Союз (ныне Южно-Африканская Республика – возрожденное официальное название Трансвааля) – самая экономически развитая страна Африки.

Чем была вызвана эта первая война двадцатого века?

Дело в том, что крупнейшие в мире месторождения золота были найдены именно на территории бурской республики Трансвааль. Аннексировать их так же легко, как это было с месторождением алмазов, Великобритания не могла. Да и вообще, бурские республики оказались препятствием на пути включения в Британскую империю южной, самой богатой, части Африканского континента. Республики возникли в 1850-х гг. Одна из них, находившаяся за рекой Вааль, официально назвала себя Южно-Африканской Республикой, но более известна как Трансвааль. Вторая, расположенная возле реки Оранжевая, именовала себя:

Оранжевое Свободное Государство. В просторечии ее называли Оранжевой республикой.

Обе они возникли в результате переселения буров с южной оконечности материка в более глубинную ее часть, на северо–восток. Почему буры решили переселяться? Во время наполеоновских войн Великобритания захватила Капскую колонию, основанную голландцами в XVII в., и установила там свои порядки. Те, кто не захотели жить по английским законам и под английским флагом, погрузили свой скарб в большие фургоны и двинулись на север.

Путь был долгий и трудный: неизведанные края, незнакомая природа, неизвестные звери. Враждебные племена, которые были отнюдь не в восторге от появления буров на их территории. Надо было перебираться через хребты скал, горные стремнины. В фургоны запрягали до 24 пар волов. Внутри фургонов делали из шкур что-то вроде русских полатей – на них спали женщины и дети. Перед колонной фургонов и по бокам – всадники, хорошо вооруженные на случай непредвиденных опасностей. Колонны передвигались медленно. Выбирали места для остановки на несколько месяцев, чтобы взрыхлить поля, посеять, собрать урожай и запастись провизией, а потом - идти дальше. В историю буров эти походы (буры шли несколькими колоннами и разными маршрутами) вошли как “Великий трек” (“Великое переселение”), героическая акция, положившая начало бурской, африканерской нации. Африканские же племена, на чьи земли переселялись буры, считали это грабительским нашествием. “Великий трек” начался в середине 1830-х и завершился в середине 1850-х созданием Трансвааля и Оранжевой.

Вся добыча золота, как и алмазов, находилась в руках европейского, прежде всего, английского капитала. Буры горным делом не занимались, но президент Трансвааля Крюгер обложил золотодобычу высокими налогами. Поэтому владельцы золотых рудников были заинтересованы в установлении британской власти над Трансваалем.

Великобритания впервые аннексировала Трансвааль в 1877 г., еще до открытия золота. Для захвата тогда был выбран чрезвычайно удобный момент. Правительство республики фактически не контролировало положение в стране.

Постоянной армии не было. Государственная казна - пуста.

Для аннексии оказалось достаточно отряда в 25 человек. Водружая “Юнион Джек” над столицей Трансвааля Преторией, они не встретили сопротивления. Не только правительство, но и вообще никто из трансваальских буров не оказал сколько-то серьезного отпора. Лишь через три года трансваальцы сумели объединиться, собраться с силами и, выиграв два сражения, снова обрели независимость. Британия этому не очень препятствовала - особенно важного значения для нее Трансвааль тогда еще не имел.

К концу же столетия обстановка изменилась. Трансвааль окреп. Налоги с золотодобычи пополнили казну. Британских шахтовладельцев тревожила близость трансваальского правительства с Германией. Крюгер же видел в сближении с Германией возможность использовать противоречия между европейскими странами для обуздания английских “строителей империи”. В 1895 г. он публично объявил, что рассчитывает на поддержку Германии.

В 90-е годы в Трансваале приобрела большую остроту проблема ойтландеров. Слово “ойтландер” на голландском языке и языке африкаанс означает “чужеземец”, “иностранец”. Так буры называли людей, приехавших после открытия золота – в основном, англичан. Число ойтландеров в Трансваале быстро приближалось к числу живших там буров, но Крюгер не хотел дать им полных гражданских прав – и уж конечно не давал им прав избирательных. Правительство боялось, что буры окажутся в меньшинстве в своей стране и будут вынуждены уступить ойтландерам контроль не только над ее недрами, но и ее политикой. Поэтому короли золота всячески раздували “проблему ойтландеров”, говорили о “вопиющей дискриминации”. В действительности большинство ойтландеров приехали в Трансвааль только на заработки. Они не собирались долго жить там, не хотели отказываться от английского, американского, или французского гражданства и заменять его трансваальским. Но ничтожному меньшинству - золотопромышленным магнатам, которые хотели аннексии Трансвааля – нужен был благовидный предлог, чтобы начать войну. Несправедливость по отношению к ойтландерам – тысячам простых людей, как представляли дело магнаты – и стали таким предлогом.

После англо-бурской войны 1880-1881 гг. стало ясно, что мирных путей присоединения Трансвааля у Англии не было. В конце 1895 г. произошла попытка переворота. В Йоханнесбурге золотопромышленники создали тайный комитет, который собирался свергнуть правительство. Сигналом к перевороту должно было послужить вторжение войск Британской южноафриканской компании из Родезии в Трансвааль. И в последних числах декабря большой отряд во главе с Л. С. Джеймсоном перешел границу Трансвааля, но почти сразу же был обезоружен и взят в плен бурами. Из переворота ничего не вышло. Этот эпизод вошел в историю как “набег” или “рейд” Джеймсона.

Набег Джеймсона отразился не только на южноафриканской, но и на "большой" европейской политике. Широкий резонанс в Европе получила телеграмма Вильгельма II Крюгеру, в которой кайзер поздравлял буров с тем, что им удалось победить, «не прибегая к помощи дружественных государств». Это был явный вызов Великобритании. Англо-германские отношения ухудшились.

* * *

В самые последние годы XIX в. Великобритания постепенно стягивала в Южную Африку крупные силы и готовилась к войне против Трансвааля. Понимая, что война неизбежна, правительство Крюгера решило опередить противника, начать боевые действия в условиях, когда английская подготовка была еще далека от завершения.

9 октября 1899 г. Трансвааль предъявил Великобритании ультиматум. В нем содержались предложение о передаче англо-трансваальских споров на рассмотрение третейского суда. И требование, чтобы британское правительство удалило от границ Трансвааля собиравшиеся там вооруженные силы, отозвало войска, введенные в Капскую колонию с июня 1899 г., и обязалось не высаживать в портах Капской колонии и Натала воинские части, находившиеся на кораблях, которые уже приближались к южноафриканским берегам. Срок ультиматума определялся в двое суток. От лондонского кабинета, как и следовало ожидать, последовал отрицательный ответ, что было равносильно объявлению войны. По истечении установленного срока военные действия начал не только Трансвааль, но и союзное ему Оранжевое Свободное Государство.

Буров не устрашило, что их противник - самая крупная в то время мировая держава, находившаяся в зените своего могущества. Бурские республики, особенно Трансвааль, уже в течение нескольких лет готовились к войне. В Европе было закуплено большое количество оружия, в том числе крупнокалиберная артиллерия. Правительство Крюгера купило десятки тысяч маузеровских винтовок: они значительно лучше тогдашних английских винтовок системы Ли-Метфорда. В Трансваале запасено 25 млн. патронов. Запасы оружия сделаны после набега Джеймсона, когда бурские лидеры начали смотреть на войну с Англией как на неотвратимое бедствие. На закупку оружия стали секретно выделять большие средства. Пушки и винтовки доставлялись из Европы в ящиках с надписями "Оборудование для горной промышленности" или "Сельскохозяйственная техника". В качестве военных инструкторов приглашались европейские военные специалисты. Создана была секретная разведывательная служба.

Но все же никакой налаженной военной машины у буров не было. Регулярной армии фактически не существовало, и с началом войны вся тяжесть военных операций пала не на подготовленные воинские формирования, а на народные ополчения.

Война дала выход антианглийским чувствам, ставшим среди бурского населения чуть ли не всеобщими. Буры ушли из-под британского владычества, оставив родину отцов - Капскую колонию, поселились на новых землях, отстаивали свою независимость. Теперь снова нависла угроза над всем, за что они боролись: свобода, язык и культур, имущество, и "данный от бога" статус "народа господ" (herrenvolk).

На войну было готово пойти чуть ли не все мужское население. Каждый шел воевать со своим оружием, со своей лошадью, со своим запасом еды; от правительства они не получали ни платы, ни обмундирования, ни продовольственного рациона. Созданные таким образом боевые отряды не отличались дисциплиной, но вели себя мужественно. Преимуществом буров было отличное знание местности, выносливость, прекрасное умение стрелять, а главное, четкое представление о том, почему и за что они воюют, и стремление победить во что бы то ни стало. Помогали бурским добровольцам и женщины, приносившие на

позиции пищу и все необходимое, а иногда и принимавшие участие в боях.

Английские войска состояли из людей, совсем недавно привезенных в эту чужую для них страну и воевавших по принуждению. К тому же большинство солдат были новобранцами, совсем молодыми и необстрелянными. В первые недели войны английские войска уступали бурским даже по численности.

Ход этой войны хорошо известен, описан во многих исследованиях и учебных пособиях. В течение первых нескольких месяцев события развивались в пользу буров. Их отряды сразу же вторглись в Капскую колонию и в Натал, нанесли англичанам несколько весьма ощутимых поражений, осадили города Ледисмит, Кимберли и Мафекинг. 11-16 декабря 1899 г. англичане назвали “черной неделей”: в трех сражениях в разных районах Южной Африки их армия потеряла 2500 человек и 12 орудий. Январь 1900 г. также принес британским войскам одни поражения.

Однако превосходство военной мощи Британской империи неизбежно должно было привести к единственно возможному исходу. Из Англии прибыли генералы Робертс и Китченер с многочисленными подкреплениями. К концу февраля 1900 г. англичане добились снятия осады с Кимберли и Ледисмита. 27 февраля близ Кимберли Китченер заставил сдаться 4 тыс. буров во главе с одним из самых популярных в Трансваале военачальников - генералом Кронье, героем войны 1880-1881 гг. 13 марта английские части захватили Блумфонтейн, столицу Оранжевого Свободного Государства. В мае - снята осада с Мафекинга, 1 июня войска генерала Робертса вступили в Йоханнесбург, а 4 июня - в Преторию.

Но борьба на этом не кончилась. Буры перешли к партизанской войне, причем ее огонь охватил цитадель британского господства в Южной Африке. В то время, как Робертс и Китченер уже праздновали победу, тысячи буров Капской колонии развернули партизанские действия в тылу английской армии.

Сломить это сопротивление англичане смогли лишь при помощи исключительно жестоких мер. Войска сжигали бурские фермы, уничтожали посеы, угоняли скот. Лорд Робертс объявил, что будет сожжено все дотла в радиусе 10 миль от каждого взорванного партизанами участка железной дороги. В действительности англичане жгли бурские дома и фермы не только там, где

действовали партизаны, но и по всей стране.

Чтобы прекратить партизанскую войну, английские власти стали сгонять гражданское население страны - женщин, детей, стариков - в концентрационные лагеря (официально они, как бы в издевку, именовались “refuge”- “убежище”, “место спасения”). Сетью таких лагерей была покрыта вся страна - впервые в истории человечества. Туда согнали 200 тыс. человек гражданского населения - 120 тыс. буров и 80 тыс. африканцев. Смертность в лагерях была высока.

Расправа с бурами всколыхнула общественное мнение Европы и Америки - может быть, потому, что главными жертвами были не африканцы или азиаты, а свои, европейцы, хоть и оторвавшиеся от европейских корней. Об африканцах жители тогдашней Европы знали, в сущности, очень мало, плохо представляли себе, что это за люди. В бурах же видели себе подобных, потому страдания их и вызвали живое сочувствие.

Повсюду осуждали Англию. Портреты бурских генералов - Жубера, Бюргера, Мейера, де Вета, де ла Рея, Боты, Смэтса, Герцога - мелькали на страницах европейских газет. На стороне буров сражались тысячи добровольцев из Голландии, Германии, Ирландии, Франции, Италии, России, Соединенных Штатов Америки, Черногории.

Правительства большинства европейских стран заявляли о сочувствии бурам, но энергично выступить против Англии не решился даже кайзер Вильгельм II, неоднократно обещавший Трансваалю свою эффективную поддержку. Президент Крюгер в конце мая 1900 г. отправился в поездку по столицам крупнейших держав мира с просьбой о вмешательстве, но успеха не добился.

Громадное превосходство английских войск и расправа с женщинами и детьми в конце концов заставили буров отказаться от сопротивления. 31 мая 1902 г. в г. Феринихинг был подписан мирный договор. Бурские республики прекратили существование, были объявлены английскими колониями (под названиями Трансвааль и Колония Оранжевой Реки), их жители стали британскими подданными.

Война дорого стоила и бурам, и англичанам. Буры потеряли убитыми 4 тыс. и ранеными 20 тыс. Еще больше - 26 тыс. - погибло в концентрационных лагерях.

У англичан - 5,8 тыс. убитых, 23 тыс. раненых, кроме того, многие умерли от эпидемий. Всего в течение войны на стороне буров сражались 87 тыс. человек, на стороне англичан - 448 тыс. Значительная, если не бóльшая часть всего принадлежавшего бурам имущества была уничтожена. Английская казна потратила на войну 250 млн. ф. ст.

В результате войны Южная Африка почти целиком (за исключением пустынной немецкой колонии на юго-западе) вошла в состав Британской империи.

Опыт этой войны изучался генеральными штабами различных стран в течение нескольких лет.

Местные африканские народы не принимали широкого участия в войне, но все же воевали, как с англичанами против буров, так и с бурами против англичан. Британские власти давали туманные обещания, что в случае их победы положение африканцев улучшится, вызывая этим некоторые иллюзии среди африканского населения республик. Иногда, попадая в критическое положение, англичане призывали африканцев на помощь. Особенно большую поддержку оказали им басуты, как знатоки местности и разведчики. В целом обе воюющие стороны заявляли, что это война между людьми одной расы. Но пострадали от военных действий все.

Англо-бурская война и правительство Николая II

Могла ли Российская империя, соперница Великобритании на мировой арене, остаться в стороне от этих событий? Конечно, у нее не было в той части мира столь же обширных интересов, как у Англии и Германии, но какие-то все же были. Царское правительство не пропускало болевых точек в глобальной британской политике. Одной из таких точек был Трансвааль.

Еще во время первой войны между Англией и Трансваалем, в 1881 г., русское посольство в Лондоне направляло в Петербург резко пробурские оценки тогдашних событий.¹⁰⁵ Но тогда представления официальной России о ситуации на Юге Африки вряд ли были особенно четкими. Вероятно поэтому даже письмо верховного вождя народа пондо в 1886 г. осталось без ответа.

¹⁰⁵ Красный архив. – М. - Фонд канцелярии, 1881, опись 89, листы 168-169.

В первые же недели новой войны министр иностранных дел М.Н. Муравьев завершал поездку по европейским державам: Германии, Испании и Франции. И хотя визит был неофициальным, в честь российского министра устраивались торжественные приемы на семьдесят, а то и на сто персон. Он был принят французским президентом Лубе. Во влиятельной газете “Санкт-Петербургские ведомости” сочли нужным привести оценку этого визита из французской газеты “Фигаро”: «Европейское положение по многим причинам требует теперь крайней бдительности. В нем возможны перемены, которые немедленно отозвались бы на интересах России и Франции. Время выбрано поэтому удачное для обмена мнениями о них и для соглашения».106

Одновременно возросла численность русских военных кораблей в Средиземном море и в Атлантике. В октябре во французском порту Бресте оказалось сразу четыре русских крейсера, хотя, конечно, это вряд ли могло быть угрозой “владычице морей”. Другое дело - слухи о передвижении русских войск близ пределов Афганистана и Индии. Русское правительство решило провести военную демонстрацию «при посредстве соответствующих военных распоряжений, долженствующих ограничить свободу действий Англии».107 В конце 1899 г. в русских газетах появилось сообщение: «Ввиду распространившихся в последнее время известий о тревожном положении дел в Афганистане... сделан опыт передвижения небольшой части войск с Кавказа в Закаспийскую область».108

Николай II прекрасно понимал, что такие угрозы обеспечат ему поддержку англофобской части русского общества.

Генерал М. Грулев, отлично знавший тогдашние настроения, особенно в военных кругах, позже вспоминал: «Целыми веками общество наше воспитывалось на идее о походе в Индию. Вместе с молоком матери мы всасывали взлелеянную мечту о распространении нашего оружия за Гиндукушский хребет, в самую колыбель человечества, в сказочную страну мировых сокровищ, чтобы попутно свести здесь все старые счета с Англией.

Трудно сказать, на чем базировалась такая легкомысленная

¹⁰⁶ ГАРФ. - Фонд 677, опись 1, дело 475, листы 1-2.

¹⁰⁷ Красный архив. - М., 1926. - Т. 5 (18). - С. 6.

¹⁰⁸ Новое время. – СПб., 25 декабря 1899/6 января 1900.

самоуверенность, которая не желала считаться ни с какими условиями: географическими, стратегическими и иными. Плодилось немало невежественных и легковесных статей и брошюр, которые усиленно толкали Россию по направлению к Индии, насыщая наше общественное мнение опасными химерами».¹⁰⁹

Естественно, что активность России вызывала беспокойство в Англии. В начале ноября 1899, накануне встречи российского императора с кайзером во всех европейских столицах гадали, к каким антианглийским мерам она может привести. Но если и были у России планы совместных с Германией действий против Великобритании, они потерпели неудачу буквально сразу же. Казалось, что императорам договориться легко: они всячески демонстрировали свои приятельские отношения, называли друг друга “Ники” и “Вилли”; Николая и его семью Вильгельм встречал в Потсдаме в русской военной форме. Потом они вместе охотились на фазанов, куропаток и зайцев. Но 8 ноября стало известно, что Германия договорилась с Великобританией и США о разделе островов Самоа.

В тот же день британское правительство получило сведения, что Муравьеву не удалось убедить французское правительство предпринять сколько-то определенных действия против Англии.¹¹⁰ Для Франции намного важнее были противоречия с Германией - вопрос об Эльзасе и Лотарингии. Поэтому осложнять отношения с Великобританией она не захотела.

Так что ни о каких совместных действиях царь и кайзер не договорились. Больше того, уже через несколько дней, 20 ноября, едва расставшись с Николаем, Вильгельм II с семьей и канцлером Бюловым прибыли на яхте “Тогенцоллерн” в Англию, в королевский дворец в Виндзоре. Кайзер не бывал в Англии с 1895 г., после рейда Джеймсона, и теперь поставил условием своего визита уступку островов Самоа. Сесил Родс обещал это ему еще во время их встречи в середине марта. Теперь это условие было выполнено: 14 ноября в Лондоне был официально подписан англо-германский договор о Самоа. К тому же Англия перестала препятствовать излюбленному плану Вильгельма - строительству Берлинско-Багдадской железной дороги. 27 ноября турецкий султан объявил, что

¹⁰⁹ Грулев М. Записки генерала-еврея // Antiquary. - Orange (USA), 1987. – P. 215.

¹¹⁰ British Documents of the Origins of the War, 1898-1914. - Vol. I. - № 294 // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 82. Л. 1, 26 -27, 35.

предоставляет немецкой компании концессию для строительства дороги через Басру в Багдад.

Вильгельм не хотел вести переговоры с Лейдсом, представителем Трансвааля в Европе. И Россию он подталкивал к решительным действиям против Англии не для того, чтобы участвовать в них, а лишь чтобы шантажировать Лондон русским нажимом.¹¹¹

Джозеф Чемберлен в ходе встречи с канцлером Бернгардом Бюловым стремился настроить его и против России, и против Франции. Предложил даже раздел Марокко с предоставлением Германии атлантического побережья. Правда, Вильгельм и Бюлов этот дар не приняли - не захотели идти на обострение с Францией.

О политике России лучше судить не по словам царя, а по деловым документам, по большей части секретным. Пожалуй, важнейший из них - это записка М.Н. Ламздорфа, бывшего во время ее подготовки товарищем (заместителем) министра иностранных дел, а через несколько месяцев - министром. Записка: "О задачах внешней политики России в связи с англо-бурской войной", датирована 22 января 1900 г. (ст. ст.).

Начиналась она общей оценкой значения англо-бурской войны для мировой политики: «Разыгравшиеся на Африканском материке с начала осени минувшего года события сосредоточили на себе всеобщее внимание и приобрели в глазах правительств почти всех государств особливую важность по тем неожиданным последствиям, к которым привело столкновение сравнительно ничтожных военных сил двух небольших южноафриканских республик с войсками могущественной Англии».

Ламздорф привел требования воинственных кругов России, которые хотели максимально использовать ситуацию, когда у Англии связаны руки. В этих кругах широко обсуждались планы захвата портов в Черном и Средиземном морях и даже в Персидском заливе. В шовинистской печати это называлось "компенсациями".

¹¹¹ Lee S. The King Edward VII. Vol. I. - London: Macmillan & Co Ltd., 1925. - P. 767.

Ламздорф выступил против этих проектов как дорогостоящих и нереальных. Даже давнюю мечту о захвате пролива Босфор назвал нереальной. Обстоятельно, с хорошим знанием дела, рассмотрел замыслы России и других великих держав во всех районах столкновения их интересов, от Босфора до Ирана и Дальнего Востока. И сделал вывод: «Настоящее общее политическое положение вещей не вызывает необходимости со стороны императорского правительства принятия каких-либо неотложных, чрезвычайных мер: ни в виде приобретения путем соглашения какой-либо стоянки для нашего флота, ни при посредстве военного занятия какой бы то ни было территории или стратегической позиции».

Единственное, что Ламздорф предложил, это несколько укрепить позиции России в Османской империи, в Ираке и Афганистане - и то не военными, а дипломатическими мерами.

Записка Ламздорфа была послана в несколько министерств. Военный министр А.Н. Куропаткин выразил явное недовольство. Он считал, что надо начать давление на турецкое правительство, чтобы оно уступило России Босфор. Управляющий морским министерством тоже не сдержал наступательного пыла и жалел, что Россия ничего не выгадает от затруднений своего старого соперника. Зато министр финансов Витте высказал прямо противоположное мнение. Он возразил даже против предложенных Ламздорфом мер по усилению русского влияния в соседних странах Центральной Азии и дал понять, что при тяжелом финансовом положении России нечего было об этом и думать.¹¹²

Время для России действительно было трудное. Экономический кризис, сокращение промышленного производства, а главное - неурожай и голод в ряде областей империи. Даже “ястребы” в правительстве это понимали.

Вильгельм II подталкивал Россию к вторжению в Индию. Он прямо говорил об этом с российским послом в Берлине в начале января 1900 г.¹¹³ Но даже в высших военных кругах России было понимание опасности такого шага. Это выяснилось на закрытом совещании генералов и офицеров в конце 1899 г. Докладчик, генерал М. Грулев, резко осудил призывы к походу на Индию – и никто

¹¹² ГАРФ. - Фонд 568, оп. 1, д. 82, л. 1, 26-27, 35.

¹¹³ *Lee S. Op. cit.* - P. 763

ему не возразил. Правда, доклад Грулева решили не публиковать, чтобы не раскрывать перед Англией свои карты, и же заставить ее бояться возможного русского вторжения.¹¹⁴

В целом победила точка зрения Ламздорфа. Призывы вторгнуться в Индию или захватить Босфор так и остались призывами. Но свои позиции в Центральной Азии Российская империя все же укрепила. В декабре 1899 г. добилась, что Иран еще на десятилетие продлил свое обязательство не давать другим иностранным державам концессий на строительство железных дорог. В январе 1900 г., дав Ирану заем, Россия добилась вытеснения английских товаров российскими на иранском рынке. А в случае нарушения сроков по платежам займа Россия получила право «установить контроль над таможами, доходом коих упомянутый заем гарантирован».¹¹⁵ В Османской империи правительство Николая II добилось концессии на строительство железной дороги вдоль южного берега Черного моря. А с Афганистаном в начале 1900 г. были установлены дипломатические отношения, чему Великобритания всегда препятствовала.

Ни для кого не было секретом, что перемены в Центральной Азии - следствие англо-бурской войны. Даже российский либеральный журнал, существовавший в условиях жесткой цензуры, публично признал это. «Русско-персидский заем и русско-персидские концессии также до известной степени связаны с этими событиями. В Тегеране не решились бы на этот шаг, столь неприятный англичанам, если бы престиж Великобритании не был столь поколеблен южноафриканскими событиями».¹¹⁶

Англо-бурская война и российская общественность

Общественность России откликнулась на войну бурно. «За здравие президента Крюгера служат молебны, от оркестров, играющих в публичных местах, требуют “гимн буров”, который повторяется бесчисленное число раз». Это

¹¹⁴ Грулев М. Соперничество России и Англии в Средней Азии. – СПб.: В. Березовский, 1909. - С. VII-VIII.

¹¹⁵ Правительственный вестник. – СПб., 1900. - 19/31 января.

¹¹⁶ Русское богатство. – СПб., 1900. - № 2. - С. 138.

свидетельство петербургского журнала начала 1900 года.¹¹⁷

«Буры и все “бурское” интересуется теперь решительно все слои общества, и в великосветской гостиной, и в редакции газеты, и в лакейской, и даже в извозничьем трактире только и слышны разговоры о бурах и африканской войне». Так говорилось в книжке, изданной в конце 1899 г. Называлась она “В помощь бурам!” Автор назвал себя “Бурофил”.¹¹⁸ Появилась и фраза: «Нынче куда ни сунься - все буры да буры». ¹¹⁹

Таких высказываний от тех времен остались сотни, тысячи. Издавалось множество русских книг о войне. Статей - не сосчитать. А брошюры печатали не только в столицах, в Санкт-Петербурге и Москве, или крупных городах Российской империи - Киеве, Варшаве, Тифлисе (Тбилиси), но даже в Борисоглебске. Фотографии бурских бойцов, генералов, президента Крюгера и его соратников - во всех иллюстрированных изданиях. И с самыми восторженными подписями.

В церквях собирали пожертвования в пользу буров. В Трансвааль посылали иконы, альбомы, роскошно изданную Библию, складни, пластинки с записями русских стихов и песен в честь буров. А после известия, что бурский генерал Кронье взят в плен, прошла широкая кампания по сбору средств, чтобы подарить ему братину - громадную чашу из порфира с серебряным орнаментом. Эта братина была послана вместе с листами, на которых расписались 70 тысяч человек. Листы озаглавлены: “Подписи к братине от русских людей командиру буров Питу Кронье”. Это все хранится теперь в Претории, в Историческом музее. А некоторые русские книги попали в библиотеку Стелленбошского университета.

Улицам русских городов давали названия в честь бурских героев или как-то связанные с бурами. В одну лишь харьковскую Городскую управу поступили предложения дать трем новым улицам названия: Трансваальская, Жуберовская и Крюгеровская.¹²⁰

Южноафриканские события отразились в театральных и цирковых

¹¹⁷ Журнал для всех. – СПб., 1900. - № 1.

¹¹⁸ [Бурофил]. В помощь бурам. Истор. очерк Бурофила. Причины войны и ее течение. Возможные последствия англо-бурской войны. - СПб.: Колотилов, 1900. - С. 25.

¹¹⁹ Буры и англичане. – СПб.: Тип. Дома призрения малолетних бедных, 1900. - С. 3.

¹²⁰ Русские ведомости. – М., 1899, 9 декабря.

репертуарах. С ними связали программу петербургского цирка, а постановка в Московском городском манеже в феврале 1900 г. называлась: “На высотах Драконовых скал или война буров с англичанами”.¹²¹

Общим ажиотажем быстро воспользовались торговцы. Появились игрушки, карикатурно высмеивающие Джона Буля, и картинные изображения буров. Ресторанам, трактирам, закусочным давали бурские названия. В Петербурге возле Царскосельского вокзала появился трактир “Претория”, в городе Козлове - трактир “Трансвааль”. Названия привлекали публику.

Центром организации помощи бурским республикам стал Голландский комитет для оказания помощи раненым бурам. Он находился в Санкт-Петербурге, на Невском. Его председателем был пастор голландской общины Санкт-Петербурга Хендрик Гиллот. Комитет обращался к народу России с воззваниями. В первом, в октябре 1899 г., был призыв к сбору средств для раненых буров. Во втором, в ноябре, говорилось, что собрано 70 тысяч рублей и эти пожертвования направлены на организацию санитарного отряда на 40 коек, под названием: “Русско-голландский походный лазарет”. В третьем, в декабре, - что общая сумма пожертвований уже превзошла 100 тысяч рублей, госпиталь обеспечен средствами на шесть месяцев, считая проезд туда и обратно. И что врачи и сестры милосердия уже двинулись в путь. Голландские - из Амстердама, русские - из Санкт-Петербурга.

Для сбора дополнительных средств комитет обратился к виднейшим петербургским художникам, артистам, музыкантам, композиторам, писателям и общественным деятелям с просьбой прислать для публикации в альбоме свои портреты, фотографии, автографы, картины и рисунки. Так появился альбом “С.-Петербург – Трансвааль”, прекрасно изданный, на меловой бумаге. В нем воспроизведены картины И. Е. Репина, Н. К. Рериха, К. Е. Маковского и других известнейших русских художников, портреты и фотографии артистов балета, оперы, драматических театров.¹²²

Сколько российских добровольцев сражалось на стороне буров? Известны

¹²¹ Московские ведомости. - М., 1900. - 19 февраля /3 марта; Курьер. – М., 1900. - № 44-51.

¹²² Санкт-Петербург-Трансвааль. Издание Голландского комитета для оказания помощи бурам. – СПб., 1900.

только подсчеты, сделанные английскими и американскими военными корреспондентами. Эти подсчеты считались наиболее достоверными и приводились во многих изданиях: 225 добровольцев.¹²³

Это, конечно, была лишь небольшая часть из тех, кто хотел поехать в Южную Африку. Уже в самые первые дни войны в редакции газет обращались «лично и письменно, многие лица с просьбою дать им указание, как прикомандироваться к направляющимся в Трансвааль добровольческим отрядам».¹²⁴ В приемной пастора Гиллота, до того тихой и спокойной, стали толпиться «люди из всех сословий, все рвутся к бурам».¹²⁵

Но путь из России был намного дальше и дольше, чем из западноевропейских стран. Надо было из бескрайнего русского сухопутья добраться до Марселя или какого-нибудь еще порта Западной Европы, откуда плавали корабли на Юг Африки. Дорога стоила громадных денег, не говоря уже об экипировке. К тому же у русских было куда меньше опыта зарубежных путешествий, чем у европейцев – особенно в Африке.

Но даже о тех, кто смог добраться и принять участие в войне, о тех 225 – так ли много мы знаем о них? Основной источник сведений - отчет об англо-бурской войне, представленный военным атташе Василием Иосифовичем Гурко после его возвращения в Россию. Отчет подробный, объемистый - 340 страниц. Есть там и список русских добровольцев, но перечислены только 25 фамилий,¹²⁶ в основном офицеры. Да и о них сведения весьма лаконичные. Только фамилии (имена не названы), воинские звания (зачастую неверные) и иногда наименования полков, в которых они служили в России. Военный атташе собирал сведения о новшествах военного искусства, применявшихся в англо-бурской войне и явно не

¹²³ *Hillegas H.C. With the Boer Forces.* – London: Methuen, 1900. – P. 257; *Amery L.S. ed. The Times History of the War in South Africa 1899-1902. Vol. VII.* – Sampson: Law, Marston & Co. Ltd, 1909. - P. 89; *Война англичан с бурами.* Редактировано 2-м бюро французского генерального штаба / Пер. с франц. Н.А. Болотова. – СПб.: М.Н. ф. Крит, [1905] . - С. 65.

¹²⁴ *Россия.* - СПб., 1999. - № 170, 27 (15) октября.

¹²⁵ *Московские ведомости.* - М., 1899. - № 293, 5 ноября (24 октября).

¹²⁶ [*Ромейко*]-Гурко. *Война Англии с Южно-Африканскими республиками 1899-1901 гг. Отчет командированного... к войскам Южно-Африканских республик генерального штаба полковника Ромейко-Гурко.* - СПб.: Военно-ученый комитет Главного Штаба, 1901. - С. 63, 303, приложение 8.

считал своей задачей сбор данных о добровольцах.

Елизавета Фокскрофт, русская эмигрантка, преподававшая русский язык в Университете Южной Африки в 1960-70-е годы, собирала сведения о волонтерах из России в Государственном архиве в Претории. Но смогла назвать еще только 14 человек:¹²⁷ учет приезда добровольцев велся в бурских республиках только в первые месяцы войны. Так кто же были остальные 186?

Конечно, статистика в России никогда не была на высоте. Но не дать никаких сведений, даже фамилий подавляющего большинства добровольцев! И это при том всеобщем ажиотаже, который царил в России из-за этой войны. Поразительно. С тех пор найдено немало новых сведений,¹²⁸ но больше всего опять о тех, кто уже назван у Гурко и Фокскрофт.

Почему трудно находить остальных? Дело в том, что понятие "русские" трактовалось по-разному. У английских и американских журналистов, которые подсчитывали численность волонтеров от каждой из стран, был один подход. У официальных кругов России - другой. Журналисты, очевидно, считали русскими всех выходцев из России, в том числе и тех, кто осел в Южной Африке, или тех, кто приехал туда незадолго до войны. Так же подходили и английские власти. За помощь бурам они выселяли этих людей из Южной Африки на родину - в Россию. Подавляющее большинство этих иммигрантов были евреи. Более 3 тысяч русских евреев, которые сражались в бурских коммандос, были высланы в Россию за время войны. Но русской бюрократии очень не хотелось считать их российскими подданными. Они попадали ни в какие российские отчеты. А таких волонтеров было немало.¹²⁹

Не попали в российские отчеты и осевшие в Южной Африке русские и литовцы. Приехавший в начале 1900 года доброволец Владимир Рубанов писал потом, что в "Русском отряде" «были еще русские крестьяне, которые задолго до

¹²⁷ *Kandyba-Foxcroft E.* Russia and the Anglo-Boer War 1899-1902. - Roodepoort: CUM Books, 1981. - P. 218-219.

¹²⁸ Например, *Шубин Г.В.* Российские добровольцы в англо-бурской войне 1899-1902 гг. (по материалам Российского Государственного военно-исторического архива и воспоминаниям очевидцев). - М.: XXI век - Согласие, 2000.

¹²⁹ *Berger N.* Chapters from South African History, Jewish and General. - Johannesburg: "Kayor" Publishers, 1982. - P. 36.

войны поселились в Южной Африке».130

Другой российский доброволец вспоминал, что в "Русском отряде" было восемь иммигрантов из Литвы - все из-под Ковно (теперь - Каунас). Они эмигрировали в Южную Африку за два-три года до войны.¹³¹ Они, как и русские мужики, остались безымянными. Никто не зафиксировал их имен.

Не попали в официальные отчеты и многие другие добровольцы. Военное министерство интересовало главным образом офицеры, из чего и исходил Гурко, составляя свой список. А остальные - куда их приписать? Россия, как говорил Чехов, страна казенная. Большинство же добровольцев, очевидно, ни по какому государственному ведомству не числились. Они не укладывались в прокрустово ложе русской бюрократической статистики. Но и никакая другая страна, тоже не считала их своими. Вот они и выпадали из всех перечней.

Не попал в официальные отчеты Иван Кириллович Заболотный - потом депутат Первой Государственной думы. Не попал Николай Евграфович Попов - стал потом летчиком.¹³²

Самые известные из добровольцев: Евгений Яковлевич Максимов (стал бурским генералом),¹³³ грузинский князь Николай Багратиони-Мухранский, Александр Иванович и Федор Иванович Гучковы.

Медицинский отряд Российского Красного Креста работал в Южной Африке с января по август 1900 г. В его составе было 6 врачей, 4 фельдшера, 9 сестер милосердия, 20 санитаров и 2 «агента по административной и хозяйственной части». За шесть с половиной месяцев отряд оказал амбулаторную помощь 5716 больным и раненым, стационарную - 1090.¹³⁴ Второй отряд - Русско-голландский госпиталь - тоже снаряжен целиком на деньги, собранные в России. В него входили 4 российских врача и 4 сестры милосердия. Он был в Южной Африке с

¹³⁰ Рубанов В. От Петербурга до Претории. - СПб.: Типография журнала "Строитель", 1900.

¹³¹ Варшавский военный журнал. - Варшава, 1902. - № 1, январь. - С. 13.

¹³² Сашонко В.Н. Коломяжский ипподром. Документальная повесть о русском авиаторе Николае Евграфовиче Попове. - Л.: Лениздат, 1983.

¹³³ Davidson A., Filatova I. The Russian Boer General // Historia. - Pretoria, 1995. - Vol. 40. No. 2, November. - P. 20-38.

¹³⁴ Вестник Российского общества Красного Креста. - СПб., 1900. - № 53. - С. 449; 1902. - № 19. - С. 227.

февраля по май 1900 г.¹³⁵

Добровольцы, врачи, медицинские сестры и санитары – участники той войны оставили воспоминания, дневники, отчеты. Но их истории, их яркие судьбы заслуживают особого разговора.

* * *

В пробурской кампании в России участвовали самые разные политические силы. Очень активную роль в ней играли ярые монархисты и черносотенцы. Им эта война была крайне выгодна: она ослабляла главного соперника и противника России, Англию, а в России отвлекала внимание народа от его собственных бедствий. Англо-бурская война давала возможность и для разжигания шовинизма.

Именно монархисты и черносотенцы старательно подчеркивали у буров черты как подлинного, так и надуманного сходства с русскими, те, которые правящая верхушка России хотела видеть в своем народе: патриархальность, фанатичную религиозность, неприятие “растленного” Запада. Такой народ должен был помочь властям бороться с любыми силами протеста – не только с террористами, революционерами и социалистами, но и с либералами и вообще со всеми, кто стремился проповедовать достижения западных демократий.

«У буров много общего с русскими. Во-первых, они, как и русские, народ по преимуществу земледельческий, склонный, как и русский народ, к экстенсивной земледельческой культуре. Во-вторых, Трансвааль, как и Россия, переживает теперь вторжение иностранных капиталистов: трансваальские уитлендеры, из-за которых возгорелась война, могут быть смело поставлены в параллель с наводнившими нашу страну американскими, бельгийскими и еврейскими капиталистами». Так откликнулась на начало англо-бурской войны газета “Новое время”.¹³⁶

Прославление бура сопровождалось поношением англичанина. В той же статье: «Храбрый бур тщится отстоять свою независимость от прожорливого британца». ¹³⁷ Это противопоставление, буквально теми же словами, кочевало по

¹³⁵ Davidson A., Filatova I. Russian Doctors and Nurses in the South African War // *Historia*. – Pretoria, 1997. - Vol. 42. No. 1, May. - P. 49-60.

¹³⁶ Новое время. - СПб., 1899. - 20 октября/1 ноября. - Под статьей подпись: Петербуржец.

¹³⁷ Там же.

страницам русской монархической печати. «Либеральный, корыстолюбивый бритт... не мог перенести постоянного упорного сопротивления честного консервативного бура».138

От прославления бурского консерватизма и осуждения британского либерализма не трудно было перекинуть мост к рассуждениям о консерватизме и либерализме уже как о явлениях мирового порядка. «Буры составляют одну семью, чуждую всякой партийности и всяких либеральных “отрицательностей”. Они живут в привычках строжайшей дисциплины и старшие являются прирожденными и бесспорными руководителями младших».

Из первоначальных военных успехов буров тоже делался глобальный вывод: «Глубокий исторический смысл теперешней войны в том, именно, что вера, патриотизм..., патриархальная семейственность, первобытная племенная сплоченность, железная дисциплина и полное отсутствие “современной цивилизованности” оказались... такой несокрушимой силой, такой твердыней, перед которой затрепетал организм старинной, первоклассной, считавшейся непобедимой Англии».139 Так создавалось впечатление, что борьба России против Англии – это борьба не только за интересы России, но и за все человечество. Именно так и говорилось в одной из передовых статей “Нового времени”: «Ведя на территории азиатского материка упорную борьбу с Англией, мы боремся не только за себя, но и за человечество, мы боремся за преобладание интересов гуманности над животным эгоизмом англо-саксонской расы».140 Россия и должна бороться не только против Англии, но и против всего Запада, который якобы Россию презирает и унижает. А для этого любые союзники хороши. «...Выгоднее было бы объединяться с будущими Мамаями и Чингисами и вести их на Европу, чем сражаться за тех, которые нас глубоко ненавидят и пытаются уничтожить не мытьем, так катаньем».141

Так, начав с восхваления патриархальности и консерватизма буров, русские

¹³⁸ Начало и конец англо-бурской войны 1899-1900. - СПб., 1900. - С. 22.

¹³⁹ Московские новости. – М., 1900. - 27 февраля/11 марта. - Подпись: “Мысли русского читателя”.

¹⁴⁰ Новое Время. - СПб., 1899. - 3/15 октября.

¹⁴¹ Новое Время. - СПб., 1899. - 18/30 октября.

англофобы закончили советом объединяться с кем угодно, но только бы – против Европы.

В Государственном архиве Российской Федерации сохранилось и заказное письмо неизвестных лиц министру иностранных дел В.Н. Ламздорфу,¹⁴² посланное, вероятно, в начале 1901 г., когда в газетах делались предположения о готовящемся приезде в Россию В. Лейдса, посла Трансваала в ряде стран Европы. Написано несколькими людьми: разные почерки. Одним почерком: «Так как наше правительство в течение полуторагодовой герой[ской] борьбы оставалось безучастным и даже дипломатическим способом не заступалось за несчастных израненных героев-буров, то поэтому просим Ваше сиятельство принять на первой неделе Великого поста трансваальского посла г. Лейдса и принять истерзанных буров под свою защиту.

Продолжение письма - другим почерком. «Неужели Вы не видите, что все русское общество страшно раздражено английским нахальством вот уже второй год».

Дальше, неразборчиво: «Если Вы хоть ни капельки не сочувствуете бурам и не примете мер к защите угнетенных, то смотрите: мы до Вас доберемся - все равно нам каторга, а Вас на тот свет отправим. Вам это покажется смешным, но ничего нет смешного. Помните, еще в этом году отправляли к праотцам королей, царей и пр. Так и для Вас найдется [место] на том свете. Вы, конечно, не поверите этому письму и не напугаетесь, ну да все равно.

Вспомните Россию на Берлинском конгрессе 1878 г.,¹⁴³ где над нами издевались Биконсфильд¹⁴⁴ и Сольсбери.¹⁴⁵ По какому праву они могли кричать и разорвать Сан-Стефанский договор? Теперь разве нельзя им показать, сумей только

¹⁴² ГАРФ, ф. 102, ДП (Департамент полиции), III делопроизводство, 1901 г., д.15, лл. 14-15.

¹⁴³ На Берлинском конгрессе 1878 г. были пересмотрены условия Сан-Стефанского мира, завершившего русско-турецкую войну. По требованию ряда европейских держав Берлинский конгресс урезал те территориальные уступки, которые получила Россия у Турции.

¹⁴⁴ Бенджамин Дизраэли (1804-1881), лорд Биконсфилд, премьер-министр Великобритании в 1868 и 1874-1880 гг., был одним из инициаторов Берлинского конгресса 1878 г.

¹⁴⁵ Роберт Солсбери (1830-1903) – в 1878-1889 гг. – министр иностранных дел Великобритании.

сделать демонстрацию на индийской границе, разве только Вы хотите петь под английскую дудку, раз Вы не можете - Вам только сказать слово, и все будет».

Те, кто писал это письмо, может быть, были пьяны, но письмо их отчетливо передает англофобские настроения, распространенные тогда среди русской публики.

Правда, эти настроения все же не были всеобщими. Студенты Санкт-Петербургского университета заявляли: «... Мы все искренне и широко сочувствуем бурам, как борцам за свою независимость и свободу». Но «у нас есть более родные и вопиющие нужды... разве мы можем и смеем забыть, что в трех южных губерниях сотни тысяч населения голодают, из Закавказья тоже приходят самые тяжкие вести?».¹⁴⁶ Этому вторил либеральный журнал «Вестник Европы»: «У нас довольно и своих дел и всяких невзгод».¹⁴⁷ Так же высказывалась и народническая «Неделя».¹⁴⁸ А социал-демократы и того резче: «Помилуйте, но что вам за дело до буров? Подумайте о своем народе. Посмотрите, что делается на юге: ведь там голод...».¹⁴⁹

Но все-таки буров поддержали почти все круги российского общества, а отнюдь не только проправительственные. В истории России можно найти не так уж много примеров, когда общество было так же единодушно. Даже либералы негодовали на Великобританию за ее предательство либеральных идей.

Нельзя объяснить симпатии россиян к бурам лишь тем, что реакционная печать ловко манипулировала общественным мнением. Ведь обычно народ, и особенно интеллигенция, не вполне доверял организованным сверху кампаниям. Так что здесь было и сочувствие слабому, и восхищение республиканским строем бурских государств, и неприязнь к Великобритании, глубоко сидевшая в психике многих слоев населения Российской империи.

Для сопоставления с этими взглядами любопытно привести мнение Марка Твена. Он тоже осуждал Британию за эту войну. Но ни в коем случае не хотел ей поражений. Одному из своих знакомых он писал 23 января 1900 г.:

¹⁴⁶ Курьер. – М., 6 ноября 1899.

¹⁴⁷ Вестник Европы. – М., 1900. - № 1. - С. 383.

¹⁴⁸ Неделя. - СПб., 1899. - № 44. - С. 1463-1464.

¹⁴⁹ Жизнь. – СПб., 1899. - № 12. – С. 380.

«Говоря между нами, это грязная и преступная война, во всех отношениях постыдная и не имеющая оправданий. Каждый день я пишу (мысленно) желчные журнальные статьи о ней, но мне приходится этим ограничиваться, ибо Англия не должна быть повержена: это означало бы распространение по всему миру позорной политической системы русской и германской империй, что обрекло бы земной шар на ночь нового средневековья и рабства вплоть до второго пришествия Христа. Даже когда она не права (а она не права), Англию надо поддерживать. Тот, кто выступит против нее сейчас — враг человечества».150

Эхо в нашей стране

Трудно строго отделить то восприятие англо-бурской войны, что родилось в ходе самих военных действий, от того, что возникло в первые годы после ее окончания. Отношение россиян к Южной Африке еще какое-то время оставалось прежним. Затем русско-японская война и революция 1905 года, конечно, отвлекли внимание от южноафриканских событий. А англо-русские соглашения 1907 года – “Сердечное согласие”, Антанта – умилили неприязнь к Британии. Но в течение самых первых лет двадцатого века и интерес к далекой оконечности Африканского материка, и широко распространенное восхищение бурами не менялись, во всяком случае насколько можно судить по печати, воспоминаниям и документам.

Мы не можем перечислить издававшиеся тогда русских статей, брошюр и даже книг не может быть и речи – это великое множество. Но что уж обязательно надо упомянуть, это песню “Трансвааль, Трансвааль, страна моя”. Шарманщики разнесли ее по всей России, она стала народной, делила популярность даже с такой, пожалуй, самой распространенной, как “Разлука”: «разлука ты разлука, чужая сторона...». Автор “Трансвааля”, поэтесса Г.А. Галина (псевдоним Глафиры Адольфовны Эйнерлинг), вряд ли ожидала, что ее стихотворение “Бур и его сыновья” приобретет такую известность, пусть и в чуть переделанном виде.

¹⁵⁰ Марк Твен. Собрание сочинений. Т. 12. - М., 1961. - С. 649.

Были другие песни. Например, “Трансваальская песня”, поэта А. Каптерева.

Об англо–бурской войне писали рассказы (А.И. Куприн, Н.Н. Каразин) поэмы (Владимир Гиляровский). Романы. Самый большой – огромный, 1032 страницы – назывался “Роза Бургер, бурская героиня, или золотоискатели в Трансваале. Роман из англо-бурской войны” (СПб., 1902, имя автора не названо). Вышел и роман, в переводе с немецкого: Гр. Самаров “Трансвааль. Исторический роман из южноафриканской жизни” (СПб., 1904).

Издавались и впечатления российских участников той войны: Е. Августуса,¹⁵¹ В. Рубанова.¹⁵² Женщины, которая тоже назвала себя добровольцем, но своего имени не раскрыла.¹⁵³ Особенно много вышло воспоминаний и отчетов российских врачей и сестер милосердия, которые в той войне лечили раненых.¹⁵⁴ Издавались донесения российских военных атташе

¹⁵¹ *Августус Е.Ф.* Воспоминания участника англо-бурской войны 1899-1900 гг. - Варшава: Тип. “Бристоль”, 1902; Его же: Воспоминания участника англо-бурской войны 1899-1902 гг. // Варшавский военный журнал, 1900. - № 11, 12; 1901. - № 1, 3, 7, 9; 1902. - № 1, 3, 6. Эти интереснейшие воспоминания Е.Ф. Августуса, являющиеся продолжением его книги, к сожалению, оборваны, т. к. “Варшавский военный журнал” прекратил существование. Возможно, публикация воспоминаний продолжена в каком-то другом издании.

¹⁵² *Рубанов В.* От Петербурга до Претории. - СПб.: Типография журнала “Строитель”, 1900.

¹⁵³ *Мария З.* Как я была добровольцем в Трансваале. – Киев: Типография “Прогресс”, 1901.

¹⁵⁴ *Изъединова С.В.* Несколько месяцев у буров. Воспоминания сестры милосердия. - СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1903; *Баумгартен О.* Воспоминания о Трансваале сестры милосердия общины Св. Георгия. 1899-1900. - СПб.: Государственная типография; *Чистович С.Я.* Медицинская помощь в Трансваале. - СПб.: М. Стасюлевич, 1901; Его же: Больничная газета Боткина. - СПб., 1901; *Эберхардт А.К.* О командировке на театр военных действий в Трансваале // Военно-медицинский журнал. - СПб., 1901 - Ноябрь; *Садовский А.И.* Воспоминания о Трансваале и путевые впечатления. Читано в Гельсингфорском военном собрании // Военно-медицинский журнал. – СПб., 1902 - Май; *Вебер Ф.* Об огнестрельных повреждениях новейшими снарядами, на основании наблюдений, произведенных в последней англо-трансваальской войне. - СПб.: Тип. С.П. Яковлева, 1901; *Rennenkampf K.G.* Vom Ausgange des Burenkrieges // *Revaler Beobachter*. – Reval [Tallinn], 1902. - 15 (28), 17 (30) August, 20 (2 September); [*Потанов*]. Сообщение г. Потапова, административного секретаря русского отряда Красного Креста, отправленного на театр военных действий в Южной Африке. - [Б.м.], [1900]; Отряд Российского общества Красного Креста в южно-африканской республике Трансвааль. Отчет уполномоченного Общества Н.И. Кускова. - СПб., 1901.

(тогда их называли – агенты).¹⁵⁵

Переводились на русский язык материалы властей Трансвааля.¹⁵⁶ Воспоминания Крюгера.¹⁵⁷ Воспоминания генерала Де Вета издавались пять раз, в двух переводах.¹⁵⁸ Российский Генеральный штаб издал 21 выпуск материалов и документов.¹⁵⁹ Вышел в Петербурге и отличный трехтомник документов, с картами и схемами, собранный А.Н. Виноградским.¹⁶⁰

Документы выходили и намного позднее, уже в советское время. В 1930-х гг. публиковались и претендовавшие на сенсационность, как, например, подборка, озаглавленная «Николай II – “император кафров”»¹⁶¹ или “Николай Романов об англо-бурской войне”.¹⁶² А в 1990-м в Тбилиси издали записки Багратиони-Мухранского.¹⁶³ В 1969 году для детей был издан советский роман, где прототип героя, скорее всего, Е.Я. Максимов.¹⁶⁴

* * *

Поколение, рожденное в конце девятнадцатого столетия, - сколько страшных войн оно повидало, сколько ему пришлось пережить потрясений! И

¹⁵⁵ [Ромейко]-Гурко В.И. Война Англии с южноафриканскими республиками...; Донесение Генерального штаба подполковника Гурко, командированного на театр военных действий в Южной Африке. - [Б.м.], 1900; [Гурко]. Донесения военного агента в Бюсселе и Гааге, генерального штаба подполковника Миллера. - [Б.м.], 1900.

¹⁵⁶ Англо-трансваальская война. Протест буров и их история / Перевод с брошюр, сост. на основании документальных данных и опубл. Трансваальским комитетом в Амстердаме и генеральным консулом Миллером в Гааге. - СПб.: Т-во “Художеств. печ.”, 1900; [Жубер П.Я.]. Трансвааль. История его страданий под английским владычеством. Послание главнокомандующего трансваальскими войсками генерала Жубера к английской королеве. - СПб.: Т-во “Художеств. печ.”, 1900.

¹⁵⁷ [Крюгер П.] Мемуары Крюгера. Приложение к журналу “Всемирный вестник”, 1903.

¹⁵⁸ Девет Х. Борьба буров с Англией. Воспоминания бурского генерала Хр. Девета / Пер. с голландского оригинала Е.Н. Половцовой. 3-е стереотипное изд. -СПб.: “Маркс”, 1904. Изд. 1-е и 2-е. - СПб., 1903; Девет Х.Р. Борьба за свободу. (Воспоминание о трехлетней войне буров с англичанами) / Пер. Л. Жданова. - СПб.: Коммерч. типолит. Виленчик, 1903. То же: 1908.

¹⁵⁹ Сборник материалов по англо-бурской войне в Южной Африке 1899-1902 гг. Вып. 1-21. - СПб.: Военно-ученый комитет Главного Штаба, 1900-1905.

¹⁶⁰ Виноградский А.Н. Англо-бурская война в Южной Африке. Вып. 1-3. – СПб: Экономическая Типо-литография, 1901-1903.

¹⁶¹ Красный архив. – М., 1935. - № 69-70.

¹⁶² Красный архив. – М., 1934. - № 63.

¹⁶³ Нико Багратиони в Африке / Лит. запись А. Бучкиашвили-Багратиони. Пер. и прим. Р. Гветадзе. (На грузинском языке). – Тбилиси: Изд-во ЦК КП Грузии, 1990. То же: Тбилиси, 1951.

¹⁶⁴ Коряков О. Странный генерал. - М.: Детская лит-ра, 1969.

все-таки детские впечатления о той далекой войне не стерлись, о них помнилось и на склоне лет, она окрасила годы их детства.

Константин Паустовский почти через полвека писал: «Мы, дети, были потрясены той войной. Мы жалели флегматичных буров, дравшихся за независимость, и ненавидели англичан. Мы знали каждый бой, происходивший на другом конце земли... Мы зачитывались книгой “Питер Мариц, юный бур из Трансвааля”».165

Илья Эренбург незадолго до кончины вспоминал, как в детстве он «написал письмо бородатому президенту Крюгеру», а потом, стащив у матери десять рублей «отправился на театр военных действий».166 Его поймали и вернули.

Писатель Дон Аминадо (Аминад Шполянский) отправился «помогать бурам» даже не один, с десятком таких же как он гимназистов. Их постигла, разумеется, та же участь, что и Эренбурга.167

Те, кто были тогда еще моложе, играли в войну буров с англичанами и, конечно, все хотели быть бурами. «Буром был и я, играя на улицах слободки и на гимнастическом дворе», - писал о своем детстве поэт Самуил Маршак.168

Сестры Анастасия и Марина Цветаевы изрисовали всю бумагу в доме изображениями буров в широкополых шляпах и шаржами на королеву Викторию. Ее они изображали маленькой, толстой и носатой, с короной на голове.169

Анна Ахматова в своих стихах 1940 года писала о начале столетия:

Суровы и хмуры...

С винтовками буры.¹⁷⁰

А Роман Шарлевич Сот, петербургский историк военного искусства, бережно хранил нагрудный знак с изображением президента Крюгера.

¹⁶⁵ Паустовский К. Далекие годы: Повесть о детстве и юности. – М.: Дет. лит-ра, 1946. - С. 45-46.

¹⁶⁶ Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Кн. 1 и 2. - М.: Советский писатель, 1961. - С. 27.

¹⁶⁷ Дон Аминадо. Поезд на третьем пути. – Нью-Йорк: Изд-во Чехова. - С. 10-12.

¹⁶⁸ Маршак С. Соч. в четырех томах. Т. 4. - М.: Гослитиздат, 1960. - С. 526.

¹⁶⁹ Цветаева А. Из прошлого // Новый мир. - М., 1966. - № 1. - С. 81.

¹⁷⁰ Ахматова А. А. Бег времени. Стихотворения. 1909-1965. – М.-Л.: Советский писатель, 1965. - С. 288.

Можно по-разному оценивать отношение тех или иных групп россиян к той войне. Но бесспорно, что именно эта война впервые привлекла к Африке внимание российской общественности.

Изучение

Англо-бурской войне посвящено бесчисленное количество статей, сборников документов, мемуаров и биографий, романов, рассказов и стихов. Существуют объемистые библиографические издания с перечислением этой литературы.¹⁷¹ Но она столь велика, что до сих пор ни одна библиография не была полной.

Среди зарубежных историков (в большинстве своем – британских и южноафриканских) споры велись в основном по поводу того, кто виноват в возникновении войны и в совершенных в ходе ее жестокостях. Африканерские историки, как и весь африканерский народ, обвиняли Великобританию в неспровоцированной агрессии, в том, что по приказу британского главнокомандующего генерала Китченера сжигались бурские фермы и уничтожались посевы, и что англичане создали концентрационные лагеря, в которых погибло больше 26 тысяч африканеров - женщин, стариков, детей.¹⁷²

Взгляды английских историков, как в самой Великобритании, так и в Южной Африке и в других странах Британской империи и Содружества, иразличались, и менялись с течением времени. Но все же долгое время превалировало оправдание захвата бурских республик. Президента Трансвааля Крюгера обвиняли в “твердолобом” национализме, поскольку он не давал полноправного гражданства ойтландерам, хлынувшим в его страну. А всех буров – в отсталости, в жестокости по отношению к местному населению и в сохранении рабства, а также в том, что с середины 1900 г., когда англичане захватили столицы обеих бурских республик и сочли себя победителями, буры

¹⁷¹ Одна из лучших, если не лучшая библиография англоязычной литературы: South African War Books. An illustrated bibliography of English language Publications Relating to the Boer War of 1899-1902 / Compiled by R.G. Hackett. - London: Privately printed, 1994.

¹⁷² *Jaarsveld F.A. van.* The Afrikaner's interpretation of South African History. - Cape Town: Simondium, 1964.

перешли к "неджентльменским" методам, начали партизанскую войну.

Чуть ли не первым, кто выступил, как историк, с развернутой аргументацией в защиту британского завоевания бурских республик, был Артур Конан Дойл. Еще во время войны он написал историко-публицистическую книгу "Великая бурская война". В течение считанных месяцев вышло 17 изданий. И тираж по тому времени – огромный: 63 тысячи экземпляров. Последнее, семнадцатое издание, называется – “полное”. 770 страниц.¹⁷³ Тогда же Конан Дойл издал и другую книгу: «Война в Южной Африке, ее причины и способ ее ведения». Она не такая огромная, но зато вышла почти одновременно на многих европейских языках. В Германии – двадцать тысяч экземпляров, во Франции и Бельгии – тоже двадцать тысяч, в Испании – десять, в Венгрии – восемь, в Голландии и Италии – по пять тысяч, в скандинавских странах тоже пять, в Португалии – три. Было и русское издание – пять тысяч.¹⁷⁴

Легко представить, какое влияние во всем мире имели эти книги, написанные пером Конан Дойла. Надо отдать ему должное, в этих книгах – не только его талант, но и громадный труд. К тому же – богатый личный опыт: во время войны он сначала попытался пойти добровольцем в британскую армию, а после того, как ему отказали (по возрасту и по состоянию здоровья) стал хирургом в военном госпитале в Южной Африке. Одновременно он не только изучал необходимые для подготовки книг документы, но и собирал бесконечные устные свидетельства. И именно за эти книги, а отнюдь не за Шерлока Холмса, он был возведен королем Великобритании в рыцарское достоинство – получил право именоваться сэром.

Целью знаменитого уже тогда автора было ослабить то возмущение действиями его родины, которое охватило все страны Европы. И он писал – цитируем по русскому изданию: «Большинство людей во всех странах, настроенных против нас, было введено в заблуждение потоком разных нареканий и ложных слухов, распространявшихся продажною и невежественной прессой». Как и многие нынешние политики, знаменитый англичанин поддался

¹⁷³ *Conan Doyle A. The Great Boer War.* – London: Smith, Elder & Co., 1902.

¹⁷⁴ На обложке: Война в Южной Африке, ее причины и способ ее ведения. А. Конан Дойля, автора “Большой бурской войны”. - Одесса, 1902.

соблазну винить зеркало, а не лицо. Что же касается обвинения англичан в жестокости по отношению к женщинам и детям, то он присоединился к словам тогдашнего министра колоний Джозефа Чемберлена: «В истории можно найти прецеденты жестоких мер, которые мы вынуждены были принять в отношении повстанцев; так поступали французы в Алжире, русские на Кавказе, австрийцы в Боснии и немцы во Франции».175

Конан Дойл писал это во время войны, когда страсти вокруг этих событий кипели. Потом английские историки давали более объективные оценки.

Давние споры между английскими и африканерскими учеными отражают общественные настроения и не вполне прекратились до сих пор. Но в начале XXI в. эти споры отошли на второй план. На первый выдвинулся вопрос, которому почти сто лет не придавали значения: то воздействие, которое эта война оказала на африканское население Южной Африки, те страдания, которые выпали на его долю. Историки всегда считали англо-бурскую войну войной между белыми. Обе стороны заявляли, что не будут привлекать африканцев к участию в военных операциях. Как мы упоминали, в действительности это было не совсем так. Но главное - в другом: даже если большинство африканского населения и не принимало активного участия в войне, на его жизнь и на его будущее она оказала огромное влияние. Эти проблемы стали изучаться в Южной Африке сравнительно недавно.176

На рубеже XX и XXI вв., в связи со столетием войны, в ЮАР были созданы комитеты для подготовки юбилейных мероприятий. Но на заседании городского совета Кейптауна представителя вставшего у власти в 1994 г. Африканского национального конгресса, говорили: «Это та часть истории, которую мы хотим забыть и не иметь с нею ничего общего»; «отмечать память бурской войны – все равно, что совершать самоубийство».177

¹⁷⁵ Там же. - С. 142-143.

¹⁷⁶ *Warwick P.* Black People and the South African War, 1899-1902. - Cambridge: Cambridge University Press, 1983; *Nasson B.* Abraham Esau's War. A Black South African War in the Cape, 1899-1902. - Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

¹⁷⁷ *Cavanagh C.* Council Clash on SA War centenary // Новый мир. - М, 1997. - 3 November.

В конечном счёте правительство сочло, что отмечать юбилей надо, и даже предоставило средства на некоторые мероприятия: стало понятно, что туристический бум, начавшийся в этой связи, принесет колоссальные средства в казну.

* * *

С течением времени российские взгляды на войну начали меняться. До Октябрьского переворота – почти безоговорочная поддержка буров. Когда африканерские правительства установили в Южной Африке расистский режим апартхеида, советская пропаганда в какой-то мере перенесла неприятие этого режима на прошлое африканеров, по принципу: история – это политика, опрокинутая в прошлое. В истории африканеров подчеркивался расизм, жестокое отношение к черным. А их прославлявшаяся прежде мужественная борьба за независимость, оставалось в тени. В заключении единственной монографии об англо-бурской войне, изданной в СССР, говорилось, что она была «войной английских и бурских колонизаторов за передел Южной Африки».¹⁷⁸ Это и было официальной точкой зрения. Но если в этом был основной смысл войны, то стоит ли упоминать, что русские добровольцы защищали буров? И в этой книге русским добровольцам посвящено лишь несколько строчек, их участие только констатируется, без какой-либо оценки.¹⁷⁹

Такой подход был, конечно, неисторическим. В борьбе буров, разумеется, можно говорить о двух сторонах: и об их стремлении к независимости от Англии и о желании удержать свое господство над африканцами. А у российских добровольцев мотивы были самые разные. И стремление поддержать поддержать слабого, и ненависть к Англии, и поддержка республиканизма против монархии, и стремление узнать побольше о возможном будущем противнике у тех, кто считали, что война России с Англией вполне вероятна.

Первым серьезным исследованием истории отношения России к той

¹⁷⁸ *Никитина И.А.* Захват бурских республик Англией (1899-1902 гг.). – М., 1970. - С. 200.

¹⁷⁹ Там же. - С. 61.

войне стала работа Александра Лазаревича Витухновского - его кандидатская диссертация, которую он защитил на историческом факультете Ленинградского государственного университета 4 октября 1949 г.¹⁸⁰ Витухновский тщательно изучил все доступные тогда отечественные источники: мемуары, журналы, газеты. Доступа к архивам у него не было. События он старался анализировать скрупулезно и объективно. В поддержке буров российским правительством и обществом видел не только сочувствие бурам, а в действиях российских добровольцев, отправившихся на ту войну, не только патриотизм.

Главной причиной поддержки буров Россией Витухновский считал неприязнь широких кругов российской общественности к Великобритании, накапливавшуюся в течение нескольких десятилетий, особенно с Крымской войны, и из-за соперничества в Средней Азии в 1860-1890-х. А проанализировав состав добровольцев, он подчеркнул, что среди них были офицеры, посланные генеральным штабом для сбора сведений о новых видах вооружений, о военной стратегии и тактике. Да и те офицеры, которые не были напрямую связаны с генеральным штабом, тоже стремились собрать для него сведения о военных новшествах.

Диссертация Витухновского не была опубликована. Прежде всего потому, что в советской геополитике тогда почти не уделялось внимания Африке – и это отразилось в направлениях научных исследований, в деятельности издательств и журналов. Исследования по истории Африки не были востребованы.

Была и конкретная причина. Научного руководителя Витухновского, Михаила Борисовича Рабиновича, в том же 1949 г. арестовали по надуманному, но очень страшному обвинению - разглашении государственной тайны. Это не могло не сказаться на отношении администрации Ленинградского университета к Витухновскому. Тогда же затевалось "Ленинградское дело", нагонявшее страх на ленинградских чиновников любого уровня. Витухновского в Ленинграде не оставили, направили в Петрозаводск, так что он уже не смог продолжить работу

¹⁸⁰ *Витухновский А.Л.* Россия и англо-бурская война / Диссертация канд. историч. наук / ЛГУ, 1949.

над своей темой. А результаты исследования смог опубликовать лишь в конце пятидесятых и в начале шестидесятых, двумя статьями в Ученых записках Петрозаводского университета.¹⁸¹

Следующее исследование было проведено не в СССР, а в Южной Африке.¹⁸² Автор, Елизавета Фокскрофт – россиянка – украинка, родившаяся в Полтаве. Из России уехала ребенком, с матерью, во время Гражданской войны. На своей книге она поставила девичью фамилию – Кандыба: Кандыба-Фокскрофт, хотя в Англии и в ЮАР жила под фамилией Фокскрофт. В Южную Африку из Англии ее семья переселилась после второй мировой войны. До 1928 г. жила в Бельгии и Франции. В 1960 г. Фокскрофт организовала преподавание русского языка в Претории, в Университете Южной Африки. Преподавала много лет, до 1977 г., до выхода на пенсию.

История отношения России к англо-бурской войне заинтересовала Фокскрофт в 1962 г. Она искала материалы в южноафриканских архивах, а в 1963, 1968, 1974 и 1978 гг. приезжала в Советский Союз (южноафриканское правительство не возражало, поскольку у Фокскрофт были близкие отношения с представителями тогдашних правительственных кругов ЮАР, а в СССР ее пускали по ее английскому паспорту). Возможности работать в российских архивах у нее не было, но опубликованные материалы она тщательно изучала в библиотеках Москвы и Ленинграда, а некоторые из них перевела на английский и опубликовала в ЮАР.

Важнейшее объяснение отношения России к той войне Фокскрофт увидела, как и Витухновский, во враждебности между Россией и Британией. Но вместе с тем подчеркивала, что «русские видели в бурах бесстрашных рыцарей

¹⁸¹ *Витухновский А.Л.* Из истории англо-русских отношений на Среднем Востоке в начальный период англо-бурской войны // Ученые записки Петрозаводского ун-та. 1957. - Т. 7, вып. 1; Он же. Англо-бурская война в оценке русской периодической печати // Ученые записки Петрозаводского ун-та. - 1962. - Т. 11, вып. 1. О жизни и творчестве А.Л. Витухновского см.: Витухновская М.А. О моем отце Александре Лазоревиче Витухновском // Политическая история и историография. От античности до современности: Сб. научных статей. - Петрозаводск: Изд. ПетрГУ, 2000. Вып. II; Давидсон А.Б. О Трансваале и бурах (А.Л. Витухновский) // Становление отечественной африканистики, 1920-е – начало 1960-х. – М.: Наука, 2003.

¹⁸² *Kandyba-Foxcroft E.* Op. cit.

прошлого».183

Как и Витухновский, Фокскрофт рассмотрела отношение к англо-бурской войне со стороны русской прессы различных политических направлений, от монархической до левой. У левой печати она увидела, наряду с симпатией к бурам, резкое осуждение их, как эксплуататоров африканского населения. Это осуждение и вправду существовало, но было отнюдь не так резко выражено, как написала об этом Фокскрофт, отчасти, может быть, потому, что социальные и расовые проблемы Южной Африки были им не совсем понятны и потому не близки. Получилось, что Фокскрофт приписала левой русской прессе начала XX в. те взгляды, которые впоследствии появились в СССР.

Пожалуй, наиболее серьезный упрек, который можно адресовать к Фокскрофт, заключается в том, что, используя неопубликованную диссертацию Витухновского, она ни разу не сослалась на нее. Что она действительно использовала это исследование, понятно из ее текста, да и в библиографии упомянута и диссертация и одна из статей Витухновского.184

Не очень верится и в утверждение Фокскрофт о том, что Е.Я. Максимов, самый известный из русских добровольцев англо-бурской войны, в 1899 г. долго, но безуспешно добивался руки ее матери.¹⁸⁵ Дело даже не в том, что она не приводит доказательств, и что мы тоже не нашли следов этого в личном архиве Максимова и в разговорах с его сыном. Влюбленность может и не оставить письменных следов. Но очень уж соблазнительно для автора книги сказать о такой личной связи, тем более что за давностью лет не только доказать, но и опровергнуть ее невозможно.

Третьим исследованием этой темы стала наша книга "Русские и англо-бурская война", изданная в 1998 г. в Южной Африке.¹⁸⁶ Давать оценки ей не будем. Скажем лишь, что нам, в отличие от Витухновского и Фокскрофт, удалось ознакомиться с документами как российских, так и южноафриканских

¹⁸³ Ibid. - P. IX.

¹⁸⁴ Ibid. - P. 383, 385.

¹⁸⁵ Ibid. - P. III, V.

¹⁸⁶ Davidson A., Filatova I. The Russians and the Anglo-Boer War. - Cape Town, Pretoria, Johannesburg: Human and Rousseau, 1998.

архивов.

Мы собирали и устные свидетельства. Расспрашивали Александра Евгеньевича Максимова, и он разрешил нам воспользоваться личным архивом отца. Светлана Владимировна Белоусова рассказала нам о том, что слышала от отца, Владимира Николаевича Семенова, который тоже был добровольцем англо-бурской войны, а впоследствии - главным архитектором Москвы. Наталья Николаевна Багратиони-Туранжен познакомила нас в Париже с записками своего отца, грузинского князя Николая Георгиевича Багратиони-Мухранского, тоже добровольца, побывавшего в плену у англичан. В Москве мы расспрашивали и других его родственников. Об Алексее Николаевиче Ганецком, командире "Русского отряда" в той войне, рассказал нам его племянник, известный литературовед и историк Михаил Иванович Стеблин-Каменский.

Нас пригласили на несколько мероприятий, связанных со столетием войны. На столетие битвы на горе Спион-Коп, где на английской стороне сражались лейтенант Уинстон Черчилль и санитар Мохандас Карамчанд Ганди, а на бурской - четыре русских добровольца. На старом кладбище в Претории мы возложили венок на могилу русского морского офицера лейтенанта Бориса Штрольмана, погибшего в июне 1900-го. В Утрехте – на могилу капитана Льва Покровского, он погиб неподалеку от этого городка 24 декабря 1900 г.

В 2001 г. в Москве к столетию англо-бурской войны вышел сборник документов "Англо-бурская война 1899-1902 гг.", составленный Н.Г. Воропаевой, Р.Р. Вяткиной и Г.В. Шубиным. В нем приведено большое число русских документальных материалов об отношении России к той войне. В последующие годы авторы этой книги, прежде всего Г.В. Шубин, издали ряд материалов, в том числе и архивных или малоизвестных.¹⁸⁷ В 1995 г. была

¹⁸⁷ Например, *Шубин Г.В.* Российские добровольцы в англо-бурской войне 1899-1902 гг. (по материалам Российского Государственного военно-исторического архива и воспоминаниям очевидцев). - М.: XXI век - Согласие, 2000; *Англо-бурская война 1899-1902 гг. и ее отражение в художественной литературе / Авт.-сост. Н.Г. Воропаева, Р.Р. Вяткина, В.Ю. Христин, Г.В. Шубин.* - М.: "Memoires", 2007.

защищена и кандидатская диссертация.188

Эхо на Юге Африки

К той войне восходит и знакомство южноафриканцев с Россией. До того они видели только моряков с российских кораблей и иммигрантов из России. А во время войны – добровольцев, врачей, сестер милосердия.

Во время войны несколько южноафриканцев побывали в России. В августе 1900-го – делегация министров Трансвааля и Оранжевой во главе с Абраамом Фишером (вторым по влиянию в совете министров Оранжевой) и в сопровождении посла Лейдса. С просьбой о вмешательстве России в войну делегация опоздала: исход войны уже был предрешен. Но министры все же повидали и Петербург, и Москву. Через полгода, в феврале 1901 г., в России оказались пятеро пленных бурских бойцов, бежавших из заключения на Цейлоне. Их подобрал российский корабль "Херсон" и привез в Феодосию. В Петербург они добирались на поезде – через всю европейскую Россию, оттуда уехали в Голландию, потом вернулись домой.189

19 июля/1 августа 1901 г. в Петербург, на церемонию бракосочетания великой княжны Ольги, сестры Николая II, с принцем Ольденбургским, приехал Йонкер Фредерик Адриаан Александер фан дер Хуфен, официальный представитель Трансвааля. Фан дер Хуфен был секретарем дипломатического представительства Трансвааля в Европе, так что прибыл он в Петербург в качестве поверенного в делах. Его поездкой президент Крюгер хотел напомнить России, что Трансвааль еще не сдался. Реального значения поездка не имела – разве что вызвала негодование британского посла. Но фан дер Хуфен повидал Петербург и петербургскую знать – ему это было легко, поскольку его мать происходила из известной русской аристократической семьи. Впоследствии фан дер Хуфен рассказывал об этой поездке, в том числе и в печати.190

¹⁸⁸ Шановалова Т.В. Англо-бурская война 1899-1902 гг. и Россия / Диссертация канд. историч. наук / Институт Африки РАН, 1995.

¹⁸⁹ Подробнее об обоих эпизодах см. *A. Davidson, I. Filatova. The Russians and the Anglo-Boer War...* - P. 223-230.

¹⁹⁰ *Frederik A. Van der Hoeven. Diplomatieke Herinneringen // Algemeen Handelsblad.* -

Война еще не кончилась (правда, оставались считанные дни до заключения мира), как возникла идея об установлении экономических связей с Россией.

Одно из ярких свидетельств - документы некоего У. У. Бера, датированные мартом 1902 года, накануне окончания англо-бурской войны. Первый - письмо Бера министру финансов России. В нем говорилось, что автор (в России его звали Владимиром Владимировичем) – отомственный почетный гражданин Москвы, что он получил образование в Москве, служил в русской армии, в 1894 году состоял в штате русского консульства в Мельбурне, в Австралии, а затем переехал на постоянное жительство в Йоханнесбург.

Бер сообщал, что он является директором Лейс Даймонд Маининг Кампани Лтд., Корпорейшн Билдингз Лтд., Мендельсон энд Брус Лтд., Голдрейх Билдингз Лтд. и Ранд Майнинг Истейтс Лтд. Свое предложение к русскому министру финансов он сформулировал так:

«Ввиду предполагаемого скорого окончания войны торговля и промышленность должны сразу возрасти, а посему имею честь ходатайствовать перед Вашим Высокопревосходительством о назначении меня в Южной Африке (Капская колония, колония Наталь, Оранжевая, Трансвааль и Родезия) коммерческим агентом от министерства финансов, в каковой должности я надеюсь, в силу моего положения, принести несомненную пользу торговым отношениям с Россией. Положение мое в Трансваале настолько серьезно, что я в состоянии снабжать министерство финансов всегда самыми точными сведениями, и готов служить без всякого содержания от министерства финансов, предоставляя от себя бесплатное помещение и необходимый штат служащих».

Для подтверждения своих слов Бер приложил к своему письму другое письмо, направленное ему компанией Мендельсон энд Брус Лтд. от 18 марта 1902 г.: «Вам известно, что мы предложили Вам стать членом Совета директоров Корпорейшн Билдингс Лтд., Мендельсон энд Брус Лтд., Голдрейх Билдингс Лтд., Ранд Майнинг Истейтс Лтд. и других концернов, поскольку мы

Amsterdam, 1931. - 22, 25, 27. III.

убеждены, что Вы будете представлять наши интересы с тщанием и во всей их полноте».

Тогда же, в марте 1902 года, Бер получил разрешение российского генерального консула в Лондоне на приезд в Россию.¹⁹¹

С горнорудными и финансовыми делами Южной Африки косвенно оказалась связана даже правнучка Пушкина - Анастасия (1892-1977). Она вышла замуж за сына Джулиуса Чарльза Вернхера, основателя фирмы Вернхер, Бейт энд Ко. В Южной Африке и в Англии она стала известна как лэди Зия Вернхер.

Вскоре началась русско-японская война 1904–1905 гг., и России стало не до торговли с Южной Африкой. Но именно из-за этой войны Южная Африка оказалась связана с Россией по другой причине.

* * *

Самый большой флот, который побывал у берегов Африки за всю историю морского судоходства - это громадная русская армада. Сорок кораблей. Двенадцать тысяч моряков. Топки этих пароходов пожирали ежедневно десять тысяч тонн угля.

Это была русская эскадра, шедшая из Балтийского моря двумя отрядами: больший огибал Африку с запада, меньший двигался через Суэцкий канал. Они соединились возле Мадагаскара. Оттуда уже вместе шли на Дальний Восток, чтобы померяться силами с японским флотом в разгар русско-японской войны 1904-1905 годов.

Впервые тысячи русских людей оказались вблизи мыса Доброй Надежды. 6/19 декабря 1904 года его миновали флагман “Князь Суворов”, тяжелые броненосцы “Александр III”, “Бородино”, “Орел” - каждый по 15 тысяч тонн водоизмещением, а также старый броненосец “Ослябя”, крейсера “Адмирал Нахимов”, “Дмитрий Донской, и та самая “Аврора”, чей выстрел в 1917 году послужил условным сигналом к большевистскому перевороту в России. Вместе с ними мыс Доброй Надежды обогнули еще несколько кораблей.

Правительство Великобритании, явно симпатизируя Японии и желая

¹⁹¹ *Гончаров И.А.* Письмо Львовскому 2/14 апреля 1859 // Литературный архив. - М.-Л., 1951.

поражения России, запретило русским судам заходить в порты стран Британской империи. В южноафриканские порты было запрещено заходить не только русским судам, но даже кораблям других стран, если они снабжали русский флот углем.¹⁹² Это создало для российской армады большие трудности. Пришлось везти с собой громадные запасы угля и продовольствия. Уголь лежал даже в каютах.

При приближении флота к мысу Доброй Надежды там поползли слухи, что русские все же нарушат британский запрет и зайдут в Саймонстаун, чтобы потребовать угля и продовольствия для пополнения своих запасов. Военные власти Кейптауна и Саймонстауна были сильно встревожены.

«Если русские корабли встанут на якорь в Симанской бухте, я пошлю по меньшей мере 150 полицейских, офицеров и солдат в Саймонстаун в поддержку местному эскадрону, на случай если русские экипажи начнут своевольничать».

Такой приказ 9 декабря 1904 года издал и.о. комиссара городской полиции Кейптауна. А премьер–министр Л. С. Джеймсон 13 декабря указал: «Ввиду вероятности захода русского флота в Кейптаун или Саймонстаун в течение нескольких следующих дней и разрешения членам экипажей сходить на берег, министры имеют честь рекомендовать, что его превосходительство Господин Управляющий правительством может иметь удовольствие сообщить Консулу России о проекте прилагаемого при сем письма, а также указать ему о порядке, который предложено установить в случае если какие бы то ни было члены флотилии нарушат местные законы». 193

У мыса Доброй Надежды эскадру встретил шторм, продолжавшийся несколько дней. Командир эскадры вице-адмирал Рожественский доносил в Санкт-Петербург: «Колонна из пяти броненосцев представляла в это время редкое зрелище. Колоссы, в миллион пудов [16 тысяч тонн] каждый, шесть раз в минуту поднимались на высоту 40 фут... Все пять броненосцев давали впечатление какой-то бешеной пляски».¹⁹⁴ Крейсер “Аврора” потерял вельбот, у

¹⁹² NASA, KAV, Source Type Leer, vol. 904, Ref. 902.

¹⁹³ NASA, KAV. AG, vol. 1547, Ref. 15291, part 1.

¹⁹⁴ Русско-японская война 1904-1905 гг. Книга шестая. Поход 2-й Тихоокеанской эскадры на Дальний Восток. - Петроград, 1917, с. 70.

броненосца “Князь Суворов” сорвало правый катер.

Легко представить, как нервничали тогда и русский консул в Кейптауне, и Е. М. Сиарле, только что назначенный консулом в Порт Элизабете. Но в Кейптаун решилось зайти только госпитальное судно, которое называлось так же, как и один из броненосцев этой эскадры - “Орел”.

На появление русского флота газета “Кейп Таймс” откликнулась так: «очевидно, что по крайней мере некоторые из гордых судов, которые проходят сейчас вдоль наших берегов, никогда не вернуться».195

А после прохода этого флота на берегу мыса Доброй Надежды нашли запечатанную бутылку с письмом, брошенную в океан кем-то из русских моряков. В письме говорилось: «О ты, рыболов, случайно нашедший и прочитавший это письмо, молись за тех, кого посылают на смерть, молись, чтобы эта ужасная война скорее окончилась».

Письмо было опубликовано в газете “Кейп Аргус” с выражением явного сочувствия к русским морякам: «Мы надеемся, что флот отзовут, пока не поздно. Корабли плохо оснащены, а офицеры плохо подготовлены. Весь мир надеется из чистого гуманизма, что эта печальная армада еще повернет назад, пока не поздно».196

Русский флот не получил из Санкт-Петербурга приказа вернуться - его отправили на погибель. 27 мая 1905 года сражение в Японском море стало новым Трафальгаром. Погибли тридцать русских кораблей.

Но до этого более двух месяцев, с конца декабря 1904 до начала марта 1905-го, флот стоял возле Мадагаскара, сперва у островка Сент-Мари, а затем у острова Нуси-Бе. Те два месяца были ужасными для России. Одно поражение следовало за другим. На островке Сент-Мари не было телеграфа, и первую тяжкую весть русские моряки получили из Кейптауна - с госпитальным судном “Орел”, которое заходило туда и присоединилось к остальным кораблям позднее. Это было известие о гибели стоявшей в Порт-Артуре русской эскадры, к которой на помощь и шел Балтийский флот.

¹⁹⁵ Green L.G. Eight Bells at Salamander. - Cape Town: Timmins Publishers, 1984. - P. 108.

¹⁹⁶ Ibid. - P. 109-110.

А затем, уже у Нуси-Бе, моряки узнали о событии, которое вошло в историю, как первая русская революция. Это событие взволновало и Южную Африку - во всяком случае тех, кого интересовали мировые потрясения. 22 января 1905 года вышел специальный выпуск газеты “Кейп таймс” с заголовком “Бунт в России” и подзаголовками: “Ужасное восстание”, “Столкновения в Санкт–Петербурге”, “Кавалерийские атаки”, “Кровопролитие на улицах”.¹⁹⁷

Читая все это, кейптаунцы вспоминали черные силуэты кораблей, за месяц до этого проходившие мимо. А русские моряки в Мозамбикском проливе с ужасом ждали своей неотвратимой судьбы... Болезни, вызванные непривычной для них жарой, усугублялись и этим тяжким ожиданием. Несколько моряков скончались еще там, не дождавшись гибели от японских снарядов. В 1990 и 2005 годах на Нуси-Бе им были установлены памятники.

«Я лично могу принести вам маленькую, очень маленькую лепту на ваше дело, сравнительно с тем, что было совершено русским народом». Так писал президент Крюгер, посылая пятьдесят фунтов стерлингов (пятьсот рублей) для русских, раненых в войне с Японией.¹⁹⁸

Письмо Крюгера - не единственное свидетельство признательности буров в те трагические для России годы: 1904-1905-й.

В русско-японской войне на стороне России сражался бур Эдгар Густав Криль де Вильерс Данкер (1882-1916), уроженец городка Аливал Норт в Капской колонии. Во время англо-бурской войны он служил в группе разведчиков легендарного Даниэля Терона, а потом участвовал в не менее легендарной экспедиции Смэтса в Капскую колонию, во время которой он был тяжело ранен.¹⁹⁹

Профессор Йохан Барнард, один из крупнейших знатоков англо-бурской войны, познакомил нас с воспоминаниями Денейса Рейтца – с рукописью, на основе которой Рейтц подготовил потом свою знаменитую книгу «Коммандо». В рукописи есть запись, сделанная 3 августа 1913:

¹⁹⁷ Cape Times. – Cape Town. Special edition of the, Sunday, January 22, 1905.

¹⁹⁸ Нива. – СПб., 1904, № 28. - С. 559.

¹⁹⁹ Selections from the Smuts Papers / Hancock W.K. and Jean van der Poel (eds.). Vol. IV. – Cambridge, 1966. - P. 318.

«Встретил Данкера в клубе Южноафриканской партии в Йоганнесбурге. Мы увиделись впервые после [англо–бурской] войны... С этого времени, как он мне сказал, он участвовал в русско–японской войне [1904], был во время восстания в Одессе,²⁰⁰ где он был ранен, и вернулся в Трансвааль только несколько дней назад, повоював еще и в балканской войне против турок до стражения при Кирк–Калиссе,²⁰¹ где он служил в качестве атташе при великом князе Николае. Он подхватил лихорадку и его отослали обратно».202

Судя по этой лаконичной записи, Данкер жил в России, или во всяком случае был связан с Россией, несколько лет. Что он делал? В чем выразилось участие в русско-японской войне, а затем в революционных событиях в Одессе? Что он делал для великого князя Николая Николаевича, главнокомандующего русской армией и брата царя? Пока мы не нашли ответов на эти вопросы.

* * *

Связанное с русско-японской войной обострение англо-русских отношений вызывало у некоторых буров мечтания о переменах в их собственной судьбе.

10/23 февраля 1904 г. исполняющий обязанности военного министра России генерал Сахаров направил министру иностранных дел Ламздорфу записку некоего фан Страатена, назвав его «одним из бурских вождей». К Сахарову она попала от русского военного атташе в Париже. Это был план восстания буров во всей Южной Африке.

По замыслу фан Страатена начать борьбу должны были те буры, которые оказались за пределами Южной Африки. Собравшись отрядом в 500 человек, они должны перейти границу и одновременно опубликовать воззвание – сигнал к всеобщему восстанию буров.

Для успеха восстания, считал фан Страатен, бурам надо немедленно получить 100 тыс. винтовок, 10 орудий, а также снаряды и патроны. Затем, в течение четырех месяцев, получать ежемесячно по 50 тыс. винтовок и по 5 орудий. Затем, в течение 12 месяцев, патроны и снаряды. Кроме того, ему нужна

²⁰⁰ Очевидно – события революции 1905 г.

²⁰¹ Прежнее название турецкого города Киркарели.

²⁰² J. Barnard's Private Collection.

была субсидия в полмиллиона франков, три грузовых судна, и две подводные лодки, поскольку «всякое военное действие буров на море несомненно производило бы панику в Лондоне».

Обращаясь к России за этой помощью, автор записки считал, что Россия таким образом решит и свою проблему: «Англичане уже не будут в состоянии смущать мир своими интригами. Японский вопрос получит немедленное разрешение».

Кто такой был фан Страатен? В русских документах его фамилия дана в русском написании, и к тому же без инициалов. Фамилия - не редкая, так что установить трудно.

Когда подполковник Михаил Антонович Зигерн-Корн, один из русских военных агентов во время англо-бурской войны, возвращался на корабле «Жиронда» с Юга Африки в Европу в октябре 1900 года, среди пассажиров был человек по фамилии фан-Страатен. Он говорил, что был корреспондентом разных газет в Йоханнесбурге, а в англо-бурской войне сражался в нескольких командах. Зигерн-Корн назвал его человеком бывалым, энергичным и ловким, но может быть и «с темным прошлым». И добавил: «Он не так прост, как мне казалось сначала».²⁰³ Был ли это тот самый фан Страатен? Может быть, именно встреча с Зигерн-Корном повлияла на его решение обратиться к России за помощью?

Как бы то ни было, министр иностранных дел Ламздорф не отнесся к этому предложению всерьез. Записка была просто сдана в архив.²⁰⁴

Но идея восстания буров пришла тогда в голову не только фан Страатену. Буквально через несколько дней русское министерство иностранных дел получило сходное предложение от А.И. Садовского, одного из врачей, которые работали в Южной Африке в 1900 г. Садовский рассказал, что он получает много писем от своих друзей-буров. Они «умоляют тотчас же дать им знать по телеграфу, как только станет известным, что Англия решила принять

²⁰³ *Зигерн-Корн М.А.* Война бурская. Тетрадь 3. - С. 115-116 // Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки (СПб.).

²⁰⁴ Николай II – «император кафров» // Красный архив. Т. 69-70. – М., 1935. - С. 253-255.

активное участие в русско-японской войне». В ожидании этого момента «в Южной Африке все готово к восстанию».

Эти сведения тоже не произвели впечатления на министерство иностранных дел.²⁰⁵ Главный штаб русской армии оставил без внимания предложение Д. Грамма Теннанта нанять в Южной Африке наемных солдат в помощь русским войскам в Маньчжурии.²⁰⁶

Лишь одно предложение вызвало интерес. Оно исходило от Франсуа Джакобуса Пинаара, который в 1903 присоединил к своей фамилии девичью фамилию своей матери и стал Жубером–Пинааром. В феврале 1905 г. он пришел в русское посольство в Лиссабоне. Отрекомендовался посланнику А. Кояндеру бургским генералом и в доказательство принес книгу А. Р. Хайли и Дж. А. Хассена «Мобильный бур». В ней рассказывалось о его участии в англо-бургской войне. Целью визита было получить помощь России для организации восстаний в африканских владениях Англии.

Во время следующей встречи он передал Кояндеру записку со своими идеями. В ней говорилось: «Я поклялся перед Богом, что с его помощью я сделаюсь виновником падения Англии... С этой верою в Бога и с безграничным убеждением в правоте моего дела я начал наблюдать за всем, что творится на политическом горизонте, и тщательно изучать каждое происшествие, которое могло бы содействовать моей цели...

С самого начала я увидел, что мне придется для достижения моей цели использовать кафров, но время для этого еще не созрело, напротив того, я увидел, что наилучшей тактикой для меня было бы хорошо служить Англии и приобрести доверие моего правительства, в чем я и достиг совершенно неожиданных успехов».

Жубер–Пинаар писал, что хочет использовать для своей цели рабочих, и черных и белых. Видя, что их озлобляет ввоз работников из Китая, он якобы стал всячески способствовать этому ввозу. Он надеялся, что черные восстанут против конкуренции китайцев, «а раз они начнут борьбу, то белые рабочие

²⁰⁵ Там же, с. 255-256.

²⁰⁶ Центральный военно-исторический архив. Фонд 400 (Фонд Главного штаба), опись 4, дело 392. Фамилия англичанина дана только в русской транскрипции.

присоединятся к ним». Почему? «Потому что эти люди, хотя и называются британскими рабочими, на самом деле являются лишь отбросами Австралии и Канады, откуда их привезли в Южной Африку с целью истребить нас: эти люди без принципов и без патриотизма».

Поворотом в своей жизни Жубер–Пинаар назвал русско-японскую войну. Увидав, что «Англия в такой резкой форме стала на сторону Японии», он решил, «что это дело рук Всемогущего». Он уверен, что скоро сбудется его мечта: начнется война России с Англией. И Россия «сможет и захочет объявить себя, когда это будет надо, сюзереном Южной и Центральной Африки. Это - большая ставка, драгоценный камень, достойный короны России».

Соблазняя Россию патронатом не только над Южной, но и над Центральной Африкой, Жубер–Пинаар утверждал, что тому есть реальная возможность. С началом русско-японской войны он отправился в путешествие «по всей Африке с целью изучить настроение всех вообще чернокожих, и нашел, что вся Африка, подобно громадному полю, покрыта сухой травой, к которой стоит только поднести спичку, чтобы она вся вспыхнула, и я намерен быть этой спичкой».

Он предложил два плана действий.

Первый. Он будет плыть на пароходе вдоль побережья Африки, имея под бункерами с каменным углем большой запас оружия. И будет раздавать это оружие вождям африканских племен. Второй. «Ездить по кафрским землям» якобы для закупки скота и зерна, и раздавать оружие.

Он говорил русским дипломатам, что с одним из вождей племен Золотого Берега он уже вел переговоры о восстании. Что его друг готов вести такие же переговоры и с вождями баротсе в Северной Родезии. Он подчеркнул, что в германских и португальских колониях в это время идут крупные восстания.

В самой Южной Африке он хотел подарить вождям зулусов, свази и басуто по тысяче ружей и десять тысяч патронов. Он считал, что с этого начнется восстание полумиллиона черных против англичан. «К ним присоединятся австралийцы и канадцы, о которых я уже говорил вам и которые страшно недовольны правительством вследствие ввоза в Южную Африку

китайских рабочих... При таких условиях, я считаю, что война с черными продлится по меньшей мере два года, причем Англии придется напрячь для ее ведения все свои силы. Через два года в дело вмешаемся мы, буры, и, с Божьей помощью, еще через год выгоним англичан из нашей страны. Тогда-то нам понадобится покровительство одной из европейских великих держав. Так как я теперь обращаюсь за помощью России, то, по моему мнению, она и должна быть в будущем союзником и защитником Южной Африки».

Для всего этого он хотел получить оружие, деньги на взятки вождям племен, а также пароход.

Жубер–Пинаар даже выразил готовность участвовать в войне России против Японии, только бы это помогло достижению его главной цели.

«Если вы хотите, я могу отправиться в Манчжурию, где, как бывший начальник отдельного отряда, я могу принести своею опытностью в партизанской войне некоторую пользу. Или я могу поехать в Японию, куда англичане, ввиду моих с ними отношений, снабдят меня самыми горячими рекомендательными письмами. С помощью этих писем я в состоянии буду проникнуть как в страну, так и на театр военных действий и добыть вам очень ценные сведения. Я согласен и на это, но прошу вас иметь в виду, что если я решаюсь на подобный образ действий, то делаю это исключительно в интересах моей страны и в ожидании от вас в будущем действительной помощи в достижении той цели, которой теперь всецело посвящена моя жизнь».

Для дальнейших переговоров Жубер–Пинаар предложил поехать в Петербург, если русские оплатят ему проезд.

Посланник Кояндер в своих донесениях в Петербург дал Жубер–Пинаару весьма благожелательную характеристику: «Из его записки и из его поступков можно заключить, что он - ярый фанатик, не останавливающийся в своем желании нанести вред Англии ни перед какими средствами. Но в беседах этот его ярый фанатизм не проявляется наружу. Он говорит толково, разумно, ясно и убедительно, но совершенно спокойно и с полным самообладанием».

Ознакомившись с сообщениями Кояндера, Ламздорф послал ему 8/21 марта секретную телеграмму: «Предложения Жубера, без сомнения,

представляются заманчивыми, и мы готовы в принципе принять их, но желательно иметь более точные и подробные данные об организации предприятия, которые явились бы гарантией его осуществимости».

Кояндер ответил, что «более подробных данных об организации предприятия генерал Пинаар сообщить не может, ибо изложил уже нам весь свой план».

Вместо Петербурга Жубер–Пинаару предложили поехать в Париж для беседы с послом во Франции Александром Ивановичем Нелидовым и выдали тысячу франков.

Нелидов встретился с ним 17/30 марта, и в тот же день послал в Петербург подробную телеграмму. Он убедительно доказал бессмысленность этого плана для России. Владычество Англии в Африке, по его мнению, слишком прочно, чтобы так легко низвергнуть его. России же не до мечтаний о создании своей империи в Африке: «Столь далекие предприятия не в наших силах, да и не в выгодах России». Да и Англия уже не столь враждебна России, как это было в начале русско-японской войны. Теперь она опасается Японии, проявившей такую военную мощь.

Министр финансов В.Н. Коковцов целиком поддержал Нелидова. В результате Николай II написал: «Лучше в таком случае ответить прямо отказом».

Во всей этой истории самое удивительное, что предложение Жубера–Пинаара вызвало оживленную переписку между русскими дипломатами. И что такой трезвый политик, как Ламдорф, казалось бы, отнесся к этому предложению в какой-то степени серьезно.

Скорее всего, дело было в том, что на первую телеграмму Кояндера царь обратил внимание и написал Ламздорфу: «Как Вы находите это предложение?». Тем самым Николай II счел идею достойной рассмотрения. А Ламздорф был не только трезвым дипломатом, но и опытным царедворцем. Вот он и счел благоразумным не говорить царю о бессмысленности его резолюции. О том, что никакого сколько-то серьезного рассмотрения это предложение не заслуживает. Ведь в послании Кояндер отнесся к Жубер–Пинаару серьезно.

Четырьмя годами раньше, когда речь шла о допуске фан дер Хуфена на церемонию бракосочетания сестры Николая II, царь поддержал Кояндера и дезавуировал Ламздорфа. Правда, теперь Кояндер работал в министерстве Ламздорфа и стал его подчиненным, но министр, обжегшись на молоке, решил, что не лишне подуть на воду. Ведь Кояндер написал, что Жубер-Пинаар фанатически ненавидит англичан. Ламздорф знал, что это должно было тогда понравиться царю.

А авантюренность всей затеи? Ну что ж, полутора десятилетиями раньше Ламздорф, уже тогда товарищ министра иностранных дел, видел, как Александр III, в сущности, поддержал сумасшедший план авантюриста Н. Ашинова о создании русской колонии в Эфиопии.

Все это Ламздорф умел учитывать. Поэтому ему и удалось так много лет возглавлять министерство иностранных дел, хотя другие министры и товарищи министров, как правило, не засиживались долго в своих креслах.

Вот и решил переждать, пока царь услышит правду от других.

Ну а сам Жубер-Пинаар? Что он собой представлял?

О его проекте писали в России и в Южной Африке.

Документы о предложении Жубер-Пинаара были опубликованы в Москве в 1935 г.²⁰⁷ В предисловии было сказано, что Жубер-Пинаар – «авантюрист». В Южной Африке Елизавета Вильямс-Фокс克罗фт опубликовала две статьи об этих документах. Одну, довольно популярную, в журнале “Лэнтерн”; в ней она назвала Жубера-Пинаара бурским Джеймсом Бондом.²⁰⁸ Другую, более научную, - в журнале “История”.²⁰⁹ К Жуберу-Пинаару она отнеслась не без уважения. Но ко второй ее статье редактор журнала “История” дал такую сноску: «Франс Пинаар никогда не был генералом, а лишь командиром. Последние исследования показали, что он никогда не был великим бурским патриотом, которым он здесь изображен, но авантюристом, в большой степени

²⁰⁷ Николай II – “император кафров”... – С. 241-253.

²⁰⁸ *Williams-Foxcroft E.* James Bond vir die Boere // *Lantern.* - Pretoria, December 1969.

²⁰⁹ *Williams-Foxcroft E.* A Russian protectorate over South Africa? // *Historia.* - Pretoria, 1983. -V. 28 (2).

преследовавшим свои собственные цели». ²¹⁰

Позже было доказано, однако, что Пинаара произвели в фехт-генералы 15 сентября 1900 г. ²¹¹ И ведь даже на Нелидова, категорически отвергшего предложения Жубер-Пинаара, он произвел «впечатление человека вполне добросовестного, убежденного и вполне заслуживающего внимания». ²¹²

Был ли он патриотом, утратившим чувство реальности из-за своего фанатизма? Или просто авантюристом? Или в нем как-то сочеталось и то и другое? Мы не нашли окончательного ответа на этот вопрос.

Глазами африканерского поэта

“Черные” африканцы с Юга Африки в Российской империи не бывали. Африканеры – делегация министров Трансвааля и Оранжевой, и несколько участников англо-бурской войны – были настолько поглощены войной, что им было не до записей впечатлений от недолгих дней пребывания в России.

Из тех скудных заметок, которые сохранились, приведем письма Кристиана Лейполда (1880-1947), одного из самых известных африканерских поэтов.

Он побывал в Москве в середине 1908 г. Еще не знаменитый поэт и писатель - первая его книга вышла лишь в следующем году. А тогда он был врачом и стремился в Европе и Америке усовершенствовать свое медицинское образование.

О путешествии в Россию рассказал в письме, посланном в Кейптаун 22 июля 1908 г. Причина поездки: «Я слышал в Берлине о достижениях русской медицины». Россия привела его в восторг. «Путешествие в Россию оказалось одним из самых интересных, из всех, что я до сих пор совершил», писал он.

Путешествие стало полезным с профессиональной точки зрения. «Мое путешествие в Россию оказалось выгодным в том отношении, что оно дало мне

²¹⁰ Ibid. - P. 27.

²¹¹ *Malan J.* Die Boere-offisiere van die Tweede Vryheidsoorlog, 1899-1902. – Pretoria: J.P. van der Walt, 1990. - S. 49.

²¹² Николай II – “император кафров”... - С. 251.

возможность познакомиться с методами русской медицины. Они определенно очень хороши и во многих отношениях опережают английские. Даже в маленьких городах есть небольшие больницы, и хотя я думал, что ситуация с гигиеной будет не слишком хорошая, в том, что касается санитарных условий, мне не на что было пожаловаться – они везде были значительно лучше, чем в Австрии или Италии».

Его приятно удивила общая ситуация. «Это путешествие совершенно изменило мой взгляд на Россию», писал он. «Страна богата, хорошо обработана, и, на взгляд иностранца, хорошо управляется».

О Москве: “Самое лучшее был сам город. Он великолепен, стоит на холмах, и это делает дома неровными и разбивает монотонность прямых линий, которые видишь в Варшаве или Берлине, с очаровательными поворотами и изгибами, церквями в греческом стиле с минаретами, возвышающимися над домами и многочисленными широкими улицами с широкими тротуарами. Над всем возвышается Кремль с его тридцатью часовнями и едва ли не сотней шпилей, золотыми куполами и широкими покрытыми патиной зелено-серыми крышами. Общественные здания очень красивы, особенно университет, царская библиотека, нумизматический музей и почтампт».

Но особенно поразили его пестрота и многообразие толпы на московских улицах. «Я никогда еще не видел такого разнообразия человеческих видов, как те, что толкаются на московских улицах. Вы можете представить себе живописность всего этого: одетые, как денди, французы, грубовато-добродушные немцы, усталые финны, фанатично выглядящие армяне, кричаще одетые хорваты, татары, герцеговинцы, тибетцы в шляпах с широкими полями, китайцы с длинными косичками, японцы, у которых носы “загнуты, как лепестки цветов”, чрезвычайно удовлетворенные своими маленькими персонами, парсы из Баку в белых одеяниях, высокие казаки с Вислы, и еще более гигантские курды, персы в малиновых шалях, монголы со звенящими колокольчиками, и посреди всего этого, постоянно, как поток желтой воды, текущей в море, или слюдяная жилка, сверкающая в пласте разноцветного конгломерата, идет строй военных в зеленых с золотом и серебром мундирах,

лязгая шпорами и бряцая шпагами. Такой смеси цвета, форм и рас я никогда прежде не видел...». А ведь он повидал к тому времени уже многие страны мира.

В отличие от многих путешественников, Лейполд не возмущался русской бюрократией. «С властями у меня не было ни малейших проблем... чиновники вежливы и любезны – куда более, чем прусские чиновники в Кенигсберге или Мемеле...» «Паспортный контроль был очень строгим», но чиновники оказались уступчивыми. «Меня предупредили, что нельзя провозить с собой книги, но я забыл упаковать две английские медицинские работы, и следовательно должен был взять их с собой. На границе они вызвали большой интерес у чиновников, и поскольку они понимали только русский, а я совсем ничего не знал об этом языке, я не надеялся вернуть эти книги. Однако, после длительных уговоров меня оставили с ними в покое».

Что Лейполду не понравилось? “Россия – самая дорогая страна из всех, где я побывал”. Правда, он оговорился, что может судить только по ценам в ресторанах гостиниц, где говорили на иностранных языках, то есть дорогих гостиниц (то есть дорогих). 213

Чем объяснить его восхищение Россией? Может быть, в немалой степени и тем образом России, который возник в среде африканеров во время англо-бурской войны.

Позиция России в англо–бурской войне объясняет, вероятно, и более широкий интерес к истории нашей страны среди буров. В 1912 г., к столетию нашествия Наполеона на Россию, в Южной Африке на языке африкаанс вышла книга об этой войне - с картами, схемами событий и сражений. Издатели считали, значит, что читательская аудитория у такой книги будет. Из нее африканеры узнали слова “Бородино”, “Березина”, “Смоленск”,²¹⁴ и, читая ее, сопоставляли, вероятно, борьбу россиян против французов со своей борьбой против англичан...

²¹³ *Leipoldt C. Louis. Dear Dr. Bolus. Letters from Clanwilliam. - London, New York and Europe written mainly during his medical education by C. Louis Leopoldt to Harry Bolus in Cape Town, A.A.Balkema, 1979. - P. 120-125.*

²¹⁴ *Andriessen. De Tacht naar Rusland of Het begin van de van het Keizerrijk, 1812. – Kaapstad-Pretoria: T. Maskew Miller, 1912.*

Иммиграция из России

Останавливаясь на Мысе Доброй Надежды с начала XIX столетия, моряки первых российских кораблей, встречали то одного, то другого россиянина – забрасывали их туда сплетения судеб. Есть даже сведения, что один из «птенцов гнезда Петрова», оказавшись в Голландии, перебрался потом в Капскую колонию, и его потомки известны по сей день.

Но это были лишь единицы. Сколько-то заметной российской общины в Южной Африке не было до 1880-х.

В Государственном архиве ЮАР хранится странный документ. Датирован 14 февраля 1882 г. Послан в Кейптаун комиссару коронных земель и общественных работ. Подписан Адалбертом Буковским, графом Леливы. Автор просил разрешения “привезти восемь тысяч душ сюда – все немецкие сельскохозяйственники, живущие в настоящее время на Волге, в России”. Автор послания объяснял, что эти немцы эмигрировали в Россию во второй половине XVIII в. и заняли определенные территории в ней, благодаря “манфесту” Екатерины II. Далее он объяснял, что эти иммигранты и их потомки должны покинуть Россию до 1885 г. Он называл себя управляющим их эмиграцией и объяснял, что он уже договорился об их иммиграции в Аргентину и Бразилию. Но немцы решили сменить предполагаемое место жительства и направиться в Южную Африку, которую Буковский им настоятельно рекомендовал.

Буковский настоятельно рекомендовал и этих людей южноафриканской администрации. “Я могу добавить”, писал он, “что вышеоначенные люди не нуждаются в средствах. Будучи весьма трудолюбивым народом, большое число из них благополучны. Они не будут, таким образом, бременем для правитрльства, но, наоборот, смогут сослужить добрую службу Колонии в отношении военных операций во время войны, особенно потому, что во время их пребывания в России они должны были постоянно противостоять одному из самых воинственных народов – татарам”. 215

Этот, казалось бы разумный проект, так и не материализовался.

²¹⁵ NASA, KAV. AMPT PUBS, vol. CCP 1/2/1/51, Ref. A 56.

Массовый отъезд немцев из России не произошел, во всяком случае, тогда. Удовлетворились ли они своим благополучием в своем новом отечестве? Предпочли ли они стычки с татарами, чей военный потенциал и воинственность в конце XIX в. были явно преувеличены Буковским, сражениям в так называемых “кафрских” и зулусских войнах?

Кто такой Адалберт Буковский, и почему он написал это письмо, понять трудно. Никаких сопутствующих документов, которые пролили бы свет на это письмо, в архиве мы не обнаружили.

Но массовая эмиграция из России в Южную Африку началась, как раз в то время, когда появился этот проект. Но это была не немецкая эмиграция с берегов Волги, а, в основном, еврейская эмиграция из западных частей российской империи.

В 1875 в Капской колонии было всего 82 эмигранта из России, среди них всего три женщины.²¹⁶ В 1891 г. эмигрантов из России было уже 1092,²¹⁷ а в 1904 – 12.137.²¹⁸ В том же 1904 г. 9 тыс. Эмигрантов из России жили в Трансваале.²¹⁹ По данным переписи населения Южно-Африканского Союза в 1911 г. в стране было уже 24 839 жителей, родившихся в России, более половины из них – в Трансваале.²²⁰ Эти цифры относятся только к первому поколению иммигрантов из России. Кем бы ни считали себя их дети, они родились уже в Южной Африке и следовательно попадали в другую категорию переписи.

В 1880–е годы еврейское население Южной Африки составляло 4 тыс. человек, в 1904–м 38 101, в 1911 – 49 926 (3.7% всего белого населения).²²¹ Это

²¹⁶ Result of a census of the Colony of the Cape of Good Hope, taken on the night of Sunday, the 7th March, 1875. - Cape Town, 1877. - P. 157.

²¹⁷ Results of a census of the Colony of the Cape Good Hope as on the Night of Sunday. The 5th April 1891. - Cape Town, 1892. - P. 78.

²¹⁸ Result of a census of the Colony of the Cape of Good Hope as on the night of Sunday, the 17th April 1904. - Cape Town, 1905. - P. 100.

²¹⁹ Result of a census of the Transvaal Colony and Swaziland, taken on the night of Sunday the 17th April 1904. - London, 1906. - P. 142.

²²⁰ Union of South Africa. Third census of the population of the Union of South Africa enumerated 3rd May 1921, Part V. Birthplace (Europeans). - Pretoria, 1923. - P. 4.

²²¹ *Shimoni G. Jews and Zionism: The South African Experience (1910-1967)*. - Cape Town: Oxford University Press, 1980. - P. 5.

означало, что более половины южноафриканских евреев были выходцами из России, в основном из Литвы, Польши и западных территорий Белоруссии. Все эти регионы в то время были частью Российской империи. Эмигрантов из Ковно (Каунаса), Вильно (Вильнюса), Гродно, Витебска, Минска и Могилева и прилегающих к этим городам районов было куда больше, чем из других мест. Их называли “литваками”, а южноафриканскую еврейскую общину в целом иногда называли “колонией Литвы”. Но представить с какой бы то ни было степенью точности, сколько было “литваков”, невозможно. Поначалу в официальных записях об иммиграции всех восточноевропейских евреев называли “русскими евреями”.²²²

Хаим Вейцман, первый президент Израиля, позже задавался вопросом: «городок Шавли, похоже, по каким-то непонятным причинам, дал Южной Африке огромное число евреев – это загадка для меня, как такое маленькое местечко могло произвести столь большую эмиграцию». ²²³

Еврейская иммиграция из Англии, хотя численно и небольшая, долго сохраняла ведущие позиции в южноафриканской еврейской общине. Только в начале XX в., когда был создан Еврейский совет представителей, русские евреи стали более влиятельными.

* * *

Почему они уезжали? Ведь они оставляли места, в которых их предки жили поколениями.

Массовая эмиграция на юг Африки была частью бурного исхода еврейства из России. Он начался через сто лет после того, как сотни тысяч, миллионы евреев в результате раздела Речи Посполитой оказались в пределах Российской империи. Прямым поводом к исходу стали погромы, которые прокатились по землям в “черте оседлости”, где евреям только и разрешалось проживать. Волна погромов поднялась в 1881 г., после убийства Александра II, хотя к его гибели, как известно, евреи никакого отношения не имели. Но непосредственной причиной эмиграции евреев в конце XIX в. стала политика

²²² South African Jewry / Ed. by Leon Feldberg. – Johannesburg: Fieldhill, 1965. - P. 25.

²²³ *Weizman Chaim. Trial and Error. The Autobiography.* - New York: Harper, 1949. - P. 346.

Александра III, ставшего русским императором в 1881 г. В годы его правления антисемитизм нарастал. Начались погромы. С начала 1880-х до начала первой мировой войны три миллиона евреев уехали из России. Большинство уехало в северную Америку, около 40 тыс. – в Южную Африку. 224

Одно из бесчисленных свидетельств того, как царствование Александра III относилось к евреям – поведение любимца Александра III – генерал-адъютанта П.А. Черевина (1837-1896). Он был товарищем министра внутренних дел, а затем начальником дворовой охраны. Графиня М.Э. Клейнмихель (1864-1931), в те времена хозяйка одного из самых известных великосветских салонов, вспоминала о нем в своих мемуарах не только как о “любимце” царя, но и как “яром антисемите”. Она писала: «Каждый человек свободен в выборе себе среды и имеет право избегать соприкосновения с неприятными для него элементами, но это не причина для сжигания евреев или для спокойного отношения к умерщвлению их детей». Когда Черевину показалось, что на процессе одной из его знакомых адвокат-еврей может представить нежелательные ей доказательства, он просто велел арестовать адвоката и отправить в Сибирь. Когда графиня Клейнмихель сказала ему: «Но ведь это – низость», он ответил: «Не могу же я ставить на одни и те же [условия] моих друзей и какого-то грязного жида, если сегодня и невиновного, то бывшего вчера или будущего завтра виновным». Жена адвоката в день его ареста «получила выкидыш и умерла», а он, вернувшись из ссылки, «покинул Россию и уехал в Париж». Александра III графиня хорошо знала - и назвала «самым антисемитским из правителей».225

Конечно, антисемитизм бывает обычно в целом букете ксенофобии. Так что графиня Клейнмихель сразу после гибели Александра III оказалась свидетелем ухода из государственной политики М.Т. Лориса-Меликова (1824-1888). «Я до сих пор слышу голос полковника графа Валуева, бывшего председателя комитета министров, говорившего другому чиновнику: “вот к

²²⁴ South African Jewry / Ed. by L. Feldberg. – Johannesburg, 1976-77 edition.

²²⁵ Клейнмихель М. Из потонувшего мира. Мемуары / Пер. с франц. – Берлин, 1918. – С. 112-114.

чему привели диктатура сердца проклятого армяшки!»²²⁶ Нарастание ксенофобии было одной из тенденций того времени, и вызвало восторг в лагере контр-реформаторов. И М.Н. Катков (1817/1818-1887) провозглашал тогда: «Встаньте, господа. Правительство идет, правительство возвращается». Чуть позднее лидер Союза русского народа Н.Е. Марков (1866-1945) говорил о «слюнявой гуманности».²²⁷

Свидетельств бежавших из России евреев – множество. Они сохранились и в архивах Южной Африки.

Но есть и такой свидетель – великий русский писатель Салтыков-Щедрин. Вот его статья, она опубликована в 1882 г. в журнале “Отечественные записки” (№ 8).²²⁸

«История никогда не начертывала на своих страницах вопроса более тяжелого, более чуждого человечности, более мучительного, нежели вопрос еврейский... Нет более надрывающей сердце повести, как повесть этого бесконечного истязания человека человеком...

Ни один человек в целом мире не найдет в себе столько творческой силы, чтобы вообразить себя в положении этой неумирающей агонии, а еврей родится в ней и для нее. Стигматизированный он является на свет, стигматизированный агонизирует в жизни и стигматизированный же умирает. Или, лучше сказать, не умирает, а видит себя и по смерти бессечно стигматизированным в лице детей и присных. Нет выхода из кипящей смолы, нет иных перспектив, кроме зубовного скрежета. Что бы еврей ни предпринял, он всегда остается стигматизированным. Делается он христианином - он выкрест; остается при иудействе - он пес смердящий. Можно ли представить себе мучительство более безумное, более бессовестное?

... Ибо и во сне увидеть себя евреем достаточно, чтобы самого неунывающего субъекта заставить метаться в ужасе и посылать бессильные

²²⁶ Там же. – С. 90.

²²⁷ *Маклаков В.А.* Из воспоминаний. – Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1954. – С. 57, 87.

²²⁸ Вошла и в Полное собрание сочинений М.Е. Салтыкова-Щедрина в 20 томах. Т. 15. Кн. 2. – М.: Худ. лит., 1973. – С. 229-240.

проклятия судьбе.

... Кому же, однако, приходило в голову указывать на Разуваева как на определяющий тип русского человека? А Разуваева-еврея непременно навяжут всему еврейскому племени и будут при этом на все племя кричать: ату!».

Николая Александровича Лескова те погромы тоже заставили задуматься о “еврейском вопросе”. И он откликнулся с такой же горечью. В 1884 г. издал брошюру “Еврей в России: Несколько замечаний по еврейскому вопросу”.²²⁹

«Здесь если и занимались судьбою евреев, то почти не заботились об улучшении их участи, а только выискивали средства от них оберегаться. Это чувствуется во всем духе русского законодательства о евреях, и это же повело к тому, что положение евреев в России почти не улучшалось. Так, они до сих пор остаются неполноправными и неравноправными не только по сравнению с людьми русского происхождения или с инославными христианами, но даже и по сравнению их с магометанами и даже язычниками.

... Евреев брали от родителей в малолетстве и отправляли их в отдаленные батальоны, где их крестили в православие ... У евреев брали в рекруты малолетних детей (от 12-летнего возраста).

... Но тени на еврейском горизонте сгущаются: говорить о их деле с беспристрастием стало уже не только неудобно, но даже и небезопасно.

... Если же и есть евреи, которые не любят России, то это понятно: трудно пламенеть любовью к тем, кто тебя постоянно отталкивает. Трудно и служить такой стране, которая, призывая евреев к служению, уже вперед предрешает, что их служение бесполезно, а заслуги и самая смерть еврея на военном поле не стоят даже доброго слова. Не обидно ли, что когда русскому солдату напоминают пословицу, что "только плохой солдат не надеется быть генералом", то рядом с ним стоящему в строю солдату-еврею прибавляют "а ты, брат, жид, - до тебя это не касается".

Пусть сегодня отнесется Россия к ним как мать, а не как мачеха, и они сегодня же готовы забыть все, что претерпели в своем тяжелом прошлом, и

²²⁹ Переиздана: *Лесков Н.С.* Еврей в России: Несколько замечаний по еврейскому вопросу. - М.: Книга, 1990.

будут ей добрыми сынами».

Судьба еврейства вызвала к ней глубокие симпатии лучшей части русской интеллигенции. Лев Толстой в 1891 г. в статье “Что такое еврей?” написал так: «Еврей - символ вечности. Он, которого ни резни, ни пытки не смогли уничтожить; ни огонь, ни меч инквизиции не смогли стереть с лица земли: он, который первым возвестил слова Господа, он, который так долго хранил пророчество и передал его всему остальному человечеству; такой народ не может исчезнуть. Еврей вечен, он - олицетворение вечности».

Даже В.В. Шульгин (1878-1976), которого столь часто называли антисемитом, считал, что «еврейский погром есть начало анархии вообще. Это есть начало так называемого “черного бунта”. Начнут с “жидов”, но кончат непременно избиением всего более или менее культурного и разгромом того, что с такими величайшими трудами удалось восстановить».²³⁰

* * *

Но власть к этим голосам не прислушивалась. Положение большинства евреев было невыносимым. Они полагали, что в стране, которую они покидали, терять им было мало что. Даже до погромов они были совершенно лишены многих гражданских прав. У них не было права владеть землей. За исключением некоторых представителей свободных профессий, таких как врачей, например, им не разрешали селиться в восточных районах страны. Они могли жить только за так называемой “Чертой оседлости”, на крайнем западе России. Стать врачом, как и вообще получить высшее образование, евреям было очень трудно: даже в тех районах, в которых им разрешалось жить, их число среди студентов не должно было превышать 2–3.

Южноафриканцам очевидно, что еврейское население России познакомилось с апартхейдом значительно раньше, чем было изобретено слово, примененное к этому явлению. Погромы только усугубили ситуацию.

В 1991 г. журналист спросил южноафриканскую писательницу и лауреата нобелевской премии Надин Гордимер об ее отце, уроженце России. Она

²³⁰ Шульгин В.В. Три столицы. Путешествие в Красную Россию. – Берлин: Изд-во “Медный всадник”, 1927. – С. 357.

ответила: “Я только недавно узнала, что две его сестры были убиты, а его мать ослеплена во время погрома”. 231

Попытки противостоять унижению казались бесполезными. Один из самых трогательных эпизодов, ставших воплощением страданий евреев в России, рассказал южноафриканский журналист Бернард Сакс. Он родился в 1905 г. в Литве и пронес через всю жизнь воспоминание из своего детства. Залман – кожевник, вспоминал он, сошел с ума, когда его сына отправили в Сибирь. Залман сидел на ступенях синагоги и вопрошал ночь: “Скажи мне, о сибирский ветер, здоров ли мой сын Шмульке”. 232

Большинство русских евреев, которые решили ехать в Южную Африку, были бедными мелкими торговцами и ремесленниками. У них не было ни здоровья, ни денег. Сам путь в Южную Африку был чрезвычайно тяжел: путешествовать в приличных условиях они не могли себе позволить. В южноафриканских архивах – множество снимков и описаний этих иммигрантов. Они выглядят измученными и оборванными, у них практически нет багажа. Тридцатилетние мужчины выглядят больными стариками. Описание Бермана, 38-летнего портного приехавшего в сентябре 1911 г. был вполне типично: рост 5 футов, вес 105 фунтов, лыс, страдает малокровием, не 12 зубов. 233

Они были и не интеллигентны, и не образованы. Они не принадлежали к русской культурной традиции (еще одна причина, по которой они отнюдь не страдали ностальгией). Они не знали английского. Поколениями они жили в своей собственной среде, политической, религиозной и культурной – но эта среда была внутри России, поэтому к южноафриканской жизни им было трудно приспособиться. Они готовы были принять новую жизнь, но старая не отпускала.

Были, конечно, и исключения. Среди иммигрантов было несколько врачей. Вот сведения о некоторых из них – тех, кто получил квалификацию в

²³¹ The Jerusalem Report, October 24, 1991. - P. 6.

²³² *Sacks Benard*. South African Personalities and Places. – Johannesburg: Kayor Publishers, 1959. - P. 62.

²³³ *Bradlow E*. Immigration into the Union, 1910-1948. Policies and Attitudes / Thesis. - University of Cape Town, 1978. - Vol. I. - P. 187.

России и был зарегистрирован в Медицинской учетной книге Капской провинции в 1880–1910 гг.

Абельгейм, Арон Яков, зарегистрирован в 1899 (в учетной книге 1900 г.) – уехал в Трансвааль. Френкель, Яков, зарегистрирован в 1899 (1900) г., получил квалификацию в 1891, уехал в Трансвааль. Краковский, Александр, зарегистрирован в 1900 (1901) г., получил квалификацию в 1883 г., практиковал в Паарле под Кейптауном. Левин, Лазарь Хирш, зарегистрирован в 1900 (1901) г., практиковал в Оудсхурне и Ледисмите (Капская провинция). Шейнисон, Николай, зарегистрирован в 1900 (1901) г., получил квалификацию в 1883 г., практиковал в Кейптауне.

Конечно, и этим людям приходилось годами доказывать действенность своего диплома. Бывало, как в случае с Ноэлем Кремером, что для этого оказывалось достаточно, чтобы русский консул Клиффорд Найт, посмотрел их документы.²³⁴ А переписка о докторе Александре Краковском велась даже через посредство русского министра иностранных дел графа Ламсдорфа.²³⁵

Был среди переселенцев и капитан Арон Фридман. В Кейптауне его знали как Старого Моряка. Он прошел путь от матроса до капитана. Командовал несколькими кораблями, и в конце–концов стал владельцем своего собственного судна, трехмачтовой торгового парусника “Елизавета”, водоизмещением в 1 310 тонн.

Уроженец Латвии, он с юношеских лет плавал на парусных кораблях (кроме того времени, когда служил в русском императорском военном флоте на линкоре “Адмирал Чичагов”. Избороздил все океаны, говорил на нескольких языках.

Но однажды, когда он огибал мыс Доброй Надежды с грузом из Швеции в Мозамбик, природа тех мест настолько очаровала его, что он решил поселиться в Южной Африке. Он вернулся в Европу и продал свой корабль в Гавре, во Франции.

К тому же, хотя еще в 1895 году в Германии был спущен на воду самый

²³⁴ NASA, TAB. CS, № 721, Reference 11412.

²³⁵ NASA, KAB. GH, № 1/485, Reference 26 and 35; № 23/84, Reference 15.

большой парусник, “Потоцкий”, водоизмещением в 6 150 тонн, время парусного флота уходило в прошлое. А плавать на парходах Старый Моряк не хотел. Он писал в своих записках: «Я никогда не любил плавать на парходах. В них нет жизни, и у них нет души. Люди, которые управляют ими – не моряки, а просто водители, инженеры и уборщики”. 236

В его записках - давно ушедший быт моряков парусного флота, даже суеверия, привычные в их среде.

С помощью капитана его большая семья – семь братьев – переселилась из Латвии в Южную Африку. Арон Фридман создал Агентство новостей Каролины и был избран мэром этого городка в Восточном Трансваале.

Позднее он жил в Кейтауне, там и умер в январе 1964-го, в возрасте 92 лет. Через 23 года после его смерти родные нашли его морской сундучок, спрятанный в старой мастерской. В э сундучке оказался его архив: документы, письма, открытки. Нам рассказал об этом один из его сыновей, Джек Фридман.

Но людей, владевших профессиями такой высокой квалификации, как Старый Моряк, среди иммигрантов были лишь единицы. А подавляющему большинству приходилось начинать жить совершенно заново, можно сказать, с нуля. С освоения самых азов тех языков, о которых они не имели прежде никакого представления: английского, голландского, африкаанс, да и языков тех африканских народов, с которыми новым иммигрантам необходимо было общаться.

Жизнь первого поколения иммигрантов была тяжела. Даже тем, кто еще в России приобрел какую-то профессию, зачастую приходилось переучиваться, чтобы работать в новых условиях – для других людей с иными вкусами и требованиями. На улицах Йоганнесбурга и других городов можно было увидеть толпы только что приехавших евреев, голодных, без копейки денег, ищущих работу – любую.

Многие устраивались на работу в то, что называлось “кафрскими столовыми” возле шахт, а также в продуктовые магазины, кондитерские.

²³⁶ *Friedman David*. South Africa's Ancient Mariner. - Pretoria: Daan Retief Publishers, [n.d.]. - P. 36.

Южноафриканский автор нарисовал яркую картину их жизни: “После печального опыта многомесячного пребывания без работы, за работу “каферитником”²³⁷ можно было быть благодарным. Считалось нормальным жить в комнате в задней части магазина с четырьмя другими работниками и иметь длинный рабочий день. Вставать в четыре утра, чтобы зажечь угли в печи и приготовить мясо, бульон, легкие, требуху, буроворс,²³⁸ кукурузную кашу, было ежедневной рутинной. Несмотря на плохой запах и тяжелый труд, эта работа имела свои преимущества: хлеб, мясо, суп и картофель в изобилии». 239

Как уже упоминалось, широко распространенным занятием была мелкая торговля. Современник описал жизнь таких торговцев в письме: “Поначалу горька судьба такого торговца – “точера” или “шмуза”, как его называют африканеры... Целыми днями и неделями бродит он по округе от фермера к фермеру с тяжелой корзиной на плечах под горящими лучами африканского солнца. Он карабкается по высоким горам, спускается в долины, чтобы постучать в дверь к африканеру и продать свой товар... Однако, в эти месяцы труда и смятения он узнает характер буров, выучит немного голландский язык, ознакомится с обычаями страны. И тогда он почувствует облегчение.²⁴⁰ К этому надо добавить еще, что от торговцев ждали не только товаров, но и новостей о происходящем вокруг.

Как бы ни тяжела была поначалу эта жизнь, для иммигрантов было важно, что в Южной Африке, они не встретили такого антисемитизма, как в стране, которая была их родиной.

Еврейская синагога была открыта в Йоханнесбурге самим президентом Полом Крюгером в 1892 г.²⁴¹ На официальной церемонии открытия Еврейского совета представителей в Кейптауне в 1903 г. главным оратором был губернатор

²³⁷ Производное от “Kaffir Eating Houses” – “кафрские” столовые.

²³⁸ Особый вид южноафриканской сосиски.

²³⁹ *Berger N. Chapters form South African History, Jewish and General. - Johannesburg: Kayor Publishers, 1982. - P. 69.*

²⁴⁰ *Shimoni G. Op. cit. - P. 11.*

²⁴¹ *Johannesburg, One Hundred Years. – Johannesburg: Chris van Rensburg Publications, 1986. - P. 80-81.*

Капской колонии лорд Милнер.²⁴² В год создания Южно-Африканского Союза (в 1910 году) премьер-министр Луис Бота, открывая праздник Еврейского национального фонда в Йоганнесбурге, сказал, что Южная Африка предложила евреям свой дом.²⁴³ Сесиль Родс высказался о Родезии так: «В моей стране все в порядке, если туда приехали евреи». Один из его соратников взял эти слова эпиграфом к своей книге.²⁴⁴

Конечно, жизнь отличалась от слов. Иммиграция, более или менее свободная поначалу, постепенно ограничивалась разного рода рогатками, специально ставившимися на пути русских евреев. Подлинное отношение ближайшего друга Родса, доктора Джеймсона, проявилось – не для печати, а в частном письме 1916 года. Надо не допустить, писал он, чтобы «международное еврейство и их радикальные друзья здесь» влияли на премьер-министра Боту.²⁴⁵ А в 1920 году, когда несколько русских евреев захотели поселиться в Северной Родезии, их, несмотря на громкую фразу Сесилия Родса, признали нежелательными иммигрантами. В этой связи министр иностранных дел Великобритании писал верховному комиссару в Кейптаун: «русские евреи зачастую покидают территорию, в которой они натурализуются».²⁴⁶

Но приветливые слова все же ободряли. Разве можно было представить, чтобы русский император или министр произнес что-нибудь, хоть отдаленно напоминавшее слова Боты, Милнера или Родса, или открыл синагогу? О таком и помыслить не приходилось.

Да и действительность в Южной Африке не была для евреев столь неблагоприятной, как в России, даже впоследствии, когда наиболее реакционные круги стали обвинять их в либеральных, социалистических и даже революционных настроениях и в тесном сотрудничестве с африканцами.

Больше того, иммигранты – во всяком случае некоторые из них – могли материально помочь своим родным и близким, оставшимся в России. И уж во

²⁴² *Shimoni G.* Op. cit. - P. 15.

²⁴³ *The Indian Opinion.* – Durban, 20.8.1910.

²⁴⁴ *Johnston F.* *Great Days.* – London: Bell, 1940. - P. 207

²⁴⁵ *Colin I.* *The life of L.S. Jameson. Vol. II.* - London: Edward Arnold and Co., 1923. - P. 318.

²⁴⁶ NASA, SAB. GG, vol. 923, Reference 16/104.

всяком случае оказать им моральную поддержку.

* * *

В 1905-1906 годах в связи с резким усилением погромов в России, по Южной Африке прокатилась волна митингов протеста. Митинги *expressing indignation at the outrages upon the Jews in Russia* проходили не только в таких больших городах, как Йоганнесбург и Кейптаун.²⁴⁷

На митинге в Паарле 29 ноября 1905 г. была единогласно принята резолюция: этот митинг жителей Паарля, глубоко обеспокоенных продолжающимися всплесками массовых убийств и зверств в России, направленных против тех, кто придерживается еврейской веры, хочет выразить отвращение к таким преступлениям и удивление по поводу того, что акции такого рода могут совешаться в этом веке цивилизации и прогресса, и искреннюю веру в то, что правительство Его Величества выступит с такими представлениями, которые заставят правительство России дать такую же защиту еврейскому народу, которая предоставляется подданным всех цивилизованных наций”.²⁴⁸

Резолюция митинга в Кимберли 16 ноября 1905 года: “По мнению этого митинга избиения и убийства, от которых евреи во многих частях России страдали в течение нескольких последних месяцев, являются прискорбным преступлением против цивилизации, и этот митинг жителей Кимберли выражает сердечное сочувствие тем, кто страдает от этого бедствия”.²⁴⁹

Резолюция собрания в городке Уиллоумор 27 ноября 1905 г.: «это собрание жителей Уиллоумора на публичном митинге осуждает бесчеловечное и чудовищное преследование евреев в России и выражает им свою глубочайшую симпатию в час испытания и страданий». ²⁵⁰

Следующая волна таких митингов прокатилась по Южной Африке в 1913 году, когда евреев в России обвинили в том, что они в ритуальных религиозных

²⁴⁷ NASA, KAB. GH, vol 1/487, Ref. 124; KAB. GH. vol. 23/94, Ref. 196. See also: “Cape Times”. - Cape Town, July 16, 1906.

²⁴⁸ NASA, KAB. GH, vol. 23/ 90, Ref. 338; KAB. GH, vol.1/487, Ref. 141.

²⁴⁹ NASA, KAB. PMO, vol. 212, Ref. 1838/ 05; KAB. GH, vol. 23/90, Ref. 334; KAB. GH, vol. 1/487. Ref. 139.

²⁵⁰ NASA, KAB. GH, vol. 23/90, Ref. 354; KAB. GH, vol. 1/488, Ref. 3.

целях убивают русских детей (“дело Бейлиса”).

В связи с этим в Йоханнесбурге в ноябре 1913 года состоялся публичный митинг под председательством мэра города. На митинге были единогласно приняты и переданы Луису Боте две резолюции. Первая гласила: “Что это собрание выражает глубочайшую симпатию евреям по поводу возобновления безосновательных и жестоких “кровавых обвинений”, что проявилось в ходе суда над Бейлисом в Киеве, и сожаление по поводу того, что такие обвинения возможны в наш просвещенный век”. Эта резолюция была предложена архидьяконом Ситоном и священником Д. Тероном.

Вторая резолюция, предложенная Патриком Данкеном (будущим генерал-губернатором Южно-Африканского Союза), адвокатом К.Ф. Сталлардом и д-ром Ф.Е.Т. Краузе, гласила: «что ввиду экстремальной агитации и подготовке к “погромам”, этот митинг просит правительство послать представительство (телеграфом) министру иностранных дел Его Величества с просьбой оказать все возможное давление на российское правительство с тем, чтобы предотвратить, в интересах гуманности, всплеск “погромов”».251

Инициатором этого митинга был Русско–еврейский комитет, но, как и в других подобных митингах, участие принимали отнюдь не только евреи.

Конечно, среди выходцев из России были представители разных национальностей: русские, поляки, литовцы, украинцы. Но подавляющее большинство все-таки – евреи. Их участь на новом месте, как правило, выяснилась не сразу: надо было обосноваться в новых условиях, найти свое место. Для этого – время, годы. Далеко не все нашли себя здесь до первой мировой войны. Судьбы основной части, определились лишь постепенно.

Южноафриканская писательница в России

Легко ли представить, что писательницу из Южной Африки печатали в нашей стране больше ста лет назад? Что Максим Горький писал о ней и публиковал ее рассказы в газете “Нижегородский листок” еще в 1899 г.? И что даже тогда, в конце XIX столетия, Горький был не первым, кто знакомил с нею

²⁵¹ NASA, SAB. PM, vol. 1/1/290, Ref. PM 150/36/1913; SAB. GG, vol. 129, Ref. 3/1479.

российского читателя?

Но так и было. Еще в 1893 г. в петербургском журнале “Вестник иностранной литературы” был напечатан полный перевод ее романа “История африканской фермы”.²⁵²

Потом ее переводили все больше и больше. Листаешь ли тогдашнюю “Ниву” или “Русскую мысль”, “Журнал для всех” или “Литературные вечера”, - найдешь какой-нибудь ее рассказ. Печатали ее и в “Живописном обозрении”, “Новом веке”, “Мире Божьем”, “Русском богатстве”, “Северном сиянии”, “Вестнике иностранной литературы”. Выходили ее книги и в издании “для интеллигентных читателей”, и в массовой серии “Книжка за книжкой”. Выходили и до революции, и после, в 1920-х.²⁵³ В 1974 г. в Москве в издательстве “Художественная литература» вышло ее “Избранное”.²⁵⁴

Какой же сильный и звучный голос был у этой женщины, если он так гулко отзывался в России – за тысячи и тысячи километров, с другого конца света. Из краев, где теперь находится Южно-Африканская Республика, а тогда - Капская колония. И даже не из известных мест той земли: мыса Доброй Надежды и Кейптауна. На Юге Африки она смолоду жила в глубинке, можно сказать, в захолустье.

И все же это был первый голос с Юга Африки, который услышали не только в столицах – Петербурге и Москве, но и в самых разных концах России.

Чем же заслужила такое внимание в нашей стране Оливия Шрейнер (1855-1920)? Ее считают родоначальницей англоязычной художественной литературы Южной Африки. Начиная с 1880-х она стала известна далеко за пределами своей родины. Ее произведения многократно издавались в Англии, переводились на немецкий, африкаанс (язык африканеров-буров), французский, голландский, чешский... Честертон назвал Шрейнер «единственным гением, которого родила [Капская] колония». Она вызывала восхищение столь разных людей, как Гладстон, Киплинг, Сесиль Родс, Чарлз Дилк, Джордж Мередит.

²⁵² Вестник иностранной литературы. - СПб., сентябрь-декабрь 1893.

²⁵³ Шрейнер О. От одного к другому. - М., 1929.

²⁵⁴ Шрейнер О. Избранное. - М.: Художественная литература, 1974.

Бернард Шоу был ее другом.²⁵⁵

Так что интерес к ней в России не удивителен. Удивительно другое. В самой полной и, должно быть, лучшей из книг о ней, дан перечень бесчисленных переводов ее книг на многие языки мира,²⁵⁶ но не названо ни одного перевода на русский. Упомянуто, что в 1907 г. один из сборников ее рассказов вышел на украинском. Не забыты переводы на язык эсперанто. Но ни одного русского издания. И ни слова о ее влиянии в России.

* * *

Оливия Шрейнер родилась 24 марта 1855 г. в семье миссионера в местечке Виттеберген (“Белые горы”) - в глубине Капской колонии, на южном берегу реки Оранжевая. Теперь возле этих мест проходит граница между Южно-Африканской Республикой и королевством Лесото.

Ее отец, миссионер, был выходцем из Германии. Мать - из Англии. На Юге Африки они поселились в 1838 г., еще молодыми. Жили они среди басутов и кой-коинов (готтентотов). Оба привязались к Южной Африке и оставались там до конца своих дней.

Девочка, нареченная Оливией, была их девятым ребёнком. Она с детства проявляла самостоятельный характер, и отец не навязывал ей своих религиозных взглядов. Дать ей систематическое образование семья не смогла. На семейный бюджет и без того легли непосильные расходы: троих братьев отправили учиться в Кембридж. Оливии, как только ей исполнилось семнадцать, пришлось идти гувернанткой на бурскую ферму. Это и стало ее школой жизни. Там она начала писать один за другим, три романа. В 1881 г., когда ей было двадцать пять, кончила один из них – “Историю африканской фермы”. Послала рукопись в Шотландию, одному из друзей, и в том же году отправилась в Лондон.

С выходом “Африканской фермы” в 1883 г., судьба ее круто изменилась. Роман имел бурный успех, продавался десятками тысяч экземпляров. О нём говорили повсюду, писали в газетах и журналах, переводили. Роман вышел под

²⁵⁵ *Gregg L. Memoires of Olive Schreiner. - London, 1957. - P. 27.*

²⁵⁶ *First R., Scott A. Olive Schreiner. – London: Deutsch, 1980. - P. 370-376.*

псевдонимом Ральф Айрон.²⁵⁷ Подобно многим другим известным писательницам XIX в., Оливия Шрейнер выбрала себе мужской псевдоним. Но подлинное имя автора все знали, и она стала, как писали лондонские газеты, "львицей сезона".

Прожила в Европе, главным образом в Лондоне, до 1889 г., была в центре общественной и культурной жизни. Круг ее интересов был очень широк. Говорила о поэзии с Оскаром Уальдом, о философии - с Гербертом Спенсером, беседовала с Райдером Хаггардом, с Гладстоном. Сблизилась с социалистическим движением. Встречалась с лидером немецких социалистов Вильгельмом Либкнехтом и английских - Кейром Харди. Хорошо знала семью Карла Маркса, стала подругой младшей дочери – Элеоноры, часто виделась с ее мужем, Эдуардом Эвелингом. Во Франции гостила у Лафаргов.

Она не только стала в Лондоне популярным оратором на митингах борьбы за равноправие женщин, но и одной из первых, кто серьезно изучал проблемы, которые теперь называют гендерными. Много лет исследовала положение женщин в Европе и в Африке. Результатом стала книга “Женщина и труд”. Она вышла на английском языке в 1911 г (дважды),²⁵⁸ в том же году - на голландском, и в 1914 г. - на немецком. Получила большой резонанс в Европе.

Оливия Шрейнер стояла и у истоков науки, которая сейчас именуется сексологией. В 1883 г. она познакомилась в Англии с Хейвлоком Эллисом, одним из пионеров сексологии, стала его другом и активно помогала ему в изучении психологии секса. Викторианские нравы, как известно, отнюдь не способствовали проявлению интереса к проблемам пола и сбору сведений об интимных сторонах жизни. Особенно – сексуальной жизни женщин. Поэтому для Хейвлока Эллиса было важно, что Оливия Шрейнер рассказывала ему о своих чувствах и убедила и Элеонору Маркс тоже поделиться своим эмоциями.

В 1889 году Оливия Шрейнер вернулась на родину, в Южную Африку.

²⁵⁷ *Ralf Iron. The Story of an African Farm. A Novel in Two Volumes.* - London: Chapman and Hall, 1883. Переиздавался в том же 1883 г., в 1887 (дважды), впоследствии многократно. В переводе на голландский – в 1892 г., на французский – в 1901 г., на чешский – в 1903 г., на эсперанто – в 1934 г.

²⁵⁸ *Schreiner O. Woman and Labour.* - London: Virago, Leipzig Leipzig: Bernhard Tauchnitz, 1911.

Следующее десятилетие было для неё плодотворным. Написала много рассказов. Объединила их в две книги: «Трѣзы»²⁵⁹ и «Трѣзы и действительность».²⁶⁰ Выходили её публицистические очерки о разных сторонах южноафриканской жизни. Впоследствии, когда ее уже не было в живых, их собрали и издали книгой – «Мысли о Южной Африке».²⁶¹ Названия очерков: «Бур», «Проблема рабства», «Странствия бура», «Бурская женщина и современный женский вопрос», «Бур и его республики», «Психология бура», «Англичанин»... Они настолько хорошо продуманны и так ярко написаны, что их можно и сейчас рекомендовать каждому, кто хочет знать Южную Африку и ее историю.

Оливия Шрейнер выступила против Сесилия Родса, всесильного тогда на Юге Африки. Её резко антиколониальная повесть «Рядовой Питер Холкит в Машоналенде»²⁶² открывалась уникальным обличительным документом - фотографией виселицы с трупами африканцев, казненных волонтерами отрядов Сесилия Родса.

Накануне англо-бурской войны она издала книгу своих размышлений о предгрозовой обстановке на юге Африки.²⁶³ А в годы войны мужественно выступила против английской политики. Британская сторона ожидала от неё обратного: всё-таки она была близка к английской культуре, писала на английском языке и по матери была англичанкой. Но Оливия Шрейнер, хотя раньше не раз критиковала многое в образе жизни и психическом складе буров, в этот трудный для них час встала на их защиту.

Но кончилась война, и через несколько лет вожди бурских землевладельцев нашли общий язык с английским правительством. И в 1906 г. Оливия Шрейнер писала, что "бурский вопрос" интересует её уже куда меньше, чем раньше. «Они более чем в состоянии сами позаботиться о себе. Зато судьба

²⁵⁹ *Schreiner O. Dreams.* - London: Fisher Unwin, 1890, 1891 (twice), 1892, 1893, 1894, 1895, 1897, 1903, 1905, 1907, 1908, 1912 (twice), 1913, 1914, 1915, 1917, 1919, 1923 (twice), 1930...

²⁶⁰ *Ralph Iron. Dream Life and real Life.* - London: T. Fisher Unwin, 1893, 1897, 1912.

²⁶¹ *Schreiner O. Thoughts on South Africa.* - London: T. Fisher Unwin, 1923, 1927.

²⁶² *Schreiner O. Trooper Peter Halket of Mashonaland.* - London, 1897, 1899, 1905, 1926 (twice), 1950, 1974...

²⁶³ *An English South African's View of the Situation. Words in Season.* – London: Hodder & Stoughton, 1899.

туземцев заботит меня непрестанно».264

Чем дальше, тем сильнее ее волновала судьба африканцев и других небелых жителей Южной Африки. В своей общественной деятельности она стояла куда ближе к африканцам, чем это считалось в её стране естественным и принятым. В её доме бывал наиболее известный тогда африканский политический деятель Джон Тенго Джабаву. В 1910 г. она вышла из кейптаунской Лиги за гражданские права для женщин, когда Лига отказалась принимать в свои ряды небелых женщин.265

Взгляд на будущее страны, своё политическое кредо Оливия Шрейнер наиболее полно выразила в 1908 г. Тогда создавался Южно-Африканский Союз, предшественник нынешней Южно-Африканской Республики, и обсуждался вопрос о его статуте, о будущих порядках. Журнал “Трансваал лидер” попросил Оливию Шрейнер высказать мнение. Её ответы опубликованы не только в журнале, они вышли небольшой книгой. Через полвека, в канун провозглашения Южно-Африканской Республики, они были переизданы. И звучат злободневно, даже сейчас, и не только для Южной Африки, а и для всего человечества.

«Я уверена, что попытка строить жизнь нашей страны на различиях по расе или цвету кожи, как таковых, окажется для нас гибельной [...] Проблема XX столетия не будет повторением проблемы XIX века или ещё более ранних времён. Рушатся стены, отделявшие континенты друг от друга; повсюду европейцы, азиаты и африканцы будут жить вместе. XXI столетие увидит мир не таким, каким он предстаёт на заре XX в. И проблема, которую предстоит решать нынешнему столетию, заключается в том, как достичь взаимодействия различных человеческих общностей на более широких и благотворных основах, которые обеспечили бы развитие всего человечества в соответствии с современными идеалами и с современными социальными требованиями».

Оливия Шрейнер предлагала белым соотечественникам смотреть на будущее открытыми глазами: «Не всегда европейцы будут составлять верхний слой».

²⁶⁴ The Letters of Olive Schreiner, 1876-1920 / Ed. by S. C. Cronwright-Schreiner. - London, 1924. - P. 254.

²⁶⁵ Gregg L. Op. cit. - P. 13.

Каждая нация, считала она, должна вносить посильный вклад в общее дело всего человечества. И задача Южной Африки с её многорасовым населением - показать пример построения отношений между различными расовыми группами, «создать свободную, духовно развитую, гармоничную нацию, каждая часть которой действовала бы вместе с остальными и для блага остальных». В этом Оливия Шрейнер видела историческую роль своей страны, «такую великую и вдохновляющую роль, какая только доставалась какой-либо нации, лишь бы мы оказались достаточно сильными, чтобы исполнить её».

Рассуждая, из каких составных частей должна сформироваться эта «южноафриканская нация», Оливия Шрейнер прежде всего говорила об африканцах; убеждала понять их, уважать, видеть в них людей. Напоминала, что африканцы «уже жили в Южной Африке, когда мы пришли сюда», и что они в Южной Африке останутся, не исчезнут, не вымрут, как это произошло с аборигенами многих других стран. Более того, те, кто мечтает избавиться от африканцев, на самом деле полностью зависят от них, от их труда.

Уважения она требовала и для поселившихся на юге Африки индийцев, «здравомыслящих, трудолюбивых и интеллектуально развитых».

«Это и есть тот материал, из которого должна сформироваться наша нация; и мы - немногочисленная и в настоящее время безраздельно господствующая белая аристократия, на которой долг провести социальное переустройство лежит в первую очередь, - мы должны благодарить судьбу за такой человеческий материал».

Страна будет сильна и богата, доказывала Оливия Шрейнер, если «население Южной Африки будет единым».

«Но если оно не будет единым?» - задавала она вопрос.

Предвидя, что правящие круги не захотят создавать «южноафриканскую нацию», она показывала пагубность такого решения для самих же белых.

«Если ослеплённые временными выгодами, мы по-прежнему видим в нашем чёрном населении только гигантские рабочие руки, которые трудятся на нас; если они для нас не люди, а только инструмент; если они лишены земли, хотя и выказали способности к крестьянскому делу..., если их не допускают к

высшим формам труда, не дают прав гражданства, не предоставляют возможности участвовать в нашей социальной организации, хотя их собственную разрушили; если эти массы, не связанные с нами чувством благодарности и симпатии и далекие от нас по крови и цвету кожи, мы всё же будем держать лишь в положении бурлящего невежественного пролетариата, - тогда я лучше не стану заглядывать в будущее своей страны...

Пока девять десятых нашего населения не станут полноправными гражданами и не получат возможности участвовать в управлении государством, разве сможем мы чувствовать себя в безопасности? Разве у нас будет мир? Один разочарованный человек, считающий, что с ним поступили несправедливо, - это уязвимая точка общества, но когда в таком положении находится подавляющее большинство обитателей страны, - это уже трещина во всей социальной структуре... В конечном счёте покоренный народ всегда накладывает печать на лицо завоевателя... Если мы возвышаем чёрного человека, мы возвысимся вместе с ним; если мы попираем его ногами, он потянет нас назад, сковывая наши движения».²⁶⁶

Свои размышления Оливия Шрейнер озаглавила: “Closer Union” - “Более тесный союз”. В этом заглавии – ее основная идея.

До Оливии Шрейнер никто не проявлял такого подхода к расовой проблеме Южной Африки. А, может быть, и к всемирной расовой проблеме. Не заслуживают ли внимания ее взгляды и в наши дни? И не только в Южной Африке?

* * *

Что же увидели в ее творчестве российские издатели и читатели?

Знакомство России с Оливией Шрейнер началось с “Истории африканской фермы”. Перевод печатался в “Вестнике иностранной литературы”, в четырёх номерах, с сентября по декабрь 1893 г. Чуть раньше в том же журнале появился один из ее маленьких рассказов.²⁶⁷ Скорее всего, его опубликовали в связи с тем, что готовился перевод романа, – рассказ был как бы

²⁶⁶ *Schreiner O.* Closer Union. - Cape Town, [n.d.]. - P. 7-8, 24-31.

²⁶⁷ *Шрейнер О.* Сон, навеянный дикими пчелами // Вестник иностранной литературы. – Спб., июнь 1893.

первой визитной карточкой автора.

Публикация перевода сопровождалась заметкой об авторе. Приведем ее целиком. Подпись под заметкой – Ф.Б. [Ф. Булгаков?].

«Под псевдонимом Ральф Айрон, которому принадлежит печатаемый нами роман “Африканская ферма”, скрывается английская писательница Олива Шрейнер, уже успевшая стяжать себе известность в среде английских романистов. С одним из позднейших рассказов ее "Сон, навеянный дикими пчелами" ознакомлены читатели “Вестника”. Олива Шрейнер - дочь миссионера из немцев, который, женившись на англичанке (дочери одного лондонского проповедника), в 1836 г. отправился проповедывать христианство в Южную Африку, и она родилась и проживала в Африке до весьма недавнего времени. Стало быть, то, что она изображает в “Истории африканской фермы”, пережито ею. Для характеристики автора этой “Истории” небезинтересно привести заявление Олива Шрейнер о происхождении ее романа. Один английский критик по поводу “Story of an African Farm” заметил, что ему приятнее была бы книга, «которая рассказывала бы о диких приключениях, о стадах скота, загоняемых бушменами в непроходимые пропасти, о схватках с хищными львами и об удивительных способах спасения жизни от опасностей». На это Олива Шрейнер ответила следующее: «Такую книгу написать мне невозможно. Такие книги всего лучше пишутся в Лондоне. Там можно предоставить простор творческой фантазии, не стесняя себя прикосновенностью с действительностью. Но если кто берется за изображение условий, в которых он вырос, тому приходится убеждаться, что факты сильнее, чем он. Тех блестящих образов, какие фантазия ищет в отдаленных странах, он доставить не может. С смущением он должен выдавливать пеструю краску из своей кисти и погружать последнюю в темные краски своей обстановки».268

Чем вызвано такое мнение критика и такой ответ Оливии Шрейнер?

Чем ближе XIX столетие подходило к своему завершению, тем б`ольшую роль в западноевропейской литературе занимали далекие от Европы страны, особенно Африка. Если в середине XIX века книжный рынок заполняли

²⁶⁸ Вестник иностранной литературы. – СПб., Сентябрь 1893. - С. 252.

разнообразные “Парижские тайны”, “Рокамболь” Понсона дю Терайля и романы à la Дюма-отец, то в конце века – уже приключения в дебрях Африки, схватки с дикими зверями, загадочной природой, таинственными племенами.

Почему?

Шел колониальный раздел мира, прежде всего – Африки. Европа делила далекие края земли. О них говорили, писали. Авантюрно-приключенческо-колониальная литература хлынула на книжный рынок. И была востребована – у нее была своя яркая романтика. До наших дней сохранилось лучшее. “Копи царя Соломона”, “Охотники за бриллиантами”... Луи Буссенар, Пьер Лоти, Райдер Хаггард... Они, конечно, не типичны. Они – талантливы. Но и по их романам можно судить о темах той массовой литературы. Настоящей, повседневной жизни там нет. Так что реальная жизнь - вот что отличало “Африканскую ферму” от большинства тогдашних романов об Африке. И отрадно сейчас прочесть, что когда-то в “Вестнике иностранной литературы” роман хвалили именно за это.

Какую Африку увидели в этом романе российские читатели? Место основного действия - ферма, подобная той, на которой Оливия Шрейнер служила гувернанткой. Типичная бурская ферма, затерянная в вельде, южноафриканских степях, на просторах Карру, обширного высокого плато. Ферма находится в глубине Капской колонии, но действие переносится и в Оранжевую Республику, действующие лица бывают и на мысе Доброй Надежды, и в Трансваале, и на алмазных коях Кимберли.

Время действия - шестидесятые и семидесятые годы XIX века. Среди действующих лиц - представители разных расовых и национальных групп пестрого населения Южной Африки. Взаимоотношения между ними очерчены в романе очень ярко. Хозяйка бурской фермы тётушка Санни (её прообраз - хозяйка Оливии Шрейнер) не выносит англичан. Англичанин Грегори Роуз считает буров примитивными простолюдинами. Африканцев - готтентотов и “кафров” - среди главных действующих лиц романа нет. Но хорошо видно, какое место отводилось им в “Белой Южной Африке”. Отчётливо обозначена и позиция автора – романтизация африканцев. Линдал, главная героиня, говорит о

пастухе-“кафре”: «Это самое интересное и умное существо из всех окружающих меня... Этот юноша наводит меня на размышления. Неужели его раса исчезнет в огне столкновения с более сильной? Глядя на него, невольно задумываешься о будущем и вспоминаешь о прошлом».

Из тогдашнего южноафриканского быта нагляднее всего показаны жизнь и быт на бурских фермах в те времена, когда промышленный бум ещё по-настоящему не начался. Богатейшие месторождения алмазов только-только обнаружены, и никто ещё не предполагает, что через несколько лет неподалёку найдут также и крупнейшие в мире месторождения золота. Главным богатством считаются овцы, да еще страусы, снабжающие своими перьями парижских модниц.

Может показаться, что Оливия Шрейнер несправедлива к бурским фермерам, что их быт в романе слишком уж непригляден, утрировано их стремление понимать библейские истории буквально и нежелание читать ничего, кроме Библии. Но широко распространенное в мире мнение о бурсах было еще неприглядней - во всяком случае до англо-бурской войны.

К мнениям и оценкам Оливии Шрейнер прислушивались не только в русском “Вестнике иностранной литературы”. Марк Твен, рассказывая о своей поездке по Южной Африке в 1896 г., постоянно ссылаясь: «Я думаю, что основное, о чём я здесь пишу, можно отыскать и в книгах Оливии Шрейнер»; «упомянуто в книгах Оливии Шрейнер».269

Но широкая известность “Африканской фермы” объясняется прежде всего не тем, как показана в нем Южная Африка. Книга приобрела такую популярность потому, что там говорится об общечеловеческих проблемах: борьбе против религиозного ханжества, правах женщин, да и вообще о многом, что тогда волновало людей.

В судьбах Линдал, Вальдо и Эмм молодые люди и девушки, жившие далеко от Южной Африки, узнавали себя, своё поколение, его вопросы, тревоги, драмы. Джером Джером писал: «“История африканской фермы” - вещь неповторимая. Я прекрасно помню ту бурю негодования, которую обрушили на

²⁶⁹ Твен М. Собрание сочинений. Т. 9. - С 546-547.

“Африканскую ферму”... Эту книгу, дескать, нельзя дать в руки молодому человеку или благовоспитанной барышне. Но юноши и девушки жадно протягивали к ней руки и хватались за нее, как за поводья в дебрях жизни».270

В России “Африканская ферма” была не только переведена, но и прочитана – о ней говорили, спорили – как о общечеловеческих гуманистических идеях, так и о конкретных картинах жизни в Южной Африке.

Один из критиков писал об “Африканской ферме” в предисловии к другой книге Оливии Шрейнер: «в ней сказались крупный ум, оригинальная и смелая мысль, а главное - какая-то особая здоровая сила, очевидно выросшая из постоянного общения с природой».271 Особенно подробному и тоже очень доброжелательному разбору подверглась “Африканская ферма” в большой, почти на сорок страниц, статье известного петербургского публициста Вл. Лесевича “Оливия Шрейнер и ее произведения”, в журнале “Русская мысль” в 1901 году.

Еще больше внимания привлекла в России повесть Шрейнер “Рядовой Питер Холкит в Машоналенде”. Ее перевели и опубликовали молниеносно - в том же 1897 г., когда она вышла в Лондоне. Этот первый перевод появился в октябрьском номере журнала “Вестник иностранной литературы” 1897 года. А затем повесть многократно издавалась и отдельной книжкой (в Москве в 1900 г., в Петербурге - в 1908-м) и в журналах.272

Повесть, несомненно, заслуживает такого внимания. В ту пору “раздела мира”, когда общественное мнение Европы считало колониализм явлением естественным и даже благотворным, “Питер Холкит” – пожалуй, первое художественное произведение, в котором преступления колониализма осуждались так беспощадно. Правда, четырем десятилетиями раньше вышел роман голландского писателя Мультатули “Макс Хавелаар, или Кофейные аукционы Нидерландского торгового общества”, где тоже резко осуждался

²⁷⁰ Джером Д. К. Должны ли писатели писать правду? // Трое в лодке. Как мы писали роман. Пирушка с привидениями. Рассказы - Л.: Лениздат, 1958. - С. 541.

²⁷¹ Чайковский Н. Предисловие к книге // О. Шрейнер. Женщина и труд. - М.: Изд. С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1912. - С. 3.

²⁷² Домашняя библиотека, 1898. - № 10; приложение к “Живописному обозрению”, 1898. - № 10; “Литературные вечера”. - 1901. - № 1-9.

колониализм, но там речь шла о более раннем периоде, к тому же роман долгое время был мало известен за пределами Нидерландов. Незадолго до Оливии Шрейнер выступил с критикой колониальных действий в Египте англичанин Уилфред Блант. Но и его произведения не получили тогда широкого отклика. На весь мир прозвучал голос Марка Твена, осудившего действия своей страны в испано-американской войне 1898 года, - но это было уже после выхода “Питера Холкита”.

“Питер Холкит” стал первой антиколониальной повестью, которая сразу же получила широкий резонанс. Причин тому было немало. После выхода “Африканской фермы” к голосу Оливии Шрейнер прислушивались во многих странах мира. Да и сама повесть написана была страстно, заставила верить в подлинность нарисованной картины.

Читатели оценили и мужество автора; ведь Оливия Шрейнер возвысила голос против Сесилия Родса, который был кумиром большей части английского общества. Питер Холкит в повести Оливии Шрейнер - это боец отрядов Родса, завоевавших страну, которая в наши дни известна как Республика Зимбабве. Из этой повести российские читатели узнавали о трагической судьбе ее жителей - народов ндебеле и шона. Во время их восстаний в 1896 г. карательные отряды, состоявшие из таких холкитов, взрывали динамитом пещеры, где скрывались жители, и жгли посевы, чтобы голод заставил восставших прекратить борьбу.

Как воспринималась повесть в России?

«Без всякого преувеличения можно назвать рассказ “Рядовой Питер Холькет” одним из самых сильных произведений европейской литературы за последние годы. Сюжет его прост: к английскому наемному солдату, стоявшему ночью на часах в Южной Африке, приходит Спаситель и воскрешает погибшую душу этого бедного человека, погрязшего в суетных мечтах о наживе. Трудно представить себе всю глубину и устойчивость впечатления, производимого несложными и живыми сценами этого превосходного рассказа; не только по возвышенности идеала, по силе человеколюбия и ясности мировоззрения, но и по величавой простоте повествования в нем есть нечто библейское. Достопамятное освещение получают в нем те темные силы, которые двинули

великую защитницу свободы, старую Англию на дурное и ненужное дело...

Настоятельно рекомендуем рассказ Оливы Шрейнер нашим читателям. Уроженка Южной Африки, она на месте мрачных событий прониклась теми настроениями, которые дают такую силу ее рассказу».273

Вот другой отклик.

«Отбившись от отряда рядовой Петр Холькет сидел темною ночью в пустыне около костра, разведенного им на вершине холма, и думал.

Это было в Южной Африке вскоре после набега Джемсона. Он был «не хороший и не дурной человек, как вообще все люди». Он бессознательно жил и делал бессознательные жестокости, какие делали все англичане в Южной Африке, и не считал эти жестокости злом, потому что так делали все. И вот в эту темную ночь, когда он был наедине с самим собой, к его костру подошел человек и стал ему говорить о том, о чем он слышал только в детстве от своей матери. Забытое различие добра и зла воскресло в его душе, и он понял, что этот странник был Христос. У рядового Петра Холькета произошло свое “воскресение”, и он, вернувшись в свой отряд, вступился за негра, которого капитан велел расстрелять. В ответ на это капитан назначил его самого палачом негра. Холькет ночью освободил негра и сам был убит.

Этот рассказ, напоминающий Льва Толстого и картины Уде, прекрасно написан и производит сильное впечатление».274

Оливия Шрейнер не была особенно религиозна. Но, протестуя против злодеяний колониализма и призывая читателей к идеалам справедливости и гуманности, она не могла в те времена не апеллировать к христианскому милосердию. Вот и совесть Питера Холкита пробуждается во время разговора со встреченным им странником, в котором угадывается Христос.

Оценки повести в русской печати зачастую давались вместе с изложением ее содержания и отделить одно от другого почти невозможно. Поэтому, принося читателям извинение за длинные цитаты, приводим еще одну - из журнала "Русская мысль" за 1901 год.

²⁷³ Журнал для всех. – Спб., 1900, июнь. - С. 767-768.

²⁷⁴ Русская мысль. – М., 1900, август. - С. 277.

«Халькет попал в Южную Африку случайно и уж здесь только успел заразиться настроением новопришельцев, почему он и является в высшей, степени соответствующим целям автора. Как человек крайне элементарный он дает возможность представить отраженным в его простоватой и наивной душе, как в зеркале, созданное эйтландерами истинно ужасное положение всей Южной Африки.

Халькет деревенский парень, недавно выхваченный стремительным ходом событий из какого-то английского захолустья, где и сейчас живет еще старуха-мать, тянет теперь лямку в каком-то полку, отбывающем службу в Южной Африке. Исполняя почетную миссию подавления мнимого восстания чернокожих мэшонов, доблестный полк этот истребляет их штыком, прикладом, тесаком, магазинкою, “максимом”, - чем придется, - всегда в той же мере, какая указывается начальством, и, конечно, с соблюдением всех установленных правил. В настоящую минуту полк совершает какой-то переход, а Халькет, случайно отбившись от своей команды, вынужден провести ночь в полном одиночестве среди опустошенной безлюдной степи. Сидя у костра, он предается мечтам, - мечтам все о той же наживе, т. е. именно о такой наживе, для которой не нужно палец о палец ударить, о той самой наживе, которая здесь всем и каждому достается...

Ночь была холодная; греясь у костра, Халькет подкреплял себя еще и глотками виски. Мысли его становились отрывочными, путались, перемешивались, переходили в воспоминанья минувшего: перед ним промелькнула сперва родная деревня, коттэдж его матери, школа... Потом эти воспоминания сменились грезами о пережитом в недавнее время в новом крае: ему представилась отсеченная от туловища голова старого негра, руки которого еще двигались; ему послышались громкие крики туземных женщин и детей в ту минуту, когда были направлены “максимы” на их “краль”; затем прогремел взрыв динамита, разрушивший их пещеру. И еще пришла ему на мысль та сцена, когда он орудовал одним из этих “максимов” и ему казалось, что его работа имела сходство с работой жатвенной машины, которую ему случалось бывало пускать в ход в былое время на родине; только не колосья падали теперь

на землю, а головы черных детей, головы эти тоже падали рядами...».275

И, наконец, - из предисловия к первому изданию "Питера Холкита" на русском языке.

«Весьма далеки от романтических небылиц, от рассказов о скрытых кладах и древних таинственных культурных народов, о львиных и буйволовых охотах и о борьбе с дикарями, все ради удовлетворения пресыщенных и притупившихся вкусов лондонской публики, хотя, впрочем, в этих рассказах до некоторой степени и отражается духовный мир английских искателей приключений и золота, - весьма далеки от них произведения английской писательницы Оливы Шрейнер.

... Разумеется, Шрейнер стоит лишь у порога долгого пути: яркое свидетельство этого - новое произведение даровитой писательницы "Рядовой Петр Холькет", обратившее внимание лучших органов заграничной печати - не только английской, но французской и немецкой. В развитии писательницы замечен значительный прогресс. Если сравнить первые ее труды с последними, то нельзя не заметить большого шага вперед не только в стиле и композиции, но и в идейном содержании. От отчаяния, проникающего ее первый роман, Шрейнер перешла к серьезной, исполненной доверия надежде, к вполне зрелому миросозерцанию».276

Конечно, в пору бурской войны ажиотаж вокруг этой книги имел и нездоровый привкус англофобии. Но сама повесть появилась раньше, была написана еще до войны, не из конъюнктурных соображений, и потому выдержала испытание временем. В России ее издавали и в 1908 г., когда характер англо-русских отношений изменился в лучшую сторону. Да и тогда, на рубеже XIX и XX веков, при очередном всплеске антибританских чувств в русском обществе, в этой повести видели не только осуждение Англии, но и общечеловеческое – призыв к гуманности.

Хорошо были известны в России и рассказы Оливии Шрейнер. Они публиковались не только в столичной, но и в провинциальной печати. В газете

²⁷⁵ Лесевич Вл. Оливия Шрейнер и ее произведения // Русская мысль. Книга VII. - 1901. - С. 127-129 "Краль" (вернее крааль) – поселок африканцев.

²⁷⁶ Вестник иностранной литературы. - Спб., 1897, октябрь. - С. 19, 21-22.

“Нижегородский листок” рассказ “Охотник” появился в 1898 г.²⁷⁷ А 26 февраля следующего года Максим Горький напечатал ее рассказы-аллегии: “Дары жизни”, “Тайна художника”, “Три сновидения в пустыне”. Горький дал им чрезвычайно высокую оценку. «Оливии Шрейнер превосходно удается объединить в ее аллегориях крупное идейное содержание с художественным изложением. Простота и ясность - вот первое, внешнее достоинство ее маленьких рассказов; бодрость настроения и глубокая вера в силу человеческого духа, - вот внутреннее значение ее аллегорий».278

Другие оценки в русской печати были не менее высокими. «Эти рассказы несколько отвлечены и потому дают мало непосредственно художественного наслаждения, но зато вызывают на долгое и глубокое раздумье, то давая удачную форму тому, что вы уже думали, то наводя на неожиданные мысли. По горячности и почти болезненной силе, с которой автор говорит о любви и истине, о долге и сострадании - обо всем великом, что ему так дорого, видно, что он похож на того художника, простую трагедию которого он так ясно и сжато рассказал нам. Тот писал свои картины все одной необыкновенно яркой краской, и никто не знал, откуда он ее берет. Картины его становились все ярче и прекраснее, а сам он делался все бледнее. И вот, он умер; среди его рисовальных принадлежностей и красок не оказалось ничего такого, чего бы не было у его товарищей; но на груди его, против сердца, нашли старую рану, не заживавшую всю жизнь... А люди все-таки продолжали спрашивать себя: “Откуда взял он эту дивную краску?....”».279 Автор этой статьи в “Журнале для всех”, прямо сравнивает судьбу героя рассказа с судьбой самой Оливии Шрейнер.

Сочувствие к африканцам, черта непривычная для литературы тех времён, тоже не прошла мимо внимания российских литературных критиков. «Настоящими страдальцами являются здесь те, которые необъятной массой слоятся под европейским населением Южной Африки, - те дикари, ее исконные обитатели, которые так дорого расплачиваются за своё бессилие и

²⁷⁷ Нижегородский листок. - Нижний Новгород, 1898. - № 237.

²⁷⁸ Нижегородский листок. - 1899. - № 56.

²⁷⁹ Журнал для всех. - 1900, июнь. - С. 768.

некультурность. Настоятельно рекомендуем рассказ Оливии Шрейнер нашим читателям».280

Сборник Оливии Шрейнер “Грезы и сновидения” выходил в Москве дважды.

В 1912 г. книга “Женщина и труд” была издана в Москве. Предисловие к русскому изданию интересно своей противоречивостью. С одной стороны сказано: «Казалось бы, что можно сказать в теперешнее время по женскому вопросу вообще? Все давным давно уже было сказано и пересказано...».

А с другой - “женский вопрос” в России есть, и обостряется тем, что появилась обширная литература с циничной проповедью аморальности. «Все мы знаем, что с ним у нас далеко не все благополучно, и тем не менее, миримся с этими “Анфисами”, “Саниными”, Вербицкими и их порождениями, как “Огарки”, приписывая их развинченным нервам молодежи и утешая себя тем, что когда изменятся “общие условия” нашей жизни, то и половые отношения войдут в свою норму, а пока что, мол, не взыщите...».

Какой же вывод? В этих условиях книга Оливии Шрейнер с ее здравыми, мудрыми и подлинно гуманистическими рассуждениями, оказалась чрезвычайно полезной.

«И вот появляется Шрейнер и говорит громко и смело: “Нельзя ждать! Нельзя подчинять этот коренной вопрос никаким посторонним мотивам, - это значило бы рисковать и психическим, и физическим здоровьем будущих поколений! Женщина - все равно какой расы или нации, если она только стоит на высоте своего мирового призвания, не может и не должна мириться с этим, - ее материнское сердце не должно допустить ее до этого, поскольку оно успело созреть и развиваться в ней”. Вот почему если бы О. Шрейнер спросила меня, кому посвятить свою книгу, я убедительно просил бы ее посвятить именно русской молодой женщине».281

Российский читатель получил от Оливии Шрейнер и образ женщины-африканки, который крайне редко можно было встретить в тогдашней мировой

²⁸⁰ Там же. - С. 767-768.

²⁸¹ Чайковский Н. Предисловие... - С. 5-9.

литературе. На протяжении всей книги Оливия Шрейнер, разбирая положение женщины в различных обществах мира, проявляла к представителям каждого из народов, независимо от цвета кожи, такое уважение, какое в тогдашнем мире встречалось лишь как исключительная редкость. И этому тоже отдали дань российские журналы.

А сколько в тогдашней русской печати рассказов о жизни самой Оливии Шрейнер! Приводили ее пророческие слова о кровавой англо-бурской войне и других трагедиях, постигших Южную Африку. В журнале “Мир Божий”, напоминали чье-то сравнение Оливии Шрейнер с Кассандрой: «Она тоже проповедовала в пустыне». И с сочувствием - что во время войны англичане с нею «обращались очень сурово: ей не позволено было видеться с мужем, ее рукописи были сожжены... и часовому отдан был приказ стрелять в нее при первой же попытке к бегству».²⁸²

На страницах “Нивы” и других русских журналов фотографии Оливии Шрейнер помещены рядом с увешанными патронташами бородами бурскими бойцами. Она вошла в ряд героев той войны.

* * *

Ну а интересовала ли Оливию Шрейнер жизнь далекой России?

Она прекрасно знала “Крейцерову сонату”, хотя не во всем была согласна с Львом Толстым. Называла Софью Ковалевскую одной из величайших женщин в истории. Читала дневники Марии Башкирцевой. Восхищалась образом Базарова в “Отцах и детях” Тургенева.

Третьего февраля 1905 г., вскоре после “Кровавого воскресенья” в Петербурге, кейптаунская Социал-демократическая федерация организовала митинг протеста против репрессий в России. Оливия Шрейнер болела и не смогла придти, но прислала письмо. Оно было опубликовано. «Я глубоко сожалею, что не могу быть с вами на митинге в воскресенье, чтобы выразить мою солидарность с русским стачечным движением. Отсутствуя физически, я буду с вами душой; и ещё больше - с теми, кто сейчас в далёкой России взял на себя бремя извечной войны человечества за высшую справедливость, войны,

²⁸² Олива Шрейнер // Мир Божий. – Спб., 1901, октябрь. Отдел второй. - С. 41-42.

которая ведется столетиями то одним народом, то другим [...] Сегодня знамя перешло в руки великого русского народа».

Она вряд ли могла знать, что Максим Горький когда-то напечатал ее рассказы в “Нижегородском листке” и оценил ее очень высоко. Сама она высоко ценила его: «Я прочитала в утренней газете, что Максима Горького повесят. Еще несколько лет назад я считала, что в начале Двадцатого столетия такое невозможно. Сейчас я уже так не считаю».

В этом письме и сочувствие к российским евреям. Сожаление, что, не придя на митинг, она лишила себя возможности увидеть «очень многих российских евреев, представителей великого народа, который дал Европе ее религию и всему миру – своих сыновей. Как южноафриканка я горда и рада, что мы смогли дать прибежище и принять в наше гражданство многих, кого преследования вытолкнули из родных мест».283

В центре Кейптауна 1 июля 1906 г. был митинг солидарности с российскими евреями. Обращаясь к собравшимся, Оливия Шрейнер протестовала против антисемитизма - и в России и в Южной Африке. «Бедный еврей, изгнанник из России, прибыл к нашим берегам лишь с узелком одежды и с двумя пенсами в кармане, или вообще без единого пенса; и это его здесь причисляют к нежелательным элементам, от которых мы хотим избавиться».284

В 1918 г., после революции, она писала, что «прочла все книги о России», которые «смогла достать в течение последнего года». Ее волновали российские события, хотя она была тяжело больна и прикована к постели. Ненавидя царский режим, надеялась, что для России наступают лучшие времена. Но увидеть, как сложится ее будущее, уже не смогла. В 1920 г. ее не стало.

... Как легко клеймить национализм другого народа, расизм другой расы – и как трудно критиковать расизм и национализм своих соплеменников, добиваться от “своих” уважения к “другим”, “чужим”! Оливия Шрейнер встала на этот тяжкий путь смолоду и нашла в себе силы не сходить с него до конца

²⁸³ South African News. - Cape Town, 6 February 1905.

²⁸⁴ The Letters of Olive Schreiner, 1876-1920. – London: T. F. Unwin, 1924. - P. 395.

дней.

Отклики на свержение царизма

Южная Африка и Февральская революция – казалось бы, какая может быть связь? Однако, была. И сложная, далеко не однозначная.

Среди самых влиятельных иностранцев, которые повидали Россию в последние недели перед Февральской революцией, были два человека, пусть и не рожденных в Южной Африке, но связавших с нею долгие годы жизни.

Лорд Алфред Милнер, с 1897-го по 1905-й, был губернатором британской Капской колонии. Осуществлял британскую политику Южной Африке во время англо-бурской войны и в последующие годы. В январе-феврале 1917-го, уже в качестве военного министра Великобритании, возглавил большую британскую делегацию – она приехала в Петроград для переговоров о совместных союзнических действиях в мировой войне. Милнер встречался не только с министром иностранных дел Н.Н. Покровским, военным министром М.А. Беляевым и ведущим военным руководством, но с М.В. Родзянко, А.И. Гучковым, П.Н. Милюковым, главами всех политических партий, представленных в Думе. Побывал и в Петрограде, и в Москве. Не раз беседовал с Николаем II.

В состав британской делегации входил генерал Генри Вильсон (вскоре – фельдмаршал). Он также прежде провел несколько лет в Южной Африке.

А среди тех, с кем они вели переговоры, - начальник генерального штаба В.И. Гурко, который во время англо-бурской войны был российским военным агентом в Трансваале. Какое-то время Гурко провел и в Кейптауне и там, вероятно, встречался и с Милнером и с Вильсоном.

На встрече в Петрограде Гурко вручил Вильсону российский военный орден от имени Николая II.

Милнер, Вильсон и вся делегация уехали из России за несколько дней до Февральской революции.

В представленном правительству Британии “Отчете о миссии в Россию” Милнер выразил уверенность, что коренные перемены в России неизбежны. Но

ему казалось, что произойдут они после окончания мировой войны.

Узнав о Февральской революции, он через несколько недель, 12 апреля 1917 г., объяснял ее причину: «Бюрократия была так насквозь пропитана стремлением своекорыстно использовать служебное положение, фаворитизмом, некомпетентностью и коррупцией, что это вело к голоду в армии и к проигрышу войны – и все это знали, в том числе и солдаты».

А его письмо Бьюкенену, британскому послу в России, – буквально пророчество: «Боюсь, что теперь Россия пройдет через все стадии революционной лихорадки и ничто не поможет ей, даже если это будет длиться годами – пока новая форма власти, вероятно, деспотической и непредсказуемой по своему характеру, не возникнет из этого хаоса».

И Милнер, и Вильсон наверняка были источником сведений о России для своих друзей и в Южной Африке.

На события в России откликнулся и Ян Христиан Смэтс, африканер, один из наиболее известных политических деятелей в истории “белой” Южной Африки. Активный участник борьбы буров против Англии в англо-бурской войне, он в 1910 г., с созданием Южно-Африканского Союза, вошел в правительство и совмещал три поста: военного министра, министра внутренних дел и министра горнорудных дел (в 1939-1948 годах - был премьер-министром). С начала первой мировой войны он возглавил британские войска в боевых действиях против немецкой армии в Германской Восточной Африке (ныне – Танзания). А в 1917-м был вызван в Лондон, стал членом Имперского военного кабинета.

30 мая 1917 г. он выступил с речью, посвященной событиям в России: «Россия. Необходимость дисциплины и организованности». Произнесена она на “Русской выставке” в Лондоне.

«За те несколько месяцев, что я здесь, в Англии, я не слышал, чтобы кто-то пытался приуменьшить огромное значение событий, произошедших в России. Здесь все, все классы общества, находятся под впечатлением, что это, возможно, самое главное событие во всей войне... Я могу заверить русский народ, что в этой стране нет ни одного мужчины, ни одной женщины или

ребенка, которые не симпатизировали бы ему глубоко и не радовались бы сердечно недавним событиям в России... Но, конечно, молодая свобода – что молодое вино, она иногда ударяет в голову, и свобода, как мировая сила, требует организации и дисциплины. Автократия обычно организована, а свобода никогда толком не организована. Она действует сама по себе, под воздействием своего внутреннего импульса, но в такое время, как теперь, нужно гораздо большее, чем просто идеалистический импульс. Вместе с импульсом свободы – благородного чувства свободы, ощущаемого великим народом – должна быть организация, и должна быть дисциплина.

Я уверен, что русские люди стремятся этого достичь. Они получают сегодня величайший урок жизни – что для того, чтобы быть свободным, нужно очень упорно работать и приучать себя к самодисциплине. Сейчас, когда они свободны от пут и кандалов, у них есть чувство свободы, и несомненно, они ощущают радость, опьянение от этого нового опыта; но они живут в мире, который живет не по формулам, каким бы то ни было умным, но в мире грубой силы, и если этот мир не разгромить, даже сама свобода пострадает и погибнет».

* * *

Совсем иначе отозвалась южноафриканская Лига социалистов-интернационалистов. Политические организации с такими названиями создавались во время первой мировой войны во многих европейских странах. Они выступили против участия своих стран в войне, (клеймили ее как империалистическую), во многом исходили из идей марксизма, и заявляли о поддержке позиций Ленина и Карла Либкнехта.

Распространение социалистических идей в Южной Африке шло с притоком иммигрантов из Европы. И, далеко не в последнюю очередь, – из России.

Вскоре после начала мировой войны Южноафриканская лейбористская партия, как и многие партии II Интернационала, раскололись. Сперва из нее выделилась Лига “Война – войне”, а затем, как следующий шаг, - Лига социалистов-интернационалистов.

В газете “Интернационал”, которая издавалась Лигой, уже 23 марта 1917 г. говорилось: «Это буржуазная революция. Но она пришла уже в пору упадка капитализма. Она не может быть простым повторением предыдущих революций. Она является победой пролетариата и промышленного капитализма, но ее значение простирается гораздо дальше. Теперь два класса пойдут каждый своим путем: один – “продолжать большую войну” и “устанавливать мир и порядок” дома, другой - вести классовую войну и бороться за Социалистическую республику во всех странах». Статья имела многозначительный заголовок: “170 миллионов новых борцов”.

Затем интерес к российским событиям южноафриканских социалистов нарастал все быстрее. В апреле 1917 г. редакция “Интернационала” подчеркнула: «Интернациональная социалистическая лига должна делать именно то., что делают сейчас русские рабочие». В мае - напечатала передовицу “Действия русских трудовых людей доказывают правоту Маркса”. В июне выступила с обращением: “Призыв к пролетариату. Поддержать русских трудящихся!”. А в дни разгрома корниловщины появилась статья под заголовком: “Ленин одерживает верх”. В ней говорилось: «Со всех точек зрения события доказывают правильность принципов, провозглашенных Лениным. Каждая неделя приносит новые свидетельства его правоты...».

Южноафриканские социалисты использовали каждую возможность, чтобы узнать, как же оценивают события сами российские революционеры, и познакомить своих читателей с этой оценкой. Уже 13 июля 1917 г. в “Интернационале” говорилось о деятельности Ленина и почти целиком воспроизводилась одна из статей “Правды”, а вскоре выдержки из “Правды” стали публиковаться чуть ли не в каждом номере. О самой “Правде” писали, что это - «газета Ленина», рассказывали подробно, о чем она пишет, кто ее авторы, каким тиражом выходит. В августе были даны первые выдержки и из газеты “Известия”. А вскоре появились и первые изложения высказываний Ленина под заголовками: “Кого Ленин ненавидит”, “Что Ленин говорит”.

СССР и Южная Африка

«Мы - южноафриканские большевики»

Так говорили о себе социалисты-интернационалисты. Они хотели быть не на той стороне гражданской войны, где их соотечественников награждали георгиевскими крестами, а на противоположной. На страницах их газеты «Интернационал» появились заявления: «Разве найдется среди нас кто-нибудь, кто не пожелал бы быть в России с большевиками, окажись к тому возможность?». А Билл Эндрюс, председатель Лиги социалистов-интернационалистов, сказал: «Будь я в России, я вступил бы в Красную Гвардию».²⁸⁵

В 1918 г. те же идеи, с которыми выступала Лига, вызвали к жизни еще одну общественно-политическую организацию - «Индустриальную социалистическую лигу». Она возникла в другом крупном промышленном центре страны, в Кейптауне, взяла себе похожее название - при явном влиянии Йоханнесбургской Лиги, тесно сотрудничала с ней и проводила по важнейшим вопросам весьма сходную политику. В Дурбане в августе 1919 г. возникли Марксистский клуб, а вскоре - Социал-демократическая партия. В Йоханнесбурге действовала социалистическая еврейская организация «Поалей Цион», сходная с подобными организациями в странах тогдашней Восточной Европы и выступавшая в традициях Бунда. Другая еврейская социалистическая организация существовала в Дурбане. В начале 1920 г. в Йоханнесбурге появилась первая организация, в названии которой звучало слово «коммунистическая»: Коммунистическая лига.

О своей поддержке Октябрьской революции заявили и профсоюзы. Конгресс представителей южноафриканских профсоюзов, состоявшийся в Дурбане на рубеже 1918 и 1919 гг., принял резолюцию: «Конгресс осуждает интервенцию союзников в России и призывает замешанные в этом державы: а) вывести свои войска из этой страны и б) отказаться от участия в интригах

²⁸⁵ The International. - Johannesburg, 15, 22.III, 26.VII.1918.

против рабочего класса в России, Германии и вообще где бы то ни было».286

В октябре 1919 г. появилась газета “Большевик”.

Южноафриканские социалисты старались систематически знакомить своих соотечественников с развитием мирового революционного движения. На страницах газет “Интернационал” и “Большевик”, в брошюрах, листовках, докладах, лекциях, на занятиях кружков и воскресных социалистических школ рассматривались и сопоставлялись друг с другом доходившие до Юга Африки противоречивые сведения и оценки. Социалистам часто и самим нелегко было уяснить себе подлинный смысл событий, быстро сменявших друг друга, разобраться в словах и делах многочисленных европейских политических партий, даже в значении новых и непривычных политических терминов.

Наибольшее внимание уделялось России, Октябрю, большевизму. Подробнейшим образом разбирали программные заявления большевиков, или, как их поначалу именовали, “максималистов”, объясняли значение самих терминов “максималист”, “большевик”, “меньшевик”. В газете “Большевик” из номера в номер печатались статьи “Букварь большевизма”. Все чаще появлялись переводы статей Ленина и других большевистских руководителей.

Обе газеты, как и организации, которые они представляли, были созданы белыми, среди которых важную роль играли выходцы из Англии и из России, уже хорошо знакомые с социалистическими идеями. Но в 1918 г. они выпустили листовку с призывом не только к белым, а и к черным: «Рабочие Южной Африки, черные и белые!». Листовка озаглавлена: “Большевики идут”.287 В ней подробно рассказывалось о большевизме («Призрак бродит по Европе, призрак большевизма! Что это за большевизм, которого правящие классы так боятся?»), о Советах, о действиях Антанты против Советской России. Она призывала: «Долой британский милитаризм! Это оружие подавления рабочих. Долой союзную интервенцию против России!!! Долой класс капиталистов во всех странах!!!».

Путь к победе, указывалось в листовке, лежит в единении рабочих,

²⁸⁶ Там же. - 10.I.1919.

²⁸⁷ Полный текст см.: Давидсон А.Б. Южная Африка – становление сил протеста. – М.: Наука. ГРВЛ, 1972. – С. 551-552.

«независимо от цвета кожи».

Социалисты буквально жаждали появления на юге Африки кого-нибудь из очевидцев, а когда первые такие очевидцы появились, то социалисты провели для распространения большевистских идей настолько дерзкую акцию, что о ней стало известно далеко за пределами Южной Африки. П.Н. Милюков назвал ее типичным делом Коминтерна, хотя она и не имела к Коминтерну никакого отношения. Одним из ее организаторов был М.Я. Вольберг, российский революционер, подвергавшийся преследованиям за участие в революции 1905 г. и накануне первой мировой войны иммигрировавший в Южную Африку.

Что это была за акция?

Первые люди из Советской России появились в Йоханнесбурге в начале 1919 г. Их было трое - И. Сосновик и Л.М. Лапицкий с женой. По их словам, они были беженцами из Луганска, работали там в советских учреждениях.

Прибывшие были довольно разными людьми - не только по характеру, но и по политическим взглядам. Но какие бы толки ни ходили вокруг Сосновика и Лапицкого, для южноафриканских социалистов их приезд был бесценным подарком: они могли выступать как первые очевидцы революционных событий России.

Решили организовать их публичную лекцию. Но как это сделать? Как обмануть городскую власть? К мэру Йоханнесбурга Эллену послали М.Я. Вольберга. Он был известен властям как вполне уважаемый горожанин, глава юридической конторы и председатель Русского общества (почетной председательницей которого была жена Эллена). Свое участие в деятельности Лиги социалистов-интернационалистов Вольберг скрывал. Он доложил мэру о желании двух людей, прибывших из России, публично рассказать об ужасах красного террора. Для такой лекции мэр предоставил Таун-холл - городской зал, самое большое помещение Йоханнесбурга. Как Эллен, так и Ф.Д. Мур, «российский императорский вице-консул» в Йоханнесбурге,²⁸⁸ заявили, что

²⁸⁸ В Южно-Африканском Союзе ко времени Октябрьской революции насчитывалось три российских вице-консула: в Кейптауне, Порт-Элизабете и Йоханнесбурге. Все они были местными жителями, а не штатными чиновниками Российского министерства иностранных дел (т. е. являлись, согласно дипломатическим нормам, почетными

готовы быть «высокими покровителями» этого мероприятия. По всему городу были расклеены афиши. Крупнейшие газеты широко разрекламировали лекцию.

В назначенный день, 26 марта, Таун-холл был набит до отказа. Говорили, что в этом зале, обычно вмещавшем до 4 тыс. человек, оказалось около 6 тыс. На улице стояла толпа - те, кому не хватило места внутри. Собрались не только рабочие, которые составляли большую часть населения Йоханнесбурга, но и шахтовладельцы, управляющие рудниками, банкиры, чиновники, представители правительства: интерес к российским событиям был велик, и послушать очевидцев хотелось очень многим. Места в президиуме занял мэр Йоханнесбурга и «российский императорский вице-консул», а из рядов рабочей части аудитории многие, не зная о подлинном характере предстоящей лекции, принесли в карманах гнилые помидоры и тухлые яйца.

Социалисты хорошо подготовились к этой лекции - это обнаружилось уже при входе в зал. Каждому вручался текст письма наркома иностранных дел Чичерина президенту Вильсону, специально отпечатанный в 5 тыс. экземпляров в виде приложения к номеру газеты «Интернационал» от 21 марта. В зале продавалась газета «Интернационал» и другая литература южноафриканских марксистов.

В лекции говорилось о возвращении Ленина в Россию; о первых декретах Советской власти (уже опубликованных в газете «Интернационал» 31 января); о некоторых из ленинских выступлений; о государственном устройстве новой России; о Брест-Литовском мире; о борьбе советской дипломатии за обнаружение секретных договоров.

Лекция завершилась выводом: «Революция - это единственное спасение мира от физического, интеллектуального и морального банкротства; она создает новый мир и дает человеческой жизни более благородный смысл; она открывает новую эру для всего человечества». Заключительные слова произнес Сосновик. Они были переведены на английский язык. Затем зазвучал орган. Все встали, ожидая английского гимна «Боже, храни короля». Но орган заиграл «Интернационал» - впервые в стенах Таун-холла, и часть аудитории стала петь

консулами).

этот гимн. На трибуну поднялся Билл Эндрюс и под аплодисменты предложил присутствующим принять резолюцию:

«Это собрание граждан Йоханнесбурга возмущено действиями британского и союзных капиталистических правительств, которые путем интервенции и экономического удушения пытаются разгромить революцию рабочего класса в России, Германии, Австрии и в других странах».

Эта история с публичной лекцией показывает, как упорно южноафриканские социалисты обходили препятствия, стоявшие на пути распространения своей пропаганды.

Но следует подчеркнуть, что и возможностей для распространения сведений о большевизме было в Южной Африке больше, чем во многих странах на Африканском материке и за его пределами. И не только благодаря сравнительно высокому уровню социально-экономического и политического развития. И не только из-за того, что в стране было много выходцев из России, которые на своем опыте знали, каким был режим самодержавия, и какие надежды во всем мире могло пробудить его падение. Обстановка благоприятствовала пробольшевистской пропаганде и в другом отношении.

Лидер африканерской Национальной партии Генерал Джеймс Герцог, выступая в ноябре 1919 г. на съезде своей партии в Претории, провозгласил: «Я считаю, что большевизм - это стремление народа к свободе. Почему некоторым хочется подавить и уничтожить большевизм? Потому что национальное освобождение несет смерть капитализму и империализму. Не будем же бояться большевизма! Сама по себе эта идея великолепна!». Другой лидер бурских националистов, Д.Ф. Малан, в речи во Фрейбурге 23 января 1920 г. заявил: «Цель большевиков состоит в том, чтобы русские могли сами вершить свои дела, без вмешательства извне. Это та же самая политика, которую проводим и мы, националисты, в Южной Африке. Большевики борются за свободу так же, как и наша Национальная партия».²⁸⁹

Как получилось, что такие высказывания исходили от Герцога - человека,

²⁸⁹ *Бантинг Б.* Становление южноафриканского рейха. - М.: Изд-во "Мысль", 1965. - С. 48.

который, став в 1924 г. премьер-министром, ввел самые расистские законы, а впоследствии оказался напрямую связан с гитлеризмом? Или от Малана, который, находясь на посту премьер-министра в 1948-1954 гг., сделал апартхейд официальной государственной доктриной?

Позиция африканерских националистов определялась несколькими факторами. Прежде всего, каждое мировое событие они оценивали, исходя из того, насколько оно может помочь им освободиться от английского господства. В 1914 г. они смотрели так на начавшуюся мировую войну и подняли мятеж, полагая, что у Британской империи, занятой военными действиями против Тройственного союза, не хватит сил удержать Южную Африку в повиновении.

Революция в России дала им новые надежды. Их крайне обрадовало, что Россия вышла из Антанты, т. е. перестала сотрудничать с ненавистной Англией. Далеко идущие процессы, которые начались под влиянием этой революции, должны были, по мнению многих африканеров, сильно ослабить Британскую империю и, следовательно, способствовать поражению правительства Боты - Смэтса.

Чтобы понять отношение буров к большевистскому перевороту, надо иметь в виду и то значение, которое имели для них сами слова “капиталисты”, “капитализм”. Ведь в среде тогдашних буров почти не было своих промышленников, а о банкирах нечего и говорить. Понятие “капиталист” в их сознании связывалось с англичанами, Англией, с разгромом и унижением бурских республик. У буров не могла не возникнуть враждебность к капитализму. Появился даже лозунг “Смерть капитализму!”. Но многие буры в любом выступлении против капитализма и империализма видели только борьбу за национальное освобождение. С таких позиций они нередко оценивали и большевизм. Это и отражалось в выступлениях лидеров Национальной партии, которая тогда всячески добивалась популярности. Но придя через несколько лет к власти, она не выполнила ни одного из своих антикапиталистических лозунгов, а Герцог и Малан превратились в ярых врагов большевизма.

Но объективно отношение бурских националистов к революционной России помогло тогда пропаганде социалистических идей.

* * *

Рубежом в истории южноафриканских социалистов стало начало деятельности Коминтерна. О необходимости создания международной социалистической организации, отличной от II Интернационала, южноафриканские социалисты заявляли с 1915 г., и с возникновением Коминтерна их взгляды сразу же обратились к нему. В середине 1919 г. в нескольких номерах газеты “Интернационал” напечатан манифест Коминтерна.

Решение присоединиться к Коминтерну принято Лигой социалистов-интернационалистов 4 января 1920 г., а через несколько дней - и Индустриальной социалистической лигой.

Английские коммунисты поставили Коминтерн в известность о южноафриканских обращениях и переправили в Москву копии полученных ими писем. Гонцы с юга Африки появились Москве в 1920 и первой половине 1921 гг.

Первым участником южноафриканского коммунистического движения, добравшимся до Советской России, стал М.Я. Вольберг. Он прибыл в Москву в начале весны 1920 г. На заседании Второго конгресса Коминтерна 24 июля 1920 г. под общие аплодисменты было зачитано вслух послание из Южной Африки.

Вскоре в Москву прибыли два члена руководства Интернациональной социалистической лиги: Якоб ден Баккер и Сэм Бэрлин.

Еще одним документом, на основании которого в Коминтерне составили представление о южноафриканских коммунистах, стала работа их теоретика - Айвона Джонса. Он завершил ее во Франции, куда отправился в конце 1920 г., перед приездом в Москву. Она называлась “Коммунизм в Южной Африке”. В Коминтерн ее машинописный текст пришел весной 1921 г., еще до приезда самого Айвона Джонса, а вскоре, в том же году, он был опубликован в Йоханнесбурге в виде брошюры. На обложке под фамилией автора значилось: «Представлено Исполкому III Интернационала от имен Лиги социалистов-интернационалистов Южной Африки».²⁹⁰ В этой брошюре, как и в докладе,

²⁹⁰ *Jones D.I. Communism in South Africa, Presented to the Executive of the Third International on Behalf of the International Socialist League, South Africa. – Johannesburg, 1921; опубл. также в // The Communist Review. - London, July and August 1921. - Vol. I, № 3, 4.*

который был представлен Бэрлином и ден Баккером, характеризовались проблемы, стоящие перед коммунистическим движением на юге Африки, и подчеркивалось, что опыт южноафриканских коммунистов в подходе к расовым вопросам важен для мирового коммунистического движения.

Южноафриканские коммунисты получили признание Коминтерна. Уже весной 1921 г., во время подготовки его Третьего конгресса, они получили право участия, но им еще предстояло выполнить те из 21 ленинского условия приема в Коминтерн, в которых содержалось требование: провозгласить в каждой стране только одну, единую компартию.

Об условиях, разработанных Лениным и провозглашенных Вторым конгрессом Коминтерна, в Южной Африке узнали немедленно. Второй конгресс закончился 6 августа 1920 г., и в газете «Интернационал» сразу же началась публикация его материалов и подробных отчетов о его работе, включая и полный текст «21 условия».

Съезд делегатов от организаций, решивших создать Объединенную коммунистическую партию, состоялся в Кейптауне. Он продолжался три дня - с 30 июля по 1 августа 1921 г. Накануне открытия съезда, по традиции, которой придерживалась Лига социалистов-интернационалистов, был проведен массовый митинг - с его трибуны и провозгласили создание партии.

Создание Коммунистической партии Южной Африки и формирование ее политики шло под влиянием Коминтерна и в тесной связи с его деятельностью. Точно так же, как в странах Европы в те же самые годы. Коммунистическая партия Южной Африки была создана почти одновременно с компартиями ведущих стран Западной Европы.

Активная деятельность партии в Коминтерне началась еще до ее учредительного съезда. В начале 1921 г. Южной Африке были предоставлены депутатские мандаты для участия в Третьем конгрессе, который состоялся в Москве с 22 июня по 12 июля 1921 г. Их получили ден Якоб Баккер, Сэм Бэрлин и Дэвид Айвон Джонс.

Айвон Джонс на Третьем конгрессе был избран членом исполкома Коминтерна и остался в Москве. В повседневной коминтерновской работе он

участвовал вплоть до последних месяцев 1923 г., пока тяжелый недуг (чахотка) не приковал его к постели. В протоколах заседаний ИККИ и расширенных пленумов его имя постоянно стоит рядом с именами Клары Цеткин, Бела Куна, Билла Хейвуда, Василя Коларова, Вильгельма Пика, Отто Куусинена, А. М. Коллонтай, А. В. Луначарского, С. А. Лозовского и многих других деятелей мирового коммунистического движения тех лет.

В 1922 г. в Москву приехал С.П. Бантинг, в 1923 г. – Билл Эндрюс (как и Айвон Джонс, жили они на Тверской в гостинице “Люкс” (теперь “Центральная”) – она была гостиницей Коминтерна. Оба эти лидеры компартии Южной Африки приняли участие в деятельности Коминтерна.

Южноафриканцы в гражданской войне в России

Странно, но факт фактом. Были южноафриканцы в гражданской войне в России. Участвовали. Воевали.

В Йоханнесбурге опубликован «Список южноафриканцев, которые участвовали в гражданской войне в России, 1918-1920 гг.».²⁹¹ В списке 34 фамилии. 32 офицера и два сержанта.

Но список этот не полон. В.М. Биссет, директор южноафриканского морского музея, автор двух статей “Роль Южной Африки в гражданской войне в России”²⁹² составил для А. Давидсона “Дополнительный список южноафриканцев - участников российской гражданской войны”. В нем - еще семь имен. Но, по словам самого Биссета, и это, вероятно, еще не все.

Многие из тех, кто попал в эти списки, привезли из России высокие награды. Капитан У. Г. Элбу - орден Св. Станислава, капитан Х. Бустид - орден Св. Владимира 2 степени, майор К. М. Браун - ордена Св. Анны 2 и 3 степеней и орден Св. Владимира. Лейтенант Л. Р. Хейденрих - орден Св. Анны и Св. Станислава 4 степени. Подполковник Х. Х. Дженкинс - орден Св. Анны 2 степени. Лейтенант С.

²⁹¹ List of South Africans who Served in the Civil War in Russia 1918-1920 // *Digby P.K.A.* Pyramids and Poppies. The 1st Infantry Brigade in Lybia. France and Flanders 1915-1919. - Rivonia (South Africa): Ashanti Publishers, 1932. – P. 410-412.

²⁹² *Bisset W.M.* South Africa's Role in the Civil War in Russia 1918-1920 // Home Front, 1988, July; “Militaria”, 1985, 15 April.

М. Кинкид - ордена Св. Анны, Св. Станислава и Георгиевский крест. Сержант М. Мак-Коркиндейл - Георгиевский крест. Подполковник Д. М. Маклеод и капитан Н. Д. Норкатт - ордена Св. Анны 2 степени. Подполковник К. Р. ван дер Спай - орден Св. Владимира и Георгиевский крест.²⁹³

Где воевали? На севере России, под Архангельском. На юге, за сотрудничество с Добровольческой армией Деникина. На Дальнем Востоке. В Сибири.

Южно-Африканский Союз был доминионом Британской империи, и все эти офицеры и унтер-офицеры попали в Россию в составе британских войск, отправленных Антантой для поддержки Белого движения.

Это были южноафриканцы европейского происхождения. Буры или потомки выходцев из Великобритании (черные южноафриканцы тогда не могли быть ни офицерами ни унтер-офицерами). Все они прошли войну против немецких войск в Европе или на территории германских колоний в Африке. На отправку в Россию вызвались добровольно. О деятельности некоторых из них конкретные сведения сохранились, о других - нет.

Судьба человека по имени Кеннет ван дер Спай особенно интересна. Выйдя в отставку, уже генералом, он опубликовал объемистые воспоминания.²⁹⁴ Время пребывания в России, не такое уж долгое в его столетней жизни – меньше двух лет, он считал столь важным, что посвятил ему треть своих мемуаров. В его книге есть главы и о создании военной экспедиции для отправки в Россию, и о пребывании в Архангельске и на “Северном фронте”. И о том, как он попал в плен к большевикам. Есть главы: “Москва и тюрьма”, “Одиночная камера и госпиталь”, “Бутырская тюрьма и освобождение”. И множество фотографии.

Опубликовал он свои воспоминания в Кейптауне. Книга вышла небольшим тиражом, и давно стала редкостью. Книгу эту нашел А. Давидсон, и она показалась ему интересной не только фактами, но и откровенностью автора. А еще - симпатией к нашей стране. Поразительно! Казалось бы, посидев в Бутырках, он вполне мог озлобиться. К тому же в 1966-м, когда книга выходила в свет, симпатии

²⁹³ List of South Africans... – P. 410-412.

²⁹⁴ *Spy K.R. van der. Chasing the Wind. - Cape Town: Books of Africa, 1966.*

к нашей стране властями ЮАР отнюдь не приветствовались.

В первый же свой приезд в ЮАР, в 1989-м, Давидсон попытался навести справки об этом человеке. Вот как это было.

Я узнал, что фан дер Спай вышел в отставку после второй мировой войны и поселился под Кейптауном на своей ферме “Старый Нектар”. Занялся выращиванием роз, и настолько этим увлекся, что его розы считаются самыми красивыми в Южной Африке. Писал о розах книги, которые получили признание далеко за пределами Южной Африки.

Но главное, оказалось, что он жив. И хотя ему 97, но знакомые обнадежили, что он здоров и в здравом уме.

Увы, в тот первый очень короткий приезд добраться до его фермы не удалось.

... Конец октября 1991-го. Меня пригласили читать лекции в Университете Стелленбоша, близ Кейптауна. До фермы “Старый Нектар” на машине оттуда - меньше получаса.

Но я опоздал, ровно на пять месяцев. Он умер в конце мая 1991-го, не дожив нескольких месяцев до столетнего юбилея.

Я познакомился с его вдовой Уной фан дер Спай. Она моложе его лет на тридцать, а то и больше. Вместе со мной она очень сожалела, что наша встреча не состоялась. И не только из-за его воспоминаний о России. Он хорошо знал историю своего народа - африканеров. Хорошо помнил англо-бурскую войну. Когда она завершилась, ему было десять лет.

Уна сделала мне поистине царский подарок: рукописный дневник фан дер Спая с 24 апреля 1919-го до 6 апреля 1920 г., т. е. со времени, когда он попал в плен к большевикам, и до освобождения и отъезда из России. Я получил и машинописную расшифровку, которую она сделала, зная, какой неразборчивый почерк у ее мужа. Кроме этого бесценного подарка - его фотографии разных лет, статьи о нем и книги “Как выращивать розы в Южном полушарии” и «”Старый Нектар” и розы».²⁹⁵ Одна из статей, опубликованная в Южной Африке в конце 1987

²⁹⁵ *Spy K.R. van der. How to grow Roses in the Southern Hemisphere. - Cape Town: Juta and Co., 1975; Spy K. van der. Old Nectar and Roses. - Cape Town: Books of Africa, 1969.*

года, озаглавлена “Старейший пилот в мире”.²⁹⁶ Что ж, один из первых пилотов в Африке, к 1987-му, когда ему было 95, он, весьма вероятно оказался старейшим из оставшихся в живых летчиков во всем мире. Уж во всяком случае, одним из старейших.

Его долголетию в немалой степени способствовала, конечно, ферма “Старый Нектар”, одно из самых живописных мест Южной Африки. Как сказали бы у нас, - усадьба. С великолепным старинным домом, прекрасным большим садом. И любящая, умная, образованная и даже в старости красивая жена. Ей он посвятил книгу своих мемуаров.

... В Архангельск Кеннет фан дер Спай прибыл в 1918-м во главе группы английских и южноафриканских пилотов и техников одноместных самолетов “Кемел”. Было ему 26 лет, но он уже имел богатый опыт участия в военных операциях в Африке и в Европе и дослужился до чина подполковника.

Первая запись в дневнике, который дала мне Уна, относится к 24 апреля 1919 г. Его “Кемел” потерпел аварию. Возле озера Воже (в дневнике – “Важа”), к северу от Кириллова-Белозерского, двигатель отказал. Самолет удалось посадить, но при посадке он перевернулся. Пришлось долго выбираться из-под него.

26 апреля, после двух дней мытарств по лесу фан дер Спая схватил патруль. Сказали, что поведут в Вологду. «Обращались хорошо, дали ту же еду, что ели сами: чай, черный хлеб и кашу».²⁹⁷

Большую часть пути - пешком, затем - на поезде. 8 мая - в Вологде. «Первая хорошая еда за 14 дней». Сказали, что отправят в Москву, как уже отправили нескольких пленных англичан.

10-го мая. Привезли в Москву. Сразу же - в гостиницу “Метрополь”, где размещался наркомат иностранных дел. И сразу же встреча с М. М. Литвиновым, который тогда был заместителем наркома. Литвинов сказал, что фан дер Спая постараются обменять на большевика Федора Раскольниковца. После встречи с Литвиновым фан дер Спая отвели в Кремль, где уже содержались несколько пленных английских офицеров. Там подвергли тщательному обыску - «первый раз

²⁹⁶ Oldest Pilot in the World // Springbok, Nov./Dec. 1987.

²⁹⁷ *Spy K.R. van der*. Diary. Manuscript. – P. 2.

за все время плена!».²⁹⁸

В течение нескольких месяцев шесть пленных офицеров английской армии (фан дер Спай был старшим по чину) держали под домашним арестом, сперва в Кремле, потом в помещении английского консульства. Несколько раз они виделись с Литвиновым. Получали посылки от Британского и Голландского Красного Креста. Их водили на концерты Римского-Корсакова, Чайковского, Грига. Офицеры подписали обязательство не делать попыток к побегу, но заявили, что обязательство действует лишь до тех пор, пока они под домашним арестом.²⁹⁹

Но 28 июля Литвинов сказал фан дер Спаю и его товарищам, что они «находятся в недостаточно безопасном месте». Записывая это в дневнике, фан дер Спай не удержался от комментария: «В Советской Республике, кажется, никто никому не доверяет, и создается впечатление, что власти нет или она очень слаба».³⁰⁰

В августе положение пленников ухудшается. Режим их содержания становится более строгим. Новых пленных – около сорока английских офицеров – отправляют уже в Бутырки. 22 августа туда же переводят всю группу фан дер Спая.

В дневнике этот перевод не объяснен. А в книге воспоминаний сказано, что группа фан дер Спая протестовала и против ухудшения режима и против того, что других англичан не присоединили к ним, а отправили в тюрьму. Пригрозили даже, что откажутся от обещания не совершать побега. Литвинов сказал: «Тогда пеняйте на себя - я не могу больше отвечать за то, что с вами произойдет!».³⁰¹

И началась жизнь в Бутырках. Фан дер Спай испытал всё или во всяком случае многое, через что прошли тогдашние обитатели этой тюрьмы. Камеру, где теснились двести человек и откуда то и дело кого-то выводили на расстрел. И камеру на тридцать. И “одиночку” - в его дневнике есть это русское слово, написанное английскими буквами. Курил махорку - это слово тоже вошло в его лексикон. Дошел до крайнего истощения, но не потерял чувства юмора: писал в дневнике, что не может понять, чем кормятся на их изможденных телах полчища

²⁹⁸ Ibid. – P. 3a.

²⁹⁹ Ibid. – P. 4-11.

³⁰⁰ Ibid. – P. 9-10.

³⁰¹ *Spy K. R. van der. Chasing the Wind... – P. 147.*

клопов.

Но его дневник - не только об этом. Он познакомился с министрами царского правительства, со многими русскими аристократами.

Конечно, положение офицеров английской армии в тюрьме было все же не столь тяжким, как наших соотечественников. Время от времени им приходили посылки Красного Креста. Иногда пускали священника. Главное, они меньше опасались расстрела - все-таки иностранцы. Большие надежды возлагали на Чичерина и Литвинова. Ждали, что на кого-нибудь обменяют. До них доходили слухи, что с английским правительством ведутся какие-то закулисные переговоры. Как-то в обычном жиденьком супе дали кусочек мяса (конины) - они увидели в этом добрый знак.

В марте 1920-го их перевели из Бутырок в Андрониевский монастырь и стали готовить к отправке в Англию через Финляндию. Нарком Чичерин выразил надежду, что они «забудут дурные впечатления о своем пребывании в Советской России».³⁰²

Для этого в последние недели их водили на выставки, в музеи, на концерты. 27 марта 1920-го – “Севильский цирюльник”. 28 марта – “Корневильские колокола”. 30 марта – картинная галерея. 31 марта – Большой театр. 1 апреля – Кремль. Алмазный фонд. 4 апреля – балет “Копеллия”.³⁰³

Но это лишь отчасти изменило их впечатления. Проходя по улицам Москвы, Фан дер Спай видел плакаты. “Религия - опиум для народа”. “Бог – капиталист”, “Сбросим ярмо религии”. “Вы больше не рабы - зачем же бить поклоны богу?”.³⁰⁴

Кое-что в воспоминаниях фан дер Спая нуждается в проверке. Например, в книге он пишет о встречах и беседах с Шаляпиным, генералом Поливановым, Феликсом Юсуповым, но в дневнике упоминаний об этом нет.

Англия не встретила фан дер Спая и его товарищей как героев. Вернее, их вообще никто не встречал.

Должно быть, тюрьма не истощила всех его жизненных сил. Приехав в Лондон, он сразу же отметил: «мода изменилась, пока мы считали мух в тюрьме, и

³⁰² *Spiu K. R. van der*. Diary. – P. 19.

³⁰³ *Ibid.* – P. 28.

³⁰⁴ *Ibid.*

мы увидели, что все женщины, молодые и старые, носят юбки выше колен - какое интригующее зрелище!».³⁰⁵

А завершая свои мемуары о России, фан дер Спай написал:

«Вспоминая, я не сожалею. Пожалуй, надо скорее считать мою тюремную жизнь испытанием способности терпеть и умения размышлять, а не проклинать те несчастные месяцы, которые я вынужден был потерять. Несомненно, что в тюрьме включились те части моего сознания, которые в привычной жизни не функционировали. У меня было время – много времени – подумать, поразмышлять и понять смысл тех ценностей в опыте человеческих отношений, о которых я прежде не задумывался. Я встретил много интересных людей, научился лучше распознавать помыслы человека, его реакцию на события, научился понимать его надежды. Истязания, страдания духа и тела, долгие черные дни и ночи лучше забыть. Да если они и вспоминаются, то сейчас уже не кажутся такими ужасными».³⁰⁶

Любопытны и фотографии в книге: архангельские крестьянки полощут белье в проруби; "Русские посиделки"... Большинство южноафриканских читателей, наверно, впервые услышали о прорубях и посиделках.

Интерес фан дер Спая к России передался его семье. Его внук учил русский язык. А вдова читала книги о России, интересовалась современной жизнью в нашей стране, не раз приглашала Давидсона с женой в "Старый Нектар". В сентябре 1998-го исполнилась ее мечта: она побывала в России.

Второй георгиевский кавалер, Сэм Кинкид, сражался на юге России. В плену не был. Но воевать ему довелось долго, около года.

Он, асс Германской войны, сбивший 39 немецких самолетов, прошел потом с Добровольческой армией Деникина путь от Новороссийска до Царицына. И с нею же отступал обратно, до того же Новороссийска.

С весны 1919-го до весны 1920-го Кинкид командовал самолетами "Кемел" в эскадрилье британских Королевских воздушных сил. За успешные боевые действия в сражении за Царицын Врангель лично благодарил Кинкида и его

³⁰⁵ *Spy K. R. van der. Chasing the Wind... – P. 176.*

³⁰⁶ *Ibid. – P. 177.*

летчиков.

Кинкид не оставил мемуаров, но о нем вспоминали его товарищи. Ему посвящена изданная в Англии и США книга “Последний поезд через ростовский мост”.

В рассказах об этом южноафриканце - непривычно для нашего глаза - то и дело встречаются упоминания о Екатеринбурге и Тихорецкой, о генералах Деникине, Врангеле, Мамонтове, Шкуро, Слащеве, Май-Маевском. О Махно. О кубанских казаках.

Летчики Кинкида называли друг друга: - Кунак.

Кинкид и его летчики оказались среди тех, кто последними перешел мост через Дон. И им пришлось самим уничтожать свои самолеты.

Леденящие кровь впечатления от разгрома Добровольческой армии и эвакуации из Новороссийска. Увиденные глазами иностранцев, эти сцены выглядят еще страшнее.

...Молоденькая девушка вынуждена торговать собой, чтобы купить престарелым родителям билет на отходящий пароход. Другая делает то же, чтобы спасти младшую сестренку; в последний момент оказывается, что денег не хватает, и она кончает с собой.

Кинкид и его летчики, двадцатилетние парни, за этот год успели влюбиться. Но у одних их возлюбленные умирают от холеры и тифа, а другим не удается взять своих на корабль.

... Российские офицеры-добровольцы в 1900 году, во время англо-бурской войны, сражались в Трансваале, видели трагедию той страны. Спустя двадцать лет южноафриканцы стали георгиевскими кавалерами и увидели бесчисленные трагедии России.

Коминтерн и Южная Африка

Южную Африку считали в Москве самым перспективным с точки зрения возможных революционных событий регионом “Черного материка”. Внимание к ней особенно усилилось в результате массовых выступлений белого и черного пролетариата, охвативших Трансвааль в 1918-1922 гг. Хотя существование событий,

происходивших за тысячи верст, руководителям Коминтерна было не вполне ясно, но все же в южноафриканских рабочих видели один из отрядов, как тогда полагали, грядущей мировой революции.

Деятелей Коминтерна вдохновлял тот факт, что коммунистическое движение на Юге Африки зародилось очень рано, одновременно с созданием самого Коминтерна.

Поначалу КПЮА была организацией белых социалистов и рабочих. В лигу, да в первые годы и в КПЮА, входил только один черный - Т.У. Тибеди, профсоюзный деятель. Приток африканцев в партию начался, все усиливаясь, с середины 20-х годов. В партию вступили те, кто потом на долгое время стали ее видными деятелями: Джон Гомас, Джеймс Ла Гума, Альберт Нзула, Эдвин Мофутсаньяна, Гана Макабени, Джон Маркс, Мозес Котане.

До 1928 г. Коминтерн мало вмешивался во внутреннюю жизнь КПЮА. Конечно, партия следовала генеральной линии Коминтерна и ее поворотам, но в своей повседневной деятельности опеку Коминтерна, в сущности, не ощущала. До 1929 г. Коминтерн не посылал в Южную Африку своих эмиссаров.

Поворот наступил с VI конгресса (1928 г.), а его началом стали два визита южноафриканского коммуниста Д. Ла Гумы в Москву в 1927 г., когда он встречался с Бухариным и другими деятелями Коминтерна. С конца 20-х годов Коминтерн взял КПЮА под непрерывный контроль. Контроль выражался в различных формах: многочисленные инструктивные письма, вмешательство во внутривнутрипартийную борьбу в КПЮА, создание комиссий Коминтерна для разбора ситуации в КПЮА... Лозунг для коммунистического движения в Южной Африке, на котором решительно Коминтерн настаивал: "Борьба за независимую туземную республику".

На VI конгрессе Коминтерна делегация КПЮА во главе с С.П. Бантингом, выступая от имени большинства членов партии, изо всех сил боролась против навязывавшегося ей лозунга.³⁰⁷ Однако вместе с докладом от большинства КПЮА в Коминтерн пришел секретно доклад от меньшинства, написанный, очевидно, Ла

³⁰⁷ Заявление т. Бантинга (Южная Африка) по вопросу о лозунге независимой черной южноафриканской республики // VI конгресс Коминтерна. Стенографический отчет. Вып. 3. - М.-Л.: Госиздат, 1929. - С. 32.

Гумой. В этом докладе лозунг поддерживался. Лозунг был окончательно утвержден Исполкомом Коминтерна в 1928-м и оставался официальной линией Коминтерна для Южной Африки на семь лет, до VII конгресса.

Борьба вокруг этого лозунга была главной во внутренних схватках в КПЮА и в отношениях этой партии с Коминтерном. Она определила собой историю КПЮА с 1928 до 1935-36 годов. Об этом периоде до сих пор идут споры: от кого первоначально исходила идея лозунга - от Ла Гумы или от Коминтерна? Судя по найденным нами документам архива Коминтерна, публично ее впервые высказал Бухарин.³⁰⁸ Записи личной беседы Ла Гумы и Бухарина в 1927 году (если такая беседа была) нет, да, скорее всего, и не было. К тому же первоначальная формулировка лозунга наполнялась смыслом лишь постепенно.

В окончательном варианте лозунг был одобрен сначала политсекретариатом Исполкома, а потом VI конгрессом Коминтерна, состоявшимся в конце 1928 г. Компартии было предложено «сочетать борьбу против всех законов, направленных против туземцев, с общим политическим лозунгом независимой туземной южноафриканской республики как стадии на пути к рабочей и крестьянской республике с полными правами для всех рас, черной, цветной и белой».³⁰⁹ Несмотря на то, что независимая туземная республика должна была стать лишь стадией на пути к рабоче-крестьянской республике, в письме Президиума Исполкома Коминтерна от 10 апреля 1930 г., посланном руководству КПЮА, говорилось, что «лозунг независимой туземной республики означает, в первую очередь, возвращение земли безземельному и малоземельному населению, что невозможно без революционного освобождения от английского империализма и организации революционного рабоче-крестьянского правительства на основе советов».³¹⁰ Вот так! Советы и рабоче-крестьянское правительство...

Южноафриканской компартии Президиум Исполкома Коминтерна бросил серьезное по тем временам обвинение: «Основное в сделанных партией право-оппортунистических ошибках – это непонимание решающего значения гегемонии

³⁰⁸ South Africa and the Communist International: a documentary history (1919-1939) / Davidson A., Filatova I., Gorodnov V., Johns S., eds. Vol. I. - London: Frank Cass, 2003, document 41.

³⁰⁹ South Africa and the Communist International..., document 66.

³¹⁰ South Africa and the Communist International..., document 86.

пролетариата и полной самостоятельности и независимости авангарда революционного пролетариата, компартии в национально-освободительном революционном движении и непонимание значения диктатуры пролетариата в социалистической революции».³¹¹ Так что – никакого сотрудничества с некоммунистами. Борьба за гегемонию пролетариата, а в дальнейшем – за его диктатуру в социалистической революции.

На КПЮА Президиум ИККИ возложил – ни много, ни мало – «быть инициатором, идеологическим и организационным руководителем революционного коммунистического движения в других частях Южной Африки» и «обеспечить революционному пролетариату гегемонию в грядущей аграрно-национальной (буржуазно-демократической) революции трудящихся масс во всех частях Черной Африки, подготавливая тем путь к учреждению независимых туземных рабоче-крестьянских республик, как переходной стадии к будущему союзу социалистических советских республик Черной Африки».³¹²

Билла Эндрюса, одного из создателей КПЮА, Президиум ИККИ окрестил шовинистом и оппортунистом за то, что он не поддержал этих идей.

Со времени принятия этого лозунга компартией Южной Африки и начала расправы с ее ветеранами начала увеличиваться финансовая поддержка партии Коминтерном (хотя эта поддержка никогда не была особенно большой). 9 января 1931 г. новый лидер КПЮА Дуглас Уолтон дал в ИККИ зашифрованную телеграмму: «9-й съезд партии решил бороться против правого крыла. Срочно шлите денег». Ответ из Коминтерна, тоже шифром: «Посылаем 979 ам. долларов. Получение подтвердите».³¹³ 11 апреля того же года - еще одна зашифрованная телеграмма: «Два негра студента готовы к отъезду не в состоянии обеспечить средствами на проезд высылайте немедленно»³¹⁴. Срочно высланы 350 долларов.³¹⁵ Еще через две недели, 27 апреля, Уолтону выслали еще 800 долларов.³¹⁶ Подпись

³¹¹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). - Ф. 495, оп. 20, д. 653, л. 54.

³¹² Там же. - Л. 68.

³¹³ РГАСПИ, Ф. 495, оп. 23, д. 216, л. 237-238.

³¹⁴ Там же. - Л. 240.

³¹⁵ Там же.

³¹⁶ Там же. - Л. 236.

под шифрованными телеграммами: «N 5». В расшифровке это означало: «Вольтон» (Уолтон).

До наших дней продолжают споры, оказал ли лозунг “Независимая туземная республика” какое-то положительное воздействие на КПЮА или только разрушительное. Существует мнение, что этот лозунг в первые годы после его провозглашения содействовал притоку африканцев в партию. Но в действительности приток африканцев в КПЮА начался еще до утверждения лозунга. И добился этого С.П. Бантинг, которого потом объявили белым шовинистом. После его исключения из партии группа черных южноафриканцев заявила протест.³¹⁷

Сталинская система уничтожения старых кадров и замены их новыми действовала и в Африке.

Содержание лозунга о борьбе за независимую туземную республику отнюдь не исчерпывалось желанием привлечь черных рабочих в партию. Этот лозунг следует рассматривать в сопоставлении с выдвинутым Коминтерном тогда же призывом к афроамериканцам “Черного пояса” (Южных штатов) США бороться за свое самоопределение. Важной причиной провозглашения этих идей было стремление Коминтерна создать трудности для правящих кругов Великобритании и США и тем самым ослабить их возможное давление на Советский Союз.

Оба эти лозунга – о Южной Африке и о Соединенных Штатах – появились вскоре после того, как резко обострились отношения СССР с Западом, прежде всего, с Великобританией. Английское правительство 23 февраля 1927 г. направило Советскому Союзу грозную ноту. Уже 2 марта в Москве демонстранты несли фанерный кулак с надписью: «Вот наш ответ!».

В целом политическая кампания, проводившаяся под лозунгом “Независимая туземная республика”, была намного меньше связана с непосредственно южноафриканскими проблемами, чем кажется, когда читаешь документы, связанные с этим лозунгом. Коминтерн, да и некоторые деятели самой КПЮА концентрировали внимание партии на международных вопросах. При этом мало учитывалась специфика Южной Африки. В своих инструкциях Коминтерн

³¹⁷ РГАСПИ, Ф. 495, оп. 64, д. 122, л. 2-7.

ставил перед КПЮА те же задачи, что и перед компартиями европейских стран. Требовалась “большевизация”, борьба против “троцкистов”, социал-демократов и любых “оппортунистов”.

Это выливалось в разрыв контактов КПЮА с другими общественными организациями, и, важнее всего - с Африканским национальным конгрессом.

О том, как изменился взгляд на некоммунистические организации, можно судить по отношению к Джосае Гумеде, генеральному президенту Африканского национального конгресса, одному из предшественников Нельсона Манделы на этом посту. В ноябре 1927-го, когда он вместе с Ла Гумой приезжал на торжества по поводу десятилетия Октябрьской революции, ему устроили пышный прием. Возили даже в Грузию, чтобы показать жизнь народов вдали от Москвы. А менее чем через два года Коминтерн заявил руководству КПЮА, что борьба «должна вестись не петициями, а по-революционному - партия обязана взять на себя инициативу и открытое руководство этой борьбой, не сливаясь и не сдавая руководство реформистам, как это было с Гумеди».³¹⁸

В 1929-м в Южной Африке создалась Лига прав африканцев. В истории страны это была первая попытка создать широкий фронт оппозиционных сил. В руководство вместе с коммунистами вошел Гумеде, руководители африканских профсоюзов. Но уже через несколько месяцев Коминтерн резко осудил идею объединения коммунистов с некоммунистическими организациями. И лига прекратила существование, не успев даже развернуть деятельность.

Так Южная Африка испытала на себе тот общий поворот в политике Коминтерна, который произошел на VI конгрессе. На раннем этапе деятельности Коминтерна возник лозунг “Пролетарии всех стран и угнетенные народы, соединяйтесь!” Ленин считал его верным.³¹⁹ А с утверждением Сталина у власти

³¹⁸ Это проект секретной телеграммы, представленный работником Коминтерна Н. Насоновым на утверждение Политсекретариата ИККИ 15 октября 1929 г. На русском оригинале есть приписка: «Тов. Мануильский! Вост. секретариат (я в том числе) поддерживает посылку этой телеграммы, т.к. посланное письмо попадет через два месяца. Г. Сафаров». Так что речь шла не о формулировках, а лишь о способе пересылки в Южную Африку. В архиве есть и английский перевод, который, очевидно, и был послан “Гумеди” - так в русском тексте // Ф.495, оп. 64, д. 84, л. 14, 17.

³¹⁹ Ленин В.И. Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 г. // Полное собрание сочинений. - Т. 39. - С. 330.

восторжествовала идея: «...вообще говоря, пролетариат не будет поддерживать так называемое “национально-освободительное” движение, так как до настоящего времени всякое такое движение совершалось в пользу буржуазии, развращало и калечило классовое самосознание пролетариата».³²⁰ Это утверждение Сталин выдвинул еще в 1904 г., но, очевидно, остался верен ему и включил в собрание сочинений без каких-либо оговорок.

Как и во всем мировом коммунистическом движении, в КПЮА проводились “чистки”: травля и изгнание ее лучших представителей. Так, в 1931 г. были исключены ее основатели С.П. Бантинг и Билл Эндрюс, а вслед за ними Т. Тибеди, Г. Макабени - африканцы, которые первыми вступили в партию.

Борьба вокруг лозунга о “Независимой туземной республике” становилась все острее. И в 1934-35 гг. дошла до кульминации. Жаркие схватки шли по вопросу о том, существует ли в Южной Африке африканская буржуазия. Вопрос ставился так: она, эта буржуазия, уже существует, и, значит, многие политические и общественные организации африканцев неизбежно находятся под ее влиянием. Следовательно, КПЮА не может с ними сотрудничать.

Мозес Котане 23 февраля 1934 г. обратился к партии с письмом. Он писал: «партия оторвалась от реальной действительности, мы слишком увлеклись теорией, и наша теория мало связана с жизнью». Призвал к большему учету конкретных южноафриканских условий, к отказу от механического переноса на Южную Африку опыта классовой борьбы европейских стран. Обвинил членов КПЮА, прежде всего белых, в пропаганде идей и лозунгов, не имеющих прямого отношения к Южной Африке. Котане считал, что нельзя их «слепо переносить в Африку», поскольку «мы живем в культурно отсталой Африке».³²¹

После этого Котане убрали с поста секретаря КПЮА.

Борьба вокруг лозунга о “Независимой туземной республике” приводила не только к исключениям из партии, но и просто к оттоку из нее целых групп.

В результате к середине 30-х годов, к VII конгрессу Коминтерна, партия пришла резко ослабленной и малочисленной: в нее входили лишь 150 человек. К

³²⁰ *Сталин И.В.* Как понимает социал-демократия национальный вопрос // Соч. Т. I. - М., 1951. - С. 49.

³²¹ РГАСПИ, Ф. 495, оп. 64, д. 135, л. 12.

тому же она оказалась расколота на две фракции. За линию, наметившуюся после VI конгресса Коминтерна, выступало большинство членов политбюро и партийных комитетов Йоханнесбурга и Дурбана. Во главе этой фракции были Дж.Б. Маркс, Э. Мофутсаньяна, Л. Бах и Никин Собиа. Оппозиционную фракцию возглавляли М. Котане, Д. Гомас и Э. Ру. Их поддержал кейптаунский комитет партии. Стараясь разобраться в создавшемся положении, Коминтерн в октябре 1934 г. вызвал в Москву Котане и Баха. Бах выехал сразу. Котане не приехал.³²²

Но уже с конца июля 1935 г., с открытием VII конгресса Коминтерна, фракция Котане должна была почувствовать ветер перемен. 14 сентября 1935 г. она послала в Коминтерн телеграмму с просьбой о вмешательстве, жалуясь, что политбюро исключает из партии ее сторонников. Политбюро сразу же, телеграммой от 17 сентября, обвинило оппозицию в расколе партии. В Коминтерн шли с обеих сторон многочисленные письма. Вследствие этого от Исполкома Коминтерна 23 сентября последовал новый вызов в Москву, на этот раз уже по два представителя от каждой фракции: Маркса (он был тогда секретарем партии) и Никина Собиа - от политбюро, а от оппозиции - Котане и Ру. От оппозиции приехал только Котане (он выехал в августе, еще до этого второго вызова). От политбюро послали Мориса Рихтера, который не был даже членом этого органа.³²³

Если бы все это происходило несколькими месяцами раньше, Мозесу Котане и его единомышленникам было бы несдобровать. Но на VII конгрессе Коминтерн сделал новый поворот в своей политике.

VII конгресс собрался в сущности уже в преддверии второй мировой войны. Он призвал к объединению всех антифашистских сил, к созданию Народного фронта во всех странах мира и даже обратился к Социнтерну,³²⁴ о котором раньше говорилось только с проклятиями.

Это распространилось и на Южную Африку. Лозунг “Независимая туземная республика” объявили ошибочным, сектантским, отгораживающим

³²² РГАСПИ, Ф. 495, оп. 14, д. 349, л. 145, 162.

³²³ РГАСПИ, Ф. 495, оп. 74, д. 11, л. 3-4.

³²⁴ Обращение Исполкома Коминтерна к секретариату Социалистического рабочего интернационала // Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ., 1935. - № 28-29.

КПЮА от широких демократических сил.

Такой крутой поворот в политике Коминтерна, казалось бы, должен был сразу же благотворно сказаться в Южной Африке. Отход КПЮА от сектантства, установление связей с другими политическими организациями, в первую очередь, с Африканским национальным конгрессом - это, конечно, открывало хорошие перспективы. Одобрение Коминтерна получила линия Мозеса Котане. Было предложено вернуться в партию Биллу Эндрюсу.

Реальная действительность все же осталась крайне сложной. Лазарь Бах был делегатом VII конгресса (правда, с совещательным голосом; полноправным делегатом, с решающим голосом, считалась только Джози Мпама-Палмер, которая фигурировала на конгрессе под фамилией Гендерсон). Но вскоре после VII конгресса Исполком Коминтерна создал комиссию по разбору положения в КПЮА во главе с французским коммунистом секретарем Исполнительного комитета Андре Марти. Эта комиссия осуждала сторонников лозунга независимой туземной республики с той же суровостью, с какой до того осуждались его противники. Под ее колесо попали Лазарь Бах и братья Рихтеры. В КПЮА Лазарь Бах поддерживал ту самую политическую линию, на которой настаивал Коминтерн между VI и VII конгрессами.

По докладу комиссии Андре Марти Секретариат Исполкома Коминтерна решил задержать Баха в Москве, не разрешая ему вернуться в Южную Африку вплоть до завершения расследования его деятельности. В таком же положении оказался и Морис Рихтер.³²⁵ Его младший брат, Пол Рихтер, вообще жил и работал в Москве. В Южной Африке он пробыл всего два года (1929-1931) и предпочел переехать в СССР. В Москве у него была жена, Людмила Андреевна Кордаш, русская с Кубани, и маленький ребенок.³²⁶ Но комиссия Марти привлекла к ответу и его. А в то время стоило лишь попасть на заметку...м На 1936-1938 годы приходится та страшная трагедия, которая вошла в историю как сталинский Большой террор.

³²⁵ РГАСПИ, Ф. 495, оп. 14 д. 349, л. 145, 162; Ф. 495, оп. 279, д. 51.

³²⁶ РГАСПИ, Ф. 495, оп. 279, д. 26. Людмилу Андреевну и ее сына Вилена Павловича Рихтера А. Давидсон подробно расспрашивал.

28 октября 1936 г. дело всех трех слушалось на заседании коллегии Интернациональной контрольной комиссии Коминтерна. Им всем предъявили невразумительные обвинения, по большей части даже не касавшиеся их деятельности в КПЮА. Главным обвинением было их знакомство с Яковом Берманом, который был братом немецкого коммуниста Бермана-Юрина, расстрелянного вместе с Зиновьевым и Каменевым 25 августа 1936 г. Решение Интернациональной контрольной комиссии опубликовано затем в журнале «Коммунистический Интернационал»³²⁷.

10 марта 1937 г. их арестовали. Обвинили по тем пунктам самой страшной 58 статьи уголовного кодекса, в которой говорилось об участии в контрреволюционных организациях, о контрреволюционной пропаганде и агитации и об оказании помощи международной буржуазии. После тюрьмы их отправили в концентрационные лагеря на Колыму, на Дальний Восток.

Но и на этом злключения их не кончились. Стараясь выслужиться, начальство концентрационного лагеря сообщило о раскрытии тайной террористической антисоветской организации среди заключенных и об участии в ней обоих братьев Рихтеров. В марте 1938 г. их расстреляли. Лазарь Бах скончался (по версии КГБ) 10 февраля 1941 г.³²⁸

Человеческие трагедии, связанные с поворотами политики Коминтерна не ограничиваются репрессиями против южноафриканцев, оказавшихся в Москве. Эти повороты стали трагедиями для многих людей в Южной Африке, пылко веривших в коммунистические идеи.

Пример - судьба С.П. Бантинга, который был одним из создателей КПЮА и в течение ряда лет ее лидером. Коммунистические идеи были для него, наверно, так же святы, как религия для его глубоко религиозного деда.

³²⁷ Коммунистический Интернационал. - М., 1937, N. 2 (English edition, 1937, N. 3-4. - P. 263-264). Эти сведения вскоре проникли и в южноафриканскую печать. См.: Union Nationals Face death in Russia. Secret OGPU Coup // Sunday Express, 18 July, 1937.

³²⁸ Виктор Моисеевич Далин - известный советский историк, освобожденный из ГУЛАГа в середине 1950-х, говорил А. Давидсону, что в 1939 г. жил в одном бараке с Л. Бахом - на соседних нарах. Бах рассказывал Далину даже о тех новинках английской литературы начала 1930-х, которые были тогда недоступны в Советском Союзе. Это подтверждает широко распространенное в КПЮА мнение, что Бах был образованным человеком, хотя как политический деятель слепо верил сталинским указаниям.

С.П. Бантинг посвятил компартии всю жизнь, не говоря уже о том, что отдавал свои деньги для издания партийной газеты и других партийных нужд.

В своем исключении из КПЮА он видел столь чудовищную несправедливость, что понять этого не мог. Он обращался и к руководству партии и в Коминтерн. Но это вызывало лишь ответную яростную реакцию. Его исключили даже из общества “Друзья Советского Союза”,³²⁹ которое контролировалось компартией. На партийных собраниях и на страницах коммунистической газеты “Умсебензи” его называли “контрреволюционером”, “белым шовинистом”, “троцкистом” и даже “империалистическим кровососом лордом Бантингом”³³⁰ (он отнюдь не был лордом, но его отец за работу на поприще просвещения был в Англии возведен в рыцарское достоинство - т.е. официально именовался “сэр Перси Бантинг”. На сына это не распространялось).

Исключение из партии стало для него шоком. Начались сердечные перебои. Дрожали руки. Он не мог уже играть на виолончели и работать в оркестре, а это был заработок. Врачи рекомендовали покой. Последние месяцы жизни он зарабатывал на жизнь тем, что был помощником управляющего несколькими домами в Йоханнесбурге.

В 1936-м, когда Коминтерн объявил врагами уже не “правых”, а “сектантов”, Бантинг умирал. Случилось так, что в больничной палате на соседней постели лежал африканер Гидеон Бота, член общества “Друзья Советского Союза”. 25 марта 1936-го, когда у Бантинга началась агония, нервы Гидеона Боты не выдержали. Он закричал:

- Бантинг, товарищ Бантинг, я не голосовал за ваше исключение из ФСЮ.³³¹
Поверьте мне, не голосовал!³³²

Первая книга о С.П. Бантинге, в которой говорится обо всем этом, была написана, как рассказание. Ее автор, Эдди Ру, до 1935 года был активным деятелем

³²⁹ Friends of the Soviet Union - общество, созданное в Южной Африке в 1931 г. и просуществовавшее до 1950-х.

³³⁰ Roux Edward. S.P. Bunting. A Political Biography. - Cape Town: Published by the Author, 1944. - P. 43-45.

³³¹ Английская аббревиатура названия “Друзья Советского Союза”.

³³² Edward Roux. S.P. Bunting... - P. 157.

КПЮА, редактором ее газеты. И прямо или косвенно участвовал в травле Бантинга. Книгу он написал позднее и издал в 1944-м, когда Коминтерн уже “самораспустился”.

* * *

У Коминтерна было несколько партийных школ. Сроки обучения были разные - от нескольких месяцев до двух лет. Бывало, что учащиеся оставались и дольше.

Африканцев обучали в двух: до начала 30-х годов в Ленинской школе, с 1932-го - чаще всего в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ).

Само создание КУТВа еще в начале 20-х было воспринято как событие и коммунистическими кругами и их противниками. Дэвид Айвон Джонс, представитель КПЮА в Москве, писал председателю партии Биллу Эндрюсу: «Университет вырастет в грандиозную Мекку для юных туземных борцов Востока и Африки. Там они подготовятся не только для борьбы, но и для коммунистического преобразования всего мира на долгие будущие годы». Это письмо, среди других документов КПЮА, было захвачено полицией во время восстания шахтеров Трансваала в марте 1922 г. И сразу же опубликовано в брошюре “Красная угроза”.³³³

Оно вызвало тревогу во влиятельных сферах. Верховный комиссар Южно-Африканского Союза в Лондоне написал Яну Смэтсу, тогдашнему премьер-министру Южно-Африканского Союза: «Я на днях видел отчет, где говорилось, что несколько наших кафров уже посланы в Москву для обучения в большевистской школе, чтобы сделать из них большевистских миссионеров для их собственных народов». Смэтс отнесся к предостережению вполне серьезно и приказал, чтобы ему дали отчет.³³⁴ Речь шла об одном из тех секретных полицейских отчетов, которые делались в Южной Африке с 1918-го под общим названием “Большевизм”.

На самом деле Ленинская школа и КУТВ оказались не столь

³³³ *Chilvers H.A. The Menace of Red Misrule // Germiston [1922]. - P. 11, 13, 15, 16.*

³³⁴ *Selections from the Smuts Papers. Vol. V. – Cambridge, 1968. - P. 155-156.*

могущественными. Первые южноафриканцы приехали туда в конце 20-х, а первый черный южноафриканец, Альберт Нзула, в 1931-м.

С активизацией коминтерновской политики в Африке Негритянское бюро Восточного секретариата ИККИ разработало документ: «Предложения о посылке инструкторов в негритянские колонии и об организации подготовки этих инструкторов в Москве». Дата - 20 мая 1930 г. Он начинался с утверждения, что посылка таких инструкторов «безотлагательно необходима», прежде всего, в колонии, где существует рабочее движение, «революционные националистические организации» или «где недавно происходили крупные восстания».

Например, в Южную Африку предлагалось «послать одного товарища с тем, чтобы он организовал там краткий курс обучения для 15 или 20 товарищей».³³⁵

Как производился набор учащихся, кто и каким образом приводил их в школы Коминтерна, далеко не всегда ясно. В Южной Африке набирала КПЮА. Как это делалось в других странах, прямых свидетельств в архиве мало. Создается впечатление, что приглашали тех африканцев, кто случайно оказался на виду: в Европе или в США.

Преподаватели обязаны были давать учащимся политические характеристики. Читая их, надо все время помнить, чего ждали от учащихся... А ждали, что они полностью, целиком, безоговорочно и буквально сразу же встанут на позиции ленинизма, вернее, на те позиции, которые занимает Коминтерн в момент их пребывания в Москве. Даже в политической характеристике Джона Маркса, который уже давно был членом КПЮА, а впоследствии стал ее лидером, выражалось сомнение: «не было достаточно ясно, является ли то, о чем писал, например, Ленин, также и мнением, с которым вполне согласен сам Раймонд».³³⁶

Чему учили в КУТВе?

Вот названия курсов, читавшихся в негритянской секции (сведения на 20 ноября 1932 г.).

История ВКП.

Страноведение (читали Н.М. Насонов и Э. Шик).

³³⁵ РГАСПИ, Ф. 495, оп. 155, д. 86, л. 3-5.

³³⁶ РГАСПИ, Ф. 523, оп. 1, д. 440, л. 32.

Английский язык.
Мироведение.
Арифметика.
Политграмота.
Текущая политика.
Революционное движение.
Исторический материализм.
Профдвижение (читал А.З.Зусманович).

Так что многих надо было учить даже арифметике, а приехавших из англоязычных стран - английскому языку.

Но главное - исторический материализм. По ряду предметов изучались сочинения Ленина и Сталина. От учащихся требовали полного согласия.

К тому же учили самым различным приемам конспирации.

Культурная программа предусматривала: раз в месяц просмотр кинофильма, раз в месяц - экскурсия, раз в месяц - театр. Из записей за 1932 год: в октябре - спектакль “Доходное место” (никто не пошел) и фильм “Путевка в жизнь”. В ноябре - “Дон Кихот” в Большом театре. Пошли пять человек³³⁷

Были шахматный кружок и радиокружок.

Летом отправляли на военные сборы и для отдыха - поездки по стране.

Учащиеся жаловались больше всего на плохое питание. Страна жила голодно. Это чувствовалось и в КУТВе.

Наиболее доверенным из учащихся поручали иногда самим выступать с лекциями для своей группы. И привлекали к научной работе. Больше всего это относилось к южноафриканцам, поскольку все они были коммунистами или рекомендованы КПЮА. К тому же их было больше, чем представителей любой другой части Африки.

Так, в 1933-м была издана книга “Принудительный труд и профдвижение в негритянской Африке”. Авторами значились: А. И. Потехин и Том Джексон (в Москве под этим именем жил секретарь КПЮА зулус Альберт Нзула).³³⁸

³³⁷ РГАСПИ, Ф. 523, оп. 1, д. 439, л. 23.

³³⁸ Зусманович А., Потехин И., Джексон Том. Принудительный труд и профсоюзное

Нзула был первым черным южноафриканцем, приехавшим в Москву. Здесь он прожил два с половиной года: с августа 1931-го до января 1934-го. У него вышло много статей на английском языке и в переводе на русский. По мнению всех, кто знал Нзулу, складывается впечатление, что он был очень способным человеком.

В пору Большого сталинского террора система Коминтерна оказалась одной из первых, которые Сталин уничтожил. Уже к концу 1937 года, за шесть лет до официального роспуска, от Коминтерна и его учреждений мало что осталось. С 1919 по 1928 год прошло шесть конгрессов Коминтерна. С 1928-го, когда Сталин укрепился у власти, только один - в 1935-м. Последний конгресс Профинтерна состоялся в 1930 году. В 1937-м Профинтерн был распущен.

Казалось бы, Коминтерн мог еще долго служить Сталину могучим оружием борьбы за господство коммунистических идей во всем мире. Но коммунистические идеи нужны были Сталину не сами по себе, а лишь для укрепления его личной власти.

В зарубежных же коммунистах видел прежде всего иностранцев, а к иностранцам он, не знавший ни одного европейского языка и не знакомый с жизнью других стран, относился с мрачной подозрительностью: не шпионы ли? С укреплением власти Сталина эта подозрительность все больше передавалась партийному и государственному аппарату.

Важное свидетельство об этом оставил В.Г. Кривицкий, который в середине 1930-х годов возглавлял советскую военную разведку в странах западной Европы. Майским утром 1934-го он был у Волынского, начальника управления контрразведки ОГПУ, в его кабинете на верхнем этаже здания на Лубянке, памятного всей России. Под окнами, на площади, шла демонстрация трехсот шувбундовцев, которые сражались с фашистами на баррикадах в Вене. Они пели революционные песни, и на их лицах была радость от того, что они теперь на родине социализма. Их окружали толпы москвичей.

движение в странах негритянской Африки. – М.: Профиздат, 1933. Почти через полвека эта книга была издана в Лондоне в английском переводе: *Nzula A., Potechin I.I. and Zusmanovich A.Z. Forced Labour in Colonial Africa.* – London: Zed Press, 1979.

- Кривицкий, как вы думаете, сколько из этих людей - шпионы? - спросил Волинский вполне обыденным голосом.

Кривицкого вопрос возмутил, и он с раздражением ответил:

- Конечно, ни одного.

- Вы, Кривицкий, ошибаетесь. Через шесть или семь месяцев семьдесят процентов из них будут сидеть в тюрьме на Лубянке.

Потом Кривицкому пришлось признать, что Волинский был прав. Не в том, что эти люди были шпионами, а в том, что они оказались в тюрьме. И, обдумывая этот разговор, Кривицкий пришел к выводу, что «Волинский прекрасно знал о том, как работает созданная Сталиным машина». А об отношении Сталина к Коминтерну он писал: «Сталин всегда был абсолютно циничен по отношению к Коммунистическому Интернационалу и его нерусским деятелям».

Сам Кривицкий в страшном 1937-м бежал на Запад, в 40-м издал в Лондоне книгу «Я был агентом Сталина», где и рассказал об этом эпизоде.³³⁹ В том же году его «достали». Он был убит агентами того управления, которое возглавлял Волинский.

Так что руководители ОГПУ еще в 1934-м понимали сверхсекретные установки об отношении к иностранным революционерам, оказавшимся в СССР. Пусть даже не прямые указания, а настроение, исходившее от Сталина и его ближайшего окружения. Роль Коминтерна в сталинские времена оказалась совсем не такой как при Ленине.

«Можно ручаться, что победа коммунистической революции во всех странах неминуема..., победа Коммунистического Интернационала во всем мире и в срок не чрезмерно далекий – эта победа обеспечена».³⁴⁰ Так говорил Ленин в марте 1920-го в связи с первой годовщиной Коминтерна. Тогда созданный в Москве Коминтерн казался организатором мировой пролетарской революции. Потом, в конце 1929-го, когда разразился мировой экономический кризис, эти надежды чуть блеснули снова – и угасли.

³³⁹ *Krivitsky W.G. I was Stalin's agent. – London: The Right Book Club, 1940. - P. 43-44.*

³⁴⁰ *Ленин В.И. Речь на торжественном заседании Московского совета, посвященного годовщине III Интернационала, 6 марта 1920 г. // Ленин В.И. Соч., 3 издание. Т. XXV. - М.-Л., 1929. - С. 76-77.*

В 1936-м Сталин, отвечая американскому корреспонденту на вопрос о мировой революции, сказал, ничтоже сумняшея: «Таких планов и намерений у нас никогда не было».³⁴¹

Для Сталина и его окружения Коминтерн был «поставщиком кадров для ведения подрывной и разведывательной работы».³⁴² В узком кругу Сталин говорил о нем презрительно и насмешливо.

Коминтерн был создан не Сталиным, и он никогда не считал его своим детищем. Не доверяя никому вообще, Сталин особенно недоверчиво относился к советским людям, которые общались с иностранцами, пусть и по долгу службы. А Коминтерн возглавляли те, кого он считал своими врагами: Зиновьев, Бухарин. Уже расправившись с ними, он сказал Георгию Димитрову (11 февраля 1937-го): «Вы все там, в Коминтерне, работаете на руку противника».³⁴³

Готовился даже специальный процесс над руководителями Коминтерна. Их намеревались обвинить в троцкизме и в шпионаже в пользу иностранных разведок. Материал собирался на Гарри Поллита, Жака Дюкло, Вильгельма Пика, Вальтера Ульбрихта, Мао Цзэдуна, Чжоу Эньлая, Лю Шаоци, Клемента Готвальда, Антонина Запотоцкого и других лидеров крупнейших компартий. И на самого генерального секретаря Коминтерна – Георгия Димитрова.³⁴⁴ Этот процесс не состоялся, но в 1937-м Коминтерн в его прежнем виде перестал существовать.

Теперь, оглядывая те годы, совершенно очевидно, что с укреплением Сталина у власти Коминтерн был обречен. Обречены были и те, кто связал с ним свою судьбу.

Но почему далеко не все коминтерновцы видели эту обреченность? А если и видели, то явно слишком поздно?

С трибун партийных съездов и в газетах шла шумная кампания поддержки этих иностранных коммунистов. Радиостанция, вещавшая из Москвы, называлась «Радиостанция Коминтерна». Многочисленные коминтерновские учреждения

³⁴¹ Беседа товарища Сталина с председателем американского газетного объединения «Скриппс-Говард ньюспейперс» г-ном Рой Говардом 1 марта 1935 года. - М.: Партиздат, 1937. - С. 8.

³⁴² *Пятницкий В.* Заговор против Сталина. - М.: Современник, 1998. - С. 135.

³⁴³ *Пятницкий В.* Цит. соч. - С. 125.

³⁴⁴ *Пятницкий В.* Цит. соч. - С. 133-134.

занимали прекрасные здания в центре Москвы. Улица, ведущая от Кремля к Арбату, по которой ездил Сталин и другие партийные вожди, называлась улицей Коминтерна. Три языка пламени на зажиме пионерского галстука и на пионерском значке символизировали III Интернационал.

Удивляться ли, что всему этому верил даже такой человек, как Кривицкий, хотя по роду своей работы он прекрасно разбирался в многоступенчатости реальной политики и ее несоответствии с пропагандой.

Что уж говорить о работниках Коминтерна! Верили в свою миссию - нести по всему миру идеи коммунизма, идеи мировой революции.

Лев Копелев в своих воспоминаниях показал внутренний мир этих людей, которые «даже в самых сокровенных мыслях» отождествляли себя с партией и готовы были «подчиниться самой суровой дисциплине, самой взыскательной цензуре». Назвав своим воспоминания «И сотворил себе кумира», он, разумеется, уже через много лет, дал себе прежнему, и таким же каким он был, такую оценку: «Покорность всеохватному партийнодержавию не только оскопляла мысли и души верноподданных партийцев, но, в конечном счете, вела к исчезновению самой партии».³⁴⁵

Сын Иосифа Пятницкого писал о своем отце: «Работая в Коммунистическом Интернационале, от жизни собственной страны он был оторван. Он лучше знал ситуацию в любой стране, положение в каждой зарубежной компартии, лично знал там всех партийных функционеров. А об обстановке в Советском Союзе судил по страницам прессы».³⁴⁶

Вряд ли сотрудники Коминтерна действительно так уж хорошо знали реальное положение в других странах, да и подлинную обстановку в других компартиях. Но что сам род их работы заслонял от них положение в собственной стране – это верно. «Окно в мир можно закрыть газетой», говорил Станислав Ежи Лец.

В 1937-м в коминтерновских учреждениях в Москве находились всего четыре южноафриканских коммуниста. Трех из них отправили в ГУЛАГ, двух там

³⁴⁵ Копелев Лев. И сотворил себе кумира. - Анн Арбор: Ардис, 1978. - С. 221.

³⁴⁶ Пятницкий В. Цит. соч. - С. 44.

вскоре расстреляли. Третий умер от истощения и болезней. Четвертая - это была женщина - каким-то чудом уцелела. Ее звали Бетти дю Той, но в Москве жила под фамилией Дэвидсон.

А.Б Дэвидсон говорил с ней говорил в 1993-м и в 1994-м в Кейптауне и Йоханнесбурге. Правда, только по телефону: она уже была тяжело больна. Оказалось, что пробыв в Москве полтора года (уехала 31 декабря 1937-го), она так ничего и не поняла в происшедшем. Те события не дошли до ее сознания.

На вопрос, что она делала в Москве - ведь в КУТВе, куда ее прислали учиться, большинство лекционных курсов тогда уже отменили, потому что преподавателей арестовали или уволили – она ответила, что ходила в Коминтерн читать английские и южноафриканские газеты. Попытку Дэвидсона высказать свою точку зрения на те события тут же пресекла. При первых же словах перебила, не дала даже говорить. Это в 1994-м! Как же прочно сидела в ней коминтерновская закваска!

Барбара Хармел, дочь Майкла Хармела, известного деятеля южноафриканской компартии, рассказывала Дэвидсону, как ее мать, Рэй Адлер, отнеслась к аресту в Москве Лазаря Баха. Она любила его, буквально боготворила, ждала, что он вернется из Москвы и они поженятся. То, что произошло, было для нее трагедией. В виновность любимого она не верила. Но и сталинский режим не стала винить. Даже оправдывала. Говорила дочери:

- Революция - такое великое свершение, в котором, что поделать, неизбежны и ошибки.

Рэй Саймонс, старейшая южноафриканская коммунистка, говорила, как она была счастлива, прочитав в 1936 г. сталинскую конституцию. Она сочла ее лучшим документом в истории человечества, поверила каждому ее слову. И по три раза в неделю выступала тогда на митингах и собраниях, рассказывая, какой счастливой жизни добились советские люди.

Такие как Рэй Саймонс, семья Бантингов, Рэй Адлер, шли на жертвы. Эти белые южноафриканцы могли бы пользоваться всеми привилегиями, которые давал в Южной Африке белый цвет кожи. Да и вообще они не принадлежали к бедноте. Им было что терять. А они из-за своих убеждений сидели в тюрьмах.

Когда оказывались перед выбором: отречься от своих взглядов или эмигрировать, выбирали второе. Бросали все имущество и оказывались на многие годы на чужбине.

Уверенность зарубежных коммунистов и работников Коминтерна, что они несут счастье человечеству, в атмосфере межвоенных лет находила поддержку во всем мире. Казалось, капитализм себя изжил. После первой мировой войны Запад был растерян. Никто не мог объяснить причины войны, унесшей жизни десятков миллионов людей. Молодежь, прошедшую через это горнило, называли потерянным поколением (кажется, с легкой руки Хемингуэя и Ремарка). Затем внезапно обрушившаяся на мир эпидемия болезни, которую назвали “испанкой”; с ней не могли справиться, и она тоже унесла миллионы жизней. Экономические кризисы первых послевоенных лет. “Великая депрессия” - невиданный экономический кризис, охвативший капиталистический мир в 1929-1933-м.

Антикапиталистические настроения усилились повсюду. Их тогдашнее распространение в Европе общеизвестно. Они бурно проявлялись и в Южной Африке. Даниель Малан, отец доктрины апартхейда, заявил в октябре 1934 г.: «Если разразится война, то, по-моему, это будет означать конец капиталистической системы, ... но независимо от того, как это произойдет - военным или мирным путем, путем революции или эволюции, капиталистическая система, основанная на доминировании собственных интересов и “праве сильнейшего”, в любом случае обречена».³⁴⁷ Антикапиталистические лозунги помогли Гитлеру прийти к власти. Они были важной частью пропаганды национал-социалистов.

Антикапиталистические настроения широких масс сочетались с их разочарованием в западной демократии. Она не могла справиться с кризисами. Не выдвигала идей, привлекательных для масс. У нее не было харизматических лидеров, а у фашизма - были, начиная с Гитлера и Муссолини. Фашизм одерживал победу за победой. Германия вернула себе Рурскую область, Италия захватила Эфиопию. И все это происходило безнаказанно. Западные демократии отступали.

³⁴⁷ *Williams W.E.* South Africa's War against Capitalism. - New York, London: Prager Publishers, 1989. - P. 126.

* * *

КУТВ фактически прекратил свое существование в 1937-м, а в 1938-м - закрыт официально. Его африканское направление - еще раньше: к началу 1937-го большинство сотрудников были изгнаны или арестованы.

Деятельность комиссии по южноафриканскому вопросу во главе с Андре Марти стала заключительным аккордом африканской политики Коминтерна. Созданная Исполкомом Коминтерна 19 ноября 1935 г., она работала и собирала материалы много месяцев. Первая сессия ее заседаний состоялась с 19 ноября до 2 декабря 1935 г., вторая – с 11 по 13 марта 1936 г. Затем Англо-американский секретариат ИККИ (во главе его в это время стоял Марти) обсуждал южноафриканский вопрос 11-13 марта 1936 г. и 11-17 марта 1937 г.

Кроме того, проводились консультации с компартией Великобритании. В Лондон в 1937-м вызывали представителей КПЮА Х. Баснера и И. Уолфсона. Они заседали с Андре Марти и представителями компартии Великобритании Джорджем Харди и Питером Керригеном в Париже.

Целью всех этих действий, по словам Андре Марти, была не оценка всей истории КПЮА, а «поиск конкретных предложений для работы партии в соответствии с линией VII конгресса».³⁴⁸

К работе комиссии Андре Марти на разных ее этапах привлекались многие люди как из коминтерновских учреждений, так и из ряда компартий. Некоторые из них, как Лазарь Бах и Морис Рихтер, после участия в этих заседаниях оказывались в ГУЛАГе с обвинениями в троцкизме. Других, как И.И. Потехина, выгоняли из системы Коминтерна. Секретарем комиссии сначала был А.З. Зусманович. После его изгнания – немец Роберт Науман.

Южноафриканской компартии было дано немало рекомендаций. По внешнеполитическому курсу: «активизироваться» в своем отношении к гражданской войне в Испании и к агрессии Японии в Китае. И по внутренним делам: например, провести кампанию сбора средств на свою газету, создать свое издательство, создать «широкую сеть» своих школ. Рекомендовалось также в ходе

³⁴⁸ РГАСПИ, Ф. 495, оп. 14, д. 349, л. 56.

избирательной кампании добиваться свержения правительства.³⁴⁹

С 1937-го Коминтерн стал отчасти передоверять деятельность в Африке компартиям метрополий. На заседании секретариата ИККИ 17 марта 1937 г. обсуждался «африканский вопрос» и глава Коминтерна Георгий Димитров сказал, что руководство КПЮА «должно находиться в непосредственной связи с ЦК английской компартии. ЦК английской компартии должен принять на себя обязанности по нашему поручению заботиться и оказывать помощь южноафриканской коммунистической партии». К этому времени в КПЮА уже работал от Коминтерна английский коммунист Джордж Харди.

Было и явное противоречие в выступлении Димитрова. Сказав вначале, что компартия Великобритании должна «заботиться и оказывать помощь» КПЮА, он заключил: «Пусть южноафриканцы, английского или туземного происхождения, сами работают и сами отвечают за свою работу».³⁵⁰

У Коминтерна не было никакой ясности, что делать в Африке. Не до Африки ему было. К тому же в КПЮА в это время состояло, по словам Димитрова, всего сто человек.

Серьезные осложнения возникли у КПЮА в августе 1939 г., когда Сталин и Гитлер заключили пакт о ненападении. В Южной Африке, как и во многих других странах мира, многие не могли понять и одобрить этого шага. Ряд активистов в знак протеста вышли из партии.

С июня 1941 г., с момента вторжения гитлеровских армий в СССР, роль и влияние КПЮА в Южной Африке быстро усиливалось. Но связей с Коминтерном уже в сущности не было. Не было и прямых связей между компартиями СССР и Южной Африки (во всяком случае, сколько-то регулярных). Правда, в марте 1941-го, уже во время второй мировой войны, Андре Марти напомнил Димитрову, что поскольку «Южная Африка является единственной на Африканском континенте промышленной страной со старыми боевыми традициями в рядах рабочего класса» развитие там антиимпериалистического движения «может оказать влияние

³⁴⁹ РГАСПИ, Ф. 495, оп. 20, д. 666, л. 15-18.

³⁵⁰ РГАСПИ, Ф. 495, оп. 18, д. 1185, л. 134а-134б.

на все чернокожие народы Африки».³⁵¹ Но никаких практических шагов не последовало.

Какую-то, хотя и очень скудную информацию о положении в Африке Коминтерн все же получал до последних дней своего существования. Например, советская разведка и советское генконсульство, созданное в Претории в середине 1942 г., посылали Димитрову сообщения о попытках запретить КПЮА, предпринятых в южноафриканском парламенте в январе-марте 1943 г.

Официальная дата роспуска Коминтерна («самороспуска») - 15 мая 1943 г. Но Коминтерн, или вернее, то, что осталось от него к 1943-му, не было ликвидировано подчистую. На месте распущенного Коминтерна возникли два секретных учреждения. Их назвали «научно-исследовательскими институтами»: «Институт 100» и «Институт 205».

«Институту 100» поручалась специальная курьерская связь с компартиями, подготовка подложных документов для отправляемых за рубеж «нелегалов», отправка для зарубежных компартий «специальных грузов» (боеприпасов, оружия, медикаментов, литературы, шрифтов, матриц, кино- и радиоимущества), радиосвязь с компартиями и т.д. Этот институт был создан из отдела спецсвязи Коминтерна.

«Институт 205» был образован из отдела печати Коминтерна. Занимался прежде всего сбором информации о коммунистическом, рабочем, женском, крестьянском и кооперативном движении и обслуживанием вышестоящих организаций справочными материалами.

Был еще и «Институт 99», но он занимался преимущественно работой с военнослужащими.

Эти институты просуществовали несколько лет. Руководил ими созданный в 1944 г., после роспуска Коминтерна, отдел международной информации ЦК ВКП(б). Он много раз менял название: с 1946-го - отдел внешней политики, с 1948-го - отдел внешних сношений, с 1949-го - внешнеполитическая комиссия, с 1952-го - комиссия, затем отдел по связям с иностранными компартиями. С 1957-

³⁵¹ РГАСПИ, Ф. 495, оп. 14, д. 360-а, л.108.

го: международный отдел по связям с компартиями капиталистических стран.³⁵²

Но в деятельности этих институтов Африка не заняла никакого места. Во всяком случае, свидетельств об этом обнаружить не удалось. Да и в международном отделе, хотя там с середины 40-х был, например, сектор Британской империи, сколько-либо заметной работы со странами Африки до конца 50-х не велось.

Съезд КПЮА, состоявшийся 4-5 января 1947 г., не получил приветствия от компартии СССР, хотя были приветствия от компартий Великобритании, Франции, Италии и других стран.³⁵³ Государственные же связи Южной Африки с Советским Союзом осуществлялись через советское генконсульство в Претории, которое просуществовало до февраля 1956 г.

По партийной линии связей с африканскими коммунистами не было. Те коммунисты, которые приезжали в Москву, были гостями Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС) или занявшего его место в 1958 г. Союза обществ дружбы с зарубежными странами (ССОД). Советского Комитета солидарности стран Азии и Африки или других организаций, считавшихся общественными. Приезжали и как гости Союза журналистов. В беседах с некоторыми из гостей принимали участие сотрудники международного отдела ЦК КПСС, но представлялись обычно не в этом качестве, а как члены какой-либо из общественных организаций.

В первой половине и в середине 50-х в СССР приезжали южноафриканцы, которые до 1950-го, до принятия закона о подавлении коммунизма и самороспуске КПЮА были ее членами (большинство из них сохранили коммунистические убеждения и вошли в созданную в 1953-м нелегальную ЮАКП).

В июне 1953-го в СССР побывала Рут Ферст, одна из наиболее активных южноафриканских коммунистических деятелей (ее муж, Джо Слово, впоследствии стал генеральным секретарем ЮАКП). Принимал ее Антифашистский комитет советских женщин. Судя по отчету, посланному этим комитетом ЦК КПСС, о

³⁵² Адибеков Г.М., Шахназарова Э.Н., Шириня К.К. Организационная структура Коминтерна. 1919-1943. - М.: РОССПЭН, 1997.

³⁵³ The Guardian. – Cape Town, 9 January 1947.

встречах в самом ЦК не было и речи.³⁵⁴

Несколькими месяцами раньше, в январе 1953 г., в СССР побывал южноафриканский юрист Вернон Берранже. В Южной Африке он защищал коммунистов, оказавшихся на скамье подсудимых за политическую деятельность. Для этого требовалось немалое мужество.

Берранже был принят ВОКСом. Он попросил о встрече в ЦК КПСС. Но на запрос от этого из ЦК получили ответ, что «было бы целесообразно ограничиться встречей Берранже с руководством Советского комитета защиты мира».³⁵⁵

Сэм Кан, член политбюро КПЮА до ее самороспуска и член парламента, побывав в СССР в апреле 1954-го, все же добился встречи с представителем ЦК. Он был принят Матковским, заведующим одного из секторов международного отдела. По итогам встречи зам. зав. отделом ЦК КПСС по связям с иностранными компартиями И. Виноградов сделал заключение, что Кан «не производит впечатление партийного работника, заслуживающего полного доверия» и что «необходимо воздержаться от дальнейших встреч с С. Каном и не давать ему никаких советов».³⁵⁶

Только в 1959-1960 гг., когда сектору Ближнего Востока международного отдела ЦК КПСС было поручено заниматься и Африкой, началось восстановление прямых партийных связей.

* * *

С коммунистической идеей Коминтерн связал борьбу против колониализма, против расовой дискриминации. Это давало популярность коммунистическим призывам даже у тех групп африканского населения, которые почти не имели представления о самой идее коммунизма. Особенно проявилось это в период деколонизации Африки, когда многие политические партии и общественные движения включили в свои программы марксистско-ленинские лозунги.

Сам же Коминтерн, будучи в Африке зачинателем этих призывов, слабо умел увязывать их с конкретной реальностью африканских стран. Категоричность инструкций, поступавших из Коминтерна, их затвердевшие формулировки,

³⁵⁴ ЦХСД (Центр хранения современной документации). Ф. 5, оп. 28, д. 264, л. 86-93

³⁵⁵ ЦХСД. Ф. 5, оп. 2, д. 980, л. 254-257.

³⁵⁶ ЦХСД. Ф. 5, оп. 28, д. 128, л. 10.

естественно, направляли мысли африканцев на общемировые проблемы куда больше, чем на местные.

Действия Коминтерна в Африке сходны с его политикой на других континентах - все было подчинено единой мировой стратегии. Сколькото пристальное внимание к Африке Коминтерн стал проявлять позднее, чем к Европе, Северной Америке и Азии. Со спецификой Африки считались еще меньше, хотя бы потому, что ее знали уж совсем мало. Проблемы Африки, Черной Америки и Вест-Индии в течение ряда лет объединяли как “негритянские”.

Но именно с Коминтерном было связано возникновение советской африканистики. Вплоть до конца 20-х-начала 30-х годов в СССР не было центров африканистики. Коминтерн провозгласил значимость Африки, и, следовательно, значимость знаний о ней. Африканская секция Коммунистического университета трудящихся Востока и его Африканский кабинет Научно-исследовательской Ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем (НИАНКП) стали первым центром африканистики в истории нашей страны.³⁵⁷

Интерес Коминтерна, носивший чисто политический характер, вызвал цепную реакцию. Понимание текущей политики невозможно без знания социально-экономических проблем, без исторических корней, да и без знания языков тех народов, которые стали объектом этой политики. Коминтерн работал Москве, но его активность отозвались и в Ленинграде. В ленинградских научных учреждениях стали приветствовать изучение африканских языков.

Выдвижение тех или иных политических проблем всегда отражалось на развитии науки – вызывало к жизни или укрепляло научные направления, прямо или косвенно необходимые для обслуживания этой политики. Так в США и других странах Запада с началом холодной войны возникли многочисленные советологические центры. На них выделялись средства, им уделялось внимание. И резкий рост внимания к африканистике в СССР с конца 50-х годов, создание ряда новых научных центров и общественных организаций – результат усиления роли Африки в советской геополитике.

³⁵⁷ Подробнее см.: *Давидсон Аполлон*. Африканистика, африканисты и африканцы в Коминтерне // Восток. - М., 1995, № 6; 1996, № 2.

Конечно, вызвав, или вернее сказать, ускорив появление отечественной африканистики, Коминтерн дал ей резко идеологизированную и политизированную направленность, которая довлела над нею долгие годы.

В самой же системе Коминтерна с 1937 г. не осталось людей, которые специализировались бы на проблемах Африки. Африканское направление курировали три человека: заведующий Восточным секретариатом Г.И. Сафаров и два его заместителя: Л. Мадьяр и П.А. Миф. Все они были репрессированы еще в 1934-1935-м, а затем расстреляны или погибли в заключении. В Восточном секретариате, КУТВ'е и НИАНКП африканское направление возглавляли, один за другим, Н.М. Насонов, А.З. Зусманович, И.И. Потехин и Э. Шик. Первый был арестован в 1934-м и затем расстрелян. Зусмановича и Потехина уволили из системы Коминтерна с политическими обвинениями еще до 1937-го, что, вероятно, спасло их от худшей судьбы. Э. Шик был уволен, исключен из партии и арестован.

Остальные работавшие в Африканской секции и Африканском кабинете или сотрудничавшие с ними: Г.К. Данилов, И.К. Рихтер, Г.Е. Гернгрос, Ф.С. Гайворонский, Л. Бах, братья Рихтеры – арестованы. Почти все они расстреляны или погибли в заключении. В.И. Погонин избежал ареста по счастливой случайности. Судьба остальных нескольких сотрудников неясна. Репрессировано было большинство. Типично ли это в целом для системы Коминтерна – трудно сказать. Но вряд ли по африканистам наносился какой-то особо сильный удар. Скорее наоборот: они ведь находились не в центре, а на периферии тогдашних идеологических схваток. Вернее предположить, что другим подразделениям пришлось еще хуже.

Когда мы листали страницы архивных документов, нам казалось, что с них сочится кровь тех людей. За архивными папками слышны их стоны, их муки и надежды, обманы и самообманы, твердая уверенность в своей правоте, а порой — раскаяние, сожаление о напрасно прожитой жизни.

Размышляя сейчас, через много лет, о людях Коминтерна нельзя не почувствовать снова то, что видел во время встреч с ними А.Б. Давидсон: они,

должно быть, были искренни в своих убеждениях и заблуждениях.

Но можно ли считать, что искренние убеждения искупают все? Как это у Достоевского - нравствен не тот, кто верит своим идеалам, а тот, кто все время проверяет, нравственны ли его идеалы.

В год роспуска Коминтерна в Магадане вышла книжка “Африка. Справочные материалы”.³⁵⁸ Ее нашел А.Б. Давидсон – и поразился. Просто оторопел. Издательство “Советская Колыма”. Да еще во время войны! Кому нужна была Африка на Колыме в 1943-м?

Ни одного справочника по Африке ни в одном другом месте Советского Союза во время войны не выходило. А в Магадане – вышел.

Случайность? Блажь магаданского городничего? Допустим. Чего не бывает в нашем необъятном отечестве. Но , где можно было на Колыме найти материалы об Африке? Да еще в 43-м?

Фамилия автора на книжке - “Тайц”. И один инициал: “Р”. Что это за “Р. Тайц”? Кто бы это мог быть? Кто из людей, занимавшихся Африкой, дожил на Колыме до 1943-го? Узнать не удалось.

Хотя Африка и не была среди главных полигонов Коминтерна, его деятельность в этом регионе все же дает возможность судить о характере созданной девять десятилетий назад могущественной всемирной организации, о ее стратегии и тактике, да и в целом об итогах ее истории.

Во второй мировой войне

Накануне

В годы, предшествовавшие войне, отношение различных кругов южноафриканской общественности к Советскому Союзу во многом определялось их отношением к фашистской Германии, к Японии и к фашистским настроениям в самой Южной Африке.

Премьер-министр генерал Джеймс Барри Герцог, когда-то публично

³⁵⁸ *Тайц Р.* Африка. Справочные материалы. – Магадан: Изд-во “Советская Колыма”, 1943.

восхищавшийся большевистской революцией, перешел к идее, что только «Гитлер может остановить Россию».³⁵⁹

А вице-премьер Ян Смэтс, ненавидевший большевизм еще в те годы, когда Герцог им восхищался, теперь рассуждал сложнее. Конечно, в большевизме, как и в фашизме, видел величайшее зло. И много раз это подчеркивал. «Большевизм, фашизм и нацизм уже здесь».³⁶⁰ «Эти идеологи и (коммунизм, фашизм, и т.д.)».³⁶¹ «С Гитлером, Муссолини и Сталиным, заправляющими континентом... Вы видите, какое зло эти негодяи уже принесли Испании».³⁶²

Смэтс пытался понять воздействие сталинизма на внутреннюю жизнь Советского Союза и считал его отвратительным. В 1933 году его тревожили аресты английских инженеров в Москве.³⁶³ В 1936-м, уже в разгар сталинского террора, когда южноафриканская писательница Сара Гертруда Миллин отправилась в Москву и Ленинград, Смэтс просил ее: «Посмотрите на Россию своими глазами и скажите мне, что она в действительности собой представляет». Выслушав ее впечатления и, очевидно, сравнив с другими доходившими до него вестями, он произнес слова, которые звучат страшно даже сейчас, когда мир знает о сталинском терроре уже неизмеримо больше, чем тогда: «Вы знаете, что я думаю о положении туземцев в Африке. Так вот, я лучше буду туземцем в Африке, чем русским в России».³⁶⁴

Но с приходом Гитлера к власти в Германии Смэтс стал бояться гитлеризма больше, и даже уповал на антифашистскую позицию СССР. Еще в 1934 году он выражал надежду на позитивное участие СССР в Лиге Наций: «Вполне возможно, что уход Германии заставит Россию смотреть более положительно на Лигу».³⁶⁵

В отличие от многих западных политиков, Смэтс не искал возможности сравнить Россию с Германией. Наоборот, в обострении их отношений он видел

³⁵⁹ Selections from the Smuts Papers. Vol. II. – Cambridge: Univ. Press, 1968. – P. 271.

³⁶⁰ Smuts to A.B. Gillett 31 Jan. 1934 // Selections... - Vol. V. - 1973 – P. 571.

³⁶¹ Smuts to M.C. Gillett 3 Apr. 1937 // Selections... - Vol. VI. - 1973 . – P. 69.

³⁶² Smuts to M.C. Gillett 3 Apr. 1937 // Selections... - Vol. VI. - P. 67.

³⁶³ Smuts to M.C. Gillett 4 Apr. 1933 // Selections., - Vol. V. – P. 556.

³⁶⁴ Millin S.G. The night is long. – London: Faber and Faber, [n.d.]. – P. 355.

³⁶⁵ Smuts to L.S. Amery. 1 Febr. 1934 // Selections., - Vol. V. – P. 572. Через несколько месяцев, в сентябре 1934, СССР стал членом Лиги Наций и вскоре, в связи с итальянской агрессией против Эфиопии, действительно сыграл позитивную роль.

опасность для всего мира. В сентябре 1936 года писал: «Ситуация в мире, кажется, постоянно ухудшается. Я был глубоко обеспокоен, увидев как безобразно нацистские лидеры атаковали Россию на Нюрнбергском конгрессе».³⁶⁶

И, во всяком случае какое-то время, он возлагал надежды на военную мощь Советского Союза. В апреле 1937 г. писал: «...Германия также сделала чудовищные ошибки, и самая худшая – это одержимость Гитлера против России. Десять лет назад нападение на разрушенную и разоренную Россию было еще возможной политикой. Сегодня эта идея – безумный сон в летнюю ночь. Если Германия сейчас мощно вооружена, то и Россия тоже, причем у нее – значительно большие материальные и минеральные ресурсы для поддержания длительной войны».³⁶⁷

Очень тревожила Смэтса и агрессивность Японии в Азии.

Аполлон Давидсон в шестидесятых годах встречался с академиком Иваном Михайловичем Майским. В тридцатых годах и в первые годы второй мировой войны Майский был советским послом в Лондоне. В 1942-м именно через него шли все переговоры об установлении консульских отношений СССР с Южно-Африканским Союзом. Об этом Давидсон и попросил его рассказать. Майский начал рассказывать... А потом, увлекся:

- Давайте-те я поведаю Вам другую историю - как я впервые встретился со Смэтсом. Было это году в 35-м... Мы проговорили с ним у него в лондонской гостинице часа два. Провожая меня, уже в дверях, он спросил: «А не странно Вам, что я, политик, которого большевики называют южноафриканским расистом, все-таки так долго и откровенно говорил с Вами, русским большевиком?». Я признался, что меня это удивило. Смэтс улыбнулся: «Потому что для меня Ваша страна - это бастион европейской цивилизации на Дальнем Востоке».

Смэтс постепенно переходил от надежд к разочарованию. В марте 1938 года, в связи с аншлюсом, захватом Австрии Германией, он констатировал: «Россия, которая была единственным сдерживающим фактором [для Германии] парализована и вышла из игры... Когда она воспрянет, чтобы оказывать давление,

³⁶⁶ The Thoughts of General Smuts. Compiled by his private secretary (P.B. Blanckenberg). - Cape Town and Johannesburg: Juta, 1951. – P. 100.

³⁶⁷ Ibid. – P. 114.

кто знает?».³⁶⁸

Смэтс был прав. Сталинский массовый террор, действительно, подорвал военную мощь Советского Союза.

В 1939-м, в связи с началом англо-франко-советских переговоров, у Смэтса снова возродились надежды, что второй мировой войны удастся избежать. «Международная ситуация выглядит немного лучше, с перспективой соглашения с Россией. Мне никогда не нравилось связываться с Россией, которая для меня – непостижимая страна. Но если это путь к миру, то для мира давайте сделаем это. Если будет заключено военное соглашение с Россией, я верю, что ситуация в Европе будет ситуацией военного пата, поскольку противостоящие силы будут примерно равны, и война может стать маловероятной».³⁶⁹

Неожиданный советско-германский договор 23 августа 1939 года поверг Смэтса в отчаяние. Узнав о нем, он негодовал: «Поведение России было особенно шокирующим – вести конфиденциальные переговоры с А и Б, в то же самое время ведя секретные переговоры с В против них». Сталин, писал он, «понимает, что реально он может быть близок только с Гитлером и нацизмом».³⁷⁰

Обращаясь и Саре Гертруде Миллин, которую не меньше волновала позиция Советского Союза, он писал: «Россия никогда не хотела, чтобы переговоры о союзе [с Великобританией] были успешными. Они уволили своего предыдущего министра иностранных дел³⁷¹ – последнего настоящего европейца среди них – потому что он занимался такими переговорами с демократиями. С угрозой Японии на Востоке, они были полны решимости не воевать на Западе... Россия хочет и хотела пересидеть этот дьявольский танец на Западе. Поэтому Литвинов должен был уйти. Она ждет своего дня, когда она будет правителем разрушенной Европы».³⁷²

Участие Сталина в разделе Польши повергло Смэтса в еще большее уныние. «Россия присоединилась к войне, как грабитель, и положение демократических

³⁶⁸ Ibid. – P. 125.

³⁶⁹ Smuts to M.C. Gillett 27 May 1939 // Selections... - Vol. VI. – P. 167-168.

³⁷⁰ Smuts to M.C. Gillett 25 Aug. 1939 // Selections... - Vol. VI. – P. 178-179.

³⁷¹ Максим Литвинов.

³⁷² Smuts to S.G. Millin // Selections... - Vol. VI. – P. 179.

стран стало еще мрачнее». ³⁷³

Тогда же Смэтс хотел встретиться с Михаилом Ивановичем Терещенко (1886-1956), известным русским промышленником, который был министром в правительстве А.Ф. Керенского в 1917 году. Терещенко был арестован большевиками, но бежал. Находясь в эмиграции, был весьма известен и влиятелен в финансовых и торговых кругах Западной Европы. Возможно Смэтс надеялся, что Терещенко, как русский политический деятель, поможет ему лучше уяснить происходящее в Советском Союзе. Предложение о встрече с Терещенко, который должен был приехать в Кейптаун, Смэтс получил от лорда Бранда. ³⁷⁴ Но Терещенко не объявился. Смэтс сказал: «Я очень сожалею». ³⁷⁵

* * *

Если даже в правительстве, между премьер-министром Герцогом и его заместителем Смэтсом в предвоенные годы отношение к Советскому Союзу было таким разным, что уж говорить о многочисленных общественных организациях и о крайне пестром общественном мнении. Тогдашние прогерманские и антисоветские настроения хорошо известны. Что касается просоветски настроенных южноафриканцев, то они группировались вокруг общества, которое называлось Южноафриканские друзья Советского Союза, или просто - Друзья Советского Союза.

Подготовка к созданию общества велась с начала 20-х годов. Брайан Бантинг дал нам выдержки из писем своего отца С.П. Бантинга его жене Ребекке в 1923 году. С.П. Бантинг писал из Йоханнесбурга:

“16 апреля 1923. Они хотят, чтобы я создал отделение “Друзей советской России” для ЮА.

15.5.23. Я пытаюсь повернуть трюк с “Руки прочь от Росиии”, но народ реагирует медленно и сонно.

19.5.23. Ты можешь подвинуть идею с Капским отделением Друзей Советского Союза.

³⁷³ Smuts to M.C. Gillett 21 Sept. 1939 // Selections... – Vol. VI. – P. 192.

³⁷⁴ Smuts to lord Brand 29 Aug. 1939 // Selections... – Vol. VI. – P. 189.

³⁷⁵ Smuts to lord Brand 13 Nov. 1939 // Selections... – Vol. VI. – P. 199.

23.5.23. Мне до сих пор не удалось заставить кого бы то ни было поработать на Друзей СР.

28.5.23. Мы запустили “Друзей советской России”, но они очень уж робки”.³⁷⁶

Общество удалось создать в начале 30-х годов, с центром в Йоханнесбурге. Большую роль в нем играли выходцы из России.

Поначалу это был скорее клуб для встреч, лекций и организации небольших выставок советских книг и картин в Йоханнесбурге и Кейптауне. Но в годы предвоенной тревоги и усиления угрозы фашизма общество расширило свою деятельность. Еженедельник “Гардиан”, который начал выходить в 1937 году, стал печатать многочисленные материалы этого общества об СССР. Жизнь, культура и быт Советского Союза зачастую давались в противопоставлении германскому фашизму, а то и вообще западному образу жизни и всемерно идеализировались.

Яркий пример - впечатления Била Эндрюса.

Основатель и лидер Коммунистической партии Южной Африки, был исключен из нее в 1931 году. Его не просто исключили, а, в соответствии с тогдашней политикой Коминтерна, обвинили во всех смертных грехах, даже заклеили как “социал-фашиста”.³⁷⁷ И он прекрасно знал, что удар нанесен из Москвы, что поведение его врагов в партии было поддержано, а, может быть, и инспирировано именно оттуда.

Но в ноябре 1937-го он снова в Москве. Политика Москвы и Коминтерна с 1935 г. изменилась. Его пригласили на празднование двадцатой годовщины большевистской революции. Он не был членом компартии, так что для этой поездки он избран кейптаунским отделением Объединенного профсоюза инженеров. Делегация состояла из двух человек. Вторым был Чарльз Адам, цветной, - от кейптаунского Профсоюза работников химической промышленности. Поездку финансировало кейптаунское отделение Друзей

³⁷⁶ Письмо Брайена Бантинга А. Б. Давидсону, 16 февраля 1992.

³⁷⁷ *Cope R.K. Comrade Bill: The Life and Times of W.H. Andrews, Workers' Leader.* – Cape Town, [1943]. – P. 320-322.

Советского Союза. Эндрюс написал об этой поездке подробный отчет.³⁷⁸ Опубликовал и обширную статью в газете “Гардиан”.³⁷⁹

Эндрюс побывал в Киеве, в Кисловодске, на Кавказе, на нефтеразработках в Баку. Его отчет и статья - сплошное восхищение увиденным. О военном параде и демонстрации в Москве по поводу двадцатилетия революции: «Кто может описать колоссальную манифестацию 7 ноября? Слова тут бессильны».³⁸⁰

С таким же восторгом писал о заводах, рабочих клубах, колхозах, детских садах, больницах, заводе электрооборудования, доме пионеров, дворце профсоюзов, дворце труда, донецкой угольной фабрике. Восхищался московским метро, футбольным матчем, торжественным концертом в Большом театре, на котором присутствовали Сталин, Калинин, Молотов, Ворошилов и другие лидеры Советского Союза. О положении трудящихся в СССР Эндрюс писал со слов официальной советской пропаганды. Поселок нефтяников возле Баку он назвал: «социалистическим городом».

Во время своей поездки в СССР в 1923 году Эндрюс увидел «много неудовлетворительных черт».³⁸¹ В 1937-м у него не нашлось ни слова критики. Только восхищение. Он утверждал, что видел повсюду только людей довольных, радостных, гордых достижениями своей первой в мире страны социализма.

А Сара Миллин, побывав в Москве и Ленинграде, писала совсем другое: «Я не хотела бы³⁸² жить в России, какой я видела ее в 1936 г. Я нашла существование там нестерпимо бедным и печальным. Однажды, в течение получаса, я сидела в машине на оживленной улице, и в течение всего этого времени не увидела ни одного счастливого лица».³⁸³

Тогда, в апреле 1936-го, Большой террор еще не достиг своего апогея. А

³⁷⁸ Report of the South African delegation to the 20th anniversary celebration of the Soviet Union held on the 7th November 1937. Manuscript // W.H. Andrews papers, Mayibuye Centre for History and Culture in South Africa, University of the Western Cape.

³⁷⁹ *Andrews W.H.* The Russian people celebrate. The Soviet Union Revisited // The Guardian. - Cape Town, 28 Jan. 1938.

³⁸⁰ Report of the South African delegation... – P. 8.

³⁸¹ *Cope R.K.* Op. cit. – P. 289.

³⁸² Дословно – «ненавидела бы».

³⁸³ *Millin S.G.* The Night is long. – London: Faber and Faber, 1941. – P. 355.

Эндрюс повидал СССР в самые ужасные месяцы. Судя по его отчету, кто-то из иностранных гостей, приглашенных на торжества, все же пытался разобраться в событиях. В отчете Эндрюса о встрече гостей со “всесоюзным старостой” Михаилом Калининым есть такое место:

«Отвечая на вопрос Чехословацкой делегации о суде над троцкистами и вредителями и их наказании, он сказал, что такой вопрос означает, что спрашивавший – не друг Рабочей Республики. Если бы испанское республиканское правительство сразу, появившись на свет, предприняло такие же действия по отношению к Франко и его друзьям, катастрофы гражданской войны в Испании и фашистской интервенции удалось бы избежать».³⁸⁴

Иными словами, Калинин убеждал своих собеседников в необходимости упреждающих репрессий - против лиц, которых революционные власти могли считать потенциальными противниками. У Эндрюса не нашлось никаких возражений. Ни одной теневой стороны советской действительности он не отметил во всем своем шестидесятистраничном отчете о месяце пребывания в СССР.

Чем определялась такая позиция?

Влиянием пропаганды? В сталинские времена оно было доведено до совершенства. Анекдот того времени, который мог тогда стоять жизни: если бы у Наполеона была сталинская газета “Правда”, никто в мире не узнал бы о его поражении при Ватерлоо.

Но все же полностью обмануть Эндрюса, было нелегко. Ему уже 67 лет. И почти всю жизнь занимался политикой.

Возможно, он поверил, что действия, от которых пострадал когда-то и он сам, проводились не Сталиным, а “вредителями”. Застрельщиком “чистки” в Коммунистической партии Южной Африки, может быть, считал Николая Бухарина. Именно Бухарин вел в 1927 году переговоры с Джимми Ла Гумой, которые, мог считать Эндрюс, и положили начало резкому вмешательству Коминтерна в дела южноафриканских коммунистов. Бухарин, как и бывший

³⁸⁴ Report of the South African delegation... – P. 35.

председатель Коминтерна Зиновьев, были теперь низвергнуты, их объявили «врагами народа». А его, Эндрюса, приглашали вернуться в Коммунистическую партию Южной Африки (он и вернулся в нее через несколько месяцев после возвращения из Москвы и вскоре снова стал ее председателем).

И все же была скорее всего еще более важная причина, почему Эндрюс так писал об СССР.

В Советском Союзе он видел главный и может быть единственный противовес не только гитлеризму, но и вообще империализму, расизму, тем язвам капитализма, разоблачению которых он посвятил свою жизнь.

Как известно, большая часть интеллигенции многих стран восхищалась Советским Союзом. Такие люди, как Анри Барбюс, Ромэн Роллан, Лион Фейхтвангер, Бернард Шоу...

Все они, или во всяком случае многие из них, были весьма наблюдательны. И, как бы ни старались им показывать только парадную сторону советской жизни, и как бы успешно ни скрывали малейшие сведения о ГУЛАГе, все же эти люди, казалось бы, должны были догадываться о роли пропагандистской машины.

Но вот феномен Бернарда Шоу. Он посетил Советский Союз в 1931 г.; там отметил свое 75-летие.

Это было ужасное время для жителей СССР. Насильственная коллективизация. Страшные последствия она принесла на Украине. В начале 30-х годов там умерли от голода по разным подсчетам, от 5 до 7 миллионов человек.

Но Бернард Шоу очарован всем, что увидел. Ему представили молодого англичанина, который жил в Москве два года и намеревался остаться в России. «Хорошо», – сказал Шоу. «Если бы я был молод, как Вы, я думаю, я тоже захотел бы остаться здесь».³⁸⁵ Побывав в мавзолее Ленина, он заявил: «Отныне могила Наполеона – вторая по ранжиру, а не первая». И с гордостью: «Я был марксистом еще до того, как Ленин родился».³⁸⁶

Шоу восхищался советскими идеями воспитания молодого поколения. «Не стоит ли нам начать учить детей быть лучшими гражданами, чем мы сами? Мы

³⁸⁵ *Geduld Harry*. Bernard Shaw in Russia // Bernard Shaw. The Rationalization of Russia. – Westport (Connecticut): Greenwood Press, 1977. – P. 17.

³⁸⁶ *Ibid.* – P. 18.

этого пока не делаем. Русские ДЕЛАЮТ».³⁸⁷

Он остался чрезвычайно недоволен музеями революции, прославлявшими героев восстаний против царского режима. Почему? «Вы что, с ума сошли, прославляя восстание сейчас, когда Революция у власти? Вы хотите, чтобы Совет был свергнут? Разве это мудро учить молодежь, что убийство Сталина будет актом бессмертного героизма?».³⁸⁸

Шоу встречался со Сталиным и, по словам его биографа, «полагал, что русские люди выглядели счастливыми, а Сталин – веселым»³⁸⁹ Шоу яростно нападал на всех критиков советского режима. Накануне своего отъезда из Москвы он написал: «В мире сегодня нет более интересной страны, чем советская Россия, и я нахожу путешествие туда безопасным и приятным... Быть в стране, где нет леди и джентльменов, но все – друзья столь же редко, сколь и освежающе... Завтра я покину эту землю и вернусь в наши западные страны отчаяния».³⁹⁰

Приехав на следующий год в Южную Африку, Шоу начал писать там книгу «Понимание России».³⁹¹ Он не закончил её, но написанная часть вышла после его кончины. В книге он оправдал даже истребление российской интеллигенции Сталиным: «Преследование интеллигенции в России длилось не слишком долго. Оно было, я думаю, оправданным в то время, когда оно еще не воспринималось, как неосуществимое. Я часто говорил себе, что если бы я был революционным диктатором, моей первой заботой было бы, сделать так, чтобы лица с университетским образованием, или с приобретенной ментальностью, которую университеты насаждают и культивируют, были безжалостно изолированы от всех направлений деятельности, каких бы то ни было контактов с образованием, особенно образованием их собственных детей. И если их не уничтожить насильственно, то по крайней мере им нужно помочь умереть как можно скорее. Ленин разделял мои взгляды и пытался их реализовать».³⁹²

³⁸⁷ *Pearson Hesketh*. Bernard Shaw. His Life and Personality. – London: Collins, 1943. – P. 357.

³⁸⁸ *Ibid.* – P. 362.

³⁸⁹ *Pearson Hesketh*. G.B.S. A Postscript. – London: Collins, 1951. – P. 70.

³⁹⁰ *Geduld Harry*. - Op. cit. – P. 31.

³⁹¹ Дословно «рационализация», «разумное объяснение» – «Rationalisation of Russia».

³⁹² *Shaw Bernard*. The Rationalization of Russia. – Westport (Connecticut): Greenwood Press, 1977. – P. 80.

В сознании Бернарда Шоу все это настолько прочно укоренилось, что даже через много лет он утверждал: «исключительно умных, политически хорошо начитанных, героически воодушевленных большевистских государственных деятелей во главе с Лениным и Сталиным теперь несомненно признают самыми способными лидерами, которых произвел наш век».³⁹³

С такими взглядами Шоу приехал в 1932 г. в Южную Африку – и, наверно, обсуждал их в среде южноафриканской интеллигенции. А если уж так думал Бернард Шоу, что уж говорить о коммунистах и близких к ним.

* * *

Нам, знающим о преступлениях сталинского режима, трудно понять тогдашние позиции таких талантливых, образованных и проницательных людей как Бернард Шоу.

Но на каком фоне они делали свои заключения? Гитлеровская пропаганда казалась куда отвратительней. А западные демократии? Они не смогли остановить ужасную экономическую депрессию конца двадцатых - начала тридцатых годов. Потом они предали, одну за другой, Эфиопию, Испанию, Австрию, Чехословакию - отдавали эти страны под иго фашизма. Да, весной 1939 года Великобритания и Франция пошли на переговоры с СССР, как вместе остановить Гитлера. И Смэтс однозначно винил Советский Союз в срыве переговоров. Но после всех этих предательств немалая часть мировой общественности изверилась в искренности правительств Великобритании и Франции.

Не завоевала доверия и та критика Советского Союза, которой была полна западная печать. Хотя бы те слова Сары Миллин, которые мы процитировали: «Я не видела ни одного счастливого лица». И это в Москве, на улице, где полно народу, да еще весной, когда разве что пень не улыбается. Как читатель мог этому поверить? И действительно, были же, конечно, радостные лица. Не все семьи пострадали от репрессий. Да и материально жизнь горожан была легче, чем прежде. Уже отменили карточки, в магазинах появились продукты, не было безработицы.

³⁹³ *Shaw Bernard*. *Everybody's Political What's What?* – London: Constable, 1945. – P. 90.

Нельзя сказать, что в Южную Африку не доходили сведения о сталинских репрессиях. В “Кейп таймс” в октябре 1938 года - большая статья “Возможны новые чистки в России”. Там говорилось, что «Николая Ежова, самого безжалостного из всех вождей советской политической полиции, возможно освободят от должности комиссара внутренних дел», но что на его место приходит еще более ужасное чудовище – Берия, сталинский «приспешник из Грузии». Говорилось и о «таинственном» исчезновении маршала Блюхера, и о страшных чистках в Красной армии.³⁹⁴

В это самое время в Москву на празднование очередной, двадцать первой годовщины большевистской революции, ехала южноафриканская делегация в составе трех человек, трех профсоюзных активисток: Дульси М. Хартвелл, Анны Шиперс и Сони Фентер. Они тоже не увидели мрачных лиц, тоже восхищались условиями труда и культурной жизнью в СССР. Посещение метро привело их в такой восторг, что они лишь повторили за кем-то из других зарубежных гостей: «Я чувствую себя, как Алиса в стране чудес».

Только один недостаток они нашли, и то обвинили в нем не советскую власть, а простой народ, который еще не до конца осознал, какую счастливую жизнь ему создают: «Ужасно грязные общественные удобства на станциях и в поездах, и в некоторых театрах, что странно, ввиду невероятных затрат, заботы и внимания к здоровью людей. Как следствие можно было бы ожидать, что такие места будут содержаться в исключительной чистоте».

Главный же вывод: «Единственное решение проблем рабочих и крестьян – это установление социализма во всем мире».

Такое впечатление они вынесли не только потому, что их окружили в Москве почетом и роскошью и повезли в лучшее курортное место на Кавказе - Сочи. Дело и в том, что ехали они через Берлин. Фашисты тоже умели показывать парадную сторону, но тут они не ставили такой цели. И для южноафриканок сравнение было ужасным. Дульси Хартвелл писала: «В Берлине каждая улица, кафе и ресторан, кажется, кишат наци в мундирах. У людей в автобусах – взгляд преследуемых. На Унтер ден Линден мы видели несколько еврейских магазинов,

³⁹⁴ Cape Times. - Cape Town, October 19, 1938.

окна которых были покрыты нацистскими лозунгами. Угнетающая атмосфера чувствовалась так остро, что мы были рады выехать отсюда в полночь».³⁹⁵ Впечатления Анны Шиперс, президента Трансваальского профсоюза работников швейной промышленности, - такие же.³⁹⁶

С надеждой, а то и с восхищением смотрели на Советский Союз не только коммунисты и тредюнионисты. Д-р Барнард Фуллер, председатель совета Кейптаунского университета, побывал в СССР в августе 1936 г. и опубликовал свои впечатления сперва в журнале "Оутспан", а затем и в виде отдельной брошюры. Он пришел к заключению: «Те, кто не бывал в России, любят повторять, что если вы поедете в СССР, вы увидите только то, что Вам покажут. У меня сложилось впечатление, что там просто нечего прятать, кроме того, что во многих местах и моментах идеи еще не были полностью воплощены, и конечно туристам показывают те части, которые были завершены и которые производят наилучшее впечатление». Этот южноафриканец тоже сравнивал большевизм с фашизмом: «Сравните это с гитлеризмом, который низвел высококультурную нацию в бездну рабства, крепостничества и животного варварства». И даже его сравнение Советского Союза с другими странами Европы было не в пользу Европы с ее «нищими, безработными и проститутками».³⁹⁷

Таким же восхищением полна и брошюра автора, который в середине 1935 года побывал в Москве, Ленинграде, Киеве, Самаре, Казани, Сталинграде, Ростове, Орджоникидзе, Ялте и Севастополе (правда, на пароходе) и назвал себя «любопытствующим южноафриканцем».³⁹⁸

Должно быть, в том мире, где уже заготовлено оружие, чтобы уничтожить десятки миллионов людей, газовые печи, чтобы сжечь их, бомбы, чтобы стереть с лица земли их города, - в том мире не так легко было найти страну и государственный строй, к которым можно было обратиться с надеждой. А из

³⁹⁵ Report of Dulcie M. Hartwell, delegate of the Sweet Workers' Union and the Garment Workers' Union, to the November celebrations of the USSR – William Cullen Library (University of the Witwatersrand). Historical and Literary Papers, AH 1092, GWK. International: General, 1938-1976.

³⁹⁶ *Scheepers Anna*. Impression of the Soviet Union // *The Gardian*. - Cape Town, 6 Jan. 1939.

³⁹⁷ *Fuller E. Barnard*. My visit to Russia (1936). - Cape Town: Cowens, [n.d.] . – P. 3, 8, 20.

³⁹⁸ *A Curious South African* // "Darkest" Russia. Being: A faithful account of a tour made there in the summer of 1935. - [n.p., n.d.].

Москвы доносились такие привлекательные и звонкие лозунги.

Южноафриканский поэт Уильям Пломер имел все основания написать, что для многих в конце тридцатых годов «Москва, из всех мест, была единственным источником света».³⁹⁹

А затем наступила вторая мировая война. И тяжесть борьбы с гитлеризмом, хотя и не с самых ее первых дней, вынес на своих плечах советский народ. И тут уж восхищение его героизмом было вполне оправдано.

Создание советского генконсульства

Оказавшись в июне 1941 года жертвой нападения гитлеровской Германии, Советский Союз привлек к себе сочувствие и даже симпатии довольно широких кругов южноафриканской общественности.

Вот первая реакция Смэтса, который с 1939 г. стал премьер-министром ЮАС. Вторжение фашистских войск в СССР ошарашило его. «Это казалось таким диким безумным риском, что я не верил в такую возможность, пока это действительно не произошло».⁴⁰⁰ Уже на следующий день член британского правительства Л.С. Эмери написал ему: «Нападение на Россию открывает огромное новое поле... У меня нет ни малейшего сомнения, что немцы ошиблись».⁴⁰¹

В течение всей войны Смэтс внимательно следил за событиями на восточном фронте. Он расспрашивал очевидцев, тех, кто побывал в России. Маршал авиации А. У. Теддер, ездивший в СССР вместе с Черчиллем в августе 1942 года, писал ему о своих впечатлениях.⁴⁰²

В октябре 1942 года в Каире Смэтс встречается с адмиралом У.Г. Стенли, который возвращался из Москвы с отчетом для Руавельта. Рассказ адмирала показался Смэтсу настолько заслуживающим внимания, что он сообщил об этом в

³⁹⁹ *Plomer William. Father and son: 1939 // Plomer W. The Dokking thig and other satires. – London: Jonathan Cape, 1945. – P. 19.*

⁴⁰⁰ *Smuts to M.C. Gillett 25 June 1941 // Selections... - Vol. VI. – P. 306.*

⁴⁰¹ *From L.S. Amerry 26 June 1941. // Selections... - Vol. VI. – P. 307.*

⁴⁰² *From A.W. Tedder 1 Sept. 1942 // Selections... - Vol. VI. – P. 382-383.*

письме Яну Хофмейру.⁴⁰³

Смэтса радуют победы Советской армии. Он отмечает ее первые успехи, в декабре 1941-го:

«Немецкое наступление на Москву и Ленинград провалилось, и немцы должны встать на зимние квартиры, с медведем, преследующим их по пятам».⁴⁰⁴ Он рад гитлеровскому поражению под Сталинградом в 1942-м.⁴⁰⁵ В начале 1943 г. в телеграмме Черчиллю с удовлетворением отмечает «достижения русской армии».⁴⁰⁶

После нападения Гитлера Советский Союз впервые с 1917 года вступил в военную коалицию со многими другими государствами, в том числе с Великобританией и ее доминионами. Встал вопрос об организации совместных военных усилий, а это в свою очередь, требовало расширения дипломатических и консульских связей. В то время такие связи Советского Союза с другими странами были крайне ограничены.

24 октября 1941 г. верховный комиссар Южно-Африканского Союза в Великобритании С.Ф. Уотерсон направил из Лондона в Преторию для министра иностранных дел ЮАС сообщение о своей встрече с советским послом в Великобритании Майским, состоявшейся накануне.

«Майский сказал, что в дополнение к желательности демонстрации единства союзников и установления контактов, которые могли бы продолжаться после войны, он считает, что поскольку России для продолжения войны скорее всего понадобится доставка все большего количества разнообразных материалов, и российские суда будут, по всей вероятности все более часто заходить в порты Союза, чтобы загрузить товары, которые будут покупаться или прямо, или, более вероятно, через Корпорацию Соединенного Королевства, было бы желательно, чтобы советский представитель, в основном занимающийся торговыми делами и морской транспортировкой, но в ранге генерального консула, был назначен в один из портов Союза, Дурбан или Кейптаун».

⁴⁰³ Smuts to J.H. Hofmeyr 12 Oct. 1942 // Selections... - Vol. VI. – P. 390.

⁴⁰⁴ Smuts to M.C. Gillett 13 Dec. 1941 // Selections... - Vol. VI. – P. 328.

⁴⁰⁵ Smuts to M.C. Gillett 29 Nov. 1942 // Selections... - Vol. VI. – P. 396.

⁴⁰⁶ Smuts to W.S. Churchill 23 Jan. 1943 // Selections... - Vol. VI. – P. 413.

Это был еще только зондаж. По сообщению верховного комиссара Майский сказал, что «его правительство, однако, не хотело бы обращаться с формальным запросом и получить отрицательный ответ, и он спросил меня, не могу ли я неофициально узнать, возможно ли это». Верховный комиссар завершил письмо своей рекомендацией: «Я не думаю, что это безотлагательное дело».⁴⁰⁷

Вероятно, у самого советского правительства еще были колебания. В письме премьер-министру Смэтсу от 7 ноября 1941 года верховный комиссар напоминал, что еще в 1928 г. Великобритания закрыла все консульские посты на советской территории по просьбе советского правительства. По его словам, «после начала войны между СССР и Германией для нас стало очевидной важность восстановления консульских постов в Советской России, и в июле этого года мы предложили советскому правительству, чтобы британские консульства были вновь открыты в Советском Союзе». «Однако», писал он, «советское правительство сообщило нам в августе, что они решили не поддерживать открытия новых консульств во время войны».⁴⁰⁸

Но обстановка на фронтах войны действительно требовала координации действий антигитлеровской коалиции. Великобритания настаивала на создании британских консульств в России, прежде всего во Владивостоке и Баку. В качестве ответной меры речь шла о создании советских консульств в доминионах. И уже 31 октября в Лондоне была получена шифрованная телеграмма министра иностранных дел Южно-Африканского Союза:

«Правительство Союза согласится принять советского генерального консула, если поступит официальный запрос. Предполагается, что Дурбан станет основным портом захода русских судов, и что поэтому именно в этом месте консульство должно располагаться. Возражений против передачи этой информации Майскому нет».⁴⁰⁹

* * *

Установление консульских отношений состоялось в феврале 1942 г. Верховный комиссар написал в Преторию 6-го февраля: «Русский посол заходил

⁴⁰⁷ NASA SAB. BLO. Vol. 702, Ref. PS38/41 (в деле страницы не пронумерованы).

⁴⁰⁸ Ibid.

⁴⁰⁹ Ibid.

ко мне сегодня и вручил черновик соглашения об установлении консульских отношений между Советским Союзом и Южно–Африканским Союзом. Текст прилагается: Начало.

(1) Оба правительства согласны обменяться консульскими представителями, число и место пребывания которых будет решено в ходе последующих переговоров между ними.

(2) Настоящее соглашение вступает в силу немедленно после подписания и не подлежит ратификации.

(3) Настоящее соглашение существует в двух экземплярах, каждый на русском и английском языках. Оба текста имеют равную силу. Конец.

Майский, с разрешения своего правительства, подписал идентичное соглашение вчера. Я понял с его слов, что Канада не намеревается назначать никаких консулов в Россию, но что позже, возможно после войны, произойдет обмен дипломатическими миссиями. На мой вопрос о необходимости подписания формального соглашения о консульском представительстве Майский разъяснил, что его правительство считает, что это будет поворотным моментом в отношениях между нашими двумя странами, и что установление контакта, который, есть надежда, будет постоянным, нужно отметить таким образом. Я буду рад получить Ваши инструкции, и, если Вы считаете это стоит сделать, Вашу санкцию на подписание соглашения».⁴¹⁰

Получив согласие из Претории, верховный комиссар 21 февраля подписал в Лондоне официальный документ: Соглашение между правительством Южно-Африканского Союза и Союза Советских Социалистических Республик. Текст, предложенный Майским, подвергся только одному изменению. Последний пункт в окончательном виде выглядел так: «Настоящее соглашение существует в трех экземплярах, каждый на русском, английском и африкаанс. Все три текста имеют равную силу».⁴¹¹

В ходе переговоров решено было создать советское генеральное консульство в Претории и консульство в Кейптауне. 17 апреля 1942 Майский

⁴¹⁰ Ibid.

⁴¹¹ Ibid.

сообщил верховному комиссару, что первая группа штата Генерального консульства для Претории и консульского агента в Кейптауне назначена советским правительством. Он представил и список штата: восемнадцать человек во главе с генеральным консулом Демьяновым.⁴¹²

Южноафриканские консульства в Советском Союзе созданы не были. Должно быть, в этом не было особой практической нужды: южноафриканские корабли в советские порты не заходили, и южноафриканские граждане приезжали в СССР тоже крайне редко. К тому же и те шаги к сближению с Советским Союзом, которые были сделаны правительством Смэтса, вызвали бурю возмущения. Дж.Г. Стрейдом, лидер Национальной партии в Трансваале, заявил в парламенте, что стоит ему закрыть глаза, и он видит, как Хофмейер, ближайший сотрудник Смэтса, стоит, обнимая Сталина в образе сатаны, и что тем самым он соединяется с «единственным безбожным и богоотступным народом в мире, коммунистами России».⁴¹³

Да и самого Смэтса вряд ли так уж радовали красные флаги над советскими консульствами. Мы не нашли в его письмах особо теплых слов о советских дипломатах.

Зато он с добротой отнесся к Зиновию Пешкову. Смэтса не могла не заинтересовать поразительная биография этого человека. Его настоящая фамилия была Свердлов. Он был старшим братом Якова Свердлова, ближайшего сподвижника Ленина. Но политические взгляды братьев были совершенно различны. Фамилию Пешков он получил от своего старшего друга, Максима Горького. Во время первой мировой войны Зиновий Пешков сражался на Западном фронте, во Франции, потерял руку, стал кавалером Почетного легиона. После войны остался во Франции, был офицером Иностранного легиона, подружился с Де Голлем и в 1941-1942 годах был его представителем в Претории. В сентябре 1942-го Смэтс писал Де Голлю: «Я очень высоко ценю полковника Пешкова. В его лице у Вас есть достойный и преданный офицер, чтобы

⁴¹² Ibid.

⁴¹³ Hansard Parliamentary Debates. - Vol. 43, col. 385 et seq.

представлять Вас в Южной Африке».⁴¹⁴

Смэтс симпатизировал Пешкову потому, что тот не был советским (хотя в советском консульстве бывал). Негативное отношение Смэтса к большевизму не изменилось, несмотря на то, что СССР и Южная Африка оказались союзниками в антигитлеровской борьбе. Но, соблюдая союзнический долг, Смэтс во время войны не чинил помех работе консульства.

О военном сотрудничестве

СССР и ЮАС были членами антигитлеровской коалиции. Но как они, находясь за тысячи и тысячи километров друг от друга, могли сотрудничать? В каких конкретных формах?

Установить это оказалось не так-то легко. Уже вскоре после победы наши страны оказались по разные стороны в холодной войне. Южно-Африканский Союз стал одним из первых объектов самого разного осуждения со стороны Советского Союза. Уже на Парижской мирной конференции, где речь шла об общей победе над гитлеровцами, В.М. Молотов обрушился на ЮАС: «Нам чужды также идеи Сесиль Родса, известного организатора “Южно-Африканского Союза”».⁴¹⁵ Сказал это 14 сентября 1946 г. в речи о мирном договоре с Италией и о судьбе Триеста. Никакого отношения к Южной Африке это не имело, но Молотов все-таки ее помянул. И само название “Южно-Африканского Союза” поставил в кавычки.

О каком сотрудничестве военных лет можно было после этого писать?

Еще меньше хотелось об этом вспоминать властям ЮАС.

Вот и получилось, что о былом сотрудничестве стало возможным вспомнить в полный голос, лишь когда режим апартхейда ушел в прошлое, и между Россией и Южно-Африканской Республикой установились полновесные дипломатические отношения – обмен посольствами.

Публично, широко это сотрудничество отмечалось впервые лишь через полвека.

24 апреля 1995 г. Центр российских исследований Кейптаунского

⁴¹⁴ Smuts to General C. de Gaulle 16 Sept. 1942 // Selections... – Vol. VI. - P. 387.

⁴¹⁵ Молотов В.М. Речи на Парижской мирной конференции. Июль-октябрь 1946 г. – М.: ОГИЗ, 1946. – С. 108.

университета вместе с генеральным консульством России в Кейптауне провели в Кейптаунском университете большую встречу в ознаменование 50-летия победы во второй мировой войне. В подготовке и организации приняли теснейшее участие ряд южноафриканских организаций и учреждений: Южноафриканский институт международных проблем, Институт оборонной политики, Военно-морской музей. Это и была первая за все послевоенные годы российско-южноафриканская встреча, посвященная совместной борьбе во второй войне.

Она началась симпозиумом “Россия и Южная Африка - союзники во второй мировой войне”. Ее открыл посол России Е. Гусаров, проректор Кейптаунского университета проф. У. Гиверс и директор Центра А. Давидсон.

С докладом о роли Советского Союза в войне выступил генеральный консул России Ю. Черный; с докладом об участии Южной Африки в войне - известный военный историк, директор военно-морского музея коммодор У. Биссет. Затем выступили ветераны: старейшие члены парламента ЮАР Б. Бантинг и К. Эглин, бывший командующий военно-морским флотом Южной Африки адмирал Х. Бирман, известный общественный деятель Ф. Брэдлоу. Было зачитано приветствие посла ЮАР в России профессора Х. Олифира. Участники симпозиума возложили венки к монументу памяти жертв второй мировой войны. Затем состоялся прием и просмотр южноафриканского и русского фильмов о второй мировой войне.

Встреча продолжалась с 15.30 до 10 часов вечера. Участвовало около 200 человек: ветераны, ученые, члены парламента во главе с заместителем председателя парламента, генералы и офицеры во главе с командующим войсками восточнокапской провинции, видные общественные деятели, деятели культуры, сотрудники российского посольства, приехавшие из Претории. Из Москвы приехала группа российских общественных деятелей и бизнесменов.

Готовя эту встречу, мы, сотрудники Центра российских исследований, разыскивали ветеранов второй мировой войны. Крупнейшая в ЮАР газета “Аргус” по нашей просьбе обратилась 2 февраля к читателям с просьбой дать сведения о всех южноафриканских моряках, которые участвовали в помощи России. Газета дала этому обращению заголовок: “История мужественных арктических моряков должна быть рассказана”.

В результате этой встречи удалось собрать сведения о ряде событий военных лет, которые сближали наши страны.

Сталинград и Тобрук

Тяжелые бои, которые вели южноафриканские войска в Восточной Ливии, под Тобруком и Аламейном, совпали по времени с решающими сражениями на советско-германском фронте. В газетах всего мира сводки из России и из Северной Африки шли рядом. Появились книги под названием “От Тобрука до Смоленска”⁴¹⁶ или “К Сталинграду и Аламейну”.⁴¹⁷

В южноафриканских частях было немало выходцев из России, вернее, их сыновей и внуков. На встречу мы пригласили ветерана второй мировой войны известного кейптаунского архитектора Хиллела Турока. Его отец сражался в русской армии в первую мировую, был Георгиевским кавалером. Френк Брэдлоу, Уолфи Кодеш, Лу Вулф, Брайан Бантинг – эти южноафриканские ветераны второй мировой войны, пришедшие на встречу, или сами родились в России, или родители их были нашими соотечественниками.

Сколько же было выходцев из России, сражавшихся в южноафриканских войсках против гитлеризма, если даже на нашей встрече в Кейптаун в 1995 г. оказалось несколько таких ветеранов!

Сохранилось и свидетельство офицера – выходца из России – сражавшегося в составе британской армии с армией немецкого фельдмаршала Роммеля, начавшей наступление 26 мая 1942 г. в Ливии. Он упоминал воевавших вместе с ним южноафриканцев.

«В течение пяти дней ожесточенных боев нам удалось отогнать Роммеля и укрепиться в Агейле, около трехсот миль от Газали, где наша линия фронта установилась несколько месяцев назад. Задачей нашей части было защищать 25-фунтовые южноафриканские орудия, и мой взвод занимал позицию на левом фронте».

Роммелю, как известно, удалось организовать очень мощное наступление.

⁴¹⁶ *Strategiks*. From Tobruk to Smolensk. – London: The Right Book Club, 1942.

⁴¹⁷ *Strategiks*. To Stalingrad and Alamain. – London: Faber and Faber, [n.d.].

«Линия обороны была полностью прорвана, и южноафриканские орудия были выведены из строя, но мы оставались в наших траншеях еще час или два, пока я не получил приказ, что все, кто еще остались на передовой, должны отступить, стараясь сохранить как можно больше военной техники, поскольку передовые немецкие танки уже зашли нам в тыл». Русский офицер отнюдь не винил южноафриканцев. Наоборот, восхищался ими. Написал, что немецкой армии удалось прорвать фронт «несмотря на героические усилия южноафриканцев».⁴¹⁸

Кто был этот человек, сражавшийся бок о бок с южноафриканцами в самый тяжелый для южноафриканских солдат период второй мировой войны? Тогда он был английским лейтенантом (вскоре - капитаном) второй бронетанковой бригады восьмой армии. Бригадир Бриггс дал ему кличку Сорбо. А фамилия у него русская – Соболев. Он родился в Сибири в 1901 году, в молодости сражался против большевиков в армии адмирала Колчака. После разгрома этой армии ушел с ее остатками в Китай. Вступил в русский отряд китайской армии, чтобы бороться с китайскими большевиками. Был лейтенантом в бронепоезде под командованием русского генерала Черностинова. Затем обосновался в Шанхае, вступил в Ассоциацию российской молодежи.

Постепенно у него созрело решение совершить кругосветное путешествие. Он сказал друзьям: «В мире должны быть тысячи русских, как мы, разбросанных в каждой стране под солнцем. Разве не великолепно было бы отправиться и найти их и помочь им понять, что мы все еще русские, и что когда-нибудь, хотя сейчас мы эмигранты, мы сможем снова отправиться домой? Почему я должен торчать здесь, в Шанхае, когда мне открыты дороги мира?».⁴¹⁹

Сначала на велосипеде, потом на мотоцикле с флагом российской империи он проехал всю Азию и Европу, переправился в Америку, пересек ее. Всюду встречался с общинами российских эмигрантов. Затем переплыл в Японию и оттуда вернулся в Шанхай. И снова - побывал в Сиаме, в Малайских государствах, в Индии. В 1932 г. решил обосноваться в Англии. Получил образование как физиотерапевт в Готебурге, в Швеции. С началом второй мировой войны вступил

⁴¹⁸ *Major I.S.K.Soboleff. Cossack at Large.* – London: Peter Davies, 1960. - P. 157-158.

⁴¹⁹ *Ibid.* - P. 66.

в британскую армию.

Жизнь свела его не только с южноафриканскими войсками, но и с самой Южной Африкой. Военная часть, к которой он принадлежал, была отправлена из Шотландии в Египет через Кейптаун. «Мы провели несколько дней в Кейптауне, где нас великолепно встретили жители, и я чувствовал себя, как в одном длинном сне, переходя с одной вечеринки на другую!».⁴²⁰

За участие в боях в Северной Африке он, как и отличившиеся южноафриканские солдаты и офицеры, был награжден военным крестом. И удостоился разговора, хотя и краткого, с английским королем Георгом VI.

Архангельск и Мурманск

Довольно широко известно, что британские корабли привозили в Архангельск и Мурманск вооружение, боеприпасы, продовольствие. Это называлось - «Русские конвой». В конвоях принимали участие и моряки-южноафриканцы.

Первый конвой - большой караван судов - отправился в Россию в сентябре 1941 г. В его составе был минный тральщик «Гусар». Он прошел невредимым весь путь до Архангельска - редкое везение для "русских конвоев". В Архангельске он оказался схвачен льдами. С помощью советского ледокола "Ленин" он добрался до Мурманска. Там ему, как и нескольким другим судам британского флота, пришлось задержаться надолго. Лишь в январе 1942 г. отправился в обратный путь. На его борту были английские летчики. Они сопровождали самолеты «Спитфайр» и, передав их советским летчикам, возвращались на родину.

В Англии «Гусару» пришлось отдыхать недолго. Вскоре, весной того же 1942 года, его опять послали в Мурманск. На этот раз немецкие самолеты его обнаружили, преследовали, атаковали. Но все же он добрался до Мурманска. И пробыл там до июля.

В экипаже этого минного тральщика был и южноафриканский офицер, чье имя потом приобрело известность. Он стал коммодором (последний чин до адмиральского) и кавалером многих орденов.

⁴²⁰ Ibid. - P. 152-153.

На российскую землю он ступил уже опытным моряком. Вырос в южноафриканском портовом городе Порт-Элизабет. На флоте служил с 1935 г.

Имя этого человека - Уильям Дуглас Хогг. Он, как и другие ветераны “русских конвоев” был приглашен участвовать в нашем симпозиуме. Им вручили российские медали 50-летия Победы. И мы слушали их рассказы.

Южноафриканцы принимали участие в той известной схватке в Северном море, когда крейсер “Эдинбург” с сопровождавшими его кораблями шел из Мурманска домой в Англию. Тральщики, в том числе и “Гусар”, сопровождали караван в начале пути. 19 апреля они уже возвращались в Мурманск. Но на следующий день им пришлось опять менять курс и возвращаться к каравану. Им сообщили, что вечером 30 апреля немецкая подводная лодка торпедировала “Эдинбург”. Поврежденный крейсер попытался идти в Мурманск, а это - 200 миль пути. Советская канонерка “Рубин” и два английских эскадренных миноносца патрулировали вокруг него, охраняя от подводных лодок. Но вскоре на горизонте появились три немецких миноносца. “Эдинбург” получил вторую торпеду - с противоположного борта, прямо напротив первой пробоины. Теперь уже только верхняя палуба и киль держали корабль, не давали ему разломиться пополам. На “Эдинбурге” кроме экипажа, было несколько сот человек, возвращавшихся из Мурманска в Англию. 840 моряков спаслись. Их подобрала миноносцы. Из южноафриканцев погибли двое.

Все корабли, кроме “Эдинбурга”, пришли в Мурманск. Там они получили послание от командира советской канонерки “Рубин”:

«Советские моряки были свидетелями героической борьбы английских моряков с превосходящими силами врага.

Английские моряки выполнили священный долг перед своей родиной.

Мы гордимся стойкостью и мужеством английских моряков — наших союзников...».

Это лишь два эпизода истории участия южноафриканцев в “русских конвоях”.

С августа 1941 по май 1945 г. в Мурманск и Архангельск прошли 35 караванов - 715 кораблей. В самом тяжелом сражении из 36 кораблей конвоя PQ17

погибло 23.

Во время войны в британском флоте было 3 тысячи южноафриканцев. Никто не подсчитывал, сколько из них участвовали в русских конвоях. Но сохранилось немало свидетельств. Например, письмо южноафриканского лейтенанта Питера Филипа к родителям с описанием его участия в этих опасных плаваниях. Он был награжден медалью, как и лейтенант-коммодор Энтони Трю, коммодор А. Помрой.

Лучшему другу

В военном музее, что в старой кейптаунской крепости, хранится маленькое зеркальце. На оборотной его стороне старательно нацарапана надпись «От советских летчиков - лучшему другу Wolhuter, sergeant S.G. за оказанную помощь. Герой СССР Козуля 5.12.43».

Зеркальце было подарком Валли Вольхютеру, южноафриканскому сержанту, африканеру, который помог выжить четырем пленным советским летчикам в Германии.

Валли Вольхютер, тоже пленный, был одним из переводчиков в лагере военнопленных в Германии возле Мюльберга. Однажды к нему подошел молодой русский, Фрол Козин, и попросил помочь четырем советским летчикам - заключенным тюремного барака.

После наступления темноты пленным было запрещено выходить из своих барачков. Но Вольхютер пошел за Козиным - из сочувствия к русским. Как известно, советское правительство отказалось подписать Женевскую конвенцию о военнопленных. Поэтому они не получали посылок и другой помощи от Международного Красного Креста. Голодали. Красный Крест не защищал их интересы. Гитлеровские власти вообще обращались с ними неизмеримо хуже, чем с американцами или англичанами.

«С того самого момента, как они попадали в плен, подавляющее большинство из них оказывались в таком аду, который невозможно описать, и вряд ли когда-нибудь можно будет дать о нем реальное представление... Почти у всех русских пленных отнимали обмундирование и вместо него давали самую

безобразную и унижающую одежду, которая делали их изгоями. У них отнимали сапоги и давали им деревянные башмаки с тряпками (так называемые Fusslappen), которыми обматывались ноги вместо носков». Так писал впоследствии Вольхютер.⁴²¹

То, что он увидел в тюремном бараке, было ужасно. «Там было страшно холодно. Печь не топилась, а на койках не было ни одеял, ни соломенных тюфяков. У меня сердце переполнилось жалостью». Фрол открыл дверь, ведущую в умывальню с цементным полом. Тут было еще холоднее. Здесь и находились четыре пилота. Их посадили туда за попытку к бегству. Козуля показал Вольхютеру медаль, которой он был награжден за 550 затяжных прыжков и сказал, что он был когда-то чемпионом мира в этом виде спорта. А в этот тюремный карцер его посадили не только за попытку к бегству, но и за отказ выступить по немецкому радио с осуждением Советского Союза.

На следующую ночь Вольхютер пришел к летчикам вместе с английским сержантом Билом Дэвисом. А затем они вместе стали собирать продукты у других пленных из присылаемых им посылок: по чайной ложечке сахара, по кусочку печенья, по ломтику мяса. Это привело к созданию в лагере “Комитета взаимопомощи”. Помогать больше всего пришлось русским, а также пленным итальянцам, которых содержали еще хуже русских, поскольку считали их предателями.

Летчики выжили. Их благодарность и хранится в музее старой крепости в Кейптауне.

* * *

В начале 1995 г. в 22-м номере газеты “Нью бридж”, выходившей на русском и английском языках, мы опубликовали ту надпись на оборотной стороне зеркальца.

Колин Эглин, один из старейших членов парламента ЮАР и ветеран второй мировой войны, придя на встречу 24 апреля и прочитав этот материал в “Нью бридж”, сказал А. Давидсону, что Валли Вольхютер - его друг, что он жив и

⁴²¹ *Wolhuter S.G. The Melancholy State. The Story of a South African Prisoner-of-War. – Cape Town, [1982]. - P. 90-99.*

вполне здоров. Ему было тогда 82 года и жил он в одном из красивейших мест Южной Африки, в поселке Германус под Кейптауном. Что будет рад встретиться и приглашает к себе.

3 мая Давидсон и сотрудник российского генконсульства А.В. Мухин побывали у Вольхютера. Подтянутый, сухощавый, моложавый, он встретил нас очень приветливо. Поблагодарил за фотографию. Подарил свою книгу “История одного военнопленного южноафриканца” (она вышла в 1982 г.). Показал свои дневники военного времени: он вел их в плену. Воспоминания нахлынули на него. И рассказывал, рассказывал.

В одном лагере с ним были тысячи советских военнопленных. Это были первые россияне, с которыми он встретился.

До встречи с нами людей из России он не видел полвека. Последний раз - в 1945 или 1946-м. Он приходил тогда в советское консульское агентство (оно существовало в Кейптауне с 1942 до 1956 года), чтобы навести справки о россиянах, с которыми он подружился в лагере для военнопленных. Сотрудник консульского агентства С. Братчиков принял его любезно. Подарил пачку советских папирос. Но ответа на свои вопросы Вольхютер не получил. Узнав из газет, какую трагическую судьбу уготовил Сталин советским военнопленным по их возвращении на Родину, он счел бесполезным дальше наводить справки.

Нам он о тех своих друзьях говорил с большой теплотой. Особенно о Фроле Козине. Сказал даже, что столь симпатичного ему человека он встретил впервые в жизни.

По его словам Фрол Козин немного знал немецкий. Биографию свою не рассказывал. Сказал лишь, что воевал еще в финскую кампанию. Не отвечал даже на вопросы, казавшиеся Вольхютеру вполне невинными. Как-то Вольхютер, говоря о своем боевом опыте, спросил, сколько орудий в советской артиллерийской батарее. Козин отказался отвечать - человека, разглашающего, мол, такие сведения, в СССР считают изменником.

Самым образованным из советских Вольхютеру казался человек по фамилии Осовецкий. Он был студентом. Цитировал Шекспира. Знал даже, что русские добровольцы сражались на стороне буров во время англо-бурской войны.

Для Вольхютера это было в новинку - он этого тогда не знал.

В записной книжке Вольхютера Козин написал свой адрес так: Moskau: Strasse Koshewnitscheskaja, Haus N. 1A, Zimmer N.12.

Другой русский военнопленный нарисовал - и очень неплохо - портрет Вольхютера. Вольхютер его сохранил и показал нам. В нижнем правом углу надпись: Stalag 4В. Г. Бородич. 28.11.1943. Старлаг – название и номер лагеря.

Вольхютер участвовал в организации помощи не только тем летчикам, но и другим россиянам.

По словам Вольхютера, летчики, которым он помог, дожили, как и Фрол Козин, до освобождения лагеря Советской армией. 24 апреля 1945 г. в лагерь вошли казаки. Южноафриканцы, взятые в плен еще под Тобруком, проведя в лагере больше двух лет, наконец, получили возможность вернуться домой. Советских и югославских пленных построили в колонны и увели. С этого момента Вольхютер потерял их след.

Потом, до передачи остальных военнопленных англо-американской администрации, лагерь в течение нескольких недель управлялся советской стороной. Об этих днях у Вольхютера сохранились не очень лестные для Советского Союза воспоминания. Но неприязнь к советской бюрократии не поколебала его симпатий к людям. В 1993 году, когда борцы против апартхеида (???) взорвали бомбу в одной из кейптаунских церквей, и среди тяжело раненных оказался российский матрос Дмитрий Макогон, Валли, как и многие южноафриканцы, дал деньги для его лечения.

... В 22-м номере “Нью бридж” мы опубликовали и портрет коммодора У.Д. Хогга. Он тоже пришел на встречу в Российский центр. А затем, 26 апреля, прислал мне письмо. Написал, что, возлагая венок к памятнику жертвам войны и слушая выступления на симпозиуме, он очень остро ощутил снова то чувство товарищества, которое возникло много, много лет назад.

И заключил письмо так: «Пожалуйста, примите мою сердечную признательность за то, что меня пригласили, и за то, что освежили мое восхищение русским народом». Подобные письма благодарности мы получили от многих ветеранов.

Все это, наверно, говорит о том, что встреча в Центре российских исследований стала одним из шагов к сближению южноафриканской и российской общественности и к улучшению взаимопонимания между Россией и ЮАР после десятилетий холодной войны и политики апартхеида.

Южноафриканская общественность

Консульские отношения были установлены под сильным давлением южноафриканской общественности. И помощь, посылавшаяся в Россию, собиралась не на государственные, а на общественные средства. А помощь была немалая.

Центром организации помощи было общество “Друзья Советского Союза”. Оно возникло в 1931-1932 гг. сперва в Кейптауне, а потом и в ряде других городов.

После 23 августа 1939 г. (подписания пакта Молотов - Риббентроп) ряды общества заметно поредели, но с 22 июня 1941 г. стали быстро расти.

Сразу же началась кампания по сбору медикаментов для СССР. Было создано общество “Медицинская помощь для России”, тесно связанное с “Друзьями Советского Союза”. В начале сентября 1941 г. в поддержку этой кампании состоялся митинг в городском зале Йоханнесбурга. Приветствия ему послали даже премьер-министр Сметс министры, члены парламента.

“Медицинская помощь для России” действовала столь эффективно, что, по сведениям советского консульства, только с 1942 г. по июнь 1944 г. среди населения Южной Африки было собрано около 700 тыс ф.ст. Из них 130 тыс были переведены на имя советского посла в Лондоне Майского, а 20 тыс - в фонд британской организации помощи СССР, которую возглавляла жена Черчилля. Товаров было послано в СССР более чем на 436 тыс ф.ст.: продуктов - на 200 тыс, медикаментов - на 1295 тыс, теплой одежды и одеял - на 80 тыс, крови для переливания - на 133 тыс, витаминов – на 3,5 тыс.

Советскому Союзу присылались и такие подарки, как, например, изобретение южноафриканских ученых о применении рентгеновских лучей для удаления инородных тел из глаза. Специальные подарки шли Сталинграду – на

помощь его детям.

“Друзья Советского Союза” первыми развернули кампанию за признание Советского Союза, за установление полновесных отношений и обмен посольствами. А в конце июня 1942 г., когда приехали консул и сотрудники советского консульства, в Городском холле Йоханнесбурга снова был устроен митинг. В нем приняли участие несколько тысяч человек.

В первой национальной конференции общества “Друзья Советского Союза” в 1943 г. участвовали делегаты из Йоханнесбурга, Кейптауна, Дурбана, Претории, Боксбурга, Джемистона, Бенони, Кимберли, Спрингса, Почефстрома и даже из Родезии.

Наряду с журналом “Советская жизнь” который выходил с декабря 1941 г. (позднее он назывался “Советская Россия”), и “Бюллетенем новостей”, который стал выходить вслед за журналом, общество выпустило немало брошюр как самого общего характера, так и об отдельных сторонах жизни в СССР. Выходили брошюры и на языке африкаанс. Переводились художественные произведения русских авторов.

Пик активности и влияния общества - это 1943 и 1944 годы. 10 июля 1943 г. руководители общества писали, что в обществе активное участие принимают 16 профсоюзных организаций, объединяющих 75 тысяч человек. Вскоре число профсоюзов стало еще больше. Обществу активно помогал один из членов правительства Колин Стейн, министр юстиции. За поддержку военных усилий Советского Союза выступили Клубы левых в Йоханнесбурге и Кейптауне.

Просоветская позиция еженедельника “Гардиан” в немалой степени содействовала увеличению его тиража: с 12 тыс. в 1940 г. до 33 тыс. в июне 1942 г. и до 42 400 - к 1943 г.

Вторая национальная конференция, состоявшаяся 6-9 июля 1944 г. в университете Витватерсранда, была подлинным триумфом общества. Одно лишь перечисление его покровителей заняло в программе-приглашении две страницы убористого текста. Министры, во главе с премьер-министром Смэтсом, сенаторы, члены парламента, мэры Йоханнесбурга, Претории, Дурбана и Питермарицбурга, генералы, ученые, церковные деятели, послы многих стран, аккредитованные в

Южной Африке.

Конференция призвала правительство принять срочные меры для направления в Советский Союз дипломатических и консульских представителей.

Эта конференция и в целом 1944 год были самыми успешными для «Друзей Советского Союза». Общество имело отделения или уполномоченных во всех крупных городах Южной Африки, в Южной Родезии - в Солсбери и Булавайо, и в Северной Родезии. Во время войны возникло общество «Родезийские друзья Советского Союза». Оно имело свое отделение даже в Медном поясе, в области Нкана-Китве. 11 марта 1944 г. общество «Друзья Советского Союза» было создано и в Кении. Советское генконсульство в Претории получало журнал этого общества «Феникс» и посылало его в Москву.

Общество расширяло сферу своей деятельности. Из дискуссионного клуба, каким оно было в 30-х годах, оно превратилось во влиятельную организацию. И если поначалу работало почти исключительно в среде белого населения, то в последние годы войны стало действовать и в тауншипах,⁴²² включилось в социально-политическую борьбу, которая усилилась в стране с проведением массового бойкота автобусов и созданием Молодежной лиги Африканского национального конгресса. Общество получило поддержку некоторых групп черного населения, но именно этим навлекло на себя недовольство большей части правящей элиты.

Несомненно, что среди всех стран Африки симпатии к России проявились ярче всего в ЮАС. Тому было много причин. Не последнюю роль сыграло то, что в Южной Африке жили десятки тысяч выходцев из России, их дети и внуки. Что касается африканцев, то многие из них помнили то сочувствие и симпатии, которые проявила к ним российская общественность во время англо-бурской войны.

На волне симпатий к борьбе советских людей укрепилась и Южноафриканская коммунистическая партия (тогда она называлась Коммунистической партией Южной Африки). Она вела энергичную пропаганду в пользу СССР и играла большую роль в деятельности «Друзей Советского Союза».

⁴²² Пригородных поселках африканцев.

Деятельность общества “Друзья Советского Союза”, постепенно затухая – из-за резко недоброжелательного отношения властей, - продолжалось до середины 1950-х.

В Витватерсрандском университете (Йоханнесбург) в Отделе рукописных материалов, прежде всего, в фонде Дугласа Томпсона, который был президентом общества “Друзья Советского Союза”, хранится множество документов, связанных с этим обществом.⁴²³

Южноафриканская кровь для советских раненых

Перенесемся в Москву, в Архив внешней политики Российской Федерации.

Документы Советского генконсульства в ЮАС 1942-1945 годов. Хотелось бы привести их тут целиком, но их просто слишком много.

Перечислим лишь некоторые:

“Документ о кампании сбора крови для советских раненых. 1943 г.”

“Документ о передаче СССР в дар крови и медикаментов. 20 мая 1943 г.”

“Советским раненым вливали южноафриканскую кровь!”

“Документ об оказании СССР гуманитарной помощи. 18 июня 1942 г.”

“Меморандум общества "Медицинская помощь России". 1942 г.”

“Документ о передаче в дар медикаментов. 19 августа 1942 г.”

“Документ об оказании СССР медицинской помощи. 18 сентября 1942 г.”

“Список товаров, переданных в дар народам СССР жителями Претории. 1942 г.”

“Дополнительный список вещей, подготовленных к отправке в СССР в качестве дара. 1942 г.”

“Документ о передаче в дар СССР медикаментов. 20 ноября 1942 г.” И такой же документ от 26 января 1943 г.

“Документ о передаче СССР денежного пожертвования. 5 марта 1943 г.”

“Документ об отправке медпомощи. 23 марта 1943 г.” Такие же документы

⁴²³ William Cullen Library (University of the Witwatersrand), Historical and Literary Papers. A 1906/AC9-15. Rev. D.C. Thompson. AC. Friends of the Soviet Union.

от 7 апреля 1943 г., июля 1944 г., 28 ноября 1944 г., 13 января, 18 января, 1 марта, 2 марта, 9 марта, мая 1945 г.

Перечень таких материалов можно продолжать и продолжать И не только о медикаментах, а и о продовольственной помощи, о денежных пожертвованиях, о подарках советским детям.

Вот письмо советского генконсула в наркомат иностранных дел от 20 декабря 1944 г. Оно было переслано Молотову, Микояну, Вышинскому, Деканозову и в различные департаменты Наркоминдела.

«Медицинская помощь для России информирует нас, что в ближайшее время они доставят ... вакцину против тифа в 24 коробках общим весом в 900 фунтов и стоимостью в три тысячи фунтов. Этот груз составит сорок тыс. доз...»
[Текст оригинала неясен]

Даже после окончания войны ряд южноафриканских организаций предложили давать средства для организации госпиталей и клиник в советских городах. 7 сентября 1945 г. заместитель наркома иностранных дел А.Я. Вышинский сообщил заместителю наркома народного здравоохранения Колесникову:

«Южноафриканские организации, дружественно расположенные к Советскому Союзу, выдвинули вопрос о строительстве нескольких больниц и поликлиник в СССР на собранные деньги.

Еврейская организация собрала 30 тыс. фунтов и хочет использовать их на строительство больниц в Минске, Каунасе и Вильно.

Медицинская помощь России сообщила нам, что она намеревается построить клинику в СССР и отводит для этой цели сто тыс. долларов. Я прошу Вас информировать о Вашем мнении на этот счет, и какой ответ можно дать на предложение Еврейской организации и Медицинской помощи России».

Свидетельств о рассмотрении этого вопроса мы не нашли. Скорее всего, дело, что называется, ушло в песок.

В отчете советского генконсула за 1945 г. говорится:

«С 1942 по июнь 1944 г. Комитетом медицинской помощи СССР собрано около 700.000 фунтов стерлингов среди населения Южно-Африканского Союза,

как европейского, так и туземного.

Отправлено в СССР следующие партии товаров:

1. Медикаментов на 129.490 ф.ст.
2. Крови 13.256 "—"
3. Витаминизированного рыбьего жира 3.500
4. Теплой одежды и одеял 80.000 "—"
5. Продуктов 200.000 "—"

Итого: 426.246 ф.ст.

Кроме приведенных расходов (426.246 ф.ст.) Комитет медицинской помощи СССР перевел на имя т. Майского сумму в 130.000 фунтов стерлингов и 20.000 фунтов стерлингов в фонд британской организации помощи СССР, возглавляемой мадам Черчилль». ⁴²⁴

Судьба советского консульства

Когда в войне наступил перелом и поражение фашизма стало очевидным, Смэтс оказался среди тех, кого встревожила опасность усиления большевизма.

«Я думаю, что мы оставляем слишком большую долю военного бремени России. Нам не в плюс, что англо–американцы вместе не имеют большего веса в этой войне. Это нехорошо для нас, если наши военные усилия выглядят хуже. И будет катастрофой, если потом получится, что Россия выиграла войну. Это сделает ее хозяйкой в мире, и это может ударить ей в голову. К тому же я не думаю, что Россия годится на роль мирового лидера. И в ее процессуальных нормах, и в ее перспективе слишком много незрелого, почти варварского. Ужасное дело с 10 тысячами польских офицеров в Катыни все еще преследует мои мысли». ⁴²⁵

С приближением конца войны эта тревога Смэтса становилась все сильнее. В январе 1945 он писал: «Победа очевидно будет русской, а мы будем следовать за ними без особой заслуги в ее окончании. Стратегия России значительно превосходит нашу, как и ее сила...». ⁴²⁶

В августе 1945-го, в канун победы над Японией и полного завершения

⁴²⁴ Из отчета советского генконсула в Претории, 1945

⁴²⁵ Smuts to M.C. Gillett 1 Sept. 1943 // Selections... - Vol VI. – P. 449.

⁴²⁶ Smuts to M.C. Gillett 21 Jan. 1945 // Selections... - Vol VI. – P. 521.

второй мировой войны он сокрушался: «Я глубоко разочарован Потсдамом... Россию превозносят, превращая ее в действительно опасную мировую державу...».⁴²⁷

А Национальная партия обвиняла Сметса в симпатиях к большевизму и к Сталину. Этому посвящалось немало карикатур. Еще в мае 1943 г. Эрик Лоу, который впоследствии, после прихода Национальной партии к власти, занимал министерские посты, внес в парламент предложение закрыть советское консульство.⁴²⁸ Лидер этой партии Д.Ф. Малан, за несколько недель до прихода к власти, в марте 1948 г., заявил: «Мы разорвем дипломатические связи с Россией... Россия долгое время планировала экспортировать сюда коммунизм и подстрекать к революции, и ее следующим плодородным полем деятельности является небелое население».⁴²⁹

После прихода националистов к власти (1948 г.) отношения между СССР и Южной Африкой с каждым годом обострялись все больше. Весной 1949 г., выступая на предвыборном митинге, Эрик Лоу вновь потребовал закрыть советское консульство. В донесении консульства в Москву это место его речи было изложено так: «Торговые взаимоотношения между Южной Африкой и Россией не оправдывают существования советского консульства в Претории. Коммунистическая пропаганда, которая достигла в ЮАС в последние месяцы страшных размеров, берет свое начало, главным образом, из русского генерального консульства в столице. В стране не имеется русских подданных, которые нуждаются в защите. Штат генерального консульства слишком велик для осуществления необходимой работы. Специальный русский курьер ежемесячно отправляется в Москву с секретными документами... Ситуация крайне опасна».⁴³⁰

А в отчете консульства за 1950 г.: «В истекшем 1950 году тон антисоветской пропаганды в ЮАС... в основном задавали правящие круги. За закрытие генерального консульства выступали провинциальные организации националистической партии, голландская реформистская церковь... Министр

⁴²⁷ Smuts to M.C. Gillett 10 August, 1945 // Selections... - Vol VI. – P. 549.

⁴²⁸ Это не прошло незамеченным в Министерстве иностранных дел СССР. АВП МИД РФ. Ф. 0145, оп. 13, п. 7, д. 2, л. 8.

⁴²⁹ Die Burger. – Cape Town, 16 March 1948.

⁴³⁰ Die Burger. – Cape Town. Ф. 050, оп. 38, п. 642, д. 575, л. 101-102.

юстиции Сварт, отвечая на вопрос о закрытии советского генерального консульства заявил, что “правительство рассматривает этот вопрос и весьма серьезно”». ⁴³¹

В том же 1950 году южноафриканское правительство запретило распространение в стране советской периодики. ⁴³² В конце 1951 года таможня задержала передачу фильмов с флотилии “Слава”, предназначавшихся для консульства. ⁴³³ В 1952 году консульство было лишено курьерской связи. ⁴³⁴

Число южноафриканцев, обращавшихся в консульство за получением советского гражданства, упало в 1949 году до пяти, а в 1950-х до трех человек. В 1945 году консульство в Претории и торговое представительство в Йоханнесбурге посетили 720 человек, в 1951-м - 130. ⁴³⁵

Сокращался штат консульства, поскольку новым работникам, в том числе и консулам, отказывали в визах. В 1954 г. власти Южной Африки объявили, что штат консульства должен быть сокращен до восьми человек. ⁴³⁶

Когда Эрик Лоу был назначен министром иностранных дел, одним из первых его действий было закрытие советского консульства. Решение об этом содержалось в ноте, которая была вручена 1 февраля 1956 г. только что назначенному новому советскому генеральному консулу Н.В. Иванову: «Открытие русского консульского представительства в Южно-Африканском Союзе было вызвано лишь необходимостью, связанной с последней мировой войной...». Консульство обвинялось в том, что оно поддерживало контакты с людьми, которые вели в Южной Африке подрывную работу.

В ноте упоминалось и распространение консульством коммунистической пропаганды, подстрекательство Африканского и Индийского Конгрессов к сопротивлению правительству, а также нарушение закона о спиртных напитках (которые, как известно, небелым в Южной Африке подавать и продавать не разрешалось, а на приемах в советском консульстве эта дискриминация,

⁴³¹ АВП МИД РФ. Ф. 050, оп. 51, п. 827, д. 668, л. 35, 36, 37.

⁴³² АВП МИД РФ. Ф. 050, оп. 51, п. 827, д. 688, л. 37, 356.

⁴³³ АВП МИД РФ. Ф. 145, оп. 11, п. 2, д. 2, л. 10-11.

⁴³⁴ АВП МИД РФ. Ф. 145, оп. 15, п. 3, д. 1, л. 1.

⁴³⁵ АВП МИД РФ. Ф. 050, оп. 51, п. 827, д. 668, л. 359- 360.

⁴³⁶ NASA SAB. BLO. Vol. № 702, Ref. PS 38/41.

естественно, не проводилась).⁴³⁷

Эрик Лоу, выступая в парламенте 1 февраля, торжественно сообщил, что в этот самый момент секретарь по иностранным делам вручает Ноту советскому консулу в Претории.

«По распоряжению distinguished министра иностранных дел я должен сообщить Вам, что правительство Союза пришло к выводу, что в интересах Союза и его народа прекратить деятельность Консульского представительства Союза Советских Социалистических Республик в Южно–Африканском Союзе.

Причины, которые привели к этому решению таковы:

1. Создание Консульского представительства России в Южно–Африканском Союзе было связано исключительно с нуждами последней мировой войны, в которой Южная Африка и советская Россия были союзниками. В послевоенные годы ситуация совершенно изменилась.

2. У правительства Союза имеются свидетельства того, что Генеральный консул, через своих сотрудников, установил и поддерживает контакты с подрывными элементами в Союзе, особенно среди банту и индийского населения, и что консульство служит каналом связи между такими элементами и властями Советской России. Более того, этот же канал используется для распространения коммунистической пропаганды, особенно среди населения банту, в нарушение закона этой страны, который запрещает коммунистическую пропаганду в какой бы то ни было форме.

3. Подтверждением вышесказанному является недавняя передача “Московского радио”, контролируемого советским правительством и служащего средством пропаганды и выражением взглядов правительства. Эта передача была по сути подстрекательством банту и неевропейского населения, и особенно Африканского и Индийского национальных конгрессов соответственно, противостоять правительству Южно–Африканского Союза.

4. Вы, конечно, знаете, что положения закона о спиртных напитках не соблюдались на территории Генерального консульства, и что недавно произошло серьезное нарушение закона на этой территории, несмотря на предыдущее

⁴³⁷ АВП МИД РФ. Ф. 145, оп. 15, п. 3, д. 1, л. 5-6.

предупреждение.

В этих обстоятельствах, правительство Союза полагает, что советское консульское представительство не в интересах мира и благополучия Южной Африки, и решило прекратить его деятельность. Поэтому я, в соответствии с распоряжением министра иностранных дел, прошу Вас принять необходимые шаги для закрытия вашего Генерального консульства в Претории, Консульства в Кейптауне и всех других советских агентств, которые могут существовать в Союзе. Закрытие вышеозначенных учреждений и агентств и отъезд из Союза их сотрудников, их семей и иждивенцев, должно вступить в силу 1 марта 1956 г.

Прекращение деятельности советского консульского представительства в Южно-Африканском Союзе не означает разрыва дипломатических, торговых и прочих отношений, которые в будущем могут вестись через советского посла в Лондоне, через посредство верховного комиссара Союза там».⁴³⁸

Советским дипломатам было приказано покинуть Южную Африку до 1 марта 1956 г. Дом консульства в Претории (на Правительственной авеню, 791) превращался в дом для престарелых. О советских кинофильмах, оставшихся в этом доме, советская сторона заявила: «соответствующие советские организации не будут иметь возражений, если эти фильмы будут уничтожены на месте».⁴³⁹

Обвинение в связях с «подрывными элементами» генеральное консульство сочло нужным опровергнуть. В ноте, направленной им в МИД ЮАС, говорилось: «связи сотрудников советских консульских учреждений с представителями различных слоев населения Южно-Африканского Союза не выходили за рамки общепринятых в таких случаях форм общения».⁴⁴⁰

В своем последнем интервью консул Иванов назвал разрыв отношений «трагедией для обеих наших стран, особенно для Южной Африки... У меня были такие большие планы по улучшению отношений между нашими странами. Я почти закончил приготовления к приглашению группы министров южноафриканского кабинета и членов парламента посетить Советский Союз и посмотреть на страну своими глазами. Я также надеялся наладить обмен учеными

⁴³⁸ NASA, SAB. BLO. Vol. № 702, Ref. PS 38/41.

⁴³⁹ Ibid.

⁴⁴⁰ АВП МИД РФ. Ф. 059, оп. 36, п. 80, д. 417, л. 26.

и горными инженерами. Мы многому можем поучиться друг у друга. Я уверен, например, что советские инженеры и ученые могли бы решить проблему нехватки воды в Южной Африке».⁴⁴¹

* * *

Каковы были результаты деятельности консульства в послевоенное десятилетие?

Сколько-то заметные экономические и торговые связи не возникли. Предложений было много. Еще в разгар войны, в апреле 1943 года, ЮАС предложил поставлять Советскому Союзу хром.⁴⁴² Интерес к торговле с СССР вскоре после войны проявила фирма “Дом Мозенталь”. Она намеревалась поставлять Советскому Союзу большие партии шерсти, а закупать асфальт и другие товары. Еще раньше заявила о своем решении торговать фирма “Рогов и К°”.⁴⁴³ Но эти предложения так и не осуществились.

В отчете консульства за 1944 год говорилось, что «деятельность коммерческого атташе ограничивалась сдачей в прокат и продажей наших фильмов, продажей нашей периодики и литературы..., реализацией грампластинок, оформлением посылочных операций. Всего выручка коммерческого атташе за 1944 год составила 4 343 фунта. Никаких других коммерческих операций по импорту и экспорту не было».⁴⁴⁴

Положение не изменилось и после окончания войны. Общество “Друзья Советского Союза” в марте 1947 г. просило коммерческого атташе передать в Москву, что лучшим методом познания СССР и завоевания симпатий к нему было бы развитие торговли.⁴⁴⁵ Однако в отчете генконсульства за 1947 год сказано, что «какой-либо торговли между Советским Союзом и ЮАС в 1947 году практически не было».⁴⁴⁶

В 1951 году ряд крупных южноафриканских фирм обратились в генконсульство с предложениями импортировать из СССР лес, железнодорожные

⁴⁴¹ Star. - Johannesburg, 6.2.1956

⁴⁴² АВП МИД РФ. Ф. 285, оп. 2, п. 7, д. 3.

⁴⁴³ Там же. Ф. 145, оп. 4, п. 7, д. 5, л. 21-22.

⁴⁴⁴ Там же. Ф. 050, оп. 29, п. 333, д. 219, л. 112.

⁴⁴⁵ Там же. Ф. 050, оп. 31, п. 442, д. 446, л. 96.

⁴⁴⁶ Там же. Ф. 050, оп. 33, п. 538, д. 511, л. 120-121.

шпалы, пушнину, рыбные консервы, бумагу и даже сельскохозяйственные машины, и ввозить в СССР шерсть, слюду, асбест и кожу.⁴⁴⁷ А генконсульство ставило перед Москвой вопрос об импорте из ЮАС олова, меди и промышленных алмазов.⁴⁴⁸

Были и другие проекты, однако, по разным причинам, судя по всему, по вине обеих сильно не доверявших друг другу сторон, все уходило в песок. В 1954 г. СССР экспортировал в ЮАС товаров всего на 20 тыс рублей.⁴⁴⁹

Экспорт СССР в ЮАС достиг высшей точки, как это ни парадоксально, уже после закрытия генконсульства. В 1956 г. он составил 2,1 млн. рублей. А импорт СССР из ЮАС достиг кульминации даже годом позднее. В 1957 г. - 106,8 млн. рублей.⁴⁵⁰ Но и этот объем, конечно, очень мал.

В 1959 г. южноафриканские бизнесмены вели переговоры в Министерстве внешней торговли СССР в Москве с представителями Машиноэкспорта, Машиноимпорта, Станкоимпорта, Техноимпорта, Разноимпорта. Речь шла и о покупке южноафриканских цитрусовых в СССР и о продаже в Южную Африку советской водки и икры.⁴⁵¹ Но это было уже накануне бойкота Южной Африки мировым сообществом и практических результатов не имело. В июне 1960 г. министерство внешней торговли СССР дало указание внешнеторговым организациям воздерживаться от заключения сделок на закупку южноафриканских товаров и на продажу советских товаров в Южную Африку.⁴⁵²

Та же картина и в области культуры. Еще в мае 1945 года исполняющий обязанности генконсула Зябкин сообщал в Москву: «Было высказано много пожеланий о посылке советских артистов - пианистов и скрипачей - на гастроли в Южную Африку. Я, со своей стороны, приветствовал бы такое начинание».⁴⁵³

Но никаких обменов музыкантами, артистами, художниками так и не произошло. Все, что делалось, было плодом усилий общества «Друзья Советского

⁴⁴⁷ Там же. Ф. 0145, оп. 15а, п. 7, д. 1, л. 2.

⁴⁴⁸ Там же. Ф. 050, оп. 51, п. 827, д. 668, л. 365; Ф. 050, оп. 53, п. 920, д. 742, л. 171.

⁴⁴⁹ Там же. Ф. 0145, оп. 15а, п. 7 д. 1, л. 2.

⁴⁵⁰ Там же. Ф. 145, оп. 18, п. 8, д. 1, л. 9.

⁴⁵¹ NASA, SAB. HEN, 4303, 739, vol. 2, vol. 4.

⁴⁵² АВП МИД РФ. Ф. 0145, оп. 21, п. 8, д. 1, л. 13.

⁴⁵³ Там же. Ф. 050, оп. 51, п. 828, д. 669, л. 165.

Союза”.

Конечно, и южноафриканские власти косо смотрели на контакты. И все же всемирно известного советского скрипача Давида Ойстраха приглашали приехать в октябре 1956-го, на 70-летие Йоханнесбурга. Приглашение пришло весьма заранее, более чем за год - в декабре 1955 г., т. е. еще до разрыва консульских отношений. Советские власти ответили отказом.⁴⁵⁴

Консульство передавало статьи, присылаемые из Москвы для южноафриканских газет. Они публиковались в кейптаунском еженедельнике “Гардиан”, в йоханнесбургских журналах “Совет лайф”, “Гармент уоркерс” и “Демократ”. Но редакторы жаловались, что статьи очень велики, их приходится сокращать, и к тому же многие статьи по своей теме не интересуют читателей.⁴⁵⁵

В сохранившихся материалах консульства большое место занимают письма с выражением отношения к Советскому Союзу и его политике. Они приходили не только из Южной Африки, но и из многих других африканских стран. Ведь советское консульство да посольство в Эфиопии были единственными советскими дипломатическими представительствами в Африке южнее Сахары.

Больше всего приветствий и поздравлений с юбилейными датами приходило от общества “Друзья Советского Союза”, от связанных с ним лиц и организаций, от некоторых профсоюзов и, разумеется, от коммунистов.

Сохранились и такие послания. Африканер из Гугенот юниверсити колледжа в Веллингтоне написал советскому дипломату Вышинскому. Он выразил уверенность, что Вышинский говорит на африкаанс, послал ему в знак признательности грамматику языка африкаанс и попросил советское правительство организовать из Берлина радиопередачи на африкаанс.⁴⁵⁶

Д-р Ван Атвеген из г. Тейнисен (Оранжевая провинция) подарил Сталину львенка по имени “Чака”. Львенок был помещен в Московский зоопарк.⁴⁵⁷

Писем с протестом против политики Советского Союза в делах консульства мало. Очевидно, те, кто осуждали Советский Союз, считали бесполезным вступать

⁴⁵⁴ Там же. Ф. 145, оп. 14, д. 5, л. 5.

⁴⁵⁵ Там же. Ф. 145, оп. 4, д. 4, лл. ...

⁴⁵⁶ Там же. Ф. 145, оп. 6, д. 1, л. 1.

⁴⁵⁷ Там же. Ф. 145, оп. 9, д. 3, л. 3.

в контакт с консульством. Среди исключений - несколько посланий от южноафриканских мусульман с яростным протестом против статьи об исламе в “Большой советской энциклопедии”. Об этой статье они узнали из южноафриканского журнала “Мослем дайджест”. 400 мусульман из Лусаки даже послали из-за этого петицию в Верховный Совет СССР. А в январе 1955 г. мусульманин из Дурбана просил советского премьер-министра Маленкова принять ислам и объявить Россию мусульманским государством - и выразил уверенность, что Маленков последует его совету.⁴⁵⁸

Сохранились в делах консульства и письма, пересланные из советского министерства иностранных дел - для сведения. Письма от жителей Гамбии и Того с жалобами на действия английских колониальных властей и с просьбой к Советскому Союзу о вмешательстве.⁴⁵⁹ А Банколе Реннер, ганец, получивший в

1920-х годах образование в СССР и вернувшийся на родину, послал в 1946 г. телеграмму советскому министру иностранных дел Молотову. В это время Молотов на Парижской мирной конференции предложил передать Советскому Союзу под опеку Триполитанию и Киренаику, т. е. всю или почти всю Ливию. Реннер обратился к Молотову - от имени всех угнетенных народов Африки - не отказываться от этого предложения. Заключил он свою телеграмму заверением, что народы Африки поддержат эту советскую инициативу.⁴⁶⁰

В целом, увы, нельзя сказать, что деятельность генерального консульства была особенно плодотворной.

Чем это объяснить? Отношением южноафриканских властей? Несомненно. Некомпетентностью, низким профессионализмом, подбором кадров консульства не по деловым, а по анкетным данным? Конечно, и этим тоже. Консульский агент, прибывший в Кейптаун в сентябре 1949 г., не знал ни одного иностранного языка.⁴⁶¹

Не особенно высокое дипломатическое искусство проявилось и в интервью, которое дал последний генеральный консул перед отъездом из Южной Африки.

⁴⁵⁸ Там же. Ф. 145, оп. 14, д. 1, л. 3-4, 10, 13-15.

⁴⁵⁹ Там же. Ф. 145, оп. 4, д. 4, л. 2; Ф. 145, оп. 4а, д. 1, л. 3.

⁴⁶⁰ Там же. Ф. 145, оп. 4, д. 4, л. 4.

⁴⁶¹ Там же. Ф. 050, оп. 40, п. 721, д. 564, л. 92, 101.

Его спросили: - Почему русским не разрешают путешествовать за границу?

Он ответил: - Русские могут путешествовать за границу, если у них есть достаточно денег, и их пускают в страны, которые они хотят посетить. Но мы – страна, которая любит удовольствия и живет сегодняшним днем. Поэтому немногие русские копят достаточно денег для отпуска за рубежом. Они много путешествуют в наших собственных странах, и многие чувствуют: “зачем ездить за рубеж, когда в России так много замечательных мест.”⁴⁶²

Некомпетентность, однако, была лишь побочной причиной слабой работы генконсульства. Вместо содействия развитию отношений Сталин вменял консульствам в обязанность следить, чтобы железный занавес нигде не дал трещину, и чтобы все взаимоотношения неукоснительно шли только в русле советской пропаганды. Такова была судьба, очевидно, всех советских дипломатических представительств.

И все же правительство Южной Африки выбрало странный момент для разрыва отношений.

Консульство было создано при Сталине и продолжало существовать в годы послевоенных сталинских репрессий. В феврале 1956 года, именно в том месяце, когда было закрыто консульство, состоялся XX съезд КПСС, раскрывший некоторые из сталинских преступлений и осудивший то, что называлось тогда “культом личности Сталина”.

По-видимому, южноафриканское руководство считало различия между Сталиным и Хрущевым несущественными тонкостями, никак не менявшими режима. Позже советское правительство примерно так же отвечало на перемены в южноафриканской политике, отказываясь замечать разницу между Форстером, Ботой, а поначалу и Де Клерком.

В беседе с консулом Ивановым 29 декабря 1955 года секретарь ЮАС по иностранным делам Форсайт, вскоре ушедший в отставку по политическим причинам, охарактеризовал отношение правительства ЮАС к советскому консульству как спекуляцию на угрозе коммунизма.⁴⁶³ Наверно, это и было

⁴⁶² Star. – Johannesburg, 16 February 1956.

⁴⁶³ АВП МИД РФ. Ф. 059, оп. 34, п. 22, д. 141, л. 152; Ф. 050а, оп. 27, п. 313, д. 147, л. 31;

главной причиной.

Южноафриканская литература в России

Знакомство россиян с южноафриканской литературой началось с фольклора. В 1873 году в Санкт-Петербургском журнале “Знание” (№ 11-12) опубликовали “Басни и сказки диких народов”. Делилось это на две части, обе – южноафриканские. Первая “Животный эпос и легенды готтентотов”. Вторая: “сказки и предания зулусов”. Переводы из двух английских сборников, которые считались хорошо составленными и не потеряли доброй славы до наших дней. В русском издании они названы правильно. Первая часть – из сборника Блика “Рейнард Фокс в Южной Африке”. Вторая – Коллауэй, “Детские сказки. Традиции и истории зулусов”.

Эти “басни и сказки” привлекли такое внимание, что в следующем же, 1874 г., были снова изданы, уже отдельной книгой. Тоже в Петербурге, в типографии Деманова.

В 1912 г. в Москве вышла книга “Сказки африканских народов”. Если не половина, то во всяком случае первая треть книги – южноафриканская. Хорошо выполненные иллюстрации: “Зулусская семья”, “Постройка хижины зулусами”, “Зулусы воины”, “Мальчик зулус с ассагаями”, “Бечуаны” и др. А в предисловии составитель (скрывшийся за инициалами “Н.АК”), говорит об африканцах с теплотой:

«Устав от тяжелого труда, от постоянной, напряженной борьбы за свое существование, на пороге своей незатейливой хижины или у костра во время привала после охоты, рассказывает негр сказки, мифы, задает загадки, поет песни; песней сопровождает он и труд свой. От творчества негра, исполненного простоты и некоторой наивности, веет на нас тишиной и прохладой девственных африканских лесов, в нем чувствуется простор степей Африки, оно пышет зноем пустынь Сахары и Калахари, в нем слышен шум их селений. Говорит нам эта народная литература о горе и радостях негров, об их трудах и заботах, она открывает нам их мирозерцание, их характер, их душу» (с. 5).

Ф. 050, оп. 29, п. 333, д. 219, лл. 35,41.

Все эти переводы, конечно, с западноевропейских языков. Но в 1937 г. сборник зулусских сказок уже сделан ленинградским африканистом Игорем Леонтьевичем Снегиревым (1907-1946), который знал зулусский язык – пусть и не настолько, чтобы не использовать английские переводы, но проверять их, конечно, мог. Книга издана с прекрасными иллюстрациями. В предисловии И.Л. Снегирев написал: «Когда заходило солнце, наступала тьма, и скот загонялся на ночь за ограду внутрь селения, дети забивались в хижины: к домашним очагам и настороженно слушали рассказы женщин о том, как чудесно родился Хлаканьяна и Нхлату, как Хлаканьяна провел своего отца и соплеменников, как он сварил мать людоеда, обманул целый ряд зверей и, наконец, получил мечту каждого юноши - боевое копье. Они слушали с затаенным дыханием о скале, которая была жилищем людоеда и открывалась произнесением условных слов; вместе с героями сказок поднимались они на небо и спускались под землю, летали по воздуху; переживали вместе с героями их огорчения и неудачи, радости и победы. Но не будем забывать, что если слушателями сказок были дети, то их создателями были взрослые. В сказке искусно переплетались каждодневная действительность и фантастические темы, владевшие умами не одних только детей, но и взрослых».⁴⁶⁴

Первым южноафриканским писателем, с которым познакомилась Россия еще в конце девятнадцатого века, была, конечно, Оливия Шрейнер.

Но широкий круг русских читателей знакомился с Южной Африкой не по народным преданиям и не по произведениям Шрейнер. Ее образ создавался у них по той западноевропейской приключенческой литературе, для героев которой, в последние десятилетия девятнадцатого столетия и начала двадцатого, полем действий была экзотическая Африка.

Это романы Луи Буссенара, Райдера Хаггарда, Жюль Верна, рассказы и стихи Киплинга. Майн-Рид уже к 1864 году стал настолько популярен, что петербургское издательство М.О.Вольфа начало печатать многотомное издание его сочинений. Общее название дали такое: “Охотничьи рассказы из жизни африканских и американских обитателей”. И первый же том – об Африке и бурах: “Дети лесов – Приключения молодых бозров”. Том 15-й (1872 год); “Охотники за

⁴⁶⁴ Сказки зулу. Izinganekwane. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1937. – С. 16.

жирафами”. Том 16-й (издан в том же 1872 году): “Приключения Ганса Стерка, южноафриканского охотника и пионера”.

Райдер Хаггард. Его “Рассказ охотника Кутермэна” появился в журнале “Русское богатство” в 1893 году (№ 5). Этот “рассказ”, на самом деле – роман, об английском путешественнике и охотнике в Южной Африке. Существовал прототип героя, реального человека – поэтому и роман привлекал не только яркой выдумкой, а и реальными увлекательными картинками. Вслед за “Русским богатством” его снова и снова, в разных переводах, печатали в журналах и отдельными книгами. Под тем же названием, как в “Русском богатстве” опубликовали в журнале “Юный читатель” (1906 год, № 24). А издательство П.П. Сойкина выпускало его отдельной книгой в 1903-м, а затем, сразу же, в 1904-м.

И не в каком-нибудь третьесортном издательстве, а в московской университетской типографии выпустили роман Хаггарда “Джесс. Под небом Африки моей. Роман из жизни англичан в Трансваале”. А в 1900-м тот же Московский университет, снова, и в новом переводе: “Мисс Джесс. Роман из жизни буров в Трансваале”. Произвел фурор и роман “Аэша” - тоже выходил отдельной книгой, и даже после этого в журналах (“Природа и люди”, 1908 год).

А уж “Копи царя Соломона”! Сколько раз издавались с 1890 года! И как “Сокровища царя Соломона” и как “Открытие клада царя Соломона”. Сколько переводчиков работало!

Да что там! Издавался каждый из романов Хаггарда. Сколько раз “Нада”, или под другим заглавием: “Она. Рассказ о невероятных приключениях”. Перевели и “Черное сердце и белое сердце”.

Но ведь был еще Луи Буссенар. “Под Южным крестом”, “Приключения в стране львов. Приключения в стране тигров”, “Похитители бриллиантов”, “Капитан Сорви-голова”...

Жюль Верн не забыт до сих пор. А ведь “Воздушное путешествие через Африку, составленное по запискам доктора Фергюсона Юлием Верн” вышло в Москве еще в 1864-м. В Петербурге у М.О.Вольфа – в 1870-м и затем в 1882-м, как “Пять недель на аэростате, совершенное тремя англичанами. Издано по заметкам д-ра Фергюсона Ю. Верне”. Роман “Приключения трех русских и трех

англичан в Южной Африке” был не самым лучшим из произведений Жюль Верна, но разве мог он не привлечь к себе интереса в России уже своим названием?

Конечно, далеко-далеко не вся южноафриканская действительность показана там реалистически, да авторы к этому и не стремились. Но они привлекали к Югу Африки внимание массовой читательской аудитории.

А первым южноафриканским писателем – и тоже писательницей, - с которой, после Оливии Шрейнер, познакомились в России, стала Сара Гертруда Миллин (1889-1968).

Родилась она в Литве. Родители, уехав в Южную Африку, увезли и ее, еще маленькой девочкой. Там она приобрела популярность в 1920-х годах, прежде всего, романом “Пасынки Господа Бога” (1924). А за свою жизнь написала семнадцать романов, множество рассказов, биографии Сесила Родса и Яна Смэтса, и две книги автобиографического характера.

Сочувствием к небелому населению она привлекла внимание и советских издательств. Ее романы выходили в СССР трижды – в 1927 и 1930 гг., правда, под измененными названиями.⁴⁶⁵ Жаль, что российский читатель не познакомился хотя бы с обзором ее шеститомных дневников периода второй мировой войны – в них собран богатейший документальный материал.

Но так или иначе, произведения Миллин и роман Шрейнер “От одного к другому”, изданный в Ленинграде в 1930 г. – это все, что было переведено в СССР в межвоенный период.

Следующей книгой южноафриканского писателя, уже не белого, а черного, стал роман Питера Абрахамса “Тропой грома”. Изданный в Москве в 1949 году, он переиздавался в Алма-Ате (1955), Саратове (1956), Ставрополе (1960), в Чебоксарах (1961). Больше того. Эта книга выходила в СССР и по-английски. Она была рекомендована как пособие для изучения английского языка в университетах и школах по всему Советскому Союзу. И на протяжении многих лет по ней в СССР изучали английский язык - миллионы студентов и школьников.

Почему у этой книги сложилась такая судьба?

⁴⁶⁵ Миллин С.-Г. Цветная кровь. – М.: Госиздат, 1927. В том же году роман издали снова. А в 1930 г. в издательстве “Земля и фабрика” вышел роман “На высотах Гибсона”.

Вероятно, потому, что ее перевели в один из худших периодов сталинского времени. Тогда, в конце 40-х - начале 50-х, шла самая бурная за всю историю СССР кампания гонения не только на все “империалистическое”, но и вообще все “западное”. Газеты и журналы пестрили выражением “растленное влияние Запада”. Всячески умалялась роль западной культуры и науки в истории человечества. Издание книг западных авторов на русском языке было сведено к минимуму. Издательства были настолько запуганы этой шумной пропагандистской кампанией, шедшей с самого “верха”, что боялись выступить с идеями перевода книг западных авторов.

В этих условиях роман Питера Абрахамса оказался, что называется, во благовремение. Его можно было представить как обличение не только колониализма и империализма, но и вообще всего “западного”. И главное, это обличение шло от африканца.

Но, каковы бы ни были причины, роман “Тропюю грома” стал первым африканским романом, приобретшим в СССР очень широкую известность. В первой половине 50-х годов композитор Кара-Караев написал по этому роману балет, а кинорежиссер Григорий Рошаль поставил фильм.

* * *

Затем, с конца 1950-х, на русском языке были изданы сотни южноафриканских романов, рассказов, стихотворений. Многие, а то и большинство произведений Алекса Ла Гумы, Надин Гордимер, Андре Бринка, Льюиса Нкоси, Эйзекеиле Мпахлеле, Ричарда Рива. Пьесы Атола Фугарда, поэзия Эйса Крихе, Бенедикта Вилакази, Херберта Дзломо, Денниса Брутуса, Освальда Мтшали, Ингрид Йонкер...

Южноафриканская литература издана в России неизмеримо большими тиражами, чем в самой Южной Африке. Роман Джека Коупа “Прекрасный дом” вышел тремя изданиями. Стихотворения Дэвида Оппермана, Ингрид Йонкер, Брейтена Брейтенбаха, Лины Спиз, Вилмы Стокенстрем, как и многие прозаические произведения, вплоть до повести хирурга Кристиана Барнарда, публиковались в 1960-х - 1980-х годах в журнале “Иностранная литература”, тиражом в 400 тыс. экземпляров. У себя на родине южноафриканские писатели и

поэты не могли и мечтать о таких тиражах.

Больше всего переводилась “литература протеста”. Разумеется, понятие “литература протеста” не вполне однозначно. И вероятно в России его трактовка не полностью совпадала с той, что существовала в самой Южной Африке. Советским издательствам нравились не все произведения даже Питера Абрахамса. Многоплановость и сложность романа “Венок Майклу Удомо” вызвали подозрение: вдруг он посеет у советских читателей неверие в скорую победу социалистических тенденций в молодых государствах Африки. Поэтому если “Тропюю грома” был переведен на русский язык моментально (по-английски роман издан в 1948 году, русский перевод - в 1949-м), то вопрос об издании “Венка” рассматривался 4 года, с 1960 по 1964-й, и роман издали лишь в 1964-м, через 18 лет после выхода в Англии.

На русский язык переведены еще не все лучшие произведения южноафриканских писателей. Такой блестящий автор, как Босман, мало известен в России. Были переведены рассказы Алана Пейтона, но не его романы.

И все-таки можно лишь поражаться обилию южноафриканской литературы на российском книжном рынке. О южноафриканской литературе читатели в СССР узнавали не только из переводов, но и из литературных обзоров и критических статей.

Переводы и критические обзоры не только познакомили российского читателя с авторами далекой от России страны. Эта литература стала окном в южноафриканскую действительность, главным источником знаний о стране, с которой у Советского Союза в течение нескольких десятилетий не было никаких связей.

Чем можно объяснить такое широкое издание южноафриканских произведений в СССР?

Причин было несколько и они имели различный характер. Одна из них: тот живейший интерес к Южной Африке, который возник еще в годы англо-бурской войны и усиливался романами Райдера Хаггарда, Жюль Верна, Майн Рида, А. Нимана, популярными в России и до сих пор.

С 1950-х годов это внимание связано с тем взрывом интереса к событиям в

Африке, и, в частности, в Южной Африке, который произошел во всем мире. Как известно, с 50-х годов число публикаций, посвященных Африке, необычайно возросло повсюду, а в СССР это проявилось особенно наглядно, поскольку это, вероятно, была самая читающая страна в мире.

Особенно важную роль сыграла политика советских властей. Издание этих произведений должно было служить пропаганде: разоблачать язвы Южной Африки как порождение капиталистического строя и мирового империализма. Пропаганда использовала в своих целях естественное сочувствие читателей к жертвам системы апартеида.

Но, стремясь публиковать произведения разоблачавшие апартеид, советские издательства тем самым знакомили русских читателей с лучшей частью южноафриканской литературы, поскольку именно эта тема была центральной для большинства наиболее ярких писателей и поэтов Южной Африки.

Связанная с холодной войной глобальная политика СССР привела к появлению советских политических и военных советников в африканских странах. Но в целях этой же глобальной политики давались ассигнования на изучение африканских языков. В Московском университете было налажено - и на хорошем профессиональном уровне - преподавание африкаанс и зулу, суахили и хауса, амхарского и малагасийского.

Таким же побочным результатом глобальной политики было и издание произведений южноафриканской литературы столь громадными тиражами.

Разумеется, естественный интерес российских читателей к Южной Африке все равно привел бы к переводу и изданию южноафриканских книг. Но политика глобализма резко увеличила внимание к этим книгам и их тиражи.

Так с конца пятидесятых читатели в Советском Союзе получили поразительно богатые возможности познакомиться с Южной Африкой через ее литературу.

С конца восьмидесятых – начала девяностых этот поток переводов сократился. Причин тому много. Кончилась холодная война, геополитическое противостояние “социалистического” лагеря против Запада уходило в прошлое, Африка переставала быть полем ожесточеннейшей борьбы. Это отразилось и на

сферах культурного влияния. А распад Советского Союза отвлек от Африки внимание стран, входивших в его состав и ставших самостоятельными государствами.

Возникли и причины иного порядка. Россия и другие страны постсоветского пространства установили дипломатические и деловые отношения с ЮАР. Начался и постепенно возрастал и обмен туристами, театральными постановками, культурными программами. Литература перестала быть главным источником информации.

Тем не менее издание произведений южноафриканских авторов продолжалось. В 1991 г. третье издание романа Джека Коупа “Прекрасный дом” вышло тиражом в 500 тысяч экземпляров. А в самые последние годы опубликованы все романы Джона Кутзее, за которые он получил Нобелевскую премию. Роман “Бесчестье” сразу же перевели в журнале “Иностранная литература”, а затем выпустили и отдельной книгой.

Русская литература в Южной Африке

Русский роман читаю

В далекой трансваальской степи...

Уильям Пломмер

Как зарождался и развивался на Юге Африки интерес к российской литературе?

Сведения об этом до конца 1980-х годов было крайне трудно найти, поскольку в течение десятилетий у нашей страны не существовало никаких официальных связей с Южно-Африканской Республикой. На рубеже восьмидесятых и девяностых годов, с окончанием холодной войны, стали появляться возможности и для научных и культурных связей.

Как мы уже упоминали, в 1998 г. можно было бы отмечать двухсотлетие российской культуры на Юге Африки. В 1798 году музыкант Герасим Степанович Лебедев жил десять месяцев в Кейптауне (тогда - Капстад) и давал концерты, на

которых присутствовало кейптунское высшее общество, включая английского губернатора лорда Макартни. Голландские моряки, которых так любил Петр I, конечно, приносили вести о России в Капскую колонию, которая принадлежала тогда Голландии. А одновременно с Лебедевым, в 1797 и 1798 годах, в Кейптауне бывали Крузенштерн и Лисянский.

Но явный и постоянный интерес к русской культуре и, прежде всего, к литературе, естественно, появился в Южной Африке позднее.

Вслед за Оливией Шрейнер прочный, устоявшийся интерес к русской литературе проявили к России три писателя и поэта. Это Уильям Пломер (1903-1973), Лоуренс ван дер Пост (1906-1996) и Рой Кемпбелл (1886-1954). Они начинали свой путь примерно в одно время и в начале пути тесно сотрудничавшие друг с другом.

А интерес Уильяма Пломера к русской культуре перерос в настоящую любовь. У него даже есть стихотворение: “Влюбленный в Россию”.

Лишь стоит закрыть глаза, и мне чудятся
Зеленые хомы Сибири в красках вечерних сумерек...⁴⁶⁶

Свое фантастическое произведение он назвал: “Мать Камчатка. Фантазия”.⁴⁶⁷

Пломер мечтал повидать Россию своими глазами и осуществил это в 1929 году. Он ехал из Кореи в Европу и часть пути проделал по Транссибирской магистрали. Его заметки интересны тем, что он все время сравнивал Россию своих любимых писателей с тем, что увидел своими глазами.

Описывать свои впечатления он начал с Харбина. В те годы там жили десятки тысяч русских иммигрантов, и их присутствие чувствовалось на каждом шагу. «... Впервые у меня появилось ощущение, что я нахожусь в России ... Харбин во многом похож на русский провинциальный город». Придя в гости к одной из иммигранток, он «с радостью увидел самовар». Самовар, пишет Пломер, «воскресил для меня волшебный мир русского романа, который всегда значил для

⁴⁶⁶ *Plomer W. Selected Poems. The New Hogarth Library. – London: The Hogarth Press, 1940. - Vol. 1. – P. 51.*

⁴⁶⁷ *Mother Kamchatka: or Mr. Mainchance in Search of the Truth // Plomer W. Paper Houses. – New York: Coward-McCann, 1929.*

меня больше, чем английский роман. Я полагал, что обительница этой комнаты как будто сошла со страниц Достоевского... Но оказалось, что у нее скорее чеховский характер».

* * *

О Советском Союзе тридцатых годов публиковались впечатления писательницы Гертруды Сары Миллин и Андре Хугенета, одного из самых известных тогдашних африканерских артистов. Миллин была в СССР в мае 1936 г., Хугенет – в октябре 1937-го. Оба – и в Москве и в Ленинграде.

Миллин повидала первомайские торжества, ходила в музеи, мавзолей Ленина, осматривала метро. Была у жены наркома иностранных дел Литвинова. Иви Литвинова читала наиболее известный из романов Миллин и пригласила ее на официальную церемонию в честь приезда в Москву премьер-министра Латвии. После этого они остались вдвоем, беседовали о литературе. Однако, когда Миллин предложила ей отобедать вдвоем на следующий день, Иви Литвинова сказала, что это было бы неосторожно с ее стороны. И позвала Миллин на урок английского языка – Иви Литвинова, по рождению англичанка, преподавала английский.

У Миллин от этой поездки остались грустные впечатления: люди одеты бедно, вся их жизнь сурово забюрократизирована.⁴⁶⁸

Андре Хугенет восхищался разнообразием репертуара. И тем, что театры и картинные галереи переполнены посетителями. По его словам, театр никогда, со времен Древней Греции, не пользовался таким вниманием:

«Восхищение искусством в народе поразительно, его ценят, почитают, обожают, улицы названы именами писателей, художниками и артистами гордятся; театры принадлежат правительству, актерам платят хорошие зарплаты, у них машины, их посылают отдыхать на курорты на Кавказ... Это единственная страна, где я испытал гордость, что я занимаюсь искусством».

Побывав в музее Льва Толстого, мысленно перебирал страницы давно читанных “Воскресения” и “Войны и мира”.

Как и всех приезжие, называл метро настоящим чудом. Восхищался

⁴⁶⁸ *Millin S.G.* The Measure of My Days. – Johannesburg: Central News Agency, 1955. – P. – 153-155.

развитием детского и юношеского спорта, прыжками с парашютом в парках культуры.

В отличие от Миллин, Хугенет описал свои впечатления очень подробно.⁴⁶⁹ Они были разные: в чем-то восторженные, в чем-то мрачные. Людей на улице он описывает плохо одетыми и сумрачными. Мало улыбающихся лиц.

Андре Хугенет приехал в СССР без предубеждений. Как и многие африканеры, он осуждал капитализм (прежде всего, английский) и хотел видеть иной путь к будущему человечества. Но все же и он во многом разочаровался. Его ошеломило число политических лозунгов на улицах и в театрах, и он быстро понял, что с поисками новых авангардистских форм театрального искусства высокие власти покончили. В этом его убедила и встреча с Мейерхольдом, хотя открытым текстом Мейерхольд иностранным гостям этого естественно не говорил. «Боюсь, что он уже попал в немилость к советской власти».

Хугенет увидел сильный импульс к развитию культуры, но пришел к выводу, что критическая сторона в ней разрушена, уничтожена. «Священная линия большевиков проводится неукоснительно» – писал он – «критику и самокритику не терпят». Хугенет писал о том, об очень строгой цензуре, о том, что советские люди не знают, что происходит в мире, о дезинформации и умалчивании. Что никто не осмеливается выражать свое личное мнение – только коллективное. Увидел у русских даже комплекс превосходства: они полагают, писал он, что их достижения ни с чем не сравнимы, и что миссия России - спасти мир от капитализма.

Артисту из далекого Кейптауна, трудно было понять, чт`о в действительности происходило в СССР в разгар Большого сталинского террора – это ведь был октябрь 1937 г.! Но его заметки все же в какой-то мере передают атмосферу того времени.

* * *

Лоуренс ван дер Пост, представитель давнего южноафриканского культурного содружества, в начале 1960-х провел в России около трех месяцев. Побывал не только в Москве и Ленинграде, но и в Средней Азии - в Ташкенте,

⁴⁶⁹ Huguenet A. Applous! Die Kronieke van 'n Toneelseler. – Kaapstad, Pretoria, 1950. – S. 138-152.

Бухаре и Самарканде. На Кавказе и в Закавказье - в Тбилиси и в Баку. В Крыму, на Украине, в Сибири. И даже на Дальнем Востоке - в Хабаровске. «Среди некоммунистов я после войны совершил самое продолжительное путешествие по Советскому Союзу». Трудно сказать, обосновано ли такое утверждение. Но его книга получила множество читателей. Она выходила много раз: от богато иллюстрированных до дешевых карманных изданий.

Фан дер Пост редко анзывал имена своих собеседников в СССР. Это понятно: он опасался за их безопасность. Но, к сожалению, на протяжении всей своей объемистой книги он не дал и ни одной точной даты. Не только начала путешествия, но и промежуточных дат. Может быть, он считал, что с датами книга быстрее устареет, а без них будет выглядеть современной даже через годы? Судя по тексту, можно предположить, что фан дер Пост прилетел в Москву из Лондона в апреле 1962 года.

Его поражали и возмущали низкий уровень жизни, всевластие бюрократии, чудовищная официальная пропаганда, изоляция СССР от внешнего мира и многие другие черты советской действительности.

Низкий уровень жизни и нехватка многих товаров - это было видно даже невооруженным взглядом. И иностранцы, бывавшие в СССР, часто констатировали лишь это. Понять тогдашнюю духовную жизнь нашей страны, хоть немного проникнуть в нее, было неизмеримо труднее. Фан дер Пост попытался это сделать. Он проявил интерес к тем писателям и поэтам, которые, по его мнению, задавали тон духовной жизни России, особенно молодежи: Евтушенко, Ахмадулина, Вознесенский, Твардовский, Паустовский, Винокуров, Слуцкий, Анатолий Кузнецов.

Фан дер Поста интересовали не только видные деятели культуры, но и духовная жизнь студентов, молодежи. С московскими студентами он обсуждал выходившие тогда воспоминания Ильи Эренбурга, считал их сенсационными. В Сибири, слушая, как читают стихи Роберта Бернса, он был потрясен: «Бернс, я понял, был столь прекрасно переведен поэтом Маршаком, что стал в такой же степени частью русской культуры, как и шотландской».

Фан дер Пост побывал на нескольких балетных спектаклях в Москве, в

Большом театре, и в Киеве, неизменно восхищаясь ими. Ходил в музеи и галереи. Слушал музыку Шостаковича. Бывал и на злободневных эстрадных представлениях. Даже привел несколько куплетов из тогдашних сатирических песенок.

В общем, какое-то представление о жизни в самых разных частях громадного Советского Союза он своему читателю дал. Многие из наблюдений поверхностны, но можно лишь удивляться, что за такой короткий срок он все же смог столько увидеть и понять. Без предварительного глубокого знакомства с русской литературой и вообще культурой, он, конечно, не мог бы этого сделать.

Фан дер Пост сравнивал сибирских крестьян с бурами. Вероятно и на эти сравнения навели его давние литературные реминисценции, начиная с гончаровского «Фрегата «Паллада»».⁴⁷⁰

* * *

Путешествия по Советскому Союзу были уделом редких писателей и ученых ЮАР. Но художественная литература составляла основу знаний для многих.

О знакомстве южноафриканцев с русской литературой судить нелегко. В Африке русскую литературу знали по переводам на английский язык, опубликованным, как правило, в Великобритании или в США. И не всегда можно проследить, какие из книг попадали в Южную Африку.

О тех, кто говорил на африкаанс, можно судить лучше - книги для них выходили в самой Южной Африке.

Аспирантка Витватерсрандского университета Эстель Бота провела кропотливую работу, стремясь выяснить, как в Южной Африке воспринимали Чехова. Она собрала сведения, в каких театрах ставили его пьесы, в какие годы, сколько раз они шли, и даже - сколько было зрителей. «Чайка» с 1931 по 1985 год ставилась девять раз (шесть - на английском, два раза - на африкаанс и один - на немецком). «Вишневый сад», с 1934 по 1979 год, - семь раз (шесть - на английском и один раз на африкаанс). «Дядя Ваня» - тоже шесть раз, с 1963 по 1985 год (три раза - на английском языке и три - на африкаанс). «Три сестры» - шесть раз. (четыре

⁴⁷⁰ Гончаров И.А. Фрегат «Паллада». - М.: Советская Россия, 1976.

- на английском, два - на африкаанс). Такие же сведения и о других пьесах. В 1963 году “Вишневый сад” шел 41 раз, число зрителей - 9399. “Чайка” в 1972 году шла 52 раза, число зрителей - 8800. И так по всем пьесам. А в 1985-м Джон Драйвер и Джеффи Хэддоу поставили спектакль “Чехов в Ялте”.

В Южной Африке были люди, неплохо знавшие русскую литературу двадцатого столетия. В 1993 г. в Грейамстауне Аполлон Давидсон познакомился с человеком, который сделал ее основой своего литературного труда. Джона Экса, преподавателя колледжа Сент-Эндрю в Грейамстауне, вдохновили романы Василия Яна “Чингис-хан” (1939) и “Батый” (1942) о татаро-монгольском нашествии. До них ведь нужно было докопаться! В течение многих лет Экс работал над эпической поэмой “Евпатий Коловрат или духовная сила Руси” - о сопротивлении русских этому нашествию. Среди действующих лиц - герои русского народного эпоса Святогор и Илья Муромец. Главный герой - Коловрат.

Но в целом литература советского времени была южноафриканскому читателю мало известна. Причина, прежде всего, в том, что официальные власти и цензура считали ее прокоммунистической. В результате в Южной Африке мало известно творчество таких выдающихся прозаиков, как Михаил Булгаков, Андрей Платонов, Михаил Зощенко, Исаак Бабель, Константин Паустовский, и крупнейших поэтов, как Анна Ахматова, Осип Мандельштам, Леонид Пастернак, Марина Цветаева, Николай Гумилев, да и многих других.

* * *

Хотя русские книги двадцатого века и не получали в Южной Африке широкого распространения, все же возможности знакомства с ними были - даже во времена полного отсутствия государственных отношений. Получила известность русская музыка - не только классика девятнадцатого века, но и Шостакович и Прокофьев. Появилось немало поклонников русского балета - знали о нем в основном по фильмам. Достижения российской науки, прежде всего, в освоении космоса, не могла замолчать даже цензура времен апартхеида. Врач Кристиан Барнард за несколько лет до своей знаменитой операции по пересадке сердца побывал в Москве, познакомился с работой советских врачей.

Наряду с многочисленными статьями пропагандистского характера, в ЮАР

даже в период холодной войны публиковались и серьезные, глубокие работы о русской литературе. Не так много, и чаще всего в малотиражных журналах. Круг их читателей был, конечно, не широк. Но все же такие работы были.

Большой вклад в знакомство южноафриканцев с русской литературой внесли кафедры русского языка и литературы. Первая в истории ЮАР такая кафедра была создана в заочном Университете Южной Африки (Претория) в начале 1960-х, вторая - в Витватерсрандском университете (Йоханнесбург) десятилетием позднее. Обе были маленькими - на каждой работало не больше двух-четырех преподавателей. Но они стали зачинателями русистики в университетском образовании страны. Русский язык преподавался и в системе образования для офицеров, с военно-разведывательными целями, но это образование было закрытым.

Кафедра в Витватерсрандском университете была организована Крисом Муди, получившим образование в Великобритании. В течение многих лет кафедра состояла только из двух человек: Крис Муди и Елена Новак. С 1977 года, когда Елена Новак перешла в Университет Южной Африки, ее место заняла Ирэн Мейсинг-Делик. С начала восьмидесятых, после ухода Криса Муди, Мейсинг-Делик заняла место заведующего, а в конце восьмидесятых, после ее переезда в США, заведовать кафедрой стала Генриетта Мондри. Все они специализировались по русской литературе.

Нас особенно поразили две статьи Криса Муди о диссидентском движении в СССР. Муди особенно выделил работы академика Андрея Сахарова и прогноз Андрея Амальрика “Доживет ли Советский Союз до 1984 года?”. Сама такая постановка вопроса многим казалась тогда надуманной, а заголовок - претенциозным. Но еще тогда, в 1973 году, Муди назвал статью Амальрика “замечательной”. Как мы знаем теперь, Амальрик ошибся всего на семь лет. Муди высоко оценил и данную Амальриком оценку социальной базы советского диссидентства тех лет.

В первой половине восьмидесятых кафедра провела два “Славянских симпозиума”, а в начале девяностых Генриетта Мондри начала издавать “Славянский альманах”.

Возможности для ознакомления с российской культурой стали улучшаться в ЮАР с конца восьмидесятых - начала девяностых - с концом холодной войны, перестройкой в СССР и агонией режима апартхеида.

На рубеже восьмидесятых и девяностых в университетах ЮАР интерес к СССР-России проявился так бурно, как будто открылись шлюзы. Они действительно открылись - ушли цензурные и поцензурные запреты.

Завершая повествование

Книги, претендующие на научный подход, принято заключать выводами. Отчасти, может быть, и для того, чтобы читатель, очень занятый и ценящий свое время, мог, в крайнем случае, этими выводами и ограничиться.

Мы, авторы этой книги, не претендуем на философско-теоретический подход, на создание, как это сейчас очень модно, - своих концепций. Мы видели свою задачу, в первую очередь, в поисках таких сведений, к которым историки мало прикасались, а то и вообще о них не знали. Стремилась собрать то небольшое, редкое, что осталось от трех столетий связей между Россией и Южной Африкой. Сведения эти спонтанны, зачастую не связаны друг с другом.

Мы стремились составить представление о том, какими сложными путями шли вести от одного дальнего края земли до другого. Как это происходило, и какие образы возникали из этих сведений в те времена, когда не было еще ни торговой, ни геополитической заинтересованности. Как менялись эти образы с появлением таких заинтересованностей. Через какие этапы проходило их формирование, какие факторы на них воздействовали. Из чего возникали мифы и как постепенно, с накоплением знаний, обрисовывались контуры реального.

Конечно, каждое знакомство, будь то между людьми, или между народами и странами, - чем-то особенное. Так и в знакомстве России с Южной Африкой. Тут и роль Южной Африки, как “морской таверны” на пути из Европы на Восток. И роль выходцев из Европы – ни на Африканском континенте, ни в Азии она не была столь значительной, как на Юге Африки. И англо-бурская война, с участием российских добровольцев. И активность Коминтерна. И взаимовлияния литератур. Все это, несомненно, наложило особый отпечаток на становление образа Южной

Африки в России и образа России на Юге Африки. Но все-таки немало было и таких черт в российско-южноафриканском знакомстве, которые есть в контактах, связях и взаимных представлениях России с другими далекими от нее краями земли: мифологизация, спонтанный обмен случайными сведениями, вспышки взаимной заинтересованности, далеко не всегда обоснованные серьезными практическими причинами. А затем, шаг за шагом, постепенное осознание взаимозависимости в системе международных отношений, в миропорядке.

Разумеется, любые выводы и заключения об общем и особенном в таком сложном вопросе, как взаимоотношения между народами и странами, вряд ли могут претендовать на бесспорность. Они всегда могут вызвать разногласия и у ученых и, еще больше, в общественном мнении самих этих народов и государств. Так что мы, не претендуя на правоту своих суждений, в первую очередь хотели собрать свидетельства и представить их на суд тех, кого эта тема интересует.

Очень надеюсь, что эта книга станет вкладом, пусть и очень скромным, в дело взаимопонимания народов России и Южной Африки.

Именной указатель

Абельгейм, Арон Яков	164
Абрахамс, Питер	281,282
Августус, Е.Ф.	130
Адам, Чарльз	241
Адибеков, Г.М.	231
Адлер, Рэй	227
Александр I	44,49
Александр II	74,76,159
Александр III	76,82,86,153,159,160
Александр Михайлович (Сандро)	19,21,77,104,106
Александра Федоровна (Аликс)	105
Алексей Александрович	74,75,76,77
Али–паша	69
Алисов, Прохор	30
Альфред, принц	75
Амальрик, А.А.	291
Аминадо, Дон (Шполян- ский, Аминад Петрович)	132
Андреянов, Алексей	31
Апраксин, Ф.М.	22,24
Ахматова, А.А.	133,290
Ашинов, Н.И.	85,86,87,153
Бабель, И.Э.	290
Багратиони–Мухранский,	124,132,140

Н.Г.	
Багратион–Туранжен, Н.Н.	140
Байрон, Джордж Гордон	69
Бантинг, Брайан	199,211,213,240,254,255
Бантинг, С.П.	202,211,215,219,220,227,240
Баранов	86
Барбюс, Анри	243
Барнард, Йохан	146
Барнард, Кристиан	282,291
Барро (Барров; Барроу, Д.)	52,56,63
Баскаков	33
Баснер, Х.	229
Баумгартен, О.	130
Бах, Лазарь	216,217,218,219,227,229,235
Башкирцева, Мария	188
Бейли, Ф.	28
Бейлис, М.М.Т	169
Белевский (Жуковский– Белевский, А.А.	75
Беллинсгаузен, Ф. Ф.	55
Белоусова, С.В.	140
Беньёвский, Август (Мориц Анадор де Бенев)	30,31,32
Бер, У.У. (Владимир Владимирович)	142,143
Березнин, Герасим	31
Берия, Л.П.	246
Беркли, леди Джордж	75

Берман, Яков	76,164,218
Берман–Юрин, К.Б.	218
Бернс, Роберт	289
Берранже, Вернон	232
Берти, А.	54
Биконсфильд, <i>см.</i> Дизраели	
Бирман, Х.	254
Биссет, В.М.	203,254
Блант, Уилфред	181
Блесер (Льонтен)	35
Блик, У.Х.И.	278
Блок, Густав К.	55,56
Блюхер, В.К.	246
Боельс	33
Болотов, Н.А.	122
Босман, Х.Ч.	282
Бота, Гидеон	220
Бота, Луис	113,167-169,200,277
Бота, Эстель	289
Бочаров, Дмитрий	31
Бранд, Р.Х.	239
Братчиков, С.	261
Браун, К.М.	203
Брейтенбах, Брейтен	282
Брехов	31
Бриггс	256

Бринк, Андре	282
Броунли, Чарльз	64,65
Брутус, Деннис	282
Брэдли, Ф.	254,255
Брюс, Я.В.	15
Буковский, Адалберт	157,158
Булгаков, М.А.	290
Булгаков, Ф.И.	177,290
Буссенар, Луи	93,178,279,280
Бустид, Х.	203
Бутаков, А.И.	55,56
Бухарин, Н.И.	210,211,225,243
Бучкиашвили– Багратиони, А.	132
Бьюкенен, Д.	191
Бэрлин, Сэм	201,202
Бэрроу, Джон (Барров)	52
Бюлов, Бернгард	116
Бюргер, С. В.	113
Вайян (Вальян), Ф.	34,42
Валуев, П.А.	160
Ван Атвеген	275
Ван Рибек, Йохан (Ян)	12
Ван Страатен	147,148
Вебер, Ф.	130
Вейцман, Х.	159
Верн, Жюль	93,279,280,283

Вернхер, Джулиус Чарльз	143
Вернхер, Зия (Анастасия)	143
Веселаго, Ф.Ф.	45
Виктория, королева	75,78,133
Вилакази, Бенедикт	282
Вилстер (Вильстер), Даниель	16,17,22,23,24,25
Вильгельм II	100,106,110,113,116,118
Вильгельм Оранский	21
Вильсон, У.Т. В.	198
Вильсон, Генри	190,191
Виноградов, И.	233
Виноградский, А.Н.	131
Винокуров, Е.М.	288
Витсен, Николаас	18,19,20,21
Витте, С.Ю.	76,100,101,102, 118
Витухновская, М.А.	138
Витухновский, А.Л.	137, 138,139
Власов, П.М.	89
Вознесенский, А.А.	288
Волынкин, Григорий	31
Вольберг, М.Я.	197,201
Вольтер, Ф.М.А.	47
Вольф, М.О.	279,280
Вольхюттер, Валли	259,260,261,262
Воропаева, Н.Г.	140
Ворошилов, К.Е.	241

Врангель, П.Н.	209
Врангель, Ф.П.	55
Вулф, Лу	255
Вышеславцов, А.В.	67,68-74
Вышинский, А.Я.	266,267,275
Вяткина, Р.Р.	140,141
Гагемейстер, Л.А.	55
Гайворонский, Ф.С.	235
Гайка (Каика, Нкика)	66,73
Галина (Эйнерлинг), Г.А.	129
Ган, Ф.	14
Ганди, Мохандас Карамчанд	107,140
Ганецкий, А.Н.	140
Ганнибал, Абрам Петрович	17,18
Ганнибал, Иван Абрамович	18
Ганнибал, Петр Абрамович	18
Гветадзе, Р.	132
Георг VI	257
Гернгросс, Г.Е.	235
Герцен, А.И.	61
Герцог, Джеймс Барри	113,199,200,236,239
Гиверс, У.	254
Гиллот, Хендрик	121,122
Гиляровский, В. А.	130

Гирс, Н.К.	86
Гитлер, А.	228,230,236,237,239,246,249
Гладстон, У.Э.	80,171,172
Гнамманку, Дьёдонне	18
Говард, Рой	225
Головнин, В.М.	45-54,57-63,67
Гомас, Джон	210,216
Гончаров, И.А.	44,57, 67-69,72,73,75,90,289
Гордимер, Надин	163,282
Гордон, Ч.Д.	92
Горнунг, М.Б.	13
Горчаков, А.М.	78
Горький, Максим	170,185,189,253
Готвальд, Клемент	225
Грамм Теннант, Д.	149
Григ, Э.	206
Грулев, М.В.	115,116,118
Гумеде, Джосайа	214
Гумилев, Н.С.	290
Гурко, В.И. (Ромейко– Гурко)	122,123,124,131,190
Гусаров, Е.П.	254
Гучков, А.И.	107,124,190
Гучков, Ф.И.	124
Да Гама, Васко	40
Давидсон, А.Б.	8,9,94,138,191,196,203,204,209,218, 219,227,235,237,238,240,254,261,290
Давыдов, Ю.В.	48,86

Далин, В.М.	219
Данилов, Г.К.	235
Данкен, П.	169
Де Вет, Х. Р. (Девет)	113,131
Де Вильерс Данкер, Эдгар Густав Криль	146,147
Де Витт, Фредерик	15
Де Голль, Ш.	253
Де Клерк, Ф.	277
Де ла Гарп, Ж.–Ф.	40
Деканозов, В.Г.	266
Демьянов, Н	252
Ден Баккер, Якоб	201,202
Деникин, А.И.	203,209
Денисов, Н.А.	98
Дербисалин, А.	94,95
Дефо, Даниель	25
Джабаву, Джон Тенго	174
Джеймсон, Л.С.	100,110,111,144,167,182
Джексон, Том (Нзула А.)	223
Дженкинс, Х.Х.	203
Джером, Джером К.	180
Джонс, Дэвид Айвон	201,202,220
Дзломо, Херберт	282
Дидро, Д.	47
Дизраэли, Бенджамин (Биконсфилд)	78, 79,127,128

Дилк, Чарльз	171
Димитров, Георгий	225,229,230
Дмитриев, А.И.	40
Добролюбов, Н.А.	61
Дорн, Иван	13
Достоевский, Ф.М.	235,286
Драйвер, Джон	290
Дубасов, Федор	30
Дю Терай, Понсон	178
Дю Той, Бетти (Дэвидсон)	227
Дюкло, Жак	225
Дюма, Александр	25,178
Евтушенко, Е.А.	288
Ежов, Н.И.	246
Екатерина II	12,27-31,42,157
Елизавета Петровна	37
Ермак Тимофеевич	87
Ермолов, А. С.	97
Ефрем, архимандрит	88
Жубер, П.	113
Жубер–Пинар (Ф.Я. Пинар)	131,149-153
Жуковская, А.В.	74,75,76
Жуковский, В.А.	74
З., Мария	130
Заболотный, И.К.	124
Запотоцкий, Антонин	225

Зигерн–Корн, М.А.	148
Зиновьев , Г.Е.	218,225,243
Зощенко, М.М.	290
Зусманович, А.З.	222,223,229,234
Зябкин, И.К.	274
Зябликов, Филипп	31
Иванов, Ефрем	31
Иванов, Н.В.	270,272,277
Измайлов, Герасим	31
Изъединова, С.В.	130
Йонкер, Ингрид	282
Калинин, М.И.	241,242
Каменев, Л.Б.	218
Каика <i>см.</i> Гайка	
Камоэнс, Луис де	40
Кан, Сэм	233
Каптерев, А.	130
Караев, К. А. О.	282
Карамзин, Н.М.	40,78
Карл XII	25
Катков, М.Н.	160
Кемпбелл, Рой	285
Керенский, А.Ф.	239
Керриген, Питер	229
Ки, Михаил	35
Кинкид, Сэм М.	203,209
Киплинг, Р.	91,94,107,171,279

Китаев, Г.А.	96
Китченер, Г.	107,112,133
Клейнмихель, М.Э.	160
Ковалевская, Софья	188
Колумб, Христофор	186
Кодеш, Уолфи	255
Козин, Фрол	259,260,261,262
Козляинов, Тимофей	30
Козуля, В. Д.	259
Коковцов, В.Н.	152
Коларов, Васил	202
Колесников, С.И.	267
Коллауэй, Г.	278
Коллингвуд, Кодберт	46
Коллонтай, А.М.	202
Коловрат, Евпатий	290
Колумб, Х.	86,87
Колчак, А.В.	256
Конан Дойл, А.	94,107,134,135
Копелев, Лев	226
Корбет, Роберт	48,49
Кордаш, Л. А.	218
Корнуэллис, Уильям	46
Коростелев, Дементий	31
Коряков, О.	132
Костромин, Федор	31
Котане, Мозес	210,215,216,217

Коуп, Джек		282,284
Коцебу, Август	54	
Коцебу, Отто		54,55
Кошелев, И.Р.		16,17,23
Кояндер, А.		149,151-153
Краевский А.А.		58
Краковский, Александр	164,165	
Красильников, Сидор	31	
Краснов, П.Н.		89
Краузе, Ф.Е.Т.		169
Кремер, Ноэль		165
Кривицкий, В.Г.		223,224,226
Крихе, Эйс		282
Кронье, Пит		112,120
Крузенштерн, И.Ф.		33,44,45,285
Крюгер, Пол		7,104,105,106,109,110,111,113,119, 120,131,132,133,134,141,146,167
Ксения Александровна		77,85,104
Кудрин, Иван		31
Кузнецов, А.В.		288
Кук, Джеймс		27,28, 47
Кун, Бела		202
Кунанбаев, Акылбай		94, 95
Куотермейн, Алан (Куотермэн)		94
Купер, Фенимор		59
Куприн, А.И.		130
Куропаткин, А.Н.		118

Кусков, Н.И.	131
Кутзее (Куцие), Джон	284
Куусинен, Отто	202
Кэткарт, Джон	64, 65
Ла Гума, Алекс	282
Ла Гума, Джеймс	210,211,214,243
Лазарев, А.П.	55
Лазарев, М.П.	54,55
Ламсдорф, В.Н.	86,87,103,118,119,127,147,148,151,152,153,165
Лапин, Иван	31
Лапицкий, Л.М.	197
Лафарг, П.	172
Лебедев, Г.С.	34,35,36,285
Левин, Л. Х.	164
Лейдс, Виллем	103,104,127,141
Лейполд, Кристиан	154
Лейполд, Ч.Ф.Л.	154, 156
Ленин, В.И.	193,194,196,198,215,222,224,244,245,253
Лесевич, Вл.	180,184
Лесков, Н.А.	161
Лефорт, Ф.Я.	21
Лец, Станислав Ежи	226
Либкнехт, Вильгельм	172
Либкнехт, Карл	193
Линден, В.	66
Лисянский, Ю.Ф.	32,33,34,36,45,285
Литвинов, М.М.	206,207,239,286

Литвинова, Иви	286
Литке, Ф.П.	55
Лихтенштейн, М.Ч. К.	56
Лозовский С.А.	202
Ломоносов, М.В.	41
Лорис–Меликов, М.Т.	160
Лоти, Пьер	178
Лоу, Эрик	268,269,270
Лубе, Э.Ф.	115
Луначарский, А.В.	61
Лыков, Богдан	13
Льховский, И.И.	61
Лэнджер, У.	93
Лю Шаоци	225
Людовик XVI	50
Людовик–Филипп	71
Маврин, Емельян	23
Мадьяр, Л.	234
Майковы	44,57,62
Май–Маевский, В.З.	209
Майн Рид, Т.	93
Майский, И.М.	237,238,249,250,251,252,263,267
Макабени, Гана	210,215
Макана	73
Макаров, С.О.	57
Макартни (Макартней) Д.	35,36
Мак-Коркиндайл, М.	203

Маклаков, В.А.	160
Маклеод, Д.М.	203
Маковский, К.Е.	121
Макогон, Дмитрий	262
Макомо	72
Максимов, А.Е.	140
Максимов, Е.Я.	124,132,139
Малан, Д.Ф.	199,200,228, 268
Маленков, Г.М.	276
Мамай	126
Мамонтов, К.К.	209
Мандела, Нельсон	7,8,214
Мандельштам, Осип	290
Манканна – см. Макана	
Мануильский, Д.З.	214
Мао Цзедун	225
Мариц, Питер	132
Мария, принцесса Эдинбургская	75
Мария Николаевна, императрица	74
Марков, Н.Е.	160
Маркс, Джон Б.	210,216, 221
Маркс, Карл	172,173
Маркс, Элеонора	172,193
Марти, Андре	217,218,229,230
Маршак, Самуил	133,289
Махно, Н.И.	209

Мгикела	82,83
Мгнока	95
Мда, Зейкс	64
Мдлаказа	64
Мейер, Лукас	113
Мейерхольд, В.Э.	287
Мейсинг–Делик, Ирэн	291
Менелик II	88
Мередит, Джордж	171
Меркатор, Герард	13
Мещерский, В.П.	87
Микоян, А.И.	266
Миллин, Сара Гертруда	236,238,242,246,280,281,286,287
Милнер, Алфред	167,168,190,191
Милюков, П.Н.	190,197
Миф, П.А.	234
Михельсон, В.А.	63
Мквайи	65
Мланджени	65
Молотов, В.М.	241,253,254,263, 266
Мондри, Генриэтта	291
Монтескье, Ш.Л. де	47
Мосолов, А.Н.	75
Мофутсаньяна, Эдвин	210,216
Мпама, Джози (Палмер, Джозефина; Гендерсон)	217
Мпахлеле, Эйзекеиле	282

Мтшали, Освальд	282
Муди, Крис	291
Муловский, Г.И.	27,28,29
Мультатули (Деккер, Э.Д.)	181
Мур, Ф.Д.	197
Муравьев, М.Н.	101,103,104,114
Муромец, Илья	290
Муссолини, Б.	228,236
Мухин А.В.	261
Мясной, Д.И.	16,17,23
Найт, Клиффорд	165
Наполеон	49,50,54,156,243,244
Наполеон III	78
Насонов, Н.М.	214,222,234
Науман, Роберт	229
Ндамасе	82
Некрасов, Н.А.	61
Нелидов, А.И.	152,153
Нельсон, Горацио	46
Нзула, Альбрт (Джексон, Том)	210,221,223
Никитина И.А.	136,137
Николай I	48
Николай II (Ники) Романов	76,85,102-105,115,116,119,132,141, 148,149,152,154,190
Николай Николаевич, великий князь	147,148
Ниман, А.	283

Нкоси, Льюис	282
Новак, Елена	291
Нонгкаусе	64,65
Норкатт, Н.Д.	203
Обломов, И.	53,58
Ойстрах, Д.Ф.	274
Олейников, И.Н.	13
Олифир, Х.	254
Ольдерогге, Д.А.	42
Опперман, Дэвид	282
Орлов, Г. Г.	31
Павел I	44
Паисий	85,87
Паллас, Петр Симон	42
Панов, Василий	31
Паранчин, Алексей	31
Пастернак, Л.О.	290
Паустовский, К.Г.	132,288,290
Пейрес, Джефри	65
Пейтон, Алан	283
Перевалов, Михаил	31
Пестель, П.И.	47
Петр I	13,17,18,19,20,21,23-27,29,88,285
Пешков, Зиновий Алексеевич (Свердлов, З.М.)	253
Пик, Вильгельм	202,225
Пинар, Франсуа Якобус	149

Писарев, Д.И.	61
Платонов, А.П.	290
Пломер, Уильям	248,284,286
Победоносцев, К.П.	86,87
Погонин, В.И.	235
Покровский, Лев	140
Покровский, Н.Н.	190
Поливанов, А.А.	208
Поллит, Гарри	225
Полубояринов, Никифор	30
Помрой, А.	259
Попов, Захар	31
Попов, Иван	31
Попов, Н.Е.	124
Посьет, К.Н.	74,75
Потапов, А.С.	131
Потехин, И.И.	223,229,234
Потолов, Василий	31
Прингл, Томас	73
Прокофьев, С.С.	230
Прыжов, И.Г.	32
Пташинский, П.И.	86
Пугачев, Е.И.	32
Путятин Е.Я.	58
Пушкин, А.С.	17,18,143
Пятницкий, В.	225,226
Пятницкий, И. (О.) А.	226

Рабинович, М.Б.	138
Разумовский, К.Г.	37
Раскольников, Ф.Ф.	206
Редедя, П.С.	88
Рейтц, Френсис Вильям	103
Рейц, Денейс	146
Ремарк, Э.М.	228
Реннер, Банколе	276
Репин, И.Е.	121
Рерих, Н.К.	121
Реутовский, В.С.	96,97,98,99
Риббентроп, И. фон	263
Рив, Ричард	282
Рид, Томас Майн	279,283
Римский–Корсаков, Н.А.	206
Риттер, Э.	79
Рихтер, В.П.	218
Рихтер, И.К.	235
Рихтер, Морис	216,217,218,229,235
Рихтер, Пол	217,218, 235
Робертс, Ф.С.	107,114
Родзянко, М.В.	190
Родс, Сесиль	77,116,167,168,171,173,174,181,253,281
Рожественский, З.П.	144
Роллан, Ромэн	243
Роммель, Э.	256
Рошаль, Г.Л.	282

Ру, Эдди	216,220
Рубанов, Владимир	123,130
Рузвельт, Ф.Д.	249
Руссо, Жан–Жак	42,47
Рюмин, Иван	31,32
Сабатини, Рафаель	25
Садовский, А.И.	130,148
Саймонс (Александр), Рэй	227
Сакс, Бернард	163
Салтыков–Щедрин, М.Е.	58,88,161
Сандили	71,72
Сантаньон (Сансион)	35
Сархили	66
Сафаров, Г.И.	214,234
Сафронов, П.	31
Сахаров, В.В.	147
Сахаров, А.Д.	291
Сашонко, В.Н.	124
Сварт, Ч.Р.	269
Свелленгребель, Йоханнес	13
Свелленгребель, Хендрик	13
Свердлов, Я.М.	253
Семенов, В.Н.	140
Семяченков, Василий	253
Сетевайо (Кетчвайо)	79
Сиарле, Е.М.	144

Ситон, архидьякон	169
Скобелев, М.Д.	80,81
Слащев, Я.А.	209
Слово, Джо	232
Слуцкий, Б.А.	288
Смэтс, Я. Х.	107,113,146,191,192,200,220,221,236-239,246, 248,249,250,252,253,263,264,268,281
Снегирев, И.Л.	278
Собиа, Никин	216
Соболев (Сорбо)	257
Сойкин, П.П.	280
Соловьев, С.М.	20
Сольсбери (Солсбери), Роберт	127,128
Сомерсет, Ч. Х.	79
Сосновик, И.	197
Сот, Р.Ш.	133
Спенсер, Герберт	172
Спис, Лина	282
Стааль, Е.Е.	103
Сталин, И.В.	215,222-226,230,236, 239,241,243,244,252, 261, 268,275,277
Сталлард, К.Ф.	169
Стасюлевич, М.	130
Стафенгаген, Иван	37
Стеблин–Каменский, М.И.	140
Стейн, Колин	264
Стенли, У.Г.	249
Степанов, И.С.	31

Стокенстрём, Вилма	282
Стрейдом, Дж. Г.	252
Суворин, А.С.	77
Судейкин, Спиридон	31
Тайц, Р.	235,236
Твардовский, А.Т.	288
Твен, Марк	91, 128,129,180,181
Теводрос	66
Теддер, А.У.	249
Терещенко, М.И.	239
Тернер, Л.Д.	95
Терон, Д.	146,169
Тибеди, Т.У.	210,215
Толстой, Л.Н.	162,183,188,287
Томпсон, Дуглас	265
Траверсе, И.И., де	45
Трю, Энтони	258
Туманский, Ф.	23
Тургенев, И.С.	188
Турок, Хилел	255
Уальд, Оскар	172
Уде, Фриц фон	183
Ульбрихт, Вальтер	225
Умгикела – см. Мгикела	
Умлакази (Умдлакази)	66
Уолтон, Дуглас	212, 213
Уолфсон, И.	229

Уотерсон, С.Ф.	249
Урусов, Л.П.	86
Факу, Умхлангазо Дж. С.	82,83,84
Фан дер Пост, Лоуренс	285, 288,289
Фан дер Спай, Кеннет Р.	203-209
Фан дер Спай, Уна	205
Фан дер Хуфен, Йонкер Фредерик	
Адриаан, Александр	141,142
Фан-Гофт, Ян	21,22, 40
Фейхтвангер, Лион	243
Фентер, Соня	246
Ферст, Рут	232
Филатова, И.И.	9
Филип, Питер	259
Фишер, Абраам	141
Фокс, Рейнард	256
Фокскрофт, Елизавета (Кандыба-	
Фокскрофт, Вильямс-Фокскрофт)	122,123,138,139,140,153
Фон Верман	76
Фон Марвик	39
Фонвизин, Д.И.	34
Форстер, Георг	28,277
Франко, Ф.	242
Френкель, Яков	164
Фридман, Арон	165
Фридман, Джек	166

Фугард, Атол	282
Фуллер, Барнард	247
Хаггард, Райдер	94,95, 172,175,279,280,283
Хайли, А.Р.	149
Харди, Джордж	229,230
Харди, Кейр	172
Хармел, Барбара	227
Хармел, Майкл	227
Хартвел, Дульси, М.	246,247
Хассен, Дж.А.	149
Хейвуд, Билл	202
Хейденрих, Л.Р.	203
Хемингуэй, Э.	228
Хогг, Уильям Дуглас	258,262
Хофмейр, Ян	249,252
Хренков, А.В.	86
Христин, В.Ю.	141
Хромченко, В.С.	55
Хрущев, Н.С.	277
Хрущов, Петр	31
Хугенет, Андре	286,287
Хэддоу, Джеффри	290
Хэммонд, Джон	99,100
Хюбнер, Й.	15
Цветаева, Анастасия	133
Цветаева, Марина	133,290
Цеткин, Клара	202

Чайковский, Н.	180,186
Чайковский, П.И.	206
Чака	78, 79,275
Чемберлен, Джозеф	135
Черевин, П.А.	160
Черный, Ю.	254
Чернышев, И.Г.	28
Черчилль, Уинстон	107,140,249,263
Черчилль, Клементина	267
Честертон, Г.К.	171
Честерфильд (Стенхоп, Ф.Д.)	52
Чехов, А.П.	124,289,290
Чжоу Эньлай	225
Чингис (Чингиз Хан)	126
Чистович, С.Я.	130
Чихачев, Н.М.	80,81
Чичерин, Г.В.	198,207
Чурин, Максим	31
Шаляпин, Ф.И.	208
Шамиль	71
Шаповалова, Т. В.	141
Шахназарова, Э.Н.	231
Шведов, Н.К.	89
Шевченко, Тарас	55
Шейнисон, Николай	164
Шекспир, У.	262
Шестаков, И.А.	86

Шик, Э.	222,234,235
Шиперс (Скиперс), Анна	246,247
Шириня, К.К.	231
Шкуро, А.Г.	209
Шостакович, Д.Д.	289,290
Шоу, Бернард	171,243,244,245
Шрейнер, Оливия (Айрон, Ральф)	170-190,279-281,285
Штрольман, Борис	140
Шубин, Г.В.	123,140,141
Шувалов, П.А.	78
Шульгин, В.В.	163
Эберхардт, А.К.	130
Эвелинг, Эдуард	172
Эглин, Колин	254,261
Экс, Джон	290
Элби, У.Г.	203
Эллен, Т.Ф.	197
Эллис, Хейвлок	173
Эмери, Л.С.	249
Энгельгардт, Б.	57
Эндрюс, Билл (Уильям)	195,198,202,217, 220,240-243
Эренбург, И.Г.	132,289
Южаков, С.Н.	62
Юсупов, Ф.Ф.	208
Якоб, К.	26
Яковлев, С.П.	130
Ян, Василий	290

Apollon Davidson, Irina Filatova

Russia and South Africa: three centuries of contact

How did two nations, living in different semi-spheres - Russia and South Africa - get information about one another? How did this information accumulate? What were their prejudices against one another? How did their mutual images evolve during three centuries of contact? These are the questions that this book is trying to answer. It is aimed at the reader who is interested in the problems of the creation of mutual understanding between different peoples and countries.

Contents

Why this book?

To the End of the 18th Century

Early Information

Son of a "Russian from Moscow", Governor of the Cape Colony

In "Cosmographies" and Geographies

Amazing Documents

African Generals in the Russian Army

Director of the East-India Company, Friend of Peter the Great

An Idea of Peter the Great

A Project of Catherine II

First Russians at the Cape of Good Hope

A Kroonstadter Writes about Kaapstadt

Impressions of the Musician Gerasim Lebedev

What Russians Knew about South Africa by the End of the 18th Century.

Nineteenth Century

The First Detailed Description of Southern Africa by a Russian
The Harbour Half-way between St. Petersburg and Kamchatka
Oblomov in South Africa
“Russians” – the Xhosas’ Great Hope
Essays in Pen and Pencil
Cape Town Meets a Son of the Russian Tsar
Echos of Britain’s Wars with the Zulus and the Boers
A Pondo Chief Writes to the Russian Tsar

Late Nineteenth – Early Twentieth Century

Russia and the Scramble for Africa
South Africa’s New Role
A Zulu Hero of the Kazakh Epos
To the Transvaal for Experience
Establishing Diplomatic Relations with the Transvaal
Russia and the First War of the Twentieth Century
 The Anglo–Boer War and the Government of Nicholas II
 The Anglo–Boer War and the Russian Public
 The War’s Echoes in Russia
 The Study of the War in Russia
 South Africa’s Response to Russia’s Interest in the War
Russia as Seen by an Afrikaner Poet
Russian Immigration to South Africa
A South African Writer on Russia
South African Responses to the Overthrow of the Tsar

Soviet Russia and South Africa

“We, South African Bolsheviks”
South Africans in the Russian Civil War

The Communist International and South Africa

In the Second World War

On the Eve

The Creation of Soviet Consulates

Military Cooperation

Stalingrad and Tobruk

Archangel and Murmansk

To the Best Friend

The South African Public and Russia

South African Blood for the Soviet Wounded

The Story of the Soviet Consulates

Russian Literature in South Africa

South African Literature in Russia

To End the Story

Bibliography

Names Index.